

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

**«ДОБРОТА ЧУВСТВ»,
или
ДУША ПОЭТА**

(по страницам газеты «Кузбасс»)

Старые подшивки листала
Нина Инякина

КЕМЕРОВО

2013

ББК 83.3 (2 Рос 6 – 4 Кем) + 84 (2 Рос 6 – 4 Кем)

Н 39

*Выражаю признательность и благодарность
Губернатору Кемеровской области А. Г. Тулееву,
начальнику департамента культуры и национальной политики
Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн и Дому литераторов Кузбасса
в лице директора Б. В. Бурмистрова
за помощь в издании книги.*

Составитель сборника – Н. Инякина,
дочь поэта М. А. Небогатова

Небогатов, М. А. «Доброта чувств», или Душа поэта (по страницам газеты «Кузбасс». / Сост. – Нина Инякина. Компьютерный набор, вёрстка, художественное оформление, обложка – Павел Окунев. – Кемерово, 2013. – 224 с.: ил. (Сер. Известный неизвестный Небогатов. Книга третья)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ВМЕСТО ЭПИГРАФА	15

I. М. НЕБОГАТОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ:

На проспекте; Ёлки. // Кузбасс. – 1961. – 2 апреля. – С. 4.....	16
На высоте. // Кузбасс. – 1961. – 30 апреля. – С. 3.....	16
Голос жизни. // Кузбасс. – 1961. – 7 мая. – С. 4.....	16
Время; Красота. // Кузбасс. – 1963. – 29 сентября. – С. 4.....	17
Заря в городе. // Кузбасс. – 1964. – 12 апреля. – С. 4.	22
«Как важно смолоду найти...». (Из новой книги). // Кузбасс. – 1965. – 4 апреля. – С. 4.	23
«В огненной горячей круговерти...». // Кузбасс. – 1965. – 8 мая. – С. 1.....	23
Из цикла «Под Красным знаменем» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1965. – 16 мая. – С. 3.	23
«Есть видимость цветения...»; Встреча; «О чём-то мне подумалось когда-то...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1965. – 19 июня. – С. 4.....	24
Дни. // Кузбасс. – 1965. – 4 июля. – С. 4.....	24
Газон. // Кузбасс. – 1965. – 21 июля. – С. 4.	25
Клёны. // Кузбасс. – 1965. – 31 июля. – С. 4.....	25
Воспоминания; А жизнь идёт... // Кузбасс. – 1965. – 21 августа. – С. 4.	25
Терриконики. // Кузбасс. – 1965. – 29 августа. – С. 4.....	26
Сельская учительница. // Кузбасс. – 1965. – 1 сентября. – С. 4.....	26
В дороге; Забывать об осени не надо...; Ветер (Осенние стихи). // Кузбасс. – 1965. – 15 октября. – С. 4.	28
Дорогой гость (Алексею Архиповичу Леонову). // Кузбасс. – 1965. – 5 ноября. – С. 1.....	29
Оттепель. // Кузбасс. – 1965. – 26 декабря. – С. 4.....	29
Паровозный гудок. // Кузбасс. – 1966. – 9 января. – С. 4.....	30
Заячий промах. // Кузбасс. – 1966. – 6 февраля. – С. 4.....	30
Две Руси. // Кузбасс. – 1966. – 3 марта. – С. 4.	30
Дела (Новые стихи). // Кузбасс. – 1966. – 24 апреля. – С. 3.....	31
Пилот. // Кузбасс. – 1966. – 18 августа. – С. 1.	31
Шахтёрская песня. // Кузбасс. – 1966. – 28 августа. – С. 4.	31
Пока живём... // Кузбасс. – 1966. – 25 сентября. – С. 4.	32
Жизнь (Новые стихи). // Кузбасс. – 1966. – 16 октября. – С. 3.....	33
На октябрьской орбите (Новые стихи). // Кузбасс. – 1966. – 6 ноября. – С. 3; 1987. – 7 ноября. – С. 1	33 218
Высокая роль (Артистам, создавшим на сцене образ В. И. Ленина). // Кузбасс. – 1967. – 22 апреля. – С. 4.....	34
Россия; Луг заливной (Новые стихи). // Кузбасс. – 1967. – 31 мая. – С. 4.	34
Из цикла «Лето». // Кузбасс. – 1967. – 23 июля. – С. 4.	35
Его Величество. // Кузбасс. – 1967. – 6 октября. – С. 3.....	35
Стога (Новые стихи). // Кузбасс. – 1967. – 2 декабря. – С. 4.	37
На переднем крае (К 25-летию юбилею Кемеровской области). (Новые стихи). // Кузбасс. – 1968. – 26 января. – С. 1.....	37
Бесснежная зима (Новые стихи). // Кузбасс. – 1968. – 1 февраля. – С. 4.....	38
Фронтная дружба. // Кузбасс. – 1968. – 23 февраля. – С. 4 (а также вкладка «Журналисты Кузбасса». – С. 1).....	38

Краски сентября. // Кузбасс. – 1968. – 15 сентября. – С. 4.	42
Золото. // Кузбасс. – 1968. – 13 октября. – С. 1.	43
Старые большевики; Звёздный путь (Новые стихи). // Кузбасс. – 1968. – 6 ноября. – С. 3.	43
Родина. // Кузбасс. – 1968. – 5 декабря. – С. 1.	45
«Много в мире прекрасного...» (в подборке стихотворений «Кузбасские поэты – женщине»). // Кузбасс. – 1969. – 8 марта. – С. 4.	48
Небесная глубина; На заре (Весенние стихи). // Кузбасс. – 1969. – 24 апреля. – С. 4.	51
Сентябрьское солнце (в 4-х частях). // Кузбасс. – 1969. – 20 сентября. – С. 4.	53
Песни: Осень золотая (Урожайная); Есть у нас в Тяжине (Шуточная). // Кузбасс. – 1969. – 12 октября. – С. 4.	54
Сельский мир; «Отпылает осень золотая...». // Кузбасс. – 1969. – 22 октября. – С. 4.	55
«Аврора». // Кузбасс. – 1969. – 6 ноября. – С. 2;	55
1975. – 6 ноября. – С. 1;	114
1982. – 7 ноября. – С. 1.	171
Нам светит дружба (посвящение дружбе Кемеровской и Ногородской (Венгрия) областей). // Кузбасс. – 1970. – 4 апреля. – С. 1.	60
Праздник труда (посвящение Всесоюзному ленинскому коммунистическому субботнику). // Кузбасс. – 1970. – 11 апреля. – С. 1;	60
1982. – 18 апреля. – С. 1.	165
Великий юбилей (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). // Кузбасс. – 1970. – 21 апреля. – С. 1.	61
Майские строки. // Кузбасс. – 1970. – 1 мая. – С. 1.	61
На гребне дней (Посвящение 50-летию комсомола). // Кузбасс. – 1970. – 28 мая. – С. 4.	61
Юным (то же стихотворение, что и «На гребне дней»). // Кузбасс. – 1975. – 29 октября. – С. 3.	114
Ранний гость; Гроза; Время (Из лирической тетради). // Кузбасс. – 1970. – 15 июня. – С. 3.	62
Митю видел?; Полдень; Хлеба (Новые стихи). // Кузбасс. – 1970. – 2 августа. – С. 3.	63
Дочь Родины (Посвящение отважной бортпроводнице Наде Курченко). // Кузбасс. – 1970. – 22 октября. – С. 4.	63
Из осеннего цикла (В 4-х частях). // Кузбасс. – 1970. – 4 ноября. – С. 4.	63
«Томь ли вешним шумит половодьем...» (Стихи к фотоплакату В. Грызыхина к 53-й годовщине Великого Октября). // Кузбасс. – 1970. – 6 ноября. – С. 1.	63
Весенний привет (К женскому празднику). // Кузбасс. – 1971. – 7 марта. – С. 1.	68
Пройдут года...; «Когда ты спишь...»; Прохожий; «Нельзя давать душе своей покой...» (Из новой книги). // Кузбасс. – 1971. – 31 июля. – С. 3.	68
«Изо всех профессий величавых...» (Ко Дню шахтёра). // Кузбасс. – 1971. – 29 августа. – С. 1.	69
Три сонета. // Кузбасс. – 1971. – 26 сентября. – С. 3.	69
Партии. // Кузбасс. – 1971. – 6 ноября. – С. 1.	70
«Иногда я думаю о том...»; «Война не только всё губила...»; «В юности не знал ты никогда...» (Из лирической тетради). // Кузбасс. – 1971. – 21 декабря. – С. 4.	71
Венок сонетов. // Кузбасс. – 1972. – 23 февраля. – С. 4.	72
Ягоды; День прошёл; Змей (Из лирической тетради). // Кузбасс. – 1972. – 30 июля. – С. 4.	78
Богатыри земли (Ко Дню шахтёра). // Кузбасс. – 1972. – 27 августа. – С. 1.	79
Хлебное поле: Лирический репортаж. // Кузбасс. – 1972. – 28 сентября. – С. 2.	82
В семье единой (К 50-летию образования СССР). // Кузбасс. – 1972. – 11 декабря. – С. 1.	87
Солдаты России; «Мы по-пластунски – носом в пыль...»; «Сказать мне слово доброе охота...» (В подборке «О подвигах, о доблести, о славе»). // Кузбасс. – 1965. – 23 февраля. – 4.	89

К светлым далям... (К ленинскому коммунистическому субботнику). // Кузбасс. – 1973. –	
21 апреля. – С. 1.....	90
Весенние сонеты. // Кузбасс. – 1973. – 30 апреля. – С. 4.	90
Летние сонеты. // Кузбасс. – 1973. – 1 августа. – С. 4.	92
Осень: «Ещё в листве деревьев...»; «Когда огни зажгутся в окнах...»; «Как ладонь с полосками морщин...» // 1973. – 23 сентября. – С. 3.	92
Гнев. // Кузбасс. – 1973. – 29 сентября. – С. 3.....	93
Предзимье: «Уж снег кружился многократно...»; «Как глуха предзимняя околица...». // Кузбасс. – 1973. – 1 ноября. – С. 4.....	93
Зимнее: «Лётом, бегом – всё село...»; «Зима светло и без корысти...»; «За строй берёз и сосен...». // Кузбасс. – 1973. – 25 ноября. – С. 3.....	94
Из лирической тетради: «Гляжу на женщину-красавицу...»; «Вхожу ли в зал...». // Кузбасс. – 1974. – 8 марта. – С. 4.....	96
Воины России. // Кузбасс. – 1974. – 9 мая. – С. 3.	96
Из цикла «Творчество»: «Одной фамилией «Есенин»...»; «Если некие дела...»; «Когда душа полна словами...»; «С грустью и вздохом читаю поэта...»; «Нежданно краткая открытка...». // Кузбасс. – 1974. – 18 августа. – С. 3.....	97
Встреча солнца (Ко Дню шахтёра). // 1974. – 30 августа. – С. 1.	98
Россия: «Не припомню я, когда...»; «Осени и вёсны...»; «С рассвета колёса...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1974. – 6 октября. – С. 3.	98
Из лирической тетради: «Весна и осень...»; «Как горечь и сладость...»; «Как часто в ход пускают лесь...»; «Жизнь – словно лес...»; «Любить – не значит беспрестанно...». // Кузбасс. – 1974. – 20 октября. – С. 3.....	99
«Как опрометчиво порою...»; «Железная дорога...»; «О жизни все по-разному мы судим...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1974. – 15 декабря. – С. 3.....	100
Вступая в Новый год... // Кузбасс. – 1975. – 1 января. – С. 2.	100
Из лирической тетради: «Когда с людьми испорчу отношенья...»; «Свой каприз у сердца моего...». // Кузбасс. – 1975. – 12 января. – с. 3.	101
Сокровенное слово (Памяти Василия Шукшина). // Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.....	101
Новые стихи: «Учитесь жить у стариков...»; «Мы любим восход и закат...». // Кузбасс. – 1975. – 2 марта. – С. 3.	103
Строки любви: «Как это славно и мудро...»; «Как я скучаю по тебе...». // Кузбасс. – 1975. – 8 марта. – С. 3.	103
Я привёз... (Из книги стихов поэтов областей-побратимов – Кемеровской и Ноградской областей (Венгрия) «Встреча»). // Кузбасс. – 1975. – 2 апреля. – С. 3.....	107
О матери; Первая любовь; Певница (Из новой книги). // Кузбасс. – 1975. – 8 июня. – С. 3.	108
Раздумья о молодых: «Здравствуй, боевая наша смена...»; «Молодёжь! Она на гребне жизни...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1975. – 20 июля. – С. 3.	108
Летние стихи: Солнце; Над рекой. // Кузбасс. – 1975. – 10 августа. – С. 3.....	109
Озарение; На опушке; В лесу (Из новой книги). // Кузбасс. – 1975. – 14 сентября. – С. 3.....	111
Сельский мир (Осенние стихи). // Кузбасс. – 1975. – 10 октября. – С. 4.....	112
Юным. // Кузбасс. – 1975. – 29 октября. – С. 3.....	114
Рассвет. // Кузбасс. – 1975. – 7 декабря. – С. 3.	114
Как будто впервые. // Кузбасс. – 1976. – 1 февраля. – С. 3.....	117
На горке; Весеннее (Из новой книги). // Кузбасс. – 1976. – 16 марта. – С. 4.	117

Весна: Лирическая поэма (в пяти частях). // Кузбасс. – 1976. – 17 апреля. – С. 4.....	117
Майские стихи (в двух частях). // Кузбасс. – 1976. – 1 мая. – С. 4.	119
Достойны ли... // Кузбасс. – 1976. – 9 мая. – С. 3.	120
С покоса; Зной; Скупой дождь (Новые стихи). // Кузбасс. – 1976. – 18 июля. – С. 3.	120
Солнце – первый новосёл. // Кузбасс. – 1976. – 8 августа. – С. 3.....	121
Земной поклон («Бессмертен мир, и вечен праздник жизни...»). // Кузбасс. – 1976. – 10 октября. – С. 1.	123
Строки любви: «Нечаянно словом обидел...»; «Говорю, приветствуя весну...»; «Есть костёр, что не греет...»; «Бывало в жизни нашей всяко...»; «Хорошей, славной называю...»; «За то тебя благодарю...» (Из новой книги). // Кузбасс. – 1976. – 5 ноября. – С. 3.....	123
Морозный день. // Кузбасс. – 1976. – 1 декабря. – С. 4.....	124
Гость желанный (фрагмент новогоднего стихотворения). // Кузбасс. – 1977. – 1 января. – С. 1.....	124
Сердцу милая пора. // Кузбасс. – 1977. – 1 мая. – С. 1.....	125
В походе. // Кузбасс. – 1977. – 9 мая. – С. 3.....	126
Из цикла «Лето». // Кузбасс. – 1977. – 1 июля. – С. 4.	128
Лирика: «Как важно, если кто-нибудь, любя...»; «Бывает неприязнь чернее кошки...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1977. – 2 октября. – С. 3.	132
Книга жизни. // Кузбасс. – 1978. – 1 января. – С. 4.	136
Встречай улыбки наши... // Кузбасс. – 1978. – 1 мая. – С. 1.	137
«Нет, душой не ожирели...»; «Прохладно в доме, как зимой...»; «Всю ночь сегодня грозно грохотало...»; «Вспоминается часто такое...»; «День в лазоревой рубашке...» (Новые стихи). // Кузбасс. – 1978. – 9 июля. – С. 3.....	137
Когда шахтёр спускается в забой. // Кузбасс. – 1978. – 27 августа. – С. 3.	138
Свет добра. // Кузбасс. – 1979. – 1 января. – С. 1.	138
Воспоминание. // Кузбасс. – 1979. – 23 февраля. – С. 1.....	139
В лучах славы. // Кузбасс. – 1979. – 1 мая. – С. 1.....	139
Призывники; 22 июня. // Кузбасс. – 1979. – 9 мая. – С. 3.....	140
Река; Удачи; Одарённость (Новые стихи). // Кузбасс. – 1979. – 5 августа. – С. 4.....	140
Осенние мотивы: Равновесие; В начале осени; «Не объяснить никак...»; Костры; На стерне. // Кузбасс. – 1979. – 28 сентября. – С. 4.....	141
Погожее утро. // Кузбасс. – 1979. – 2 октября. – С. 4.....	141
Под сенью кумача. // Кузбасс. – 1980. – 1 января. – С. 1.....	142
«Как жгучий воздух щёки режет!» (Календарная страница. Январь). // Кузбасс. – 1980. – 3 января. – С. 4.	143
Нет-нет и капля упадёт... (Календарная страница. Февраль). // Кузбасс. – 1980. – 1 февраля. – С. 4..	143
Хрусталь сосулеч над окном... (Календарная страница. Март). // Кузбасс. – 1980. – 1 марта. – С. 4..	144
Облака черёмух... (Календарная страница. Май). // Кузбасс. – 1980. – 2 мая. – С. 4.....	145
Кепка; Удивляло немногих...; Кинохроника; Тревожен мир. // Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.	145
Лес берендеевой сказкой... (Календарная страница. Июнь). // Кузбасс. – 1980. – 1 июня. – С. 4.....	146
Дождинкам мир цветущий рад: «Как из десятков сотен сит...»; «Как в речку невода...»; «Надоело солнцу печь...» (Календарная страница. Июль). // Кузбасс. – 1980. – 1 июля. – С. 4.....	146
В добрый час! (Олимпиаде-80). // Кузбасс. – 1980. – 19 июля. – С. 4.	147
Пламенем заката (Календарная страница. Август). // Кузбасс. – 1980. – 1 августа. – С. 4.....	149
Родство. // Кузбасс. – 1980. – 31 августа. – С. 1.....	150
Столько красок... (Календарная страница. Сентябрь). // Кузбасс. – 1980. – 2 сентября. – С. 4.....	150

Тепла не будет... (Календарная страница. Октябрь). // Кузбасс. – 1980. – 1 октября. – С. 4.	150
И светится природы новизна... (Календарная страница. Ноябрь). // Кузбасс. – 1980. – 1 ноября. – С. 4.	151
В стужу... (Календарная страница. Декабрь). // Кузбасс. – 1980. – 4 декабря. – С. 4.	151
Лирические миниатюры. // Кузбасс. – 1981. – 1 января. – С. 4.	152
От рассвета до вечера... (Календарная страница. Январь). // Кузбасс. – 1981. – 3 января. – С. 4.	152
Снега алеют... (Календарная страница. Февраль). // Кузбасс. – 1981. – 1 февраля. – С. 4.	153
Сибирские кедры. // Кузбасс. – 1981. – 23 февраля. – С. 3.	154
Не счесть лучей... (Календарная страница. Апрель). // Кузбасс. – 1981. – 1 апреля. – С. 4.	154
Цвет черёмушный (Календарная страница. Май). // Кузбасс. – 1981. – 1 мая. – С. 4.	154
Запах незабудок (Календарная страница. Июнь). // Кузбасс. – 1981. – 2 июня. – С. 4.	155
Земляничным соком... (Календарная страница. Июль). // Кузбасс. – 1981. – 1 июля. – С. 4.	155
Голубые зеркала... (Календарная страница. Август). // Кузбасс. – 1981. – 1 августа. – С. 4.	155
Души огонь... (Календарная страница. Сентябрь). // Кузбасс. – 1981. – 1 сентября. – С. 4.	156
Последние листочки (Календарная страница. Октябрь). // Кузбасс. – 1981. – 1 октября. – С. 4.	156
Из военной тетради: «Наверно, не раз на войне вам...»; «Фронтовые письма-треугольники...»; «Редкий дом обошла похоронка...»; «Эвакуаций спешных суетня...»; «Друг-солдат, познавший тьму невзгод...»; «Столько лет без войны...»; «Фронтовик со «знаком ветерана»...; «Однокашники лет грозových...»; «На побывку прибыл юный воин...»; «Мир утренней заре...»; «Как старались немцы силы выжать...»; «Прижал нас к полю свист сквозной...»; «Как жаль: из строя вывело раненье...». // Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С. 4.	157
Лирика зимы (Календарная страница. Ноябрь). // Кузбасс. – 1981. – 1 ноября. – С. 4.	158
Год кончает свой путь... (Календарная страница. Декабрь). // Кузбасс. – 1981. – 1 декабря. – С. 4.	159
В куржак разодетый... (Календарная страница. Январь). // Кузбасс. – 1982. – 3 января. – С. 4.	159
Родной газете; Памяти друга, журналиста Ю. Д. Баландина (Из лирического дневника: Цикл стихотворений к 60-летию газеты «Кузбасс»). // Кузбасс. – 1982. – 28 января. – С. 4.	159
Последний буран. // Кузбасс. – 1982. – 3 февраля. – С. 4.	161
Огонь зари и поля белизну... (Календарная страница. Март). // Кузбасс. – 1982. – 3 марта. – С. 4.	161
Окрыляет сердца (К женскому празднику). // Кузбасс. – 1982. – 8 марта. – С. 4.	164
Весенние сонеты (Календарная страница. Апрель). // Кузбасс. – 1982. – 1 апреля. – С. 4.	165
Праздник труда. // Кузбасс. – 1982. – 18 апреля. – С. 1.	165
Синева, синева... (Календарная страница. Май). // Кузбасс. – 1982. – 2 мая. – С. 4.	166
Воины России. // Кузбасс. – 1982. 7 мая. – С. 4.	166
Он пришёл, как первый друг... (Календарная страница. Июнь). // Кузбасс. – 1982. – 1 июня. – С. 4.	167
Звенит, звенит покосом... (Календарная страница. Июль). // Кузбасс. – 1982. – 1 июля. – С. 4.	167
Жаркое лето любя... (Календарная страница. Август). // Кузбасс. – 1982. – 1 августа. – С. 4.	168
Счастливая; Прощение; На словах; Совесть; Жизнь (Новые стихи). // Кузбасс. – 1982. – 22 августа. – С. 4.	168
Косяк журавлиный (Календарная страница. Сентябрь). // Кузбасс. – 1982. – 1 сентября. – С. 4.	169
Лучик солнца (Календарная страница. Октябрь). // Кузбасс. – 1982. – 1 октября. – С. 4.	170
Гроздь рябин... (Календарная страница. Ноябрь). // Кузбасс. – 1982. – 2 ноября. – С. 4.	170
«Аврора». // Кузбасс. – 1982. – 7 ноября. – С. 1.	171
Письма; Сердце и разум; Так давно...; Утром; Гурьевск. // Кузбасс. – 1982. – 16 ноября. – С. 4.	172
Зимнее... (Календарная страница. Декабрь). // Кузбасс. – 1982. – 1 декабря. – С. 4.	172
Словно снежный звездопад... (Календарная страница. Январь). // Кузбасс. – 1983. – 4 января. – С. 4.	173

В том далёком году (К юбилею Кемеровской области). // Кузбасс. – 1983. – 26 января. – С. 1.	173
Уже сосульки и проталинки... (Календарная страница. Февраль). // Кузбасс. – 1983. – 1 февраля. – С. 4.	173
Берега; Слово и дело; В юности; Немногим дано... (Лирика). // Кузбасс. – 1983. – 6 февраля. – С. 4.	174
И синий ковш Большой Медведицы... // Кузбасс. – 1983. – 1 марта. – С. 4.	174
След ваш добрый светится везде... (С Днём восьмого марта). // Кузбасс. – 1983. – 8 марта. – С. 1.	175
Вербных веток дымок... (Календарная страница. Апрель). // Кузбасс. – 1983. – 1 апреля. – С. 4.	175
Судьба; Слава; Чьё-то горе (Новые стихи). // Кузбасс. – 1983. – 23 апреля. – С. 4.	175
Солнечные строчки (Календарная страница. Май). // Кузбасс. – 1983. – 2 мая. – С. 4.	176
Слава сибиряков. // Кузбасс. – 1983. – 9 мая. – С. 1.	176
Под незакатным небосводом... (Календарная страница. Июнь). // Кузбасс. – 1983. – 1 июня. – С. 4.	177
Рассыпаться росам... (Календарная страница. Июль). // Кузбасс. – 1983. – 1 июля. – С. 4.	177
Слово; Свойство; Птичья флейта (Новые стихи). // Кузбасс. – 1983. – 3 июля. – С. 4.	177
Он звенит ещё птичьим щебетом... (Календарная страница. Август). – 1983. – 2 августа. – С. 4.	178
Берёзовский (Новые стихи). // Кузбасс. – 1983. – 28 августа. – С. 4.	178
Краток летний срок... (Календарная страница. Сентябрь). // Кузбасс. – 1983. – 1 сентября. – С. 4. ...	178
Бегут облака... (Календарная страница. Октябрь). // Кузбасс. – 1983. – 1 октября. – С. 4.	179
Из поэмы «Хозяин земли». // Кузбасс. – 1983. – 7 октября. – С. 1.	179
И снегопад, и солнце... (Календарная страница. Ноябрь). // Кузбасс. – 1983. – 1 ноября. – С. 4.	181
Морозный пожар. (Календарная страница. Декабрь) // Кузбасс. – 1983. – 1 декабря. – С. 4.	182
Плохое и хорошее; Мгновенья; Преклоняюсь...; Поговорка (Новые стихи). // Кузбасс. – 1983. – 4 декабря. – С. 4.	182
Бойкий морозец румяный... (Календарная страница. Январь). // Кузбасс. – 1984. – 3 января. – С. 4.	184
Весеннее. // Кузбасс. – 1984. – 1 мая. – С. 1.	186
Огонь! // Кузбасс. – 1984. – 9 мая. – С. 1.	186
Пристань; Лишь вспомню тебя; После дождя; Идут года (Новые стихи). // Кузбасс. – 1984. – 12 августа. – С. 4.	189
Одному поэту; Песня далёких лет; Столько лет...; Долг; Годы летят (Новые стихи). // Кузбасс. – 1984. – 29 ноября. – С. 4.	191
С думой о Победе. // Кузбасс. – 1985. – 1 января. – С. 1.	192
Слово о юбиларе (К 50-летию Кемеровского ордена «Знак Почёта» областного драматического театра имени А. В. Луначарского). // Кузбасс. – 1985. – 25 января. – С. 4.	193
Весенний сонет (Календарная страница. Март). // Кузбасс. – 1985. – 1 марта. – С. 4.	195
В полдень (Календарная страница. Апрель). // Кузбасс. – 1985. – 2 апреля. – С. 4.	197
Мир, Весна (Календарная страница «Край родной». Май) // Кузбасс. – 1985. – 2 мая. – С. 4.	199
В Салаире (Календарная страница «Край родной». Июнь). // Кузбасс. – 1985. – 2 июня. – С. 4.	199
Над рекой (Календарная страница «Край родной». Июль). // Кузбасс. – 1985. – 2 июля. – С. 4.	199
Август (Календарная страница «Край родной»). // Кузбасс. – 1985. – 1 августа. – С. 4.	199
Сентябрьский вечер (Календарная страница «Край родной»). // Кузбасс. – 1985. – 1 сентября. – С. 4.	201
За туманом (Календарная страница «Край родной». Октябрь). // Кузбасс. – 1985. – 1 октября. – С. 4.	204
«Солнце землю, видать, разлюбило...» (Календарная страница «Край родной». Ноябрь). // Кузбасс. 1985. – 1 ноября. – С. 4.	205

Прибудет день... ((Календарная страница «Край родной». Декабрь). // Кузбасс. – 1985. – С. 4.....	205
Наше заветное. // Кузбасс. – 1986. – 1 января. – С. 1.	206
Люблю тишину снегопада (Календарная страница «Край родной». Февраль). // Кузбасс. – 1986. – 1 февраля. – С. 4.	207
Всего обидней; В наступлении; В магазине (Из военной тетради). // Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.	208
Вечерняя заря (Календарная страница «Край родной». Март). // Кузбасс. – 1986. – 1 марта. – С. 4. ..	208
Ранним утром (Календарная страница «Край родной». Апрель). // Кузбасс. – 1986. – 2 апреля. – С. 4.	209
В поле (Календарная страница «Край родной». Май). // Кузбасс. – 1986. – 2 мая. – С. 4.	209
По пути к передовой; Даты; Ветеранам (Из военной тетради). // Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.	209
В ночь на 22 июня 1941 года. // Кузбасс. – 1986. – 22 июня. – С. 4.	210
В преддверье (Календарная страница «Край родной». Октябрь). // Кузбасс. – 1986. – 1 октября. – С. 4.	210
Белое затишье (Календарная страница «Край родной». Ноябрь). // Кузбасс. – 1986. – 1 ноября. – С. 4.	211
Зимней ночью (Календарная страница «Край родной». Декабрь). // Кузбасс. – 1986. – 2 декабря. – С. 4.	211
В таёжном посёлке (Календарная страница «Край родной». Февраль). // Кузбасс. – 1987. – 1 февраля. – С. 4.	211
Акордеон: Поэма памяти брата Григория (Из будущей книги). // Кузбасс. – 1987. – 22 февраля. – С. 4.	212
Луг заливной (Календарная страница «Край родной». Апрель). // Кузбасс. – 1987. – 1 апреля. – С. 4.	213
На закате лета (Календарная страница «Край родной». Август). // Кузбасс. – 1987. – 1 августа. – С. 4.	217
На октябрьской орбите. // Кузбасс. – 1987. – 7 ноября. – С. 1.....	218
Только гость (Календарная страница «Край родной». Декабрь). // Кузбасс. – 1987. – 1 декабря. – С. 4.	218
Победа, Мир, Весна (акrostих). // Кузбасс. – 1988. – 9 мая. – С. 1.....	219
Строки памяти. Современник: Памяти А. Т. Твардовского; «Творцы картин, симфоний, книг ли...»; Случай с Суворовым; Псевдоним. // Кузбасс. – 1988. – 4 сентября. – С. 3.....	219

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ:

Догадайтесь! (на Валентина Махалова); Полезные истины (на Николая Старшинова); «Эге» на Селенге (на Дмитрия Смирнова). // Кузбасс. – 1968. – 3 марта. – С. 3.....	39
Гордость (на Павла Майского). // Кузбасс. – 1970. – 19 июля. – С. 3.....	63
Я и эпоха (на Игоря Киселёва); Судьба коварна (на Валентина Махалова). // Кузбасс. – 1973. – 23 марта. – С. 4.	75

ПЕРЕВОДЫ С ШОРСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО:

С. Торбоков. Счастье старого учителя. // Кузбасс. – 1965. – 14 января. – С. 4.....	19
Москве; Кузница в лесу; Душа зовёт; Таёжная речка. // Кузбасс. – 1969. – 23 августа. – С. 4 (со вступительным словом об авторе).	52
Кузбассу. // Кузбасс. – 1970. – 5 декабря. – С. 4.....	66
Наша сила. // Кузбасс. – 1973. – 9 января. – С. 2.	87
Карой Йоватъ. Звёзды, звёзды. // Кузбасс. – 1971. – 20 ноября. – С. 3.	71

II. М. НЕБОГАТОВ: СТАТЬИ. ОЧЕРКИ. ЗАРИСОВКИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. НАПУТСТВИЯ МОЛОДЫМ АВТОРАМ:

Познавательно и поэтично (О географе и натуралисте Илье Васильевиче Зыкове и его новой книге этюдов и рассказов о природе «Соболиный след»). // Кузбасс. – 1965. – 29 октября. – С. 4.	28
Доброго пути! (Представление молодой поэтессы Марии Платовой с её стихотворениями). // Кузбасс. – 1966. – 31 марта. – С. 4.	30
Он был волшебником (Слово об учителе Владимире Павловиче Алентове). // Кузбасс – 1966. – 2 октября. – С. 2.	32
Дети есть дети (Миниатюры – результат наблюдений над повседневной жизнью ребят). // Кузбасс. – 1968. – 7 июня. – С. 3.	40
В добрый путь! (Представление поэта Николая Пискаева и подборка его стихотворений). // Кузбасс. – 1968. – 13 августа. – С. 4.	41
Критика и библиография: «Добыть свою жар-птицу...» (о поэтической кассете пяти молодых кузбасских стихотворцев Виталия Юречко, Вениамина Безрукова, Виктора Чурилова, Василия Завьялова и Дмитрия Глазова). // Кузбасс. – 1968. – 29 ноября. – С. 3.	44
Певец Сибири (Казимиру Лисовскому – 50 лет). // Кузбасс. – 1969. – 28 ноября. – С. 4.	56
Критика и библиография: Большая любовь (о творчестве Зинаиды Чигарёвой и её книге рассказов «Золотые холмы детства»). // Кузбасс. – 1971. – 13 января. – С. 3.	66
Критика и библиография: «Грядёт высокое горенье» (о поэте Геннадии Гадёнове и его книге «В краю тридцати ёлок»). // Кузбасс. – 1972. – 17 октября. – С. 4.	84
Доброго пути! (Напутствие молодому поэту Александру Мишукову с представлением подборки его стихов). // Кузбасс. – 1972. – 29 октября. – С. 4.	85
Сокровенное слово (о Василии Макаровиче Шукшине). // Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.	101
Память хранит: К 30-летию Победы (обзор редакционной почты). // Кузбасс. – 1975. – 19 марта. – С. 4.	103
Критика и библиография: «Согревать – не только греться...» (о книге Александра Родионова «Начало поля»). // Кузбасс. – 1975. – 23 августа. – С. 4.	110
Знакомьтесь: Иван Полунин (представление поэта и подборка его стихов). // Кузбасс. – 1975. – 26 октября. – С. 3.	112
Критика и библиография: Берег удачи (о Геннадии Юрове и его новой книге «Долина в сентябре»). // Кузбасс. – 1976. – 22 января. – С. 4.	115
Доброго пути в поэзию! (представление поэта-шахтёра Николая Попова и подборка его стихов). // Кузбасс. – 1976. – 29 августа. – С. 3.	121
Новые стихи (о поэте Сергее Донбае с его стихами «Электросварщик» и «Архитектор»). // Кузбасс. – 1972. – 10 сентября. – С. 4.	122
Издано в Кемерове: Хороший подарок (о поэте Викторе Баянове и его новой книге лирики «Гость»). // Кузбасс. – 1977. – 16 января. – С. 4.	125
«Человек строит город» (Очерк о Викторе Пуце в рубрике «Октябрь в нашей судьбе»). // Кузбасс. – 1977. – 8 июля. – С. 2.	128
Критика и библиография: Слова, идущие от сердца (о поэте Иване Полунине). // Кузбасс. – 1977. – 19 августа. – С. 4.	131
Славные вехи (автобиографический очерк в рубрике «Октябрь в нашей судьбе»). // Кузбасс. – 1977. – 7 ноября. – С. 2.	133
В добрый путь!: Знакомьтесь: Валентина Минькова (о молодой поэтессе с подборкой её стихотворений). // Кузбасс. – 1977. – 4 декабря. – С. 4.	135
«Какой земле принадлежим...» (Поэзия на страницах «Комсомольца Кузбасса»). // Кузбасс. – 1980.	

– 20 июля. – С. 4.	147
Поэтическая рубрика: С болью в сердце (представление поэта Ивана Арсиенко и его стихов). //	
Кузбасс. – 1982. – 9 мая. – С. 4.	166
Доброго пути! (представление юной сочинительницы стихов Наташи Вишневской и её	
стихотворений). // Кузбасс. – 1982. – 6 ноября. – С. 4.	170
Стеною встанем! (представление самодеятельных поэтов в обзоре писем в рубрике «Неделя	
действия за разоружение»). // Кузбасс. – 1983. – 26 октября. – С. 4.	180
Знакомьтесь: Наталья Пономарёва (о молодой поэтессе с подборкой её стихотворений). // Кузбасс.	
– 1983. – 18 декабря. – С. 4.	182
В нашей поэтической рубрике (о поэте Владимире Зулине с подборкой его стихотворений). //	
Кузбасс. – 1984. – 28 апреля. – С. 4.	184
Поэтическая рубрика: Доброго пути! (о поэтессе Надежде Ма Динь с представлением её	
стихотворений). // Кузбасс. – 1984. – 21 июля. – С. 4.	187
Поэтическая рубрика: Лирика Светланы Чинаховой (представление молодой поэтессы и её	
стихотворений). // Кузбасс. – 1984. – 22 ноября. – С. 4.	190
Штрихи к творческому портрету: Читает Надежда Ладыгина (о мастере художественного слова,	
артистке Кемеровской филармонии). // Кузбасс. – 1985. – 20 февраля. – С. 4.	194
Читая редакционную почту: Люди крепкого сплава (обзор писем). // Кузбасс. – 1985. – 3 марта. –	
С. 2.	195
«К тебе приду в весенний ясный день» (поэт Анатолий Козлов и его стихи). // Кузбасс. – 1985. –	
1 мая. – С. 4.	197
Издано в Кемерове: Свет правды (о поэте Владимире Мамаеве). // Кузбасс. – 1985. – 23 августа. –	
С. 4.	200
Поэтическая рубрика: Знакомьтесь: Александр Иванов (о поэте с представлением его	
стихотворений). // Кузбасс. – 1985. – 24 сентября. – С. 4.	201
Издано в Кемерове: «Создаю портрет родного края...» (о поэте Геннадии Юрове и его одноотомнике	
«Доверчивое русло»). // Кузбасс. – 1987. – 14 июля. – С. 4.	216

III. О МИХАИЛЕ НЕБОГАТОВЕ И ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:

В. Махалов. Доброта чувств (о творчестве М. Небогатова и его сборнике «Родные просёлки»	
в рубрике «Критика и библиография»). // Кузбасс. – 1964. – 4 февраля. – С. 3.	17
А. Микешин. Очерки творчества кузбасских писателей (в рубрике «Критика и	
библиография»). // Кузбасс. – 1968. – 20 декабря. – С. 4.	46
А. Абрамович. Поэты Кузбасса. Год 1969-й (Заметки литературного критика). // Кузбасс. – 1969.	
– 20 декабря. – С. 3.	57
И. Золина. Звучат стихи поэтов Кузбасса (об артисте-чтеце Кемеровской филармонии Николае	
Сизове). // Кузбасс. – 1971. – 27 января. – С. 4.	67
Ф. Дёмин. Первый номер «Огней Кузбасса». // Кузбасс. – 1972. – 8 апреля. – С. 3.	76
А. Абрамович. Кузбасс литературный, 1971 год. 2. Поэзия. // Кузбасс. – 1972. – 9 апреля. – С. 3.	76
А. Микешин. Веление времени (Заметки о литературной критике в Кузбассе). // Кузбасс. – 1972.	
– 7 сентября. – С. 2-3.	79
Ф. Ефимов. «Огни Кузбасса» № 4. // Кузбасс. – 1972. – 7 декабря. – С. 4.	86
В. Матвеев. «Ищу, где видимость, где суть...» (в рубрике «Критика и библиография»). // Кузбасс.	
– 1973. – 17 января. – С. 4.	87
Л. Попок. Кузбасс литературный в школе. // Кузбасс. – 1973. – 15 июня. – С. 4.	91
Ю. Баландин. К жизни, к людям! (Собрание областной писательской организации). // Кузбасс. –	

1974. – 7 февраля. – С. 4.....	94
Ф. Дёмин. Второй номер альманаха. // Кузбасс. – 1974. – 6 июня. – С. 4.	96
В. Банников. Встреча на поэтических меридианах (в рубрике «Сегодня день породнённых городов» – о книге венгерских и кузбасских поэтов «Встреча»). // Кузбасс. – 1975. – 27 апреля. – С. 3.	106
Р. Лобанова. «Не боясь счастливо повториться...» (о книге «Земной поклон» – в рубрике «Критика и библиография»). // Кузбасс. – 1977. – 12 июня. – С. 4.	126
В. Рудин. Создавать хорошие книги (с отчётно-выборного собрания писательской организации Кузбасса). // Кузбасс. – 1980. – 21 февраля. – С. 4.	143
Т. Панасюк. Кемеровское книжное издательство – читателям. // Кузбасс. – 1981. – 9 января. – С. 4.	153
Л. Глебова. «Огни Кузбасса» № 1 (в рубрике «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1981. – 19 февраля. – С. 4.	153
Ф. Дёмин. Новая книга Михаила Небогатова (о книге «Лето в рубрике «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1981. – 5 сентября. – С. 4.....	156
Поздравляем! Поэту Михаилу Небогатову – 60 лет (предисловие к подборке стихов «Из военной тетради»). // Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С.4.	157
Из лирического дневника (предисловие к подборке стихов – воспоминаний о газете «Кузбасс», давшей поэту М. Небогатову путёвку в большую литературу). // Кузбасс. – 1982. – 28 января. – С. 4.	159
В. Мазаев. Познание человека (о задачах литературы в рубрике «Художник и время»). // Кузбасс. – 1982. – 7 марта. – С. 4.....	161
Л. Глебова. Огни Кузбасса. // Кузбасс. – 1982. – 18 сентября. – С. 4.	169
Ф. Дёмин. Отчая земля поэта (о книге «Земля моя добрая» – в рубрике «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1984. – 10 июня. – С. 4.....	186
И. Яковлева. Кузбасс поэтический. // Кузбасс. – 1984. – 28 июля. – С. 4.	188
Л. Глебова. «Огни Кузбасса» № 3 (рубрика «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1984. – 20 сентября. – С. 4.	189
В. Дроздов. «Рабочая мелодия Кузбасса» Стихи о родном крае (в рубрике «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1985. – 23 января. – С. 4.	192
В. Матвеев. Высокое предназначение. С собрания писателей Кузбасса. // Кузбасс. – 1985. – 3 сентября. – С. 4.	203
Л. Глебова. Книга о кузбасских поэтах (о книге А. Казаркина «Пульс времени» – в рубрике «Издано в Кемерове»). // Кузбасс. – 1985. – 15 декабря. – С. 4.....	205
В. Хорольский. О лирике и лириках. Заметки о книге А. Казаркина «Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса». // Кузбасс. – 1986. – 16 января. – С. 4.....	206
Из будущей книги (предисловие к поэме «Аккордеон»). // Кузбасс. – 1987. – 22 февраля. – С. 4.	212
Г. Юров. Голос Кузнецкого края (Сегодня Кемеровской областной организации Союза писателей РСФСР исполняется 25 лет). // Кузбасс. – 1987. – 14 июня. – С. 4.	214
Ф. Дёмин. Свет в окне (о тринадцатой книге поэта «Перепёлка» – в рубрике «Издано в Москве»). // Кузбасс. – 1989. – 5 марта. – С. 6.....	220
Ф. Дёмин. Как хороша земля моя родная! (о книге «Вечерние огни», изданной в Кемерове). // Кузбасс. – 1989. – 3 августа. – С. 4.	221
Михаил Александрович Небогатов (некролог). // Кузбасс. – 1990. – 23 марта. – С. 4.....	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ну, вот и закончена предпечатная работа над составлением последней книги трилогии под названием «Известный неизвестный Небогатов». Первые две («ОТ УЧЕНИЧЕСТВА К ТВОРЧЕСТВУ» – о Факультете молодого литератора в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» и «ФОТОГРАФИИ ДУШИ», в которую собраны критические статьи и рецензии, а также стихи, публиковавшиеся на страницах газеты) уже подготовлены в печать. В третью книгу вошло всё то, что выходило на страницах газеты «Кузбасс», ставшей для поэта Михаила Небогатова родной навсегда.

За свою долгую творческую жизнь Михаил Александрович написал множество стихотворений. Но, как всякая талантливая личность, только этой стороной своего дарования не ограничивался. Мы знаем его и как умного, доброго, деликатного литературного критика и наставника молодых, начинающих авторов. Более четверти века занимался «Факультетом молодого литератора» в газете «Комсомолец Кузбасса», десятки лет давал литературные консультации в родной газете «Кузбасс», в которой в победном 1945 году появились его первые стихи. Для этой своей работы избрал доброжелательный тон, уважительное отношение к людям, обращавшимся в газету за советом и помощью.

Не всё, опубликованное на страницах газет, печаталось потом в авторских сборниках, однако, читая стихи, рецензии, обзоры, видишь и понимаешь, насколько насыщенной была жизнь поэта. Порой трудно представить, где он черпал силы и вдохновение, где находил время для столь интенсивной работы? Удивляешься: как он всё успевал?

Однажды довелось услышать фразу: «По песням Александры Пахмутовой можно судить об эпохе». А мне думается, что по стихам и всему творческому наследию нашего поэта-земляка тоже можно судить и о времени, и о событиях, и о делах, и о людях Кузнецкого края, певцом которого называли Михаила Александровича, и о нашей родине – России, и, конечно же, о нём самом.

Подготовить и издать полное собрание сочинений Небогатова теперь, наверно, уже невозможно. Но познакомить читателей с его многогранной личностью вполне осуществимо. В это издание включены стихотворения и статьи М. Небогатова, а также статьи о поэте, напечатанные в областной газете «Кузбасс»: подробные и посвящённые только ему, а также те, в которых его имя лишь упоминается. Упоминания выделены жирным курсивом (**Н.И.**). Материалы расположены в хронологическом порядке. Соблюдены авторский стиль и орфография.

Несколько слов о предыстории замысла трилогии:

О Михаиле Небогатове написано достаточно много. Есть критика и библиография, рецензии на книги, мнения собратьев по перу, в которых даны оценки, делается анализ творчества старейшего кузбасского поэта-фронтовика. Но, к сожалению, во многих публикациях есть досадные ошибки, опiski, оговорки, которые внимательного читателя могут ввести в заблуждение. То неправильно называется стихотворный сборник (например, вместо «Моим землякам» – «Моим **друзьям**», «Родные просёлки» – «Родные **просторы**»), то неточно указывается дата издания книги (например, пишут, что первый сборник поэта «Солнечные дни» вышел в свет в 1951 году, а это было в 1952-м году, а единственный сборник стихов, посвящённых детям, «Юным друзьям», датируют 1958-м годом вместо 1957-го). И таких неточностей в процессе работы над трилогией мне встретилось множество. К тому же, и в интернете, где довольно много разных материалов о Михаиле Александровиче, я обнаружила ошибки в очевидных и давно известных фактах биографии и строчках стихов. Ответить всем, опубликовавшим эти материалы, у меня нет никакой возможности.

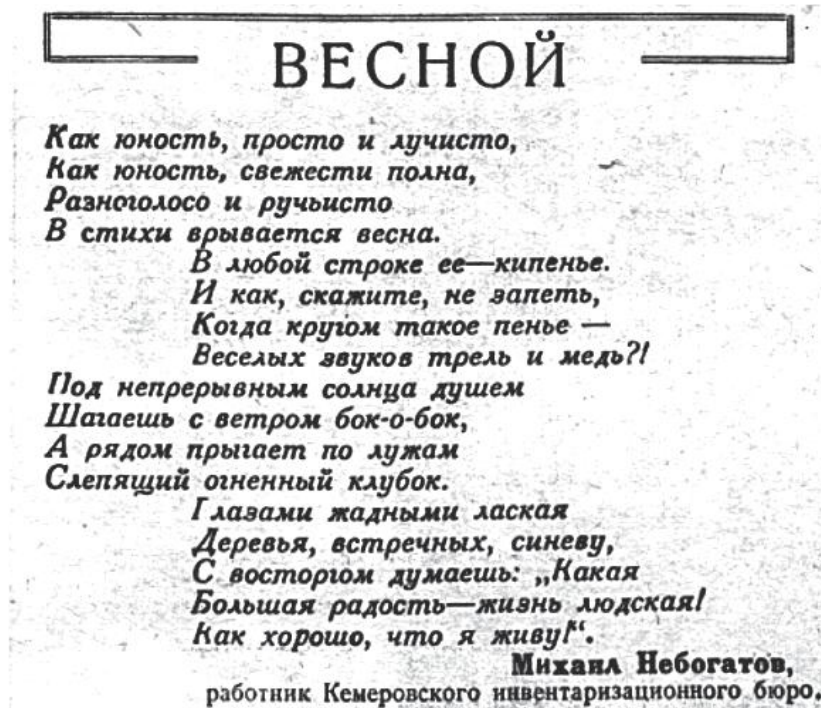
Поэтому я и решила подготовить три книги о жизни и творчестве поэта (М. Небогатов – мой отец. – *Примечание составителя сборников*), которые расставят всё по своим местам, дадут наиболее полное представление о нём.

Читающие кузбассовцы получают возможность увидеть разные стороны поэта-самородка (ведь он не имеет специального литературного образования). В предлагаемой книге Михаил Небогатов предстаёт как поэт-лирик, поэт-гражданин; как очень доброжелательный наставник молодых авторов, тепло и сердечно, по-отечески напутствующий их в большую поэзию; как журналист, публицист, очеркист; как очень наблюдательный человек, умеющий подметить даже своеобразие детского говора и поведения в различных жизненных ситуациях.

Только приступив к работе со старыми подшивками газеты «Кузбасс» в намерении отыскать литературные консультации и на их основе составить эту, третью книгу, я и не предполагала, сколько неожиданных открытий сделаю для себя. Так, я, как и все, считала (об этом говорил и сам поэт в своих автобиографических заметках), что первые стихотворения были опубликованы в областной газете в 1945

году. Искала долго. Найденное стихотворение «Сверстникам», напечатанное 14 ноября на с. 2, не решилась посчитать самым первым, поскольку в заметках с заседаний литературной группы при газете была информация об обсуждении стихов Михаила Небогатова гораздо раньше этой даты. И вот теперь точно знаю (сама нашла и видела, что называется, собственными глазами!), что самое первое стихотворение в «Кузбассе» было опубликовано... ещё до войны, 6 июня 1939 года! И называлось оно «Весной», хотя в предисловии к публикации подборки стихотворений к 60-летию юбилею газеты 28 января 1982 года было напечатано название «ВЕСНА». Впрочем, эта неточность не такая уж большая. Название могли изменить и в редакции. Такое редакционное вмешательство практикуется не только в нашей областной газете.

Стихотворение это, если учесть возраст автора – неполных 18 лет (публикация июньская, а день рождения – 5 октября) – вполне профессиональное. Уже в нём угадывается и прочитывается тот Небогатов, которого мы все теперь знаем – тонкий лирик, приверженец строгой классической формы стихосложения, жизнелюб. Да что много говорить! Судите сами:

Листая подшивки, методично, год за годом, день за днём, находила и уже знакомые, и совсем незнакомые стихотворения. Много новых стихотворений о природе (на календарных страницах), много стихотворений – воспоминаний о войне и ко Дню Победы.

Брала на вооружение и крупные, объёмные тексты, и самые маленькие, но значительные заметки. Много стихотворных текстов и предисловий к подборкам молодых авторов, не подписанных именем «Небогатов», пришлось оставить без внимания – не рискну обидеть кого-то из возможных собратьев по перу Небогатова, которых в газете было немало и которые вполне могли быть авторами перечисленного мной (это и Илья Ляхов, и Валентин Махалов и др., чьи подписи нет-нет да и появлялись под подобными материалами).

Поначалу была мысль: как и в книге «Фотографии души» сделать разбивку на главы или разделы, в которые сгруппировать однотипные по мысли или рубрикам стихи и статьи. Но по мере работы пришла к твёрдому убеждению: незачем делать это искусственное деление! Уж листать подшивки, так листать, в хронологическом порядке, как это обычно и делается! Так не будет ощущения однообразия. Читать будет интересно и не скучно. И уж во всяком случае, не надоест, не набьёт оскомину. К тому же, именно сочетание разных по жанрам, количеству строк и темам газетных публикаций и воссоздаст полную картину: так что же за человек был Михаил Александрович Небогатов, который, как принято говорить, «стоял у истоков кузбасской писательской организации»? Можно будет увидеть, наконец, все его «первополосные» стихи, о которых тоже много и не всегда одобрительно говорилось. Увидеть и отчётливо ощутить всю сложность этой, на первый взгляд, лёгкой, «простой» работы со словом.

Самым последним в этом сборнике стал ... некролог – слова благодарной памяти коллег и товарищей по перу, адресованных поэту, участнику Великой Отечественной войны, отдавшему всего себя поэзии.

А закончить разговор о поэте хочется стихотворным посвящением газете, написанным уже не Небогатовым, но имеющим к нему и его работе в газете «Кузбасс» самое прямое отношение (оно опубликовано на четвёртый день после кончины Михаила Александровича, и он уже не увидел этих строк, хотя, не сомневаюсь, будь он жив – откликнулся бы не менее тёплыми словами, ведь ему было что сказать родному «Кузбассу»):

20000 ВСТРЕЧ

Двадцать тысяч газетных листов –
Как застывшее Время,
Как бегущее Время, спешащее вдаль, напролом...
Всё, что было, то было с тобою, со мною, со всеми,
И не вырубить слово уже никаким топором.
Двадцать тысяч газет – это вехи истории нашей,
Это – строки поэта и явью не ставшие сны,
Первый уголь «Распадской»
и гибель непаханых пашен,
И палатки Запсиба, и пламя афганской войны.
Никуда не уйти от звучанья страниц пожелтелых,
Жизнь Кузнецкой земли
Отпечаталась в них день за днём,
Здесь – и правое дело, и вовсе неправое дело,
И немало портретов,
Усыпанных звёздным дождём.
Нелегко мы прошли
Двадцать тысяч газетных ступенек,

И на каждой осталось,
Всё то, что прожить довелось...
Как бы ни было там, только ты,
Наш земляк-современник,
Прямо смотришь в глаза,
В душу смотришь с газетных полос.
Нам сейчас нелегко, но грядёт
Неизбежность рассвета.
Так не будем стыдиться ухабистой нашей судьбы.
Знай: сегодня и завтра с тобою выходит газета
На дорогу исканий, дорогу трудов и борьбы.
Будем к лучшему вместе
Сегодня, товарищ, стремиться,
Коль придётся, не раз
Мы поспорим с невзгодой любой,
Чтоб потомки, листая грядущие наши страницы,
Понимали, как трудно,
Как славно мы жили с тобой!

(«Кузбасс». – 1990. – № 70 (20000). – 25 марта. –

С. 1. ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК)

Думается, что сборники стихов поэта (напомню, их было 14 при жизни и 2 – после его кончины), Дневниковые записи разных лет, воспоминания вдовы поэта Марии Ивановны получают весомое дополнение к творческому портрету Михаила Александровича Небогатова – сборник «ДОБРОТА ЧУВСТВ...», или ДУША ПОЭТА». И пусть эта книжка – лишь крупица, но из мелочей складывается целое.

Надеюсь, земляки Небогатова–гурьяне, а также почитатели таланта поэта ещё лучше познакомятся с ним и откроют для себя что-то новое и интересное.

Составитель сборника – Нина ИНЯКИНА,
г. Кемерово, 2013 год.

*** **

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Иногда я думаю о том,
Что всего страшнее для поэта:
Напишу вот стих – а что потом?
Может, никому не нужно это?
...Вечер вспоминается один:
Сцена, тишина, внимание в зале.
Для сомнений не было причин –
Хорошо, тепло нас принимали.

Образ каждый в воздухе не вис,
Отклик находил и одобренье.
Кончил. И опять читал на «бис»...
Значит, не напрасно вдохновенье?
Письма от читателей моих.
Вот они, лежат передо мною.
Сколько слов так радующих в них,
Сердце согревающих порою!

Был бы стих лишь только от души.
О другом уж говорить не будем...
Все дела на свете хороши,
Коль они приносят радость людям.

Видно, зря я думаю о том,
Что всего страшнее для поэта:
Напишу вот стих – а что потом?..
А потом – как эхо, отзвук где-то!

Михаил Небогатов

(из лирической тетради 1971 года)

*** **

НА ПРОСПЕКТЕ

Идешь, глядишь с улыбкой,
Как резвый ручеек
Серебряною рыбкой
Метнулся из-под ног.
На солнце сохнут крыши.
Проспект, как луч, прямой.

И шляпу неба выше
Приподнял город мой.
Под нею, голубя,
Блестят глаза витрин.
Влюбленных ждёт аллея.
Сверкает лак машин.

ЁЛКИ

Во дворе, где каменные зданья
Отразились окнами в воде,
Дни весны, не зная опозданья,
Наступили раньше, чем везде:
Путру на место бывшей клумбы
Молодые ёлки привезли.
Корневища – толстые, как тумбы,
От промёрзлой за зиму земли.

Рядом – луж небесные осколки.
Старый снег темнеет у оград,
А над ним зелёные иголки
В блеске солнца сердце веселят.
С новосельем, ёлочки лесные!
Любовались вами небеса,
А теперь вы будете, родные,
Человеку радовать глаза.

// Кузбасс. – 1961. – 2 апреля. – С. 4.

НА ВЫСОТЕ

Когда с трудом, упорством и стараньем
Ты на нелёгком жизненном пути
Достиг высот, отмеченных вниманьем,
Чтоб за собой кого-нибудь вести;

Когда тебе почёт и уваженье
И что ни день звезда твоя видней –
Всего страшнее в этом положенье
Не оправдать доверие людей.

// Кузбасс. – 1961. – 30 апреля. – С. 3.

(Литературная страница).

ГОЛОС ЖИЗНИ

Включишь динамик иль приёмник –
И самой краткой из дорог
В одно мгновенье мир огромный
Ворвётся в комнатный мирок.
Без расстояний и бумаги
Мы узнаём за пять минут,
Как жизнь идёт в Пекине, в Праге,
Как африканцы цепи рвут.

Как будто рядышком с тобою
Звучат живые голоса
И тех, кто трудится в забое,
И тех, кто всходит на леса.
И я скрывать сейчас не стану,
Что в мире нужно вам и мне:
Пусть не придётся Левитану
Читать приказы о войне!

// Кузбасс. – 1961. – 7 мая. – С. 4.

ВРЕМЯ

Наш бурный век торопит жить.
И странно слышать жалобы:
– Не знаю, время как убить,
Быстрее хоть бежало бы...
А кто-то, выключив станок, –
В детсадик за сынишкою
Потом спешит, сбиваясь с ног,
С учебником подмышкою.
Склоняя чуб, где серебро,
Шуршит страницей белою,
Сжимает вечное перо
Рукою огрубелою.
А в час, когда звезда дрожит,

Или в осенней темени,
Идёт домой. И вновь спешит –
Так мало в сутках времени!
Порою, некогда поесть.
Слипаются глаза его,
Но должен он ещё прочесть
«Суд памяти» Исаева.
А утром снова за станком,
Работой увлечение.
А там партком, а там – завком –
Нагрузки, поручения...
Такой со скукой не знаком,
Вся жизнь его – горение!

КРАСОТА

Читая стих, отделанный добротно,
Где чувств глубины, мыслей высота,
Вперяя взор в гравюры и полотна,
Мы говорим: – Какая красота!
Шумит под солнцем зреющая нива,
Ей ни конца, ни края не видать,
Мы восклицаем снова: – Как красиво!
И добавляем проще: – Благодать!
У красоты особые приметы –

Красив душой рабочий человек,
Что создаёт заводы и ракеты,
В глухой тайге смиряет буйство рек!
Мы достигаем сказочного роста,
Но забывать никак нельзя о том,
Что красота приходит к нам не просто –
Она всегда рождается трудом.

// Кузбасс. – 1963. – 29 сентября. – С. 4.

ДОБРОТА ЧУВСТВ

Критика и библиография

Отношение к творчеству поэта Михаила Небогатова у меня всегда было сложным, а точнее говоря, двойственным. Что-то привлекало в его стихах, что-то настораживало. И эти два «что-то» долгое время никак не сливались воедино.

Вспоминаю первое знакомство с его стихами. Кажется, в 1956 году в газете «Кузбасс» я встретил два стихотворения поэта. Читаю первое. Читаю, будто качусь с ледяной горки. С невысокой горки. Без встречного ветра, без хорошей боязни слететь кувырком в сугроб. Всё гладко, правильно, посредственно.

Второе стихотворение. Короткое, без названия, под традиционными звёздочками:

*Если чувства, как спички, растрочены
На ветру неожиданных встреч,*

*Ты не сможешь словами горячими
Чьё-то сердце чужое зажечь.*

Что это? Откуда этот внезапно нахлынувший поток человеческой доброты, участия, откуда эти волнующие, немного грустные размышления о прожитой нелепо и путано человеческой жизни?

Ответ рождается сам собой – от сердца, от самого сердца человеческого. Как-то сразу начинаешь понимать, что поэт, умный друг и товарищ, предупреждает тебя, молодого, неопытного, перед дальней дорогой.

– Иди, – говорит он, – я тебе верю, ты должен пройти этот трудный путь человеком! А если нет, то знай, что тебя ждёт в жизни:

*Будешь жить одиноко, безропотно,
Вроде старого, мишлого пня.*

*Так порою охотник неопытный
Замерзает в лесу без огня.*

Так вот какой огонь заставляет беречь тебя, поэт! Огонь твоего сердца, твоей любви, твоего таланта. Стихотворение из простой лирической миниатюры вырастает в большое, гражданственное, утверждающее торжество доброты и любви на земле.

Шли годы. Одна за другой появлялись новые книги поэта. Работал он, как всегда, много и плодотворно. В 1958 году вышел в свет объёмистый сборник «Моим землякам», который как бы подводил почти пятнадцатилетний итог творческой работы поэта. Сборник получился рыхлый, в нём не было главного – поэтического стержня, который определил бы «место поэта в рабочем строю». Наряду с явными творческими удачами книга изобиловала просто серыми стихами.

Мне кажется, что немало сил потребовалось Михаилу Небогатову для того, чтобы стряхнуть с себя ярмо гладкописи, ложной многозначительности, обстоятельно взвесить все удаи и просчёты своего творчества.

Итак, я подошёл к разговору о сборнике стихов Михаила Небогатова «Родные просёлки», выпущенном Кемеровским книжным издательством в 1963 году. Не всё в этой книге ровно и сильно, но есть в ней главное достоинство – доброта чувств. Эта доброта сказывается в отношениях к родному краю, к славным его труженикам, к природе. Любовь и доброта эти пришли к поэту не случайно. Родились они ещё в далёкие годы детства, когда...

*...до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.*

Именно «говорила», а не читала, утверждает поэт. Потому что стихи Кольцова и Некрасова приходили в русскую деревню не из книг, а чаще всего изустно, песнями колыбельными, грустными, раздумчивыми. И очень веришь поэту, когда он говорит:

*Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом.*

Тема родины, земли, хлеба легла в основу многих стихов. Она, в конечном счёте, определила удачу сборника в целом.

*Большая радость – пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути –
К простой просёлочной дороге, –*

говорит поэт о своём призвании, о преемственности поколений. И эти простые слова убеждают гораздо сильнее, чем длинные, наполненные общими фразами стихи, которых было в достатке в прежних сборниках Небогатова. Хороших удач добивается поэт, живописуя природу родного края. Вот как он пишет о рассвете в горах:

<i>Над синевой кривых хребтов</i>	<i>И погружённые в покой</i>
<i>Светлеет небо постепенно.</i>	<i>Недвижны сосны-великаны,</i>
<i>Внизу, в тумане, средь кустов</i>	<i>И затихает шум речной,</i>
<i>Река шумит самозабвенно.</i>	<i>И резче проступают скалы.</i>
<i>А в небе чистом, вдалеке</i>	<i>Рассвет надменно молчалив.</i>
<i>Звезда блуждает без призора –</i>	<i>И, как впервые, ждёт природа,</i>
<i>Как слово лишнее в строке,</i>	<i>Уже дыханье затаив,</i>
<i>Она должна исчезнуть скоро...</i>	<i>Большой симфонии восхода.</i>

Всё это свежо, образно, зримо. Не менее сильно написаны и другие стихи этого цикла – «Летний дождь», «На разъезде», «Перед сенокосом». Михаил Небогатов всегда считался хорошим поэтом-пейзажистом. В сборнике «Родные просёлки» он ещё раз доказал это. Здесь его пейзажные зарисовки острее и глубже, потому что поэт тесно переплетает пейзаж с жизнью человека, удачно находит его родство с ним.

Но есть в сборнике и свои просчёты. И, как это ни жаль, именно в стихах о природе, которые чаще всего удаются поэту. Что можно сказать, например, о стихотворении «В лесу», которое буквально нафаршировано старыми, стёртыми, как пятак нумизмата, словами и образами? Здесь и «пламень заката», и «обожжённая листва осин», и «белоствольные берёзки», и «зелёные причёски», «густая бирюза» неба и,

наконец, «слеза дождя». В общем, налицо все атрибуты сентиментального романа, а поэзии нет и в помине. Сильно грешат этим стихи «Метёт коварная метелица», «От мороза сторожка ёжится» и некоторые другие.

И всё-таки после прочтения новой книги поэта создаётся радостное впечатление. Радостное потому, что Михаил Небогатов сумел проявить в последних стихах самую сильную сторону своего таланта – доброту чувств и искреннюю сыновнюю любовь к родной земле. Есть все основания верить, что на этом пути поэта ждут новые удачи и открытия, которые ещё раз и в большей мере подтвердят строки его же стихов:

*...И уловив минуту дорожную,
Одна душа услышала другую –
Как глубока их родственная связь!
Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам – точное названье.
Поют.*

Ты слышишь?

Песня – родилась.

В. МАХАЛОВ.

// Кузбасс. – 1964. – 4 февраля. – С. 4

ЗАРЯ В ГОРОДЕ

В пролёте сумеречной улицы,
Домами пёстрыми зажат,
Так непривычно робко шурится
Весенний праздничный закат.
Ему б раскинуться раскованно,
Но даль с гуденьем проводов
На горизонте заштрихована
Густою сеткою садов.
Не до красы природной городу.
Он вечно занят сам собой.
Расправив гордо дыма бороду,
Пронзает облако трубой.
И окна – синие глаза его –
Устремлены не на закат,

А на взлохмаченные зарева,
Что над заводами горят.
Но краски неба всё безмернее
Струят сияние тепла,
И вот уже заря вечерняя
Потоком окна залила!
И замер город на мгновение
На грани чуткой темноты,
В себе увидев отражение
Земной победной красоты.
Теперь они уж не расстанутся:
Когда зажгутся фонари,
В их свете отблески останутся
Угасшей медленно зари.

// Кузбасс. – 1964. – 12 апреля. – С. 4.

Степан Торбоков

СЧАСТЬЕ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Я был душою в мире строчек.
Наш поезд скорость набирал...
Вошёл в купе высокий лётчик,
Взглянул, и «Здравствуйте!» сказал.
Потом спросил: – Не узнаете?
– Да, что-то облик ваш знаком.
Не раз встречались где-то вроде...
– Я был у вас учеником!
И он, подсев на полке с краю,
Назвал фамилию свою.

– Да, да... я память напрягаю,
Но всё равно не узнаю.
А лётчик то, что так далёко,
Уже с улыбкой вспоминал:
Как я прогнал его с урока,
Когда он «голубя» пускал;
Как сразу после перемены
Я наказал, чтоб мать привёл...
Знать, озорник он был отменный,
А вот теперь – пилот, орёл!

Ему широкий тесен китель.
 В петличках – небо предо мной.
 И счастлив я, его учитель,
 Как будто это сын родной.
 Я вспомнил все свои беседы:
 Среди ребяческой семьи,
 Его удачи и победы –
 Они ведь нынче и мои!
 ...Как часто, встретясь с молодыми,
 «Не узнаете?» слышу я.

И не всегда я помню имя,
 Но это всё моя семья!
 Они учительствуют в школе
 И укрощают бег реки.
 На стройке, в цехе, в штреке, в поле –
 Везде мои ученики.
 И ничего, что не по лицам,
 А по делам в родном краю,
 Как наше небо, по петлицам,
 Я их сегодня узнаю!

Перевёл с шорского **М. НЕБОГАТОВ**

// Кузбасс. – 1965. – 14 января. – С. 4.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Как важно смолоду найти
 В себе призвание к чему-то
 И не сворачивать с пути,
 Хоть жизнь и гнёт порою круто.
 Любого в мире что-то ждёт:
 Одних – шофёрская баранка,
 Других – космический полёт,
 А третьих – шорохи фуганка.
 И если правильно нашёл
 Ты место в жизни и в работе,
 То, мастера обычный стол,
 Ты тоже в творческом полёте!

Пусть лётчик держит свой штурвал,
 По-над землёю птицей реет,
 – А ты умеешь самосвал
 Водить, как мало кто умеет!
 Наверно, каждый даровит,
 Кто верен своему призванью.
 Лишь дайте срок – и удивит:
 Придёт и к славе, и к признанию.
 Бездарен, видно, только тот,
 Тщеславыю преданный всецело,
 Кто не своим путём идёт,
 Не за своё берётся дело.

// Кузбасс. – 1965. – 4 апреля. – С. 4.

В огненной горячей круговерти,
 В неумолчном грохоте атак
 Девочку немецкую от смерти
 Спас в Берлине наш герой-земляк
 Там бойца, прошедшего сквозь пламя,
 В ореоле славных ратных дел,
 Скульптор вдохновенными руками
 В бронзе навсегда запечатлел.
 Много вёсен солнечных и ярких,
 Отражённых в отблесках меча,
 Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
 С девочкой спасённой у плеча.
 Он стоит на фоне ясной сини,
 Как предупреждение всем врагам,

Величавым символом России,
 Что метнула свастику к ногам.
 Дни войны, клубившиеся тучей,
 Как травой, быльём не поросли.
 Сколько стран от свастики паучьей
 Мы, как эту девочку, спасли!
 Сорок пятый – радостная дата.
 Это солнце, вставшее в дыму.
 В образе советского солдата –
 Монумент народу моему!
 Пусть того солдата не тревожат,
 Не играют бомбой, как мячом!
 Меч опущен, но подняться может,
 Если снова к нам придут с мечом!

// Кузбасс. – 1965. – 8 мая. – С. 1.

Из цикла «Под Красным знаменем»

Живём под знаменем багряным,
 А в сердце – Родина, Москва.
 Мы патриоты. Не родня нам
 Иван, не помнящий родства.
 Быть патриотом – это с детства
 Любить страну свою, как мать,
 Дела отцов своих в наследство,
 Как дар бесценный, принимать.
 Быть патриотом – это нежно
 Любить свой край, его красу:
 Полей и гор простор безбрежный,
 Во ржи тропинку, снег в лесу.

Быть патриотом – это свято
 Хранить, лелеять в беге дней,
 Что было создано когда-то
 Народом Родины твоей:
 Картины, песни, книги, храмы
 И дух народный, и язык.
 Хранить, отстаивать упрямо
 Всё то, чем твой народ велик!
 Быть патриотом – это с жизнью,
 С судьбой народа слить свою
 И быть готовым для Отчизны
 С собой пожертвовать в бою!

У партии достойные бойцы.
 Везде их глаз, внимательный и зоркий.
 Они заводы строят и дворцы,
 За хлеб воюют в поле на уборке.
 И там, где угля падают куски,
 И там, где сталь горит слепящим светом – В
 народе боевые вожаки,
 Простые наши люди с партбилетом.

Всех увлекая к свету за собой,
 Всегда в горенье, в поисках, в тревоге,
 Они дают открытый, честный бой
 Тому, кто нам мешает на дороге.
 Бойцов великой партии не счесть.
 И отовсюду, где её полпреды,
 К нам то и дело долетает весть:
 Есть новый сдвиг, есть новые победы!

// Кузбасс. – 1965. – 16 мая. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

Есть видимость цветения,
 А поглядишь на свет,
 Красивое растение –
 Обычный пустоцвет.
 Есть видимость поэзии,
 Но острый вкус, как нож,
 Разрежет строчки резвые –
 И в них проступит ложь.
 Есть зло, добру подобное,
 Но время лоск сотрёт,

Покажет только злобное,
 Когда придёт черёд.
 И есть добро, похожее
 На зло. Но жизнь и там
 Оставит всё хорошее,
 Расставит по местам.
 Советов поучительных –
 Их нет. Не обессудь.
 Я сам ищу мучительно,
 Где видимость, где суть.

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
 И в витринах от солнца огни,
 Через многие годы разлуки
 Повстречались случайно они.
 – Здравствуй!
 – Здравствуй!
 И радость плеснулась,

Засветилась в глазах огоньком.
 Что-то давнее в сердце проснулось,
 Позабыли, что люди кругом.
 Нет, никто бы не мог помешать им,
 Только каждый припомнил семью –
 И лишь долгим и тёплым пожатьем
 Тихо выразил нежность свою.

– Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
 Помаленьку живу, ничего.
 «Для меня ты всегда молодая!» –
 Прочитала во взгляде его.
 И тотчас же ответила взглядом:
 «Помню, помню далёкие дни!...»
 Словно парень и девушка, рядом
 Как-то робко стояли они.

О чём-то мне подумалось когда-то,
 И если мысль заветною была,
 Она со мной до самого заката
 Останется по-прежнему светла.
 Среди других, привычной и желанной,
 Всю жизнь она идёт со мной вперёд,
 Хоть может интерес свой перевозданный
 Давно уж потеряла. А живёт.
 Иное – чувства. Чаше их утрата.
 Не все из них проносим сквозь года.

Их толкали. И птицы галдели,
 И визжали вблизи тормоза.
 А они всё стояли, глядели,
 Всё глядели друг другу в глаза.
 И была эта радость печальной,
 Потому что душою сродни,
 Благодарные встрече случайной,
 Вновь надолго прощались они...

Всю душу всколыхнувшие когда-то,
 Сегодня вдруг исчезли без следа.
 Пусть сердце задыхается от жажды
 Вчерашних бурь, волнений и тревог,
 Но чувства, пережитые однажды,
 Не знают к нам из прошлого дорог.
 Ещё вчера, и горячи, и колки,
 Они тебя тревожили всего.
 А нынче, как холодные осколки,
 Что вынуты из сердца твоего.

// Кузбасс. – 1965. – 19 июня. – С. 4.

ДНИ

Был длинный день: и стук трамвая,
 И чей-то смех, и голоса.
 Чесала туча грозовая
 Огнистым гребнем волоса.
 Потом сушило солнце лужи –
 Осколки синего стекла.
 В окно открытое снаружи
 Прохлада свежести текла.
 И было многое другое,
 Что вспоминать мне даже лень...
 Приходит вечер, беспокоя:
 Зачем ты прожил этот день?
 Он вдаль куда-то без заботы
 Ушёл, пустым ведром звеня...
 День, проведённый без работы, –
 Всегда утрата для меня...
 А нынче день такой короткий!
 Каким он был – не видел я.

Уже в окошко месяц кроткий
 Глядит, свой жёлтый свет струя.
 Сегодня я спокойно лягу.
 Приятно мне, что лунный свет
 На стол ложится, на бумагу,
 Где я оставил зримый след.
 Пускай в ушах звенит работа,
 Но рада месяцу душа.
 Мне подмигнуть ему охота:
 Гуляй по небу не спеша!
 Надев из золота нарядец,
 Форси, показывай себя.
 Хотя ты, брат, и тунядец,
 А всё же любим мы тебя!
 ...Сквозь сон я слышу, как вагоны
 Тяжеловесно топчут сталь.
 Как будто чем-то нагружённый
 Минувший день уходит вдаль...

// Кузбасс. – 1965. – 4 июля. – С. 4.

ГАЗОН

Неподвижна тополя вершина...
 Вдруг вошла прохлада в знойный сон –
 Это поливальная машина

Освежает уличный газон.
 Бьёт вода, разбрасываясь косо.
 Радостно от радужной струи!

Прыгают под самые колёса
Серые комочки – воробьи.

Ожило всё сразу на газоне,
Ярче цвет и зелень – зеленой.
Лепестки – цветочные ладони –

Ловят воду.
Лей, шофёр, смелей!
Вот он, праздник – голубой, зелёный!
Взгляд ласкает, сердце веселит.
Рядом тополь – вялый, запылённый –
На газон завистливо глядит.

// Кузбасс. – 1965. – 21 июля. – С. 4.

КЛЁНЫ

Я встречаю не впервые
При дороге старый клён.
В солнце, в ливни голубые
Он по-прежнему влюблён.
Но сухи иные ветки,
Не шуметь им, не расти,
И его прохожий редкий
Замечает на пути.
На виду – другие клёны,
Что вблизи с недавних пор –
В красоте кудрей зелёных,
Молодцы, как на подбор!
Как им радостна победа!
Рвутся ввысь, листвою шепча.
Голова соседа-деда
Им лишь только до плеча...
Затуманилось в лазури,
Ветры пляску завели.
Молодые перед бурей
Гнутся чуть не до земли.

Были так молодцеваты –
И куда девалась стать?
Услыхав грозы раскаты,
Расшумелись – не унять.
А сосед, такой усталый,
Стойко ветер повстречал.
Не согнул спины он старой,
Головою лишь качал.
Лишь качал он головою:
Дескать, эх вы, ребята,
Зря кичились вы собою,
Зря вы хаяли меня...
Для кого-то он – досада.
Говорят, что портит вид.
Мол, спилить давно бы надо...
А по мне – пускай стоит!
Пусть, когда нагрянут тучи,
Он под ливня полосой
Молодые клёны учит,
Как держаться под грозой!

// Кузбасс. – 1965. – 31 июля. – С. 4.

ВОСПОМИНАНИЯ

Со многим были в жизни расставанья.
Не знаю я, что встречу впереди.
Зато всегда со мной воспоминанья,
Как целая Вселенная в груди.
Там ходит всё приливом и отливом.
И бесконечен этот вечный путь.
Вот захочу сегодня быть счастливым –
Хорошее припомню что-нибудь.
Пускай сейчас бракуют строчку эту,
Не принимая образов моих –
Припомню, как увидел я газету,
В которой напечатан первый стих.
Пускай гнетёт ненастная погода
И хмурые громады-этажи –

Припомню я сиянье небосвода
Над тропкой, убегавшей во ржи.
Пусть друг ко мне хладеет понемногу,
Захваченный житейской суетой, –
Припомню я солдатскую дорогу
И силу, верность дружбы фронтовой.
И даже то, что старость с ношей хвори
Крадёт, мне порою нипочём.
Припоминаю молодости зори –
И снова жизнь кипит во мне ключом...
Быть может, это праздник увяданья –
Стремление всё хорошее вернуть?
Но счастлив я, что есть воспоминанья,
Которые, как солнце, греют грудь.

А ЖИЗНЬ ИДЁТ...

В газете рамка чёрная опять.
Кого-то в мире праздничном не стало.
Кому-то солнце радостно сиять
– Подумать лишь! – навеки перестало...
Но если нам ушедший не знаком,
Без боли мы – уж так присуще людям –
Задумчиво фамилию прочтём
И через пять минут её забудем.
Не задевая сердце, мысль мелькнёт,
Что неизбежно это для любого.

И тут же смотрим на футбольный счёт,
На новости экрана голубого.
Как будто не случилось ничего.
Смеемся над героем фельетона...
А за окошком – солнца торжество.
Земля – в садах и неба синь – бездонна.
С мальцом коляску женщина везёт.
Кричит маляр вверх: – Уснули, черти?!
И в том, что жизнь по-прежнему идёт,
Мы видим, что она сильнее смерти.

// Кузбасс. – 1965. – 21 августа. – С. 4.

ТЕРРИКОНИКИ

Знакомясь с новым углеградом,
Мы узнаём его всегда
По терриконику, что рядом
Встают на долгие года.
В них что-то есть от старой сказки,
Что услышали в детстве мы.
Они вошли в пейзаж кузбасский,
Как рукотворные холмы.
Да, не создание природы,
А дело крепких, сильных рук

– Отвалы каменной породы,
Что возникают где-то вдруг.
Случалось видеть нам нередко,
Как высоко над головой
На самый конус вагонетка
Груз опрокидывает свой...
Так мчатся дни, проходят годы –
Растёт отвал, дымясь, пыля.
Коль столько вынута породы
– То сколько выдано угля?!

// Кузбасс. – 1965. – 29 августа. – С. 4.

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Мчит со станции трёхтонка,
Мчит в колхозное село.
Напевает ветер тонко,
Бьёт упруго о стекло.
На увалах глухо воя,
Тяжело гудит мотор.
Пыль столбом...
В машине – двое:
Пассажирка и шофёр.
Парень правит, смотрит в оба
И форсит притом слегка.
– Значит, кончилась учёба?
К нам учителькой?
– Ага.
С детских лет о том мечтала...
Покраснела до волос.
На душе тревожно стало –
Главный задал он вопрос...
Пареньку любая малость

Интересна – что да как:
Где бывала, с кем встречалась,
Много ль в городе стилиг.
Был рассказ её подробен...
– Ну, а как у нас дела?
– Да по-старому всё. Робим.
Обновили полсела.
Фёдор Ивкин, мой напарник,
Дом построил – разлюли...
А наместе вот свинарник
Мы под крышу подвели...
И хотя ей стал заметней
Деревенский лексикон,
Как «учителька», «наместе»
Говорит привычно он,
На него, что так же молод,
Смотрит девушка тепло:
Не удрал парнишка в город,
Полюбил, видать, село.

Уезжала из колхоза
(Ох, как время-то летит!) –
Был Ванюшка копновозом,
А теперь, гляди, – рулит!

И вот она – как с виду просто! –
Идёт на первый свой урок.
Ученики – есть выше ростом –
Переступают с ней порог.
Иной толкает даже грубо,
Несясь во всю ребячью прыть...
«Не волноваться только, Люба, –
Себе старается внушить.
– Ведь всё обдумала ты за ночь»...
Но как бы мыслям тем в ответ
И старый завуч Пётр Иваныч
Спокойной быть даёт совет.
А щёки, словно после танца,
Когда, бывает, закружат,
Горят, горят огнём румянца,
И пальцы – мелко так – дрожат...
Звонок! И шум по коридору
Отхлынул в классы. Тишина.
Идя с усилием, как в гору,
Открыла тихо дверь она.
Сказала: «Здравствуйте, ребята!»
И тотчас: «Здрасьте!» – голоса.
Как на экзаменах когда-то,
Одно лишь было здесь – глаза.
Глаза подростков. Их впервые
Так много было перед ней.
Глаза – пытливые, живые –
Впились в неё – нельзя больней.
И всё, что думала, – за дверью.
От этих глаз весь план исчез.

Не в клуб, где фильм старинный «Мать»
– Придёт черёд и клубу, –
А к Дарье Павловне опять
Позвало сердце Любу,
Немало их, учителей,
В пути её встречалось,
Но Дарья Павловна умней,
Добрее всех казалась.
Коль существует идеал,
То Люба не желала –

Мир, где домик, сад, скворечник,
Так же дорог ей самой.
Потому и ветер встречный
Напевал: – Домой! Домой!

В них – и серьёзность, и доверье,
Вопрос и жгучий интерес:
Что скажешь ты, как сядешь, встанешь,
Пройдёшь туда или сюда?
С каким характером предстанешь
Сегодня – раз и навсегда?
Почти до слёз ей жарко стало...
Она прошла вперёд, назад
И снова «Здравствуйте!» сказала,
В ответ – весёлый смех ребят!
И робость вмиг куда девалась.
Был простодушным этот смех.
И Люба тоже рассмеялась
Над глупой робостью при всех.
«Да, я, конечно, смешновата,
Всё комом с первого-то дня...
Спасибо, милые ребята,
За то, что поняли меня», –
Тряхнув каштановую прядкой,
Так Люба думала сейчас.
Доволен доброю разрядкой
Как бы вздохнул свободно класс.
А дальше шло всё гладко, ровно.
Контакт, казалось бы, возник.
Но вот когда «Любовь Петровна!» –
К ней обратился ученик,
Отозвалась она не сразу,
Листала медленно журнал –
Её по отчеству ни разу
Никто ещё не называл...

Каким бы путь её ни стал –
Другого идеала.
Всё, словно в матери родной,
В учительнице старой:
И голос с нежной добротой,
И взгляд чуть-чуть усталый.
Не потому ль вокруг неё
Всегда детей мы встретим,
Что сердце щедрое своё
Она дарует детям.

Да и не только им одним
 Она душой открыта.
 И избирателям своим
 Опора и защита.
 Уже, наверно, сорок лет –
 То старикам виднее –
 В её окошке гаснет свет
 В деревне всех позднее.
 Уже на пенсии она,
 Всё за спиной, далёко.
 Но даже в эти времена
 Она не одинока.
 Ей трудный путь судьбою дан –
 Безмужна и бездетна.
 Но это как-то для сельчан
 Совсем и незаметно.
 ...Вон гости вновь – мальчишек пять.
 Нашлось, как видно, дело.
 – А Дарья Павловна опять
 Немножко приболела.
 Мы накололи тут ей дров... –
 У всех сияют лица...
 Дом тёмен от дождей, ветров.
 Со скрипом половицы.
 – Вот радость! Любушка пришла.
 Садись, садись, родная.
 Ну, как идут твои дела?
 Что грустная такая? –
 Хозяйка, быстро, впопыхах
 Откинув одеяло,
 В очках, с газетою в руках
 С дивана мягко встала.
 – Сейчас чайку я вскипачу.
 Ты любишь как – в накладку?
 – Да я... спасибо... не хочу.
 – Попьёшь, попьёшь с устатку...
 В окне к закату солнце шло.
 Чуть розовело поле.
 Вздохнула Люба: – Тяжело...

Солнце нехотя скрылось
 Там, за краем земли.
 Лишь полоска светилась
 Над стернёю вдали.
 И желтела дорога,
 К той полоске звала...

Боюсь, не справлюсь в школе.
 Совсем неопытная я –
 Легко ль, судите сами...
 – А опыт, милушка моя,
 Придёт ещё. С годами.
 Не кисни. Кислых не терплю.
 Иди по жизни смело.
 Ребят-то любишь ведь?
 – Люблю.
 – Раз любишь, в чём же дело?
 Когда бы не было любви –
 Работать в школе глупо.
 А так сомнения твои –
 От молодости, Люба.
 Учитель. Надо ль говорить,
 Какое это званье.
 Я рада, что смогла открыть
 В тебе твоё призванье.
 Ах, Люба, девочка моя,
 Какое счастье это,
 Коль всюду дочки, сыновья,
 Везде – пройди полсвета.
 Вон, видишь, сколько писем шлют?
 И всё мои ребята.
 Хороший люд, чудесный люд
 Учила я когда-то!
 Старайся, Люба, честно жить,
 В согласье, в дружбе с веком,
 Ребёнка главному учить –
 Чтоб стал он человеком!
 Прости мне громкие слова –
 Иной их опошляет, –
 Но мне седая голова
 Сказать так позволяет...
 И через несколько минут
 Опять захлопотала:
 – Вон избиратели идут –
 Помочь им обещала...

У прибрежного лога
 Золотилась ветла.
 Рядом с нею – берёза,
 Что бела даже в ночь,
 И была её поза –
 Словно хочет помочь.

От высокого сруба
Остро пахнет сосной...
Люба, Любушка, Люба,
Что-то будет с тобой?
А призвание ли это –
Твой сегодняшний путь?
Может, в сторону где-то
Ты захочешь свернуть?..
Нет, судьба твоя – в детях.
Не пойдёшь ты назад
От веснушчатых этих,
От вихрастых ребят!
...Пусть дорогою ровной,
Хоть подъём её крут,
С ней, с Любовью Петровной,
Вдаль по жизни идут.

Вот они в огороде
Жгут ботву на меже –
И чужие ей вроде,
И родные уже.
Может, эти ребята,
Старшим братьям под стать,
Так же письма когда-то
Будут ей присылать...
Разлетятся по свету,
Как косяк журавлей,
Вспоминая вот эту
Землю с ширью полей,
С низким домиком, с садом
И с кривой городьбой...
Дарья Павловна рядом,
Как берёза с ветлой...

// Кузбасс. – 1965. – 1 сентября. – С. 4.

ОСЕННИЕ СТИХИ

В ДОРОГЕ

Мимо речки, затянутой ряской,
Мимо елей, берёз, кедрача
Пробирается поезд барзасский,
Хлопотливо на стыках стуча.
Вот вдали показался посёлок
На широкой площадке холма.
Неба хмурого облачный полог
Опустился почти на дома.
Зябкой синью мерцают там окна,
Как-то буднично лужи блестят...
И опять только дыма волокна
Вдоль вагона лениво летят.
Серый дым – над поблёкшей поляной,
Над плешиною старого пня.

И качается поезд, как пьяный,
Посредине ненастного дня.
Вот осинка с багряною дрожью,
Вот болота заржавленный круг...
И ещё недокошенной рожью
Осветилось всё ярко вокруг!
Посмотрел я невольно на небо:
Может, солнце пробиться смогло?
Нет, лишь только от спелого хлеба
Золотое сияние шло.
Даже, кажется, дождь золотится,
Как при блеске весенней зари.
Жарко поле ржаное лучится,
Словно светится всё изнутри.

ЗАБЫВАТЬ ОБ ОСЕНИ НЕ НАДО...

По весне, когда благоуханно
Буйствует черёмуха, сирень,
Почему-то кажется всегда нам,
Что далёк, далёк осенний день.
И представить как-то даже трудно,
Что немного времени пройдёт –
Станет жёлтым то, что изумрудно,
Станет блёклым то, что так цветёт.
Да и что заботиться об этом,
Если мир сияет синевой,
Если с благодатным, щедрым светом

Солнца жар встаёт над головой!
...Но глядишь – уж пламя бьёт из сада,
А заря всё реже и бледней...
Забывать об осени не надо.
Ведь не так уж много летних дней...
В молодости часто мы беспечны.
Кажется, что долго ей цвести.
Только дни её не бесконечны,
Все они в стремительном пути.
Жить бы так – впустую сил не тратя,
Украшать делами жизни май,

Чтоб потом, под старость, на закате

Холодный, резкий ветер в поле
Над колкой зеленью отав.
Такая ширь, что поневоле
Гуляет он, разбойным став.
С кустов срывает придорожных
Едва увядающую листву
И тут же в посвистах тревожных
Сгибает бурую траву.
Он гонит пыль, клочки бумаги,
Увидит птиц – опередит;
Пустой бутылкою в овраге,
Приникнув к горлышку, гудит.

Виден был богатый урожай...

ВЕТЕР

А то закружится воронкой
И ввысь взовьётся от земли,
Где над родимую сторонкой
Кричат прощально журавли...
Пусть сизой облачною сеткой
Скрывает ветер синь небес,
Пускай трясёт он голой веткой,
Раздев недавно шумный лес;
Пусть холодней намного будет,
С дождём гремит в полночной мгле,
А всё равно он не остудит
Любви к родной моей земле!

// Кузбасс. – 1965. – 15 октября. – С. 4.

ПОЗНАВАТЕЛЬНО И ПОЭТИЧНО

Трудно представить человека, который бы не любил родную природу, был совершенно равнодушен к ней. Но есть среди нас тонкие знатоки природы, посвятившие исследованию её всю жизнь. К ним, в частности, принадлежит наш земляк, географ и натуралист Илья Васильевич Зыков, написавший уже несколько исследовательских и очерковых работ. Недавно вышла его новая книга этюдов и рассказов о природе под названием «Соболиный след».

И. Зыков с ружьём и котомкой за плечами исходил почти всю нашу Кузнецкую землю – ему есть о чём поведать читателям. Сразу скажу: книга читается с захватывающим интересом, получаешь большое эстетическое удовольствие.

Секрет интереса, по-видимому, в том, что автор обладает удивительно зорким взглядом, умеет увидеть то, что недоступно для обычного наблюдателя. Прочтите всю книгу, и вы почувствуете себя обогащёнными многими познаниями из жизни природы. Вы узнаете, скажем, что маленькое кучевое облачко в конце зимних дней – это первый белокрылый вестник приближающейся весны; что дятлы, в отличие от других птиц, живут дружной парой всю жизнь; что те же муравьи – это хищники, которые любят мясо; что съешь две горсти боярышника, и усталость снимает как рукой...

В книге более сорока рассказов и этюдов. Многие зарисовки И. Зыкова можно назвать стихотворениями в прозе – настолько они поэтичны.

Книга И. Зыкова «Соболиный след» – хороший подарок читателям. Она прививает любовь к многокрасочной природе русской земли.

// Кузбасс. – 1965. – 29 октября. – С. 4.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Давно ль в Листвянке, там, где поле,
Колосьев звон и свет берёз,
А после в кемеровской школе
Он в жизнь входил, учился, рос?
Года промчались шумным роем –
И в день ноябрьский, в ранний час
Уже прославленным героем
Он прилетел в родной Кузбасс.
Увидел уличные дали
С людской восторженной толпой...

Немало мы гостей встречали,
Но этот – самый дорогой!
Такой земной, обыкновенный.
Но знает, знает вся Земля,
Что это он во мглу Вселенной
Впервой шагнул из корабля!
И чувств не в силах передать я,
Как счастлив, горд из нас любой,
В какие крепкие объятья
Героя принял край родной.

С улыбкой солнечной хорошей
Он по-отцовски встрече рад:

– Добро пожаловать, Алёша,
Наш славный гость, наш друг и брат!

// Кузбасс. – 1965. – 5 ноября. – С. 1.

ОТТЕПЕЛЬ

Вот они, зимы капризы –
Жёг мороз сильней огня,
А сегодня на карнизы
Капли падают, звеня.
Снова оттепель? Ну, точно.
Вижу, выглянув в окно:
Под трубою водосточной
Тёмно-серое пятно.
Неуютно в мире стало.
Снегопад – не снегопад.
Как-то нехотя и вяло
Хлопья мокрые летят.
Ветерок скользит несмело.
Воздух сыростью пропах.
И на крышах потемнело
Серебро густых папах...
Не люблю зимы безволие,
Эту оттепель не в срок.

Я люблю снегов приволье,
Даль синеющих дорог.
Я люблю снежинок танец –
Бодрый, смелый, озорной,
И весёлый, как румянец,
Свет зари над белизной.
Любо мне зимы здоровье,
Чтоб мороз шагал в пимах,
Полыхал горячей кровью
На обветренных щеках!
По душе мне свист метели,
Чтобы вихри, мчась вдогон,
Шелковисто шелестели
На сугробах до окон!
По душе в пути неблизком
Встреча с буйной кутерьмой,
Чтоб морозец был сибирским,
Чтоб зима была зимой!

// Кузбасс. – 1965. – 26 декабря. – С. 4.

ПАРОВОЗНЫЙ ГУДОК

Паровозный гудок. Это значит –
Одинокий седой человек
У вагона на станции плачет,
Расставаясь, быть может, навек...
Паровозный гудок. Это значит –
Ощущая большую любовь,
Кто-то счастья при встрече не прячет,
Обнимает желанного вновь...
Паровозный гудок. Это значит –
Семафор открывая в простор,

Чей-то день удивлением начат
Перед ширью лесов или гор...
Может, просто гудит маневровый
Паровозик, на месте топчась,
Но как остро дорогою новой
Начинаем мы грезить тотчас!
Слышишь, эхо весёлое скачет
По полям, где ромашка цветёт?
Паровозный гудок! Это значит –
Ветер жизни, движенье вперёд!

// Кузбасс. – 1966. – 9 января. – С. 4.

ЗАЯЧИЙ ПРОМАХ

Был подхалимом Заяц лопухий.
И вдруг себя повёл он в новом духе:
Начальника-Медведя под орех
Разделал на собрании при всех.
Грудь у Зайчишки – колесом!
Все говорят с почтеньем о Косом...
Однако где же взял он храбрость эту?

А дело в том, что день назад
Лиса шепнула по секрету:
– Медведь проштрафился...
Он будет снят...

А вскоре Заяц убежал в леса:
Насчёт Медведя... наврала Лиса.

// Кузбасс. – 1966. – 6 февраля. – С. 4.

ДВЕ РУСИ

Пыльная дорога,
 Где под крик ворон
 Глухо, как тревога,
 Плыл кандалный звон...
 Возле ржи берёзка,
 Ленточка межи,
 Узкая полоска
 Той сиротской ржи...
 Стон беды и злобы,
 Над церквушкой крест,
 И снега-сугробы
 Далеко окрест...
 Сном дурным я вижу
 Тот далёкий мир:
 Месят лапти жижу –
 Прямоком в трактир...
 Богачей палаты,
 Тосты, скрипки грусть...
 Вот какой была ты
 В дни былые, Русь.
 Сердцу дорога!
 Так скажу, любя:
 Ныне ты другая,
 Не узнать тебя.
 Навсегда, навек ты
 Изменила вид:

К свету, на проспекты
 Всем простор открыт!
 Стёрлись, как морщины,
 Межи на полях.
 Не чадят лучины –
 Ночь цветёт в огнях!
 Провода, как вены,
 Радостно гудят.
 Не кресты – антенны
 В синеву глядят.
 И не звон кандалный –
 Песни, смех звучат:
 В путь сибирский дальний
 Комсомольцы мчат.
 Русь моя! Берёзка!
 Словно великан,
 Над тобою броско
 Встал подъёмный кран.
 Встал, чтоб над лесами
 Чудом красоты –
 Новыми дворцами
 Засверкала ты.
 Не на тройке в шали
 Ты в пургу летишь,
 А из звёздной дали
 С миром говоришь!

// Кузбасс. – 1966. – 3 марта. – С. 4.

Стихи наших читателей

ДОБРОГО ПУТИ!

Жительнице Осинников Марии Платовой 38 лет. Десять последних она прикована недугом к постели. Но тяжёлая болезнь не в силах омрачить огромного жизнелюбия этой мужественной женщины. Именно любовь к жизни заставила её взяться за перо – М. Платова пишет стихи и рассказы. Лучшие стихи молодой поэтессы привлекают большой искренностью, новизной мысли, свежестью образов. Не всё ещё совершенно в творчестве М. Платовой, но несомненно одно: восприятие окружающего мира у неё очень возвышенное, поэтическое. А это уже природный дар.

Мне хочется предложить вниманию читателей некоторые стихи Марии Платовой и пожелать ей бодрости духа и новых поисков и открытий в чудесной стране Поэзии.

М. НЕБОГАТОВ.

*** *** ***

Мария ПЛАТОВА

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Леса вдали закат сосут,
 Дивясь блаженству сна и лета.
 Как драгоценнейший сосуд,
 Луна полна живого света.

Костёр на скрипке доиграл.
 Умолк с зарёю летний вечер.
 И словно вечность, миг стоял,
 И словно миг, была та вечность.

АВГУСТ

Как журавли, перекликаются комбайны,
Зовя на помощь стаи кузовов.

А над полями – песни крик отчаянный
И аромат разбуженных хлебов.

// Кузбасс. – 1966. – 31 марта. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

ДЕЛА

Дела, дела. Как горы – за горами.
В забое, за станком ли, у стола
То хмурыми, то ясными утрами
Мы начинаем срочные дела.
Стараемся, любя свою работу,
Как следует пройти недельный путь,
Чтоб завершить всё нужное в субботу
И в выходной на славу отдохнуть.
Но вот ты встал с постели в воскресенье –
И снова на тебя идут горы

Дела, дела. И нет от них спасенья,
И часа нет свободного порой...
И видишь ты без грусти и печали,
Что будет так всегда, пока живёшь,
Пока на неизвестном перевале
Не выбьешься из сил, не упадёшь.
Как ни устал, а отдыха не просишь –
Успею, отдохну, возьму своё...
Ты жажду дел горячих в сердце носишь!
И в этом жизнь. И мудрый смысл её.

// Кузбасс. – 1966. – 24 апреля. – С. 3.

ПИЛОТ

Когда ведёт он ввысь стальную птицу,
Никто не даст гарантию ему,
Что ничего не может с ним случиться,
Что он вернётся к дому своему.
У машиниста рельсовые нити,
У морехода – волны вдоль борта,
А у него – незримый путь в зените,
Путь, под которым только высота.
Но, как и все, с утра он на работе,
В соседстве с солнцем в облачной черте.
Живуча в нём, в крови его и плоти
К полётам страсть.
Стремленье к высоте!

И слышит он в моторном мощном рёве
Победный гимн, людское торжество.
И начеку всё время, наготове
Смекалка, опыт, мужество его.
Зато как счастлив высей покоритель
Вернуться вновь к садам и плёсам рек!
На нём рубашка, форменный ли китель –
В душе он мирный, добрый человек.
Придёт домой. Детишек приголубит.
От солнца шурясь, сядет с книгой
в тень...
Он потому так сильно Землю любит,
Что расстанется с нею каждый день.

// Кузбасс. – 1966. – 18 августа. – С. 1

(опубликовано в День Воздушного Флота СССР).

ШАХТЁРСКАЯ ПЕСНЯ

СЛОВА М. НЕБОГАТОВА.

Дорога к солнцу без ступенек –
Стальная клеть легка, быстра.
И вот мой друг, мой современник
Из шахты вышел на-гора.

ПРИПЕВ:

С лучистой лампочкой на каске,
С пылью угля в прищуре век,
Не богатырь из русской сказки –

МУЗЫКА Б. КОВБАСОВА.

Простой и скромный человек.
Он, властелин тепла и света,
Крушит пластов глухую тьму.
Он смел, настойчив – и за это
Ему я крепко руку жму.
В его судьбе, отваге, силе,
Всех удивляющей собой,
Есть что-то общее с Россией,

С её счастливою судьбой.

ПРИПЕВ:

Идти вперёд, врубаться в горы,

Не отступать, светить во мгле,

Чтоб жизни новые просторы

Открылись людям на земле!

// Кузбасс. – 1966. – 28 августа. – С. 4

(опубликовано вместе с нотами).

ПОКА ЖИВЁМ...

Пока живём, нужны мы многим людям,

Мы с ними рядом, каждый день и час,

Но вот вопрос: нужны ли после будем,

Вздохнёт ли кто-то, что уж нету нас?

Друг-человек, задумайся об этом.

Сумей понять, что надо жизнь прожить

Не просто так, любуясь белым светом,

А чтобы память чью-то заслужить.

Трудись, всю душу вкладывая в дело,

Не оставляя что-то про запас,

Как будто бы стоишь ты у предела,

Как будто на земле последний час...

// Кузбасс. – 1966. – 25 сентября. – С. 4.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

ОН БЫЛ ВОЛШЕБНИКОМ

Около сорока лет прошло с той уже туманной поры, когда я впервые – с холщовой сумкой через плечо – переступил порог гурьевской школы. Вспоминается что-то солнечное, тёплое, золотое – неяркий, но ласковый свет, льющийся с поблёкшей синьки сентябрьского неба, нежное прикосновение косых лучей к загорелой щеке, сухой шорох подкрашенной осенью листвы на деревьях. Вспоминаются крупные чёрные ягоды черёмухи в кульках из бледно-зелёных капустных листочков, которые мы держали в руках вместо букетов. А вот и наша первая учительница. Она встречала нас у невысокого школьного крыльца – уже немолодая, но стройная, строго подтянутая, аккуратная, в старательно отглаженном жакете, в очках, за поблёскивающими стёклами которых по-матерински приветливо излучали внимательность и доброту слегка прищуренные близорукие глаза...

К великому сожалению, беспощадное время стёрло в памяти имя этой дорогой для всех нас женщины, как и имена других учителей, которых немало было в моей жизни. Лишь одного учителя узнал бы и сейчас – так хорошо его помню. Это Владимир Павлович Алентов. Высокий, чуть сутуловатый, с большим выпуклым лбом и пышной русой шевелюрой, одетый в серый костюм, он казался мне живым воплощением доброты, ума, душевности и многих других драгоценных человеческих качеств. Никогда не повышающий голоса, удивительно простой, деликатный и вежливый в обращении с учениками, Владимир Павлович пользовался в школе всеобщим уважением и любовью. Никто не злоупотреблял его мягким характером, наоборот – даже отъявленные проказники стеснялись сделать при нём что-нибудь плохое, некрасивое.

А как самозабвенно любил Владимир Павлович литературу! Заходила, скажем, речь о Пушкине – и мы всегда узнавали от своего учителя множество стихов, которых не было в учебнике. Не раз жертвовали мы переменной ради того, чтобы послушать звучные строфы того или иного поэта, открывающего нам новый и удивительный мир...

Однажды я развернул выходящую в Новосибирске областную молодёжную газету «Большевистская смена» и увидел там стихотворение, над которым стояла подпись автора: Владимир Алентов. Оказывается, мой любимый учитель сам пишет стихи, сам поэт?! Изумление, восхищение, радость открытия – целый вихрь непередаваемых чувств захлестнул меня. Я жадно впился в начальные строчки:

С Красноармейской вдоль Бачата

На белых ветровых тачанках,

Вскружив снега, летел буран...

С этих минут Владимир Павлович стал для меня волшебником. Он образно, простыми и в то же время удивительными словами рассказал о том, что я видел сотни раз, но о чём сам не умел сказать – и одну из гурьевских улиц, Красноармейскую, пролежавшую вдоль знакомой с рождения реки Бачат, и сбивающий с ног буран – бешеную пляску снега и ветра... Особенно поразили моё воображение «белые ветровые тачанки». Как это красиво, как сказочно-поэтично!

До этого мне не приходилось встречать ни одного живого поэта. И вот он рядом – входит по-домашнему в класс, кладёт на стол портфель, открывает журнал. Звучит его негромкий голос. Волшебник, а на вид простой, обыкновенный человек... Значит, и я смогу когда-нибудь стать поэтом? Значит, поэзия – это не только удел Пушкина и Некрасова?.. Я уже с пятого класса пробовал писать, но никому, кроме своего друга, тоже начинающего поэта, Стёпы Голованова, не показывал эти неумелые опыты, потому что не верил в себя. А прочитав стихотворение Владимира Павловича, поверил.

Скажу без преувеличения: тем, что я до самозабвения люблю поэзию, что она стала делом моей жизни, я во многом обязан волшебнику детской поры – Владимиру Павловичу Алентову.

М. НЕБОГАТОВ,

поэт, член Союза писателей.

// Кузбасс. – 1966. – 2 октября. – С. 2.

НОВЫЕ СТИХИ

ЖИЗНЬ

Кто придёт и кто меня научит,

Как мне жить и как стихи писать?

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ.

В молодости, светлой от улыбок,
Столько сил, что незачем беречь:
От шагов неверных, от ошибок
Есть кому тебя предостеречь.
Если что-то в мире непонятно,
Обратишься к старшим – объяснят.
Начал путь – не пятишься обратно.
Лишь вперёд, хотя бы наугад!
Не поладил с другом – завтра снова
Открываешь душу перед ним.
А какое редкостное слово
Появлялось под пером твоим!
...За плечами, как приборя ропот,
Жизни шум – немалые года.
Ты богат – большой имеешь опыт,
Ты мудрей во многом, чем тогда.
Стал – плохим, хорошим ли – поэтом,
И не ты к кому-нибудь уже,

А к тебе приходит за советом
Молодёжь на трудном рубеже.
Нет, не знает он, советов ждущий,
Не хлебнувший в жизни ничего,
Что и ты, старик, – не всемогущий,
А порой беспомощней его.
Не поверит он, что над строкою
Проливаешь сам ты сто потов,
Что в иные дни махнуть рукою
На свою поэзию готов.
Всё сложнее, чем юности казалось,
Всё трудней, чем думала она.
Опыт есть, но он – такая малость,
Каждый день загадок жизнь полна.
Не один вопрос тревожит, мучит,
И как часто хочется сказать:
Кто придёт и кто меня научит,
Как мне жить и как стихи писать?

// Кузбасс. – 1966. – 16 октября. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

НА ОКТЯБРЬСКОЙ ОРБИТЕ

От залпа мощного «Авроры»
До первых в мире кораблей,
Что мчатся в звёздные просторы –
Вот гордый взлёт страны моей!
Заря семнадцатого года
Не угасает никогда.
Она – в свершениях народа –
Потомкам светит сквозь года.

Борясь со злом и кривдой властно,
Творя добро и красоту,
Октябрь штурмует ежечасно
За высоту высоту!
За рубежи родной державы –
Туда, где мир ещё в ночи,
Идут лучи октябрьской славы
И славы нынешней лучи!

Октябрь носителем-ракетой
Мне представляется сейчас:

Он на орбиту счастья, света,
Побед великих вывел нас!

// Кузбасс. – 1966. – 6 ноября. – С. 3.

ВЫСОКАЯ РОЛЬ

Артистам, создавшим на сцене образ В. И. Ленина.*

Мы знаем иллюзиям цену.
Но как до конца нам постичь
То чувство, что вышел на сцену
Не просто актёр, а Ильич?
Всё в точности – лоб и борода,
Рука у борта пиджака,
И жесты его, и походка,
И голос, картавый слегка.
По снимкам, по многим картинам
Запомнив вождя своего,
Мы верим в порыве едином,
Что видим живого его.
Вот вскинул он руку призывно,
И слова ещё не сказал,

Но – разве такое не дивно –
Гремит уж овацией зал!
Не так ли, в накуренном зале,
С гранёным штыком у плеча,
Отцы наши, деды встречали
В октябрьские дни Ильича?
...На улице – синие лужи,
Апрель всё светлей, веселей.
И кажется: не было стужи
С последним путём в Мавзолей...
Спасибо артисту за чувство,
Что бьёт животворным ключом!
Спасибо ему за искусство –
За встречу с родным Ильичём!

// Кузбасс. – 1967. – 22 апреля. – С. 4

(опубликовано в день рождения Владимира Ильича Ленина).

* – изначально стихотворение посвящалось артисту кемеровской филармонии Николаю Сизову; посвящение артистам было сделано редакцией газеты *Примечание Н. Инякиной*)

НОВЫЕ СТИХИ

РОССИЯ

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села,
От дедовской околицы. Другие:
От заводской заставы, мол, пошла...
Не знаю я, найду ль единоверца,
Но верю в убеждение своё:
Россия начинается от сердца,
С рождения влюблённого в неё.
Влюблённого в народ

простой и скромный,
Умеющий держать и плуг, и меч,
В заснеженный простор её огромный
И в русскую пленительную речь.
Всё в этой речи есть – и крепость перца,
И сладость ягоды, и горечь слёз...
Россия начинается от сердца,
Влюблённого в бессмертный свет берёз!

ЛУГ ЗАЛИВНОЙ

Луг заливной всё шире и зеркальней.
Метелей, стуж разорван долгий плен!
Разлив дошёл до рощицы недалней,
Укрыл водой берёзки до колен.
Купальщицами с радостным испугом
Стоят берёзки и чего-то ждут.
А над водою, над блестящим лугом
Сияет солнце, облака плывут.

И синь, и свет, и ветерок игривый,
И белизну стволов, и веток вязь –
Всё отражает чётко гладь разлива,
Всё в нём живёт, так празднично светясь!
Как будто для того и в самом деле
Здесь появилось зеркало воды,
Чтоб роща, небо увидеть сумели
Лицо своей весенней красоты!

// Кузбасс. – 1967. – 31 мая. – С. 4.

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕТО»

1.

У крутой лесистой кручи
Ты увлёкся поплавком.
Наползли внезапно тучи,
Ветер кепку сбил рывком.
Зашумела, забурилась
И запенилась река.
Понеслись потоки ила
И размытого песка.
Как от выстрелов зенитки
Вспышки в небе. Ох, поток!
Ты промок, промок до нитки,
С головы до ног продрог.

Как же быть? Куда же деться?
Проклинаешь пескарей...
Впрочем, что ж ты, вспомни детство –
Прыгай в речку поскорей!
А река-то в самом деле,
Как парное молоко.
Сразу дрожь пропала в теле,
Стало весело, легко.
И, хваля свою смекалку,
Солнце выглянуло вдруг:
Продолжай свою рыбалку,
Вылезай из речки, друг!

2.

Отгрохотав, гроза ушла на север.
Вновь птичий щебет, солнца жаркий свет.
Как остро пахнет мёдом алый клевер,
Что входит в силу, набирает цвет!
Лучится поле, блёстками сверкая,
Прохладной, влажной свежести полно.
Ты приглядишься-ка, красота какая:
Всё серебристо-красное оно!

А чтобы мир, который блещет ярко,
Ещё был ярче, краше и нежней,
Над ним взметнулась радужная арка,
Горя букетом всех семи огней.
Как хорошо, как радостно до боли
Жить ощущением праздничным одним:
Неугасимо клеверное поле
С теплом лучей и с радугой над ним!

3.

На дворе жарынь, печёт нещадно,
Яркий свет, горячий пыльный прах,
А в уютной горнице прохладно,
И в глазах со свету полумрак.
Снимки в рамках.
Книжек старых горка.

Приглушённо радио поёт.
В знойном блеске тюлевая шторка
На окне, открытом в огород.
И оттуда в низкое оконце,
Чуть колебля тонкий, лёгкий тюль,
Ветерком и зеленью и солнцем
Тихо веет ласковый июль.

// Кузбасс. – 1967. – 23 июля. – С. 4.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

В дороге нашей, как заря,
Блистательная вежа:
Со дня рожденья Октября
Прошло уже полвека!
Каким был путь страны родной,
Какое это время –
Не рассказать, друзья, в одной,
Пусть и в большой, поэме.
В моём краю лесов и рек
Тебя я вижу, славный,
Простой рабочий человек,
Земли хозяин главный!

Как в день счастливых именин,
У новой вежи стоя,
Давай с сегодняшних вершин
Оглянемся в былое...
Мёрз лунный серп – снегов бледней,
И, робкий, осторожный,
Он щупал купола церквей,
Углы стены острожной.
Тайгой заросшая земля
Открыться не спешила.
В ней что ни шаг, то пласт угля,
То золотая жила.

Лежали тонны – не пуды –
 Под пылью от суглинка
 Железа, марганца, руды
 И серебра, и цинка.
 Жирел делец на том добре,
 Жил хитрым живоглотом,
 С гремучей цепью во дворе,
 Упрятанный заплотом.
 Он наживал чужим горбом
 Палаты, горы злата...
 Нет, не рабочим, а рабом
 Ты был, мой друг, когда-то.
 Среди подземной темноты,
 Где уголь сам слезится,
 На четвереньках ползал ты,
 Не чаял распрямиться.
 И снова кланялся судьбе,
 Нет, счастья не найду, мол...
 А по ночам в сырой избе
 Ты думал, думал, думал.
 И те раздумья про народ,
 Про жизнь – не про копейку –
 Вдруг подсказали тайный ход
 В партийную ячейку.
 И как душой воспрянул ты,
 Когда через просторы
 За Салаирские хребты
 Донёсся залп «Авроры»!
 «Конец России...» – дотемна
 Купечество шепталось.
 Конец России? Нет, она
 Лишь только начиналась!
 Началом новых, светлых дней,
 Концом былых при этом
 Взметнулся алый стяг над ней
 С девизом: власть Советам!
 А это значило навек
 От центра до окраин,
 Что ты, рабочий человек,
 Теперь земли хозяин.
 Хозяин полный – не избы,
 Давно грибком прошитой,
 А жизни, собственной судьбы,
 С судьбой народа слитой.
 ...Жизнь входит мирно в колею
 Иных забот и споров.

На вахту вновь – теперь свою! –
 Гудок зовёт шахтёров.
 Зовут знакомые цеха,
 Мартены и вагранки...
 И разминаются меха
 У старенькой тальянки!
 Стара гармошка, да новы
 Все песни, что играет.
 И столько солнца, синевы
 В кузнечком вольном крае!
 Ещё никто тут не герой,
 Но комбинат построим.
 Решили мы на Кузнечкстрой,
 А там-то быть героям!
 На парне ветхий пиджачок,
 В чулан, пожалуй, годен,
 Но где сейчас горит значок,
 Попозже вспыхнет орден!
 Пока не прочь и пофорсить,
 Не знают эти парни,
 Что будут звания носить –
 Стахановец, ударник.
 Не знают, празднуя свой труд,
 Что гордость званьем этим,
 Как опыт свой, передадут,
 Как эстафету, детям;
 Что в дни, когда фашистский вал
 До Волги жизнь отрежет,
 Кузнечкой выплавки металл
 Над Крупном верх одержит...
 Мы оглянулись вдаль, назад,
 И счастья не скрываем:
 Наш край за эти пятьдесят
 Совсем не узнаваем.
 Октябрьской бурею рождён,
 Идущий в ногу с веком,
 Он обновлён и утверждён
 Рабочим человеком.
 ...День схлынул шумом на закат.
 Идёшь с работы к дому.
 Устал ты, но глаза горят,
 Горят по-молодому.
 Рад, откровенно говоря,
 Что всё идёт отлично,
 Что к доброй славе Октября
 Причастен самолично.

С тобою рядом – сотни глаз
Друзей, творцов Сибири.
И все они – рабочий класс.
Нет выше звания в мире!

Его величие и труд –
Грядущее планеты.
Не зря Величеством зовут
Рабочий класс поэты!

// Кузбасс. – 1967. – 6 октября. – С. 3.

СТОГА

От реки, где веточки черёмух
В эти дни как чёрные рога,
В медно-рыжих сказочных шеломах
Разбрелись усталые стога.
Разбрелись и стоя задремали,
На стожары грузно опершись.
А кругом простор, сквозные дали,
Только ветер носится – держись!
Ветер крутит всё, что худосочно,
Всё, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.
Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.

Снятся им зелёные тропинки,
Звон литовок, мокрых от росы...
Шевелятся тонкие былинки,
Как в улыбке рыжие усы.
Снится то, что было знойным летом:
Ранней зорьки нежная краса,
Земляника, девушка с букетом,
Косарей весёлых голоса...
Низко-низко тучи проплывают –
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и с радостью вдыхают
Из деревни запах молока.
Спят они, все в инее к рассвету,
И всё ближе солнышко к стогам –
К величавым памятникам лету,
Ливням, свету, скошенным лугам.

*// Кузбасс. – 1967. – 2 декабря. – С. 4
(рубрика «Новые стихи»).*

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Помню: по заснеженной дороге
Сталинградской выжженной земли,
Обмотав тряпьем, рогожей ноги,
Фрицы присмирившие брели.
Длинная – до кромки небосклона,
Извиваясь, страха не тая,
Проползала серая колонна,
Как с хребтом поломанным змея...
Помню вражьей техники останки:
«Мессеры», сведённые в дугу,
Мёртво-скособоченные танки,
Пушки вверх колёсами в снегу...
Все мы – от солдата до комбрига,
Видя эту свалку, этот сброд,
Верили: любителей «блицкрига»
Разобьёт советский наш народ!
В эти дни крутого восхождения
На вершины новых ратных дней
С радостью узнал я о рожденье

Кемеровской области моей.
Трепетало зарево пожаров,
И сквозь дрёму, в холоде ночей,
Видел я кузнецких сталеваров,
Освещённых заревом печей...
Вглубь землянок, в сумрачные норы
Шли бойцы, закончившие бой, –
Вспоминал: в Прокопьевске шахтёры
В этот час спускаются в забой...
И неслись на запад смерчи стали!
И уже Берлин в тревоге стыл.
Это земляки нам помогали,
Фронту помогал сибирский тыл!
...Не была в обозе наша область.
На переднем крае – в полный рост!
Дней военных честь её и доблесть
Наш Леонов приподнял до звёзд.
Словно свет весенний утром ранним,
Перед нею дальний путь открыт.

И на знамени её багряном

Солнцем орден Ленина горит!

// Кузбасс. – 1968. – 26 января. – С. 1 (опубликовано в выпуске, посвящённом 25-летию образования Кемеровской области).

НОВЫЕ СТИХИ

БЕССНЕЖНАЯ ЗИМА

Бесснежная зима темна, угрюма.
Вот так корабль причаленный угрюм,
Когда от тихой палубы, от трюма
Далёк, далёк морской стихии шум.
Бесснежная зима так неудобна,
Как на ремонте старый паровоз,
Которому ночами снится смутно
Столбов мельканье, drobный стук колёс.
Бесснежная зима слепа, бескрыла,
Как самолёт, уснувший на траве,
Когда ненастье путь ему закрыло
В простор небесный – к солнцу,
к синеве...
С какой тоской, в молчанье оробелом,
Уже совсем надежду потеряв,
Всё грезит снегом – чистым, пыльным, белым –
Среди полей, у речек и дубрав!

Мечтает ёлка взять его в охапку,
Мечтает клён куржак надеть, любя,
И крыше мокрой хочется, как шапку,
Снег нахлобучить с форсом на себя.
Грустны тулупы в избах у порога,
Которым люб морозный скрип саней.
Но белизны и там, в полях, немного –
Лишь заяц в шубке новенькой своей.
Он нарядился в белое некстати –
Весь на виду, обманутый зимой.
И кажется косому на закате,
Что слился он с метельной кутерьмой.
А это просто отсвет от берёзки,
Которой тоже в воздухе сыром
Всё видятся снежинок искры, блёстки,
Играющие с лунным серебром...

// Кузбасс. – 1968. – 1 февраля. – С. 4.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Она не знала громких фраз,
Но в дымной, огненной метели –
Мы это видели – не раз
Была доказана на деле...
Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той, немецкой стороной,
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулёмётных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик спрыгнул с парашютом.
Сейчас подскочит «мессершмитт»,
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...

Но тут же друга самолёт,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Теперь попробуй подступись.
Нет, подступить невозможно!
Снижался, плыл парашютист,
Прикрыт охраною надёжной.
Пройдёт ещё минуты две –
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Уж видит лётчик колею,
Сейчас ударится ногами.
А тот, кто спас его в бою,
Ходил, ходил над ним кругами.
...И рады мы в пути вперёд
Сказать, что дружба фронтовая,
И в мирный день не остывая,
Высоты новые берёт.

// Кузбасс. – 1968. – 23 февраля. – С. 4

ДОГАДАЙТЕСЬ!

*Смотрит Марс горящим оком
На притихшего меня.
Смотрит, как клубы дымятся
От костра на берегу.
Будто хочет догадаться,
Что я выкинуть могу.*

Валентин Махалов.

Марс мерцал дремотно, пресно...
Смотрит: я на берегу!
Очень Марсу интересно,
Что я выкинуть могу!
Разогнал рукой туманы.
Жарким оком стал остёр:
Может, я, как встарь шаманы,
Сигану через костёр?

Может, встану на ходули?
Может, шпагу проглочу?
На карачках поползу ли?
Над рекою ли взлечу?
Ну, а, может, я – вприсядку,
Или твист хвачу как раз?..
Ну-ка, кто решит загадку:
Что я выкину сейчас?

ПОЛЕЗНЫЕ ИСТИНЫ

*Светлеет голова.
Играет силой тело...
Ей-ей, рубить дрова –
Полезнейшее дело!*

Николай Старшинов.

Мне было три иль пять,
А я уж знал сто истин:
Полезно ночью – спать,
Днём – есть. И зубы чистить.
Июль или январь –
Ходить полезно в баньку.
Полезно взять букварь
И не валять с ним Ваньку.

А чтоб семью кормить –
Поздней узнал об этом,
Полезно кем-то быть –
Ткачом или поэтом.
С похмелья жив едва –
Рассол полезно – в дело:
Светлеет голова,
Играет силой тело!

«ЭГЕ» НА СЕЛЕНГЕ

*Э-ге-гей ты, Селенга!
Э-ге-гей вы, берега!
Небеса вы – э-ге-гей!
Облака и ветровей!..*

*Слышишь,
Слышишь, Селенга!
О-го-го-го!
А-га-га!*

Дмитрий Смирнов.

Шёл я лугом... Дед Аггей
Окликает: – Э-ге-гей!
До Аггея – два шага.
– Сочиняешь всё?
– Ага.
– Всё про нашу Селенгу?
– Про неё, отец. Угу...

Сели мы на берегу.
– Почитал бы что!
– Могу.
Только начал – у него
Брови кверху:
– О-го-го!
Дочитал я, слышу вздох:

– О-хо-хох ты, о-хо-хох!
 Рядом, в зарослях ольхи,
 Птичка прыснула:
 – Хи-хи!
 И, встревожив берега,

Гуси дружно:
 – Га-га-га!
 А в лугах – звучней всего –
 Покатилось: – И-го-го!

// Кузбасс. – 1968. – 3 марта. – С. 4.

ДЕТИ ЕСТЬ ДЕТИ...

Очень своеобразен язык детей, очень оригинально у них восприятие окружающего мира. Предлагаемые вниманию читателя миниатюры – результат наблюдений над повседневной жизнью ребят.

ЕРУНДА ОТГОРОЖЕНА

Малыш возбуждённо рассказывает о чём-то. Старшая сестрёнка вдруг перебивает его:

– Ну, что ты ерунду городишь!
 – Ничего не горожу, она у меня всегда отгорожена, – невозмутимо отвечает братишка.

ПО МОТИВУ...

Включили радиоприёмник. Артист читал рассказ Шолохова «Судьба человека». Маленький слушатель вскинул голову, прислушался к неповторимым интонациям этого голоса и сказал с оживлением:

– Я знаю, кто это. Артист Лукьянов. Я его по мотиву узнаю.

РИФМА НЕ ТА

Заучивают пушкинскую сказку:

– С первого щелчка прыгнул поп до потолка. Запомнил? Повтори!
 – С первого щелка...
 – Не щелка, а щелчка!
 – А мне больше нравится щелка. Так рифмее!

ПЕРЕКРИЧКА

– Завтра в школу, завтра в школу! Мы были уже на перекричке! Я всех перекричала!

СООБРАЗИЛ

– Иди погуляй, только, смотри, не балуйся, не дерись, а то дружинники заберут.
 – Это которые с красными рукавами? А я с ними подружусь, раз это дружинники!

НА ЛУГУ

Играли на зелёном солнечном лугу. Вдруг самый маленький закружился на месте, поднял рёв.

– Ты что? Что случилось?

Держась ладошкой за ухо, малыш продолжал реветь:

– Ой-ой-ой! Пчела мне ухо прищемила!

АФИША

– Олечка, заверни за угол, посмотри афишу, какие фильмы сегодня в кинотеатре.

Прочитав на афише названия фильмов: «Иван Бровкин на целине» и «Иван Грозный», Оля со всех ног бросилась к матери, весело сообщая:

– Иван Грозный на целине!

ПЕРЕД СНОМ

Вечером, лёжа в постели, засыпая, Света просит:

– Мама, принеси попить.
 – Сходи сама, попей.
 – Нет, тогда я проснусь.

ПОКУПАТЕЛЬ

Посланный в магазин за молоком мальчик вернулся с пустым бидоном и хмуро заявил:

- Привезли какое-то парализованное молоко, а меня вытолкали из очереди.

УБОРКА

Девочка, старательно протирая тряпкой буфет, подвела итог:

- Мама, у нас сегодня гениальная уборка!

РУЖА

Поймали птичку. Долго носились за ней по комнате. Затем кто-то предложил:

- Давайте откроем окно, выпустим её наружу!

Один из друзей надул губы, спросил подозрительно:

- На какую ружу?

ЗАВТРА В КИНО

Третьеклассница вернулась из школы, объявила младшему братишке:

- Завтра пойдём с тобой в кино. Я уже билеты взяла.

Тот захлопал в ладоши, запрыгал на одной ноге:

- А какой ряд у нас?
- Первый.
- Это где? С самого последнего конца или там, где глаза режет?

ДО ОТРЕЗА

- Саша, почему ты не доел суп?
- До отреза наелся! – решительно ответил мальчуган.

КТО УМНЕЕ

Девочка на балконе с воздушными шарами. Мальчик, стоя под балконом, просит:

- Брось мне один!
- А ты умный?
- Поумнее тебя.
- Поумнее... Как же я брошу тебе шар, он ведь не вниз, а вверх полетит.

Покраснел, отошёл, буркнул:

- Ноль один в твою пользу...

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1968. – 7 июня. – С. 3.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Недавно я закончил редактирование первого небольшого сборника стихов Николая Пискаева. Этот сборник со стихами ещё шести молодых авторов войдёт в поэтическую кассету «РАДУГА», которую собирается выпускать Кемеровское книжное издательство.

Николаю Пискаеву тридцать три года, он живёт в Белове, работает старшим машинистом турбинного цеха Беловской ГРЭС, печатается в основном в городской газете. Для меня открытие Пискаева было таким же радостным, как в своё время первое знакомство с поэзией Виктора Баянова. Многие роднит этих поэтов, и прежде всего большая, сердечная любовь к русской деревне и её людям, которым они и посвящают лучшие свои стихи. Конечно, разный почерк у этих поэтов, разная степень мастерства, и всё-таки много общего у них. И это не случайно: оба они души не чают в своём любимце, учителе и кумире – в Сергее Есенине...

Предваряя эту подборку, мне хочется пожелать читателям запомнить имя Николая Пискаева, а самому поэту – постоянно учиться, упорно и вдумчиво работать, осваивать культуру стиха, чтобы то,

что просится из сердца, радовало нас не только искренностью чувств, но и профессиональным умением выражать их.

М. НЕБОГАТОВ.

Николай ПИСКАЕВ.

В ДЕРЕВНЕ

Ну, вот я и дома. Сиж у окошка.
Смотрю, как котёнок следит за скворцом.
А мать суетится – готовит окрошку.
Запахло укропом в избе, огурцом.
В пыли на завалинке дремлет наседка.
От зноя обвисла листва тополей...
Ведёт охромевшую лошадь соседка
И ласково, слышно, беседует с ней.
На улице тихо до зорьки вечерней.

Пора сенокосная. Время не ждёт.
Спросите любого: что верно, то верно,
У нас работающий и дружный народ.
Деревня как вымерла вся, опустела.
И старый, и малый – с утра на лугу...
И мне вот уже не сидится без дела,
Сейчас соберусь и пойду помогу.

Пойду сегодня к бригадиру,
Быть может, даст он мне коня
Проехать вдоль по Салаиру
И посмотреть на зелены.
Заросший лог объеду краем,
К знакомой рощице сверну,
Где вороньё горластым граем
Тревожит утром тишину.
Подъеду к старому культстану,
Коня к берёзе привяжу,

А сам по цепкому бурьяну
Без всякой цели поброжу.
Сорву лопух, сверну кулёчком,
Из чистой лужицы напьюсь,
И босиком по шатким кочкам
К сорочьим гнёздам проберусь.
На пень берёзовый присяду
И думать буду в тишине
О том, что большей нет отрады,
Чем жить в любимой стороне.

Мой первый стих немало вызвал мнений.
Все в доме говорили обо мне,
Поскольку ни в одном из поколений
У нас поэтов не было в родне.
Стих шёл по кругу. Бабушка сначала,
Отроду не читавшая газет,
Моё творенье одолев, сказала:
– Такой же рассудительный, как дед.
И слёзы навернулись у старушки...
Потом, волнуясь, мать вершила суд,
Заметив мне, что лучше бы частушки

Я сочинял для девок – пусть поют!
Пришёл сосед, пропахший самогоном,
И как цыган, что продавал коня,
За стопкой он авторитетным тоном
До полночи расхваливал меня.
Не помню, кто за ним захлопнул двери,
Но не забыл, как, сидя у окна,
Я улыбался и наивно верил,
Что сила мне великая дана...

// Кузбасс. – 1968. – 13 августа. – С. 4.

КРАСКИ СЕНТЯБРЯ

На границе осени и лета
Столько красок, столько красоты!
Кажется, что август – рядом где-то,
Как мальчишка, спрятался в кусты,
Притаился, щурится лукаво
Под листвою, мерцающей росой,

Где такая сочная отава –
Хоть опять промахивай косою...
Но уже по рощам и полянам
Сентябрю открыты все пути.
Золотым, оранжевым, багряным
Листья сверху начали цвести.

Ах, сентябрь, художник вдохновенный,
 Как ты любишь мир преображать!
 Бережком прошёлся – и мгновенно
 Сделалась прозрачной речки гладь.
 Вскинул кисть – и облако ложится
 На густую синь, как серебро.
 Вроде бы там сказочная птица
 Обронила белое перо.
 Вот потрянул ты кистью – и взлетают
 Капли красок, ягодный настой:
 Красные – рябинник обсыпают,
 Чёрные – черёмушник густой.
 Над стернёю крылья просвистели.
 Ты и птичкам даришь красоту:

Проблеск ярко-алый – свистистели,
 Золотисто-крапчатый – дрозду...
 Здесь рябина рдеет у окна,
 Там горит рубиново заря...
 Не само ли пламенное солнце
 На палитре щедрой сентября?
 Всё, чем солнце славно и богато,
 Отдаёт земле оно, как встарь –
 И вишнёво-тёмный сок заката,
 И восхода робкого янтарь.
 Кажется, что даже гордость лета –
 Радугу, сокровище своё,
 Солнце до поры хранило где-то,
 Чтобы землю нарядить в неё!

// Кузбасс. – 1968. – 15 сентября. – С. 4

(опубликовано в 21-й день рождения дочери поэта Светланы).

ЗОЛОТО

Здравствуй, осень золотая!
 Тихо вьётся над землёй
 Золотая листьев стая
 В свете зорьки золотой.
 Здравствуй, поле, где столпились
 Золотистые стога,
 Где колосья золотились
 В знойной ласке ветерка!
 В сердце что-то молодое,
 Словно звонкая струна...

Здравствуй, море золотое –
 Море хлебного зерна!
 Ходит осень в лунном блеске
 По лугам, полям пустым,
 Одарив наш край Кузнецкий
 Урожаем золотым.
 Крепкой силой налитые,
 Бронзы солнечной смуглей,
 Славьтесь, руки золотые
 Всех работников полей!

// Кузбасс. – 1968. – 13 октября. – С. 1.

НОВЫЕ СТИХИ

СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ

Время над их головами
 Шумно прошло, как гроза.
 Но под седыми бровями
 Светятся ясно глаза.
 Время ссугулило тело
 (Столько пришлось пережить!),
 Но и оно не сумело
 Крепость их духа сломить.

В сердце по-прежнему пламя –
 Вот он, характер, каков!
 Трудно назвать стариками
 Старых большевиков...
 С нами они и поныне,
 Отдых таким не с руки...
 Низкий поклон вам, родные,
 Старые большевики.

ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ

Когда в космические дали
 Взлетел Герой Береговой,
 Мы с чувством гордости узнали,
 Что он – наш сверстник фронтовой.
 Был год военный предпоследний,

Уже в Берлин катился бой,
 Когда он, двадцатитрёхлетний,
 Увенчан первой был Звездой.
 И, может, в дни большие эти
 Гагарин Юра, мальчуган,

Читал о нём статью в газете,
Сжав свой игрушечный наган.
На снимок парня с Украины
Смотрел, и знать не мог тогда,
Что славы звёздные вершины
Их ждут в грядущие года...
Не знал, земные слыша вздохи,
И молодой Герой, пилот,
Что для космической эпохи
Он расчищает небосвод.
Он рвался в бой, чтоб в ясной сини
Не вились чёрные кресты,
Чтобы вставали над Россией

Рассветы майской чистоты...
И подвиг, что свершил Гагарин,
Продолжил он, Береговой,
Улыбчивый смоленский парень –
И человек немолодой.
За всех, рождённых в двадцать первом,
Сказал полковник, как в бою:
Ещё нам рано быть резервом,
Ещё солдаты мы, в строю!
Жить вечно ленинским идеям!
И прав поэт, таков наш склад,
Что мы под тридцать лет сидим
И не стареем в шестьдесят!

// Кузбасс. – 1968. – 6 ноября. – С. 3

Критика и библиография

«ДОБЫТЬ СВОЮ ЖАР-ПТИЦУ...»

В минувшем году Кемеровское книжное издательство выпустило поэтическую «кассету», состоящую из трёх сборников молодых кузбасских авторов. И вот перед нами следующая, только что появившаяся на прилавках «кассета». На этот раз она более весомая: под одной обложкой выступают уже пять стихотворцев: редактор Кемеровской студии телевидения **Виталий Юречко** (сборник «Пристани»), старший архитектор Сибпромстройпроекта **Вениамин Безруков** («Поединок»), токарь-расточник Юргинского машиностроительного завода **Виктор Чурилов** («Монолог»), сотрудник газеты города Берёзовского **Василий Завьялов** («Малиновый журавль») и аспирант Кузбасского политехнического института **Дмитрий Глазов** («Март»).

Много ли в «кассете» стихов, которые вызывают определённое настроение, ответные чувства? Нет, такие стихи, к сожалению, наперечёт. Вот Виталий Юречко. Как-то он в личной беседе выразил искреннее недовольство тем, что, кто бы ни завёл разговор о его стихах, все похвально отзываются о стихотворении «Коварды» как о беспорной удаче, как будто нет у него ничего другого.

У каждого поэта есть свои творческие вершины. Мне уже приходилось отзываться в печати об этом истинно поэтическом произведении, и в книжке оно, на мой взгляд, – лучшее. Лучшее, но не единственно хорошее. Западают в сердце такие стихи, как «Телефон», «Окна», «Уральский этюд». По силе воздействия они близки к «Коварды». В «Телефоне» всего восемь строк, и все они пронизаны глубоким чувством, которое передаётся читателю:

Телефон – как уснувшая птица.

Вам знаком нетерпения код?

О, как долго молчание длится!

Целый час. Целый день.

Целый год.

Ты не хочешь мне даже присниться.

За окном – тишина и огни...

Телефон – как уснувшая птица.

Ну, вспугни ты её, вспугни!

Невольно вспоминается утверждение Блока, что лирическое стихотворение не должно быть длинным. Когда от волнения перехватывает дыхание, когда стихи – голос самой искренности, тогда не до многословия. Каждая строка – как стук сердца. Есть какая-то закономерность в том, что надуманные, вымученные стихи, как правило, и по словесному оформлению получают слабыми, неряшливыми, а те, что подсказаны подлинными чувствами, пишутся легко, слова как бы сами ложатся на бумагу, и все – на своё место. Пример второго случая – стихотворение «Окна». И не только досадно, а как-то даже странно видеть у того же поэта, обладающего художественным вкусом, строчки грубые, разухабистые.

Значительное место в книжке Виталия Юречко занимает цикл «Из северной тетради», но он проигрывает в сравнении со стихами на ту же тему, составляющими основу сборника Василия Завьялова. Объясняется это, видимо, тем, что цикл – результат мимолётных впечатлений, а стихи Василия Завьялова –

почти дневниковые записи, которые он вёл если не на бумаге, то в памяти, в течение длительного периода, когда жил и работал на севере.

У Василия Завьялова задача была не из лёгких – сказать что-то новое, своё про «этот край туманный, сто раз воспетый в прозе и стихах». Думается, что впечатлений от северной романтики у Василия Завьялова хватит ещё не на один поэтический цикл. Хотелось бы пожелать ему на будущее более мужественного, что ли, отношения к этой теме, а то в некоторых стихах нет-нет да и проскользнут какие-то надрывные нотки.

У Виктора Чурилова с первых его стихов виден интерес к жизни рабочего класса. И не случайно сборник «Монолог» открывается стихотворением «Сварщик». Оно, как и «Коварды» у Виталия Юречко, – заметная вершина на творческом пути молодого поэта. Так же, как Виталий Юречко, Виктор Чурилов продолжает настойчивые поиски новых тем и мотивов. Ничего, что не «не поймал ещё свою жар-птицу», но несколько радужных её пёрышек в его руках – такие стихотворения, как «Родился человек...», «О молчании», «Когда стучится человек». Стихи эти – свидетельство серьёзных раздумий автора, его умения находить точные, выверенные слова, которые трогают читателя, создают настроение.

Одни поэты склонны к поверхностному, натуралистическому изображению действительности, другие, остерегаясь внешнего правдоподобия вещей и явлений, впадают в противоположную крайность – черпают вдохновение из книг. И тот, и другой художественный метод нельзя назвать плодотворным. Я впервые познакомился со стихами Вениамина Безрукова в книжке «Поединок», и вот о чём подумалось: обедняет себя молодой способный поэт, доверяясь не жизненным, а по большей части книжным впечатлениям, которые, что ни говори, излучают не свой, а отражённый свет (стихотворения «Читая Шолохова», «Витязь», «Город кузнецов», «Сальери», «Потом», «Лебедёнок», отрывки из поэмы «Топор и колокол»). Чувствуется, автор равнодушен к далёкой русской старине, он пишет о ней увлечённо, не откажешь ему в умении каким-то характерным словом, образом создавать нужный исторический колорит, но всё это – сизифов труд; знакомое по книгам, сказкам, былинам не становится более интересным, если даже перед нами умная, своеобразная интерпретация.

Любой непредубеждённый читатель книжки «Поединок» может посоветовать автору одно: обратить свой взгляд к тому, что его окружает, поделиться с нами мыслями и чувствами, рождёнными в результате живых впечатлений. Ведь есть же у Вениамина Безрукова стихи, отмеченные оригинальностью мысли и образа. На такие вот стихи и надо ориентироваться молодому поэту, у которого – хочется надеяться – будут серьёзные успехи.

Противоречивые чувства вызывает книжка Дмитрия Глазова «Март». С одной стороны видишь, что автор вроде бы не обойдён поэтическими способностями, с другой – расплывчато, туманно содержание многих стихов и неясна форма, особенно рифмовка (веселились – по лицам, брови – командировка, досадный – вприсядку, ухнул – лягушку и т. п.).

У всех авторов «кассеты» разные творческие почерки, а недостатки в стихах – общие. Самый существенный – нехватка мастерства. Можно привести множество примеров небрежной или, вернее, неумелой работы со словом. У Виталия Юречко есть горделивое и вместе с тем немного грустное признание, выраженное как бы от имени всех своих сверстников, в том числе и авторов «кассеты»: «За всё берёмся понимающе, хоть часто жизнь нас бьёт под дых... Мы долго ходим в начинающих и очень долго – в молодых».

Пожелаем же молодым поэтам не просто очень долго, а всегда быть душевно молодыми и не задерживаться в начинающих.

// Кузбасс. – 1968. – 29 ноября. – С. 3.

РОДИНА

Есть великое чувство одно,
Что с рождения людям даётся.
Как любовь, нас волнует, оно
Чувством Родины гордо зовётся...
В нём высокая радость, восторг
От всего, что для сердца желанно, –
От искрящихся пушкинских строк
И от грустных картин Левитана;

От народных напевов простых
И задорной, до лихости, пляски,
От пословиц, что складны, как стих,
И от мудрости, вложенной в сказки...
В нём и тихая дума-печаль
У курганов, что землю всхолмили,
Где когда-то дымилась пицаль,
И зловещие «юнkersы» выли...

В этом чувстве, навеки святом,
 Драгоценном, как жизнь и свобода, –
 Кремль московский и шушенский дом,
 Гений Ленина, слава народа.
 В этом чувстве – бурлак с бечевой
 И в плотинах речные просторы,
 С колокольной набат вечевой
 И сигнал легендарной «Авроры».
 В этом чувстве – что было, что есть:
 Свет лучин и огни новостроек,
 Звездолёта из космоса весть,
 Колокольчики праздничных троек...
 С ним в полгоря любая напасть.
 С этим чувством, нежны и суровы,
 Шли мы в бой за Советскую власть
 И на новые битвы готовы...

В этом чувстве – начало начал,
 В нём родство и с народом, и с веком,
 Право жить, как Ильич завещал,
 Право быть на земле человеком.
 Чувство Родины! Слышим в тебе
 Зов ко всем, кто нестоек и хрупок:
 В самой грозной идейной борьбе
 Чёрным силам не делать уступок!
 Навсегда нам и дорог, и люб
 Отчий край – и ручей у оврага,
 И дымки голубые из труб,
 И крыло кумачового флага!
 И нужны ли признанья в любви
 К миру этому в солнце и в сини,
 Если в сердце храним мы, в крови
 Чувство Родины, чувство России!

*// Кузбасс. – 1968. – 5 декабря. – С. 1
 (опубликовано в День Конституции).*

Критика и библиография

ОЧЕРКИ ТВОРЧЕСТВА КУЗБАССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Книгу эту ждали давно, хотя и не знали, кто будет её автором и когда она появится. Массовый читатель хотел получить более или менее ясное представление о литературе своего края. Школьники и учителя нуждались в пособии, которое может развернуть и активизировать краеведческую работу в школе. Студенты-филологи хотели иметь солидное подспорье для своих контрольных и курсовых работ по местной литературной тематике. Ну, а о самих писателях Кузбасса и говорить нечего: они всегда рады встретиться с мало-мальски толковыми и квалифицированными откликами на их произведения.

В книге восемь очерков. Восемь писательских имён. Виктор Баянов. Евгений Буравлёв. Александр Волошин. Геннадий Емельянов. Владимир Измайлов. Владимир Мазаев. **Михаил Небогатов**. Гарий Немченко. Такова та «обойма» кузбасских писателей, которая вошла в книгу А. Ф. Абрамовича «На своей земле» (Кемеровское книжное издательство, 1968 г., редактор – З. А. Чигарёва). Хорошее и ценное начинание! Но сразу же хочу высказать два критических замечания в адрес издательства. Во-первых, жаль, что книга вышла до обидного малым тиражом (3 тыс. экз. – это очень мало), и уже сейчас она стала «библиографической редкостью». А, во-вторых, можно было дать более полное представление о литературе Кузбасса, включив сюда также очерки о П. Ворошилове, А. Соболеве, В. Рехлове, И. Зыкове.

Тенденции, намечающиеся в их творчестве и весьма характерные для современного развития кузбасской прозы, в книге очерков отражения не нашли. Но это – пожелание на будущее.

Говорят, что о любой книге можно судить не по тому, чего в ней нет, а по тому, что в ней имеется. Последуем же этому совету. Книге очерков А. Ф. Абрамовича присуще завидное качество: автор не только хорошо знает литературу Кузбасса, но и наделён тонким литературно-эстетическим чутьём (что так необходимо для критика!), ясностью идейной позиции, умением уловить и выразить то оригинальное, что характеризует писателя и что определяет, в конечном счёте, его творческий почерк. Поэтому каждый из «персонажей» очерков А. Ф. Абрамовича воистину обладает «лица необщим выраженьем». Два-три примера.

Вот знакомимся мы с лирическим дарованием В. Баянова. Муза поэта, задушевная, искренняя, всегда естественна и жизнеутверждающа, о чём бы он ни писал – о нелёгком военном детстве, о человеческом горе и счастье, о любви, о красоте родной земли или о деревенской природе, верной и неизменной спутнице поэта. Стихи В. Баянова поэтичны по своей «строчечной сути» и в то же время предметны и точны, свободны от модных выкрутасов и формалистического манерничанья. Одухотворённые чувством автора сибирские пейзажи, фольклоризм песенно-частушечного характера, есенинские традиции, по-своему переосмысленные и преображённые поэтом, – всё это придаёт его лирике особый колорит. В. Баянову

органически чужды ходульность и риторичность. Ему пока ещё меньше удаются стихи на темы труда, но лучшие его произведения – такие, как «Мальчишки плачут редко», «Салаирские соловьи», «Песнь о хлебе» и другие, – написаны добротнo, свежо и самобытно.

Иным предстаёт перед читателем Е. Буравлёв, поэзия которого окрылена пафосом «трудных троп», придающим ей глубоко современное звучание. Буравлёв внутренне сроднился со своими героями-первооткрывателями, мужественными и суровыми, сдержанными и трудолюбивыми людьми: будь то строители Южсиба или геологи-кладоискатели. Поэт тяготеет к сюжетным стихам с конкретно выписанными характерами героев. Отсюда же – его обращение к жанру поэмы (в книге даётся анализ «Красной Горки» и «Первой плавки»). Пишет критик также и о декларативности, прямолинейности, фактографичности некоторых стихов поэта.

Не похож на упомянутых авторов В. Измайлов со своей подчёркнуто гражданской и остропублицистической поэзией. Активная, боевая, наступательная позиция характеризует его стихи. Они щедро насыщены философским подтекстом (вплоть до пейзажных зарисовок), гуманистическими раздумьями о нашей сложной эпохе, о человеке сегодняшних дней, о творениях его рук, его разума, его сердца. Поэтическое и публицистическое сливаются воедино в лучших стихах В. Измайлова (а таковых у него немало!), побеждая декларативность, описательность и иллюстративность, временами всё ещё сказывающиеся в его поэзии.

Видимо, нет необходимости останавливаться на содержании каждого из очерков в отдельности. Отмечу только, что лучшими в книге, на мой взгляд, являются очерки о романе Г. Немченко «Здравствуй, Галочкин!» и о поэзии В. Измайлова. Они написаны на хорошем профессиональном уровне. Здесь есть то, что хотелось бы видеть в книге подобного рода: и явная заинтересованность, увлечённость творчеством рецензируемого писателя; и глубокое проникновение в сильные и слабые стороны его дарования, образного мира; и объективно-критическое, по-хорошему требовательное отношение к неудачам и слабостям; и подчёркнутое стремление уловить «специфику» писательского облика.

Достоинством книги «На своей земле» является и то, что А. Ф. Абрамович выступает здесь не просто как литературный критик, но и как публицист. Впрочем, вообще всякая подлинная критика немыслима вне публицистики. Особенно характерен в этом смысле очерк о романе Г. Емельянова «Берег правый». Разговор о проблематике и образах романа перерастает в разговор о злободневных проблемах современности – о взаимоотношениях рабочего наших дней и социалистического государства, о необходимости совершенствовать организацию труда на сибирских стройках, и о многом другом. Даже чисто экономические проблемы не обходит своим вниманием критик, высказывая и по ним своё продуманное и, в общем-то, верное суждение. Он выступает против показного, ложного героизма, против извращений в соревновании за коммунистический труд. Так, очерк о романе оказывается одновременно очерком о жизни.

Не все очерки полноценны в книге. *Эскизна и поверхностна рецензия на сборник стихов М. Небогатова «Майский снег».* Есть элемент некоторой эклектичности и перечислительности в хорошей статье о В. Баянове. Аспект идейно-тематический перевешивает над аспектом идейно-эстетическим в анализе рассказов В. Мазаева. Вполсилы написан очерк о Е. Буравлёве. Плохо, когда критик становится в позу судьи, прокурора, обвинителя. Но, пожалуй, не лучше, если критический анализ произведения превращается в гимн или оду. К сожалению, последнего не избежал и А. Ф. Абрамович. В

книге, конечно, есть – их немало! – критические замечания в адрес отдельных произведений и авторов. И, тем не менее, порой пробивается явно апологетическая тенденция, серьёзно подтачивающая местами объективность и глубину авторских оценок.

Не рановато ли говорить о зрелости В. Баянова – поэта, бесспорно, одарённого, но ещё далеко не достигшего подлинно поэтической зрелости? Во втором сборнике стихов «За рекой Талиновой», представляющем несомненную удачу поэта, в то же время наметилась, к сожалению, опасность самоперепевов, топтания на месте, тематической узости, игнорирования достижений современной поэтической культуры. Современная жизнь во всей её сложности и глубине пока ещё не вмещается в избранную В. Баяновым поэтическую форму многих его стихов.

Так ли уж художественно совершенна поэма Е. Буравлёва «Красная Горка», которую критик считает «наиболее удачным» произведением и в которой он, по сути дела, не видит никаких «огрехов»? Да, для развития поэзии в Кузбассе эта поэма имела в своё время немаловажное значение. Но ведь Костя, Алёнка, Лапшин и другие персонажи поэмы даны всё-таки упрощенчески, бедно и бледно. Эпический замысел оказался реализованным частично и схематично. Лучшие страницы поэмы – это преимущественно

лирические отступления, интересные, содержательные, волнующие, написанные в хороших поэтических традициях, идущих от А. Твардовского. Поэмы, как таковой, собственно, не получилось.

Зачем же умалчивать об этом, дезориентируя и читателей, и поэта? Недостаточно объективно оценена в книге и поэма «Первая плавка». Получается, что актуальность темы, важность проблемы, злободневность идейного замысла в глазах критика как бы искупают художественное совершенство и погрешности литературного произведения. Именно с такой позиции анализируется А. Ф. Абрамовичем и роман А. Волошина «Земля

Кузнецкая». Это – роман, по-своему интересный, отражающий определённый – послевоенный – период в жизни тружеников нашего края, в первую очередь их авангарда – шахтёров, с характерными для той поры общественными конфликтами и трудовыми коллизиями. Но критик усматривает главный и едва ли не единственный недостаток романа – всего лишь в упрощённо-схематическом раскрытии любовных взаимоотношений Павла Рогова и Вали Евтюховой. Между тем роман А. Волошина содержит, как известно, и более значительные художественные просчёты, о которых в своё время достаточно писала наша критика. Вряд ли следует столь решительно игнорировать эти оценки.

Современная литература Кузбасса уже выросла из пелёнок, вступила, если ещё не в период зрелости, но, во всяком случае, в период юности, и заниженные требования в её адрес никому не пойдут на пользу – ни читателям, ни писателям. Напротив, именно на данном этапе её становления особенно необходимо внимательное, нелицеприятное, доброжелательное и одновременно требовательное – по большому счёту! – слово литературной критики. Вот эту требовательность – увы! – и не всегда находишь в рецензиях и откликах на книги местных писателей, на очередные номера альманаха «Огни Кузбасса», на поэтические сборники. Современной поэзии Кузбасса явно не хватает гражданского пафоса и широты мироощущения. Кузбасская проза почти полным молчанием обходит жизнь деревни и важные процессы, происходящие сейчас в ней. Низка ещё общая поэтическая и эстетическая культура. Не может удовлетворить нас и уровень художественного мастерства многих писателей. Кому же, как не литературной критике в первую очередь, предъявлять писателям серьёзный счёт, который они должны оплатить (и – не сомневаюсь! – оплатят) хорошими произведениями.

А. МИКЕШИН,

*доцент, заведующий кафедрой литературы
Кемеровского педагогического института.*

// Кузбасс. – 1968. – 20 декабря. – С. 4.

КУЗБАССКИЕ ПОЭТЫ – ЖЕНЩИНЕ

В канун 8 марта редакция обратилась к кузбасским поэтам с просьбой дать в праздничный номер самое любимое стихотворение, связанное со знаменательной датой. Поэты охотно выполнили эту просьбу. Но вот что любопытно: почти все они оказались единодушны в выборе и принесли стихи о первой любви.

Евг. БУРАВЛЁВ.

ОСТРОВА

Кто вас выдумал, острова,
С птицей-иволгой, с ягодой-кислицей,
Где Наташка-сорвиголова
Робинзоном любила числиться?
Ей, бывало, ни в чём не перечь –
Берегись языка её острого,
Если даже заходит речь
О спасении её с острова.
Говорила: «Мои острова!».
Хоть, чем кончится всё, знала загодя:
Расправлялись мы с нею сперва,
А потом приступали к ягоде.

Но однажды как-то весной,
Босоногая, в ситцевом платице,
Поделилась тайной со мной:
«Робинзону скучно без Пятницы...»
И, от счастья на волосок,
Я признал острова робинзоньими,
И до зорьки, уткнувшись в песок,
Наши лодки лежали вверх доньями...
Ну, а нынче вы, острова,
Неужели необитаемы?
В рост смородинник, в пояс трава,
Да черёмушник с птичьими стаями.

Вот и берег. Дробинки воды
Держат ветви листьями-ладонями.

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбывал.
На вечерках возле сельской лавки
Я, смущённо опуская взгляд,
Для неё играл на балалайке,
Всё сбиваясь на минорный лад.
Рассыпал я перезвоны густо
И, во всём хозяину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.
И, её ничуть не повторяя
В чистой перезвонной красоте,
Выводила тоненько вторая
О моей сердечной доброте.
Не держа моей мечты в секрете,
Смутными надеждами томя,

Хода нет! – на песке следы,
И две лодки лежат вверх доньями.

Виктор БАЯНОВ.

Голосисто подтверждала третья
Сказанное первыми двумя.
Я любимой пел о клёнах, ивах,
Звал её неведомо куда.
Но девочки смотрят на красивых –
Я красивым не был никогда.
Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И, когда с другим ушла она,
У моей весёлой балалайки
С горьким всхлипом лопнула струна...
Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной первой маяты
Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.
Там всё так же клён зарёй подпален
И девочки водят хоровод,
И влюблённый некрасивый парень
Струны балалаечные рвёт.

Игорь КИСЕЛЁВ.

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова, Наташа Ростова!
До чего ты мне нравилась, честное слово!
Я влюблённый в тебя приходил на уроки,
Я бродил, как Болконский, печальный и строгий,
И друзья меня спрашивали некрасиво:
– Что за муха, приятель, тебя укусила?
Я надменно молчал. Ведь они не видали,
Как под вечер, у клёнов одних на виду,
Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.
Как цвели её тёмные в сумерках ленты,
Как она говорила, картавя слегка:
– Вот покрепче себя обхвачу под коленки
– И держи – улечу от тебя в облака!
Не шутя говорила она, не нарочно,
Потому, что была она – как лепесток.

*Много в мире прекрасного,
Что сравнится с тобой...
Вроде солнышка ясного*

И, пугаясь, придерживал я осторожно
Невесомый, точёный её локоток.
Улетела Наташа. Куда же? Туда же,
Куда все, повзрослев, улетают Наташи,
Оставляя на память нам школьные ленты,
Поселяя в нас память о солнечном лете,
Подарив нам печаль, от которой не спится
И которой в стихи суждено превратиться.
Всё стареет. И рощи, и вальсы, и шутки.
Напиши мне, пожалуйста, не утай,
Где теперь опадают твои парашюты,
Где теперь догорают ромашки твои.
Здесь по-прежнему сумерки бродят цветами,
И под теми же клёнами, не на виду,
Задыхаясь, к кому-то бежит на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду.

Михаил НЕБОГАТОВ.

*Ты мне светишь порой.
Согреваешь улыбкою,
Невзначай, может быть...*

*И не будет ошибкою
Со звездою сравнить.
С той, что слушает клёкоты
Перелётных гостей –
Так порою далёко ты
От дороги моей...
Пусть всегда меня радуют
Солнце, звёзды, цветы, –
Всё же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.
Без тебя я безроднее,*

У Соловьёвой Нинки в дневнике
Стояли в ряд пузатые пятёрки,
И книжку на английском языке
Она прочла от корки и до корки.
Она на самый каверзный вопрос
Всегда могла ответить без запинки.
И был у Нинки гордо вздёрнут нос,
А на носу веснушки-золотинки.
Я тоже рос и ловок, и смыслён,
Но с ней тягаться было нелегко мне,
Не потому ль среди множества имён
Я имя Нинки на всю жизнь запомнил?
Я в пятом классе написал стихи
Об этой самой Нинке-золотинке,
В десятом классе у седой ольхи
Мы с ней сошлись на узенькой тропинке.
Я все пути-дороги преградил
Русоволосой маленькой гордячке.
Я был упрям. И я настойчив был,
Я верил в силу и в свою удачу.
Я не был на разбойника похож,
Которого боялась вся округа,
Но вышло так, что Нинке этой всё ж
На той тропинке приходилось туго.

Здесь яркое лето цветами
Взошло на полянах лесных.
Когда над землёю светает,
То это светает от них.
Составы проносятся мимо,
Не ведая, что испокон
На каждую женщину мира

*Чем стожок на лугу.
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!
Гляну в очи – и легче мне,
Твёрже, радостней шаг...
Вижу: сравнивать не к чему,
Ты прекрасна и так.
С чем тебя я ни сравнивай,
И о чём я ни пой,
Всё, что в мире есть славного,
Всё роднится с тобой.*

Валентин МАХАЛОВ.

Поняв одно, что я не уступлю,
Она тогда не поняла другого,
Что я её отчаянно люблю,
Но только не найду такого слова,
Такого слова, чтоб её глаза
Весенним, ясным солнцем озарило.
И я ей крикнул: – Рыжая коза!
Отличница! Подлиза и зубрила!
Мой вид был угрожающе суров –
У Нинки плечи дрогнули устало,
И каждое из тех обидных слов
Её, как ветки, по щекам хлестало.
Она шагнула слепо на меня,
Пошла домой нетвёрдыми шагами,
И я отпрянул, словно от огня,
От глаз её, наполненных слезами.
Она ушла, красива и горда,
Совсем одна, печально хмурия брови.
Я долго шёл по Нинкиным следам
За первую мальчишеской любовью.
Порой сейчас в таинственном бреду
Приснится снова эта мне тропинка.
Идут года... И я по ней иду,
Но не догнать мне Нинки-золотинки...

Геннадий ЮРОВ.

Здесь синий букет припасён.
Я вышел из леса
С цветами,
Вспугнув на опушке росу.
Я дерзкое синее пламя
В руках через город несу.
Несу я дыхание просторов,

Шум ветра и всплески зари.
 На окнах раздвинулись шторы...
 Что, девушка, смотришь? Бери!
 Цветы голубого отлива
 Вплети в золотую косу.

Красивою будь
 И счастливой.
 Бери!
 Я ещё принесу.

// Кузбасс. – 1969. – 8 марта. – С. 4.

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

НЕБЕСНАЯ ГЛУБИНА

Возле самой кромки тротуара –
 Тёплых вод живая синева.
 Кажется, идёшь над краем яра,
 Даже чуть кружится голова.
 Там, под яром, глубина такая,
 Поглядишь – захватывает дух.
 В глубине синеющей, сверкая,
 Проплывает облачко, как пух.
 Тополя с листвою ржавой, старой
 Заманила бездна-глубина:
 Сорвались, упали с крутояра,
 Не достав вершинами до дна.

И туда же – это ли не диво, –
 Опрокинув окна и карниз,
 Дом соседний ухнул, как с обрыва,
 Крышей вниз под берегом повис.
 Всё воздушно. Тает, исчезая,
 Ощущенье прочности земной:
 Над тобой – бездонность голубая
 И бездонность та же – под тобой.
 Смотришь вниз, прикован к небосводу.
 Там, в воде, простор, прозрачность, тишь.
 Сделай шаг – и, кажется, не в воду,
 Прямо в небо, к солнцу полетишь!

НА ЗАРЕ

Как сильно нас волнуют сновидения!
 Как остро жизнь мы чувствуем во сне!
 ...Наверно, близко было пробуждение,
 Когда возникли звуки в тишине.
 Что это – просто песня ли, рапсодия,
 Или полёт на вальсовой волне –
 Не мог понять. А чудная мелодия
 Всё нарастала рядом и во мне.
 С чувствительностью радиоприёмника
 Мой слух ловил, красивую, её.
 Мелькнуло в мыслях смутное:
 «Припомни-ка,
 что в ней звучит? Не детство ли твоё?»
 Но никакой далёкой вспышки в памяти.
 Я это слышал, видно, в первый раз...

Ах, звуки, звуки. Как вы сладко раните,
 Как жаль, проснусь – и потеряю вас.
 ...Открыл глаза. Сиянье утра внешнего.
 И громкий, дружный щебет за окном!
 Так вот откуда всё – из мира внешнего,
 Всё из него, что мне казалось сном.
 Цветёт заря, как ягода рябинная,
 Свой свежий сок пролив на небеса.
 И ей во славу стая воробьиная
 Поёт вовсю, прочистив голоса!
 И так хрустально-звонко утро раннее,
 В котором свету, звукам нет границ!
 И так чудесно это щебетание,
 Как сказочное пенье райских птиц!

// Кузбасс. – 1969. – 24 апреля. – С. 4.

Степан ТОРБΟΚΟV.

НОВЫЕ СТИХИ

Имя Степана Семёновича Торбокова хорошо знакомо любителям поэзии, живущим в Кузбассе. Он автор трёх стихотворных книжек, изданных в Кемерове, – «Белая берёза», «Пихточка» и «Струны кай-комуса», его стихи – частые гости на страницах газет, а также в альманахе «Огни Кузбасса» и в журнале «Сибирские огни».

С. С. Торбоков уже немолод, он родился в 1900 году. За плечами – богатая жизнь, разнообразная деятельность. До революции он учился лишь в начальной школе; как и отец-охотник, молодость свою провёл на лыжах – был отличным следопытом. С приходом в Шорию Советской власти сбылась

давняя мечта – С. С. Торбоков стал учителем и отдал этому благородному делу более четверти века. В 43 года он заочно окончил географический факультет Томского университета.

С. С. Торбоков – не только поэт, но также знаток и неустанный собиратель шорского фольклора. В судьбе своего шорского друга я вижу судьбу всего немногочисленного шорского народа. Когда-то забытый и тёмный, этот народ волею партии и Советской власти поднялся во весь рост и показал недюжинные способности во всех сферах культурной деятельности.

М. НЕБОГАТОВ.

*** **

МОСКВЕ

С детских лет в тайге живу,
По траве хожу...
Не во сне, а наяву
На Москву гляжу.
В шуме улиц, площадей
Горный человек
Столько радостных людей
Не видал вовек!
Слышу бой твоих часов,
Словно сердца стук.
Не найду от счастья слов,
Онемел я вдруг...
Это ты, Москва, спасла
В праведном бою

От насилия и зла
Шорию мою.
Верь признанью старика,
Как самой себе:
Благодарен на века
Мой народ тебе.
За тебя в огонь готов
Каждый шор-кижи*.
Лишь подай, коль надо, зов,
Слово лишь скажи...
Как поэт, я, может, мал.
Ты прости, Москва,
Что от счастья растерял
Лучшие слова.

КУЗНИЦА В ЛЕСУ

Дохою серебристою
Гордится зимний лес:
«Бураны, стужи выстою,
В меха надёжно влез!»
Был бы лишь морозец –
Заснул бы крепко он,
Да кузница колхозная
Вблизи, какой тут сон!
С утра звенит проказница,
Играет молотком,
Из пасти двери дразнится
Багровым языком.
Уж так она старается
Поднять в домах людей,

Что лес ей откликается,
Невольно вторит ей!
С почтеньем он сутулится,
Любитель зимних снов,
Когда идёт по улице
Кузнец Андрей Панов.
В бровях видны подпалины,
Шагает широко.
По запаху окалины
Узнать его легко.
Чуть свет – своей побудкою
Встревожит этот бес!..
Не сном – дремотой гулкою
Спешит забыться лес.

ДУША ЗОВЁТ

Душа зовёт – не к дальним странам,
А к Алатау, чтоб опять
У ледников седым туманом
И вольным ветром подышать.
Зовёт душа к речным истокам,
Туда, где шумный водопад
Лежит сверкающим потоком,

Весёлых брызг подняв каскад.
Хочу туда, где соболев юркий
Рвёт клочья птичьего пера.
Когда-то там считал ты шкурки
При свете яркого костра.
Ты стар. В желаньях мало толку.
И всё же многое отдашь

За то, чтоб снова взять двустволку,

Закинуть за спину ягдташ...

* – Шор-кижи – шорец.

ТАЁЖНАЯ РЕЧКА

Ты берёшь своё начало
В пихтаче у хмурых скал,
Там, где скачет одичало
Гордость Шории – марал.
Пусть расскажет звонкий, чистый
Твой весёлый голосок,
Как из струйки серебристой
Вырастает ручеёк.
Пусть поведают нам пихты,
Глухо лапами шурша,
Как петляешь между пихт ты,
К ручейкам другим спеша;
Как ты, с ними соревнуясь
В беге, в резвости своей,

Всё заметнее волнуясь,
Бьёшься грудью в грудь камней.
Где берёзка встала свечкой
На обрыве-берегу,
Не ручьём уже, а речкой
Я назвать тебя могу.
Нет, не детство предо мною –
Юность, полная огня,
Беспокойною волною,
Силой радует меня.
Перекатов глядя спины,
Мчишься, сердце веселя.
Ждут вдали тебя долины
И хакасские поля.

Перевод с шорского Михаила Небогатова.

// Кузбасс. – 1969. – 23 августа. – С. 4.

СЕНТЯБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ

1.

По утрам, в седой сентябрьской рани,
Не понять – тумана пелена, –
То ли солнце поднялось в тумане,
То ли припозднилась там луна.
Словно фара в снежной круговерти,
Чуть светясь в белёсой полумгле,
Как бы говоря нам: «Вы мне верьте!»,
Что-то пробивается к земле.

Полная загадка в этом лике.
А туман редет там и тут...
Вот уже и розовые блики
В вышине на облачке цветут!
Вот поток лучей, на взрыв похожий,
На салют высокий в чью-то честь.
Снова, снова будет день погожий.
Солнце победило! Солнце есть!

2.

Как всё-таки природа к нам добра!
Всегда есть у неё подарков гряда.
Зимою дарит вдоволь серебра,
Весною – света, летом – изумруда.
А только грозы с ливнями замрут –
Идёт сентябрь, туманный на рассвете.
Он золото и свет, и изумруд
Преподнести нам рад в одном букете!

...Сентябрь – и хлебный шелест колоска,
И шум листвы зелёной с желтизной,
И луч, и паутинка у виска,
И стол со снедью ягодной, грибной.
Бывает, смочит моросью зарю,
Но даже дождь – как ягоды в фуражку!
Как зёрен звон! Спасибо сентябрю,
Что он такой – с душою нараспашку!

3.

Ранний вечер. А двор в тень уже
Погружён.
И отсюда, где сразу прохладно и
Сумрачно стало,
Так отрадно смотреть мне на

Светлый ещё небосклон –
Там лишь только что солнце
За дом опустилось устало.
Можно даже подумать,
Что осень ещё далека –

Лучезарна улыбка
 Закатного нежного зова...
 Но сурово и хмуро
 Застыли вверху облака,
 Где небесная глубь,
 Как река, дочерна бирюзова.
 Словно льдины, они тяжелы, холодны,
 Равнодушны к непрощенной солнечной ласке.
 Их крутые бока с теневой стороны –
 В тёмно-сизой, лиловой зловещей окраске,
 Врозь, недвижно стоят эти глыбы пока,

4.

В ранний час свежо, холодновато.
 Чистый воздух, кажется, звенит.
 Солнце смотрит робко, виновато –
 Нет, мол, сил подняться мне в зенит.
 Даже в полдень ходит стороною,
 Погружаясь в облачную мглу...
 Но не меньше, чем в июле зною,
 Рады мы прощальному теплу.

Но вот-вот и растянутся их волоконца,
 Соберутся, сойдутся в толпу облака
 И надолго от нас спрячут красное солнце.
 Всё же скроют они в сердце, в памяти
 эту зарю,
 Хоть и нет в ней ни яркого блеска,
 ни лоска...
 Не на вас, облака, я сегодня
 С любовью смотрю,
 А в прозрачную даль, где всё
 Теплится света полоска...

И пускай печален листьев шорох,
 И полны раздумьем вечера, –
 Как-то по-особенному дорог
 Нам сентябрь. Чудесная пора!
 В ней – и клёкот птиц, зовущий далью,
 И стога, и ветер по полям,
 В ней – и радость пополам с печалью,
 Как тепло с прохладной пополам...

// Кузбасс. – 1969. – 20 сентября. – С. 4.

ПЕСНИ

Слова **М. НЕБОГАТОВА**

Музыка **Г. ГРИГОРЕНКО**

Осень золотая
(Урожайная)

Ходит осень золотая
 От холма и до холма,
 Щедрым даром урожая
 Наполняя закрома.
 Бьётся сердце молодое,
 Словно звонкая струна.
 Здравствуй, море золотое,
 Море хлебного зерна!

Здравствуй, осень золотая!
 Здравствуй, край Кузнецкий мой!
 Тихо вьётся листьев стая
 В свете зорьки золотой.
 Крепкой силой налитые,
 Бронзы солнечной смуглей,
 Славьтесь, руки золотые,
 Славься, труженик полей!

Есть у нас в Тяжине...

(Шуточная)

Есть у нас в Тяжине
 Девушка хорошая.
 Запоёт в тишине –
 Все дела заброшу я.
 И зимой, и весной,
 И порою жаркою
 Я хожу сам не свой
 Следом за дояркою.
 Всем понятно вполне,
 Что любовь – не шалости.

Почему же ко мне
 У неё нет жалости?
 В моём сердце гроза,
 Сердце, разрывается,
 А она, егоза,
 Смехом заливается.
 Ей важнее житьё
 да бытё колхозное.
 А любовь для неё –
 Дело несерьёзное.

Ох, и пламя в груди
Разожгла красавица!

Хоть в дояры иди,
Чтобы ей понравиться!

*// Кузбасс. – 1969. – 12 октября. – С. 4
(опубликованы вместе с нотами).*

СЕЛЬСКИЙ МИР

Сельский мир. Есть особая прелесть
В тишине предрассветной твоей.
За околицей – шорох и шелест
И ржанных, и пшеничных полей.
Где-то тоненько звякают вёдра.
Дым из печек встаёт высоко.
И в подойники весело, бодро
Бьёт тугою струёй молоко.
Только в речку свою позолоту
Ранней зорьки лучи обмакнут,
Разрезает покой и дремоту
Хлёстким щёлком пастушеский кнут.
И тотчас же от кузни недалёней,
Серебро рассыпая вокруг,
Отзывается звон наковальни,
Молотков озорной перестук.
Вот уж трактор задорно рокочет,
Разминаясь, бежит от ворот,
И взъерошенный, заспанный кочет

Запоздало побудку поёт.
Деловито, спокойно и мудро,
С давней доброй привычкой к труду,
Утро сельское,
Раннее утро
Начинает большую страду...
Сельский мир – не романтика это,
Не нарядной природы парад.
Это мир, где встают до рассвета,
Где под вечер ладони горят.
Чтобы пенились полные чаши,
Было густо на каждом столе,
Эти люди – заботники наши –
Скромно подвиг вершат на земле.
Им во славу так жарко, влюблённо
Светит красками день Октября,
Все свои золотые знамёна
Поднимает, лучисто горя!

Отпыляет осень золотая,
До краёв наполнив закрома.
И придёт, всё снегом заметая,
По-сибирски лютая зима.
Будет виться белою куделью,
Долгой ночью ребянтю стращать –
В ставни ветром биться, выть метелью,
От мороза брёвнами трещать...
Пыль стряхнув, в чулан упрятав робу,
После баньки в новый влезть костюм,
В гости, в клуб ходить бы хлебобобу,
Отдыхать от дел, забот и дум.
Рад он и короткой передышке –
Посмотреть кино, пораньше лечь...

А потом заблещут в окна вспышки –
По ночам он будет спички жечь.
Будет, дым пуская в поддувало,
«Беломор» курить или «Прибой»,
О кормах, о севе, как бывало,
Думать, рассуждать с самим собой.
Будет вновь хозяйские вопросы
В тишине решать, не зная сна...
Хороши ли на полях заносы?
А какая выдастся весна?..
Думы, думы, всё о ней – Сибири,
Всё о том, чтоб край любимый креп,
Чтобы вечно царствовали в мире
Чёрная земля и белый хлеб...

// Кузбасс. – 1969. – 22 октября. – С. 4

(опубликовано в день открытия областной конференции колхозников).

«АВРОРА»

Нет, недаром в день ненастный, серый
Именем «Аврора» назван был

Крейсер, что начало новой эры
Громом пушек миру возвестил.

Есть в «Авроре» свой особый символ,
В нём вся суть событий Октября:
В сказках этим именем красивым
Называлась ранняя заря.
И не гаснуть прошлых дней зарницам,
А всегда гореть у нас в груди.

Ярко новым зорям-заряницам
Заниматься в даях, впереди.
И шагать нам к радости и счастью
Дружною семьёй, к плечу плечом –
С партией, с родной Советской властью,
С дорогим, любимым Ильичём!

// Кузбасс. – 1969. – 6 ноября. – С. 2.

ПЕВЕЦ СИБИРИ

КАЗИМИРУ ЛИСОВСКОМУ – 50 ЛЕТ

Признаюсь, я с радостью принял предложение редакции написать небольшую статью об известном советском поэте-сибиряке Казимире Лисовском в связи с его пятидесятилетием. С радостью, потому что давно знаю его, люблю и как поэта, и как человека.

Заранее оговорюсь: эта статья – не литературный портрет, не критическое исследование, а, как принято выражаться, краткое слово о собрате по перу.

Казимир Лисовский уже сложившийся поэт, опытный художник слова. И совсем неслучаен тот факт, что одну из моих книг редактировал именно он, Казимир Лисовский. Позволю себе привести выдержку из его письма того периода (1960 г.): «Извини за долгое молчание. После отправки твоей рукописи в Кемерово на десяток дней уезжал из города «на простор речной волны». Очень рад, что ты, в общем, согласился с моими замечаниями и отбором. Это – хорошо... Мы уже с тобой немолодые люди, и никто прощать нам огрехов не собирается...».

Обратите внимание на брошенную как бы мимоходом фразу: «...на десяток дней уезжал из города «на простор речной волны». Конечно, ничего удивительного нет в том, что литераторы время от времени уезжают куда-то из родного города или села в творческие командировки, но у Казимира Лисовского жажда поездок, путешествий, странствий поистине удивительна, это, можно сказать, его «одна, но пламенная страсть». Вот что говорит он об этом сам в предисловии к «Избранным стихотворениям», вышедшим в издательстве «Художественная литература» в 1964 году: «Сибирь стала моей поэтической родиной. Мне посчастливилось узнать, исколесить её так, как, пожалуй, мало кому удавалось из поэтов.

Могу без ложной скромности сказать, что иногда приходилось бывать в таких местах, где до меня не бывал ни один газетчик, ни один литератор... Знаю Енисей и Ангарау от истоков до устья. На плоту проплыл почти всю Нижнюю Тунгуску, на лодке-илимке – Подкаменную Тунгуску, на катере – всю Пясику, дику, до сих пор ещё не обжитую реку. Был на побережье Ледовитого океана, на мысе Входном, где мне удалось найти затерянную в тундре могилу легендарного следопыта Н. А. Бегичева. Плавал на Карском и Баренцевом морях, вылетал на арктические зимовки моря Лаптевых. На оленях неоднократно пересекал Таймырский и Эвенкийский национальные округа. Жил в чумах эвенков и нганасанов, кетов и селькупов. Горы Тувы и Алтая, степи Хакасии, Байкал, сопки Забайкалья, Якутия... Впрочем, трудно всё перечислить!». Действительно, поражает даже одно перечисление тех географических широт, тех мест, где довелось побывать поэту, самозабвенно преданному родной Сибири, которую он недаром называет своей первой любовью.

Казимир Лисовский говорит в одном из стихотворений:

<i>И если я строчкой своею</i>	<i>Воздвигнуть завода громаду</i>
<i>Хоть в тысячной доле помог</i>	<i>В полярной глухой стороне, –</i>
<i>Обжить берега Енисея,</i>	<i>Мне лучше награды не надо,</i>
<i>Прокладывать рельсы дорог,</i>	<i>И этой – достаточно мне!</i>

Верится, что помог! Потому что после каждой очередной поездки рождались стихи, циклы стихов, поэмы и книги, в которых поэт горячо, взволнованно, искренне рассказывал на высоком языке искусства обо всех, с кем встречался на дальних дорогах странствий.

«Моя Сибирь» – таким точным названием одного из стихотворений утверждает Казимир Лисовский своё выстраданное право говорить от имени всех нас, сибиряков, о крае, который он знает и любит. Герои многих его сибирских стихов – это живые, конкретные личности с их подлинными именами и биографиями. Вот некоторые примеры. Под стихотворением «Цветная линогравюра» – посвящение: «Художнику В. И.

Мешкову», истинному мастеру северного пейзажа». Стихотворение «Увачан едет на фронт» посвящено памяти Героя Советского Союза эвенка Иннокентия Увачана.

Стихотворение «Станция Кошурниково» навеяно раздумьями о красиво прожитой жизни инженера А. М. Кошурникова, трагически погибшего при изыскании трассы железной дороги Абакан – Тайшет. В «Воспоминании» – душевный разговор с молодыми поэтами-сибиряками, не вернувшимися с войны, Георгием Суворовым и Борисом Богатковым. Прислушайтесь, какой нежностью проникнуты обращённые к ним слова: «Суворов Гоша, Боря Богатков! Я знал обоих вас не понаслышке. Встречался часто. И до петухов мы упивались строчками стихов, тогда ещё – безусые мальчишки...».

Здесь уместно подчеркнуть, что Казимир Лисовский пишет, как правило, только о том, что знает не понаслышке. Его поэзия – это живой, озарённый художническим воображением слепок с действительности, со всего того, что он сам увидел, открыл, исследовал. Убедительной достоверностью, глубоким знанием дела, проникновением в суть явлений и характеров героев отличаются произведения поэта и на исторические темы, такие, как «Ленин в Красноярске», «Чехов на Енисее», «Земля, в которой Бегичев лежит», «Газете «Красноярский рабочий», основанной в 1905 году», «Улицы носят их имена», «Фактория Ошарово», поэма «Сумасшедший поезд» и др.

Иные критики к творческим характеристикам поэтов часто прибавляют самые разнообразные – и, между прочим, не всегда обоснованные – эпитеты: интеллектуальный, философичный, камерный, поэт от земли. О Казимире Лисовском я бы сказал так: это просто хороший русский поэт. Дарование его многообразно, в его творческом активе – стихи, поэмы, очерки, книжки для детей.

За плечами – пятьдесят тревожно и радостно прожитых лет (кстати, почти столько же и книг), но это не рубеж, не пристань для отдохновения. Можно с уверенностью сказать, что и сегодня, так же как в юности, прежняя жажда к жизни, неизведанному манит певца Сибири в новую дальнюю дорогу:

Вы всегда со мной – суровы, строги,

Сердцу вечно близкие края.

Шум таёжный. Горные отроги.

Ветер странствий, молодость моя!

Пожелаем ему попутного ветра, удачи и счастья!

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1969. – 28 ноября. – С. 4.

Заметки литературного критика

ПОЭТЫ КУЗБАССА. ГОД 1969-Й

Длительное время поток стихотворных произведений в Кузбассе главенствовал над прозой. Сейчас он значительно сузился, и всё же в завершающемся году вышли четыре поэтических сборника – **М. Небогатова**, А. Пинаева, В. Махалова в Кемерове и В. Баянова в Москве. Два десятка стихотворений и одна поэма опубликованы в трёх выпусках альманаха «Огни Кузбасса». Всё это даёт право поставить некоторые проблемы: какие идеи и темы волнуют наших поэтов? Бьётся ли в их произведениях пульс нашей современности? Как совершенствуют они своё мастерство?

Прежде всего, привлекает внимание сборник В. Баянова «Берёзовый сок», и не только потому, что талант кузбасского поэта отмечен в Москве, но и потому, что эта книжка является как бы подведением итогов и намечает некоторые перспективы на будущее.

В неё отобраны лучшие произведения предыдущих лет, известные многим нашим читателям, поэтому важнее сослаться на некоторые новые произведения В. Баянова, напечатанные в сборнике.

Они свидетельствуют, что творческий кругозор поэта расширяется, что он идёт к осмыслению всё более сложных явлений действительности. Помимо стихотворений «Как вихрь, лечу с горы на дно долины...», «У Ильмень озера», «Вылинявшая фреска», хочется выделить очень острое по своему общественному звучанию произведение «О сибиряках», где раздумья о судьбе человека, о Родине органически связаны с темой нашего края. По верному суждению поэта, сибиряки – не обязательно те, кто родился или живёт в суровой тайге. Их достоинство, их высокие стремления и думы проверяются только делами:

*Они всегда большое это звание
С достоинством несут перед страной.
Живут трудом. А по труду – награда*

*Идёт вперёд широким большаком.
«Я сибиряк» кричать совсем не надо.
А просто надо быть сибиряком.*

Только что вышедший большой сборник стихов М. Небогатова «Свет в окне» также является итоговым и тоже даёт основание утверждать, что рост поэта, популярного в Кузбассе, не закончился, что он ищет и новых тем, и новых средств их выражения. Взыскательность М. Небогатова в том, что он не включил в свою книгу стихи 40-х – начала 50-х годов, во многом незрелых, прямолинейных. Читатели знакомятся лишь с теми произведениями, которые отвечают требованиям сегодняшнего дня. А по ним можно себе представить сложную, богатую содержанием жизнь человека нашей эпохи – участника Отечественной войны, мирного труженика, богатый мир чувств и переживаний героя, его отношение к государству и обществу.

Характерно, что и М. Небогатов, рассказывая в своих стихах обо всём этом, тяготеет теперь к анализу. Таковы «Вечный огонь», «Евгению Урбанскому», «Жаворонок», «Наша трибуна», «В поле», «Стога» и многие другие его стихи последних трёх лет. Из них тоже можно выделить типичное для современного мироощущения поэта произведение, неслучайно поставленное в книге первым – «Россия». Оно, кстати, раскрывает нам и поэтический метод сегодняшнего М. Небогатова – приобретённое им умение в образно-зримых деталях давать широко обобщённое содержание, верно и сильно развивать мотивы политической лирики. Образ России, родимой стороны выписан напряжённо и взволнованно. Россия – это и древнее село, дедовская околица, это и заводская застава, ведущая рабочий народ к большим трудовым делам. Безмерно по содержанию это слово, но поэт умеет выразить его смысл, выразить с той эмоциональной глубиной и отчётливостью, которая вбирает в себя самое важное, сокровенное:

*Россия начинается от сердца,
С рождения влюблённого в неё,
Влюблённого в народ простой
и скромный,*

*Умеющий держать и плуг, и меч,
В заснеженный простор её огромный,
И в русскую пленительную речь.*

О поэтическом сборнике В. Махалова «Время первых дождей» в газете «Кузбасс» недавно уже была обстоятельная и справедливая статья. И всё же хочется к ней добавить несколько замечаний: произведения отобраны в этот сборник, на мой взгляд, с недостаточной взыскательностью, и наряду с хорошими, поэтически выверенными стихами мы встречаем в нём и те, что, вероятно, характерны для пройденного В. Махаловым этапа и могут помешать ему отчётливо представить своё будущее.

В орбиту своего творчества В. Махалов тоже включает самые разнообразные темы. Он пишет немало о далёком и близком прошлом нашей страны, о людях разных поколений. Большой цикл его стихотворений «Мы ищем в жизни доброту» посвящён нашему современнику, и само название цикла подчёркивает, что тут речь идёт о сложных взаимоотношениях героев, о моральном кодексе человека сегодняшнего дня. Неоспорима главная, высоко гуманистическая мысль поэта: любовь, дружба, товарищество, труд – всё должно быть проникнуто самой искренней доброжелательностью, спаяно единой неразрывной связью участников великого дела коммунистического созидания.

Думается, что одним из самых удачных стихотворений в его книге является «Я», где хорошо раскрыта связь времён, где прошлое очень отчётливо выявляет смысл настоящего. Откуда пошло столь необычное название сибирской реки? В нём, по догадке поэта, крик острожного мужика. Нет, он не погибнет, не даст «царской и божеской воле» сломить себя. В крике «я, я» – утверждение могучей силы, повернувшей историю государства так, как захотел народ.

Нельзя не отметить и доброго, очень важного дела В. Махалова, познакомившего читателей в третьем цикле своей книги с переводами из Степана Торбокова, Герберта Генке, Василя Демиревского (с шорского, немецкого, болгарского). Особенно удались ему переводы произведений Герберта Генке.

Такие мысли вызывают книги поэтов, изданные в этом году. Что же касается трёх выпусков альманаха «Огни Кузбасса», то в поэтических произведениях, опубликованных в нём, замечен элемент случайности, ясно видна и известная нетребовательность к их качеству. Впрочем, и здесь есть свои удачи.

Во втором выпуске альманаха опубликована поэма Г. Юрова «Борискин ключ». Напечатали её, правда, с сокращениями, но всё же опубликованное даёт право утверждать, что перед нами хорошее произведение. В поэме получили обобщение идейные мотивы, волнующие почти всех поэтов нашей области,

– изображение того «перекрёстка дорог и судеб», где былое, давнее сталкивается с современностью, и мы наблюдаем движущуюся историю, ясно представляем, чем мы обязаны нашим отцам и дедам и что является главным в душе и делах человека нашего времени. Поэма написана на свободном дыхании, стихи льются легко, непринуждённо, насыщены точными, образными приметами и штрихами.

В поэме перекрещиваются две сюжетные линии. Одна из них содержит повествование о трудной, горестной судьбе золотоискателя Бориски, первым проложившего путь к драгоценному ключу на Колыме и погибшему в диком, безлюдном краю. Вторая линия раскрывает события, связанные с освоением дальних северных окраин в советскую эпоху, с изображением неустанной титанической работы наших неутомимых искателей и добытчиков золота, угля и железа. С большой остротой и значимостью рисуются характеры героев современности, прежде всего коммунистов, вставших во главе тяжёлой и трудной борьбы за преобразование Дальнего Севера:

*О, коммунисты, колымчане,
Народа старшие сыны!
Легла за вашими плечами
Вся биография страны.
Вам было круто и жестоко.
Вы редко знали торжество.
Вы – совесть северо-востока
И вы – легенда про него.*

Последний в нынешнем году выпуск альманаха включает в себя подборку стихов Евг. Буравлёва. Все они добротные и вместе с его сборником «Острова» свидетельствуют об общей тенденции в творчестве наших поэтов – о всё большем тяготении к произведениям «философским». На этот раз Евг. Буравлёв развивает тему художественного творчества в плане ответственности поэта перед Родиной, перед читателями, наделёнными чувствами и мыслями высокой требовательности (стихотворения «Как на шестой гряде от бани...», «Последний стих... Отпелось, отлюбилося...»). Расширение диапазона творчества Евг. Буравлёва проявляется и в том, что он, поэт преимущественно эпического склада, начинает всё больше тяготеть к лирике.

Остальные поэтические произведения в трёх выпусках альманаха не превышают, к сожалению, обычного «среднего» уровня, который знаменует в основном грамотное освоение «поэтической технологии», но не привлекает внимания ни оригинальностью, самобытностью тем, ни самостоятельностью образного видения и оценки мира. Есть некоторые свежие детали в стихотворении В. Зубарева «В субботу». Зато его печаль по поводу леса, идущего в шахты, на стройки, является надуманной («Тайга»).

Небезынтересны стихи Л. Березина «Где выстелило солнышко...», «В тайге угрюмой», «После рыбалки», посвящённые преимущественно сибирскому пейзажу. Только в них явственно преобладает «краеведческий» характер, многие конкретные приметы природы, замеченные автором, уже знакомы нам по ранее прочитанным стихам других поэтов.

Значительное количество стихов «среднего», попросту заунывного уровня вынуждает не в первый раз обратиться к проблеме художественного мастерства, понимаемого не в узком смысле (верное слово, верный поэтический синтаксис, хотя и это очень важно), а в самом широком. Мастерство начинается там, где тема выношена в авторском своеобразном опыте, где оно выкристаллизовалось в его особом умении увидеть, представить и передать читателям всё важное и нужное по-своему. К такому мастерству поэт может прийти только путём глубокого понимания сложности и трудности поэтического творчества.

Однако и о «поэтической технологии» забывать не следует. Просчёты в этой области тоже показатель недостаточной требовательности поэтов к самим себе. Речь идёт о поспешном, непродуманном отборе слов – образных деталей, о погрешностях в их поэтической организации. Об этом стоит говорить хотя бы потому, что они встречаются и у опытных поэтов.

Хотя до нас и дошёл юмор Евг. Буравлёва в стихотворении «Ты – ночь моя и зорюшка...», мы всё же не думаем, что его украшает такое обращение к любимой лирического героя: «несносная, запойная, как чирей, беспокойная...». Г. Юров в своей поэме говорит о Колыме в очевидном разладе с грамматикой: «Была ты тридевятым царством за синих тридевять морей». В. Махалов пишет в стихотворении «Глобус» о старом мечтателе-учителе: «Он был фанатик, и поэтому у нас внимания просил...». Из дальнейшего выясняется, что дело тут не в фанатизме, а просто хороший учитель требовал от учеников хороших знаний.

Разумеется, такого рода погрешностей ещё больше в стихах авторов, ещё только утверждающих право быть поэтами. Примеров можно набрать много, есть смешные, есть и печальные. Но все они – ещё один сигнал нашим поэтам: мастерство рождается там и тогда, где и когда приходит понимание: в поэзии нет мелкого, второстепенного. Высокий уровень творчества возникает при точной образности каждого слова, каждого образного штриха.

А. АБРАМОВИЧ,

кандидат филологических наук,

член Союза писателей СССР.

// Кузбасс. – 1969. – 20 декабря. – С. 3.

НАМ СВЕТИТ ДРУЖБА

Далеко от Томи до Тарьяна –
До негромкой венгерской реки,
Но и в звёздах, и в дымке тумана
Та и эта нам очень близки.
И как в море сливаются реки,
Проноса свои воды в лугах,
Так друзьями большими навеки
Стали люди на их берегах...
Держим в памяти мы благодарной,
Мариинская помнит тайга:
Матэ Залка, герой легендарный,
Вместе с нами громил Колчака.

А потом, на ином перевале,
Мы, солдаты Кузнецкой земли,
В дальней Венгрии кровь проливали,
Этот край от фашизма спасли.
Наша дружба, скреплённая кровью,
Побратимами сделала нас.
Эта дружба прекрасно новью,
Мирным солнцем нам светит сейчас.
Дует ветер свободы в наш парус,
Строим счастье своё сообща...
Мчатся дни, как венгерский «Икарус»,
Наш маршрут – магистраль Ильича!

// Кузбасс. – 1970. – 4 апреля. – С. 1

(стихотворение напечатано в номере, посвящённом 25-летию освобождения Венгрии от фашистских захватчиков и советско-венгерской дружбе, дружбе Кемеровской и Ногородской областей).

ПРАЗДНИК ТРУДА

Мы помним ту далёкую субботу,
Тех славных коммунистов-москвичей,
Которые свой труд, свою работу,
Как дар, вручили Родине своей...
Грозил Колчак, сжимая войск подкову.
Нужде, разрухе – края не видать.
Сердца внимали ленинскому зову –
Все силы Революции отдать.
Да, сделать это надо непременно,
Для новой жизни надо брать разбег!
...И вот тогда в депо в ночную смену
Пошли они, пятнадцать человек.
Там паровозы стили на ремонте.
Как можно им стоять, не быть в пути,
Когда красноармейцев ждут на фронте,
А эшелоны нечем подвезти?..
Почти полсутки длилась та работа,
А утром коммунисты – чуть рассвет, –

Устало вытирая капли пота,
Смотрели поездам, ушедшим вслед...
Ильич судил о людях не по чину,
А по делам на благо всей страны.
И этому великому почину –
Он прозорливо понял – нет цены.
Он, мудрый вождь и редкостный работник,
С простым рабочим человеком заодно,
С народом вместе, выйдя на субботник,
Сам поднимал тяжёлое бревно...
Тех паровозов с грохотом и свистом
Мы и доныне слышим быстрый ход.
Наследником той горстки коммунистов
Стал в наши дни весь труженик-народ.
Весна красна раздольем и расцветом,
И солнцем, и греющим в реках льдом,
А наша жизнь, наполненная светом,
Красна коммунистическим трудом.

Что паровоз – мы и дворцы, и школы,
Заводы, комбинаты возвели,
И атомные чудо-ледоколы,
И звёздные ракеты-корабли!

Мы рады и горды не беспричинно:
На вдохновенном празднике труда
Живой росток великого почина
Расцвёл – и не увянет никогда!

// Кузбасс. – 1970. – 11 апреля. – С. 1

(стихотворение посвящено Всесоюзному
ленинскому коммунистическому субботнику).

ВЕЛИКИЙ ЮБИЛЕЙ

Имени Ленина шахта, завод...
Лучшим из лучших такое доверено.
К новым победным свершениям зовёт
Это название – имени Ленина.
Стойкость борца, вдохновенье творца,
Зрелость без скидки на молодо-зелено,
Верность товарища, мудрость отца –
Вот что нам светится в имени Ленина.
К подвигу ради Отчизны своей
Быть постоянно готовым, не временно,
К цели идти без окольных путей –
Вот что нам видится в имени Ленина.

Тьму ненавидеть и зло побеждать,
К зорям грядущим шагая уверенно,
На коммунистов равнение держать –
Вот что нам дорого в имени Ленина.
С партией вместе народу служить, –
Это служенье годами проверено, –
Мирно трудиться, по-ленински жить –
Вот что завещано именем Ленина...
Стяг Революции – крылья и щит.
Встало полмира под светлую сень его.
Имени Ленина. Это звучит
Так же, как – имени Солнца весеннего!

// Кузбасс. – 1970. – 21 апреля. – С. 1

(стихотворение напечатано накануне 100-летнего юбилея со дня рождения
Основателя советского государства Владимира Ильича Ленина).

МАЙСКИЕ СТРОКИ

Не случайность, не везение,
У которых есть предел,
Настроение весеннее –
От хороших, добрых дел!
От того, что мы с успехами
К Маю светлому пришли,

Что за пройденными вехами
Видим новые вдали.
Настроение весеннее –
Велико, как наша новь,
Высоко, как вдохновение,
И прекрасно, как любовь.

// Кузбасс. – 1970. – 1 мая. – С. 1.

НА ГРЕБНЕ ДНЕЙ*

В дни, когда над сумерками мглистыми
Новой эры солнце мы зажгли,
В строй с большевиками-коммунистами
Молодые встали и пошли.
Погасив улыбку полудетскую,
Под звездою шлема хмуря бровь,
В бой пошли за нашу власть Советскую,
В ад крошечный, где огонь и кровь.
Подружились с саблями, гранатами,
И враги со страха и со зла
Красными их звали дьяволятами,

А страна орлятами звала.
Буйные чубы их вились кольцами,
Юности румянец нежно цвёл...
Стали те ребята комсомольцами.
Стал великой силой Комсомол.
Всех орлят сроднили чувства братские,
С ними наш отважный Комсомол
Шёл вперёд – сквозь выстрелы кулацкие,
Сквозь огонь фашистов – к звёздам шёл!
Нет, не знал он в жизни часа праздного,
Был всегда на самом гребне дней,

И по праву с гордостью отпраздновал
Золотой свой славный юбилей...
Юные с дорог прямых собьются ли?

В коммунизм шагать им день за днём
С Орденом Октябрьской Революции,
С Лениным на знамени своём!

//Кузбасс. – 1970. – 28 мая. – С. 4

* – стихотворение посвящено 50-летию комсомола (он основан 29 октября 1918 года.) Впервые опубликовано 7 сентября 1968 года в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса», и было больше на одно четверостишие после слов «...Стал великой силой Комсомол».

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

РАННИЙ ГОСТЬ

Здравствуй, солнце с жарким светом!
Заходи ко мне домой!
Золотой порою, летом
Самый ранний гость ты мой.
Гость, что в двери не стучится,
А в окно глядит с утра,

Улыбается, лучится,
Говорит: вставать пора!
Дорога мне с ним беседа,
И не верю я тому –
Ранний гость, мол, до обеда –
Солнце целый день в дому!

ГРОЗА

Потемнело облако над домом,
Ослепило молнией глаза,
И тотчас же раскатилась громом
Буйная, весёлая гроза.
Хлынул крупный дождь, подобный чуду,
С ветром налетел издалека.
Будто бы непрочную запруду
Прорвала небесная река.
Вот уже не дождь, а ливень шумный,
Полный молодых и щедрых сил,

Бесшабашный, озорной, бездумный
Всё вокруг собой заполнил.
По асфальту, по садовой стёжке
Хлётко льёт он в слюдяном дыму.
И деревья листики-ладошки
Подставляют радостно ему.
Порезвился весело на воле,
Побуянил ливень миг-другой
И за город вдаль, куда-то в поле
Убежал под радугой-дугой!

ВРЕМЯ

Как быстротечна времени река.
Как безгранична – нет конца ей, края,
Часы и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твоё письмо получит адресат,
А уж оно – посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок любое* слово.
Тут весть о чём-то, что уже прошло,

Тут настроенье то, что миновало.
Был ясный день, или снежком мело,
Когда писал ты, – всё прошедшим стало...
Читает человек твоё письмо,
И невдомёк ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том, как мимолётно всё на свете...

// Кузбасс. – 1970. – 15 июня. – С. 3.

* – во всех остальных публикациях этого стихотворения слово «любое» заменено словосочетанием «за словом» (Примечание Н. Инякиной).

ГОРДОСТЬ

*На основе пляжной демократии...
Я тонул по правилам науки:
Ноги вниз, снаружи две руки.
Так, как я, конечно, если нужно,
Перетонут все сибиряки...
И она, ресниц не поднимая,*

*Вдруг сказала: – Много чудачков...
Но теперь я, в общем, понимаю
Гордость коренных сибиряков.*

Павел МАЙСКИЙ.

Сборник «Взмах крыла», Кемерово.

Я тонул по правилам науки
В ярком свете утренней зари:
Булькал, издавал иные звуки,
С гордостью пуская пузыри.
Так и утонул бы я геройски,
Так бы и ушёл ко дну реки,

Но она спасла меня по-свойски:
– Гордый вы народ, сибиряки!
Вот теперь понятно, кто вы, что вы...
– Гордость, – говорю, – у нас в крови.
Нужно, нет ли – все на дно готовы
На основе пляжа и любви!

// Кузбасс. – 1970. – 19 июля. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ**МИТЮ ВИДЕЛ?**

Бор – зелёная обитель.
Словно сосны, день высок.
– Митю видел?
Митю видел? –
Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?

Но, как в детстве,
«Видел, видел!»
Я ответить птичке рад.
Митя – друг её, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Знать, не видел ли его.

ПОЛДЕНЬ

Солнце в небе то проглянет,
То – за облако опять.
Без него тускнеет, вянет
Речки пасмурная гладь.
Солнца ждут цветы
И грядки
В огороде под окном.

А оно играет в прятки
С речкой, скрытой тальником.
...Вот и вновь огнём лучистым
Озарила высь на миг –
И в сиянье серебристом
Весь, как в зеркале, тальник!

ХЛЕБА

К солнцу подняты руками,
От столба и до столба
Золотыми облаками
Убегают вдаль хлеба.

Под берёзкою кудрявой
Колосок тихонько тронь –
Он сейчас такой шершавый,
Как крестьянская ладонь.

// Кузбасс. – 1970. – 2 августа. – С. 3.

ДОЧЬ РОДИНЫ

Посвящается отважной бортпроводнице Наде Курченко

Надя, милая Надя,
Перед тем, как упасть,
Что ты думала, глядя

В пистолетную пасть?
Говорят, на пороге,
За которым – беда,

Весь свой путь, все дороги
 Видят люди всегда...
 Может, вспомнилась стая
 Грустных птиц-журавлей
 Над горами Алтая,
 Над простором полей...
 Горький дух черныбыля...
 Детство с первой мечтой:
 «Мне бы вольные крылья
 Ощутить за спиной!»
 Детство, жизни частица,
 Ты ушло, не зови...
 Юность в сердце стучится
 Счастьем первой любви.
 При любой непогоде
 Полон мир красоты...
 Может, встречи с Володей
 Вдруг припомнила ты.
 Он тревожит всю душу,
 Часто снится во сне...
 «Дорогая Надюша!
 Всех дороже ты мне!»
 Музыкальных мелодий
 Отголосок в душе...
 Далеко он, Володя,
 Не поможет уже...
 Надя, милая Надя,
 Перед тем, как упасть,

Что ты думала, глядя
 В пистолетную пасть?
 Может, строчки поэта
 Подвели здесь черту –
 Про товарища Нетте,
 Что погиб на посту...
 И, конечно же, с болью,
 Оборвавшей мечты,
 С самой нежной любовью
 Маму вспомнила ты...
 Нет, не Надей, – Надеждой
 Ты была для людей –
 Настоящей надеждой –
 Слабых женщин, детей.
 И, презренья не спрятав, –
 Не пушу, не пройти! –
 У воздушных пиратов
 Встала ты на пути.
 Две паршивых душонки –
 И большая душа.
 Пусть стреляют, подонки,
 Злое дело верша!..
 Скоро времени замаять
 Занесёт их следы.
 А тебе – наша память,
 И любовь, и цветы.

// Кузбасс. – 1970. – 22 октября. – С. 4

(19-летняя комсомолка-бортпроводница вступила в единоборство с воздушными пиратами, нападшими на экипаж советского самолёта, и погибла от их рук).

ИЗ ОСЕННЕГО ЦИКЛА

1.

Я книгу природы листаю
 И сердцем ловлю наугад
 То птичью шумливую стаю,
 Летящую вдаль, на закат,
 То облака шапку над скатом,
 Над клёном с листвою золотой,

Который подкрашен закатом,
 Что тлеет в равнине пустой....
 И облаку, клёну и птицам
 Я шлю свой сердечный привет...
 По пёстрым осенним страницам
 Скользит вечеряющий свет.

2.

Нет, не только грусть бывает осенью –
 Радостна прощальная краса.
 Погляди, какую яркой просинью
 Светятся порою небеса!
 Как легко, как звучно, бодро, весело
 Под откос летит колёсный стук!

Вот рябинка свой поклон отвесила,
 Будто ты ей старый добрый друг.
 Вот мелькнула будка придорожная,
 Стрелочница вскинула флажок –
 И открылась красота таёжная,
 День осенний радуго зажжёт.

Нет, не в небе радуга заветная –
 На земле, что так полна чудес.
 Как она сверкает, многоцветная,
 Как красив, лучист осенний лес!..
 Это что-то вправду небывалое,
 Сказочное что-то наяву:

По сердцу мне раздолье полевое,
 Предзимнее раздолье без границ.
 Здесь ветерка дыхание живое
 И солнца свет у самых у ресниц.
 Он льётся с неба нежно, робко, тихо
 Как хоровод белеющих берёз.
 Там каждый лист – как солнечный

В деревне, от крайней избы,
 Где возле сарая солома,
 Уходят цепочкой столбы
 К туманной черте окоёма.
 В знобящий простор ветровой
 По жёлтому полю, по лугу
 Уводят столбы за собой,
 Как чёрную речку, дорогу.
 И радостно видеть на ней,
 На глади пустынной равнины
 Машины с дарами полей,
 С зерном драгоценным машины!

Томь ли вешним шумит половодьем,
 Догорает ли осень в листе –
 Мы на площадь Советов приходим,
 Как на Красную площадь в Москве...
 Взлёт ладони, порыв вдохновенья –
 Как знаком этот ленинский жест!
 Он особого полон значенья
 В дни октябрьских и майских торжеств.
 Этим жестом нас вождь осеняет –
 Всех, кто встал под зарю кумача...
 Большевик-ветеран вспоминает
 Броневику и на нём – Ильича.
 Мельтешили снежинки косые,
 Ветер полы пальто развевал.
 Вскинув руку, к свободе Россию,
 К Революции вождь призывал!

Красное, оранжевое, алое
 С зеленью впаялось в синеву.
 Будет снег, мороз сорокаградусный,
 Но и там останется со мной
 Этот свет, ласкающий и радостный,
 От осенней радуги лесной.

3.

На всё кругом, куда ни поверни.
 И поле, где желтела рожь, гречиха,
 Блестит росой в иголочках стерни.
 Насквозь пропитан светом дальний колок,
 осколок,
 Что к тонкой ветке до зимы прирос.

4.

Пусть стали ненастными дни
 С дождём, с перелётною птицей,
 Но ты на дорогу взгляни:
 Машины бегут вереницей!
 Гудят, уменьшаясь вдали,
 Скрываются там, за чертою...
 Дорога осенней земли,
 Ты стала рекой золотою!
 Звенеть ей, считая стога,
 Что утром белы от озноба...
 Течёт золотая река,
 Как пот по лицу хлебороба...

// Кузбасс. – 1970. – 4 ноября. – С. 4.

...Отблеск стягов на лицах лучится.
 Демонстрантам не видно конца...
 Зов «Учиться, учиться, учиться!»
 Отзывается в наших сердцах,
 Отзывается снова и снова –
 Так учиться, работать и жить,
 Чтоб от партии доброе слово,
 От людей похвалу заслужить...
 Помня суть ильичёвых заветов,
 Животворную, мудрую суть,
 Мы приходим на площадь Советов,
 Чтоб продолжить в грядущее путь!

// Кузбасс. – 1970. – 6 ноября. – С. 1

*(Фотоплакат В. ГРЫЗЫХИНА к 53-й годовщине
 Великого Октября. Стихи М. НЕБОГАТОВА).*

КУЗБАССУ

Среди высоких гордых гор –
Простор Кузнецкой котловины.
Синеют блюдечки озёр,
Пестрят коврами луговины.
Вихрами дыбятся леса,
Пронзают небо стрелы кранов,
И заводские корпуса
Дымят, как трубки великанов.
Пусть о тебе, мой край родной,
Молва идёт-шумит по свету:
В твоей богатой кладовой
Каких сокровищ только нету!

Не о цветах, друзья, пою,
Не о чащобах, где медведи, –
Слагаю песню я свою
О чёрном золоте, о меди.
Смотря в сиреневую даль,
Любуясь утренней зарёю,
Хочу воспеть чугуна и сталь,
Что брызжет огненной струёю.
Кузбасс! Ты дорог и любим.
Горжусь твоею красотой,
Твоею мощью, широтой,
Рабочим обликом твоим.

Перевёл с шорского Мих. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1970. – 5 декабря. – С. 4.

Критика и библиография

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

До последнего времени мы знали кемеровскую писательницу Зинаиду Чигарёву как драматурга. Её перу принадлежат пьесы «Шахтёрская поэма», «Пока не придёт разводящий», «Днём звёзд не видно». «Шахтёрскую поэму» показали несколько лет тому назад театры Кузбасса и Донбасса, по пьесе «Пока не придёт разводящий» был поставлен спектакль Центральной студией телевидения. И в Союз писателей СССР Чигарёва была принята именно как драматург.

Но вот перед нами только что вышедший в свет первый её сборник, в котором она предстаёт в новом качестве – в качестве прозаика. Сразу же напрашивается вопрос: удался ли этот дебют? Все семь рассказов, помещённых в сборнике, позволяют сказать: да, дебют удачный. Почти все рассказы, за исключением одного под названием «Дома», о котором речь пойдёт ниже, воспринимаются как главы одной повести, отсюда немаловажное достоинство книги – её художественная цельность.

Вот самые юные герои книги – соклассники Ленка и Володя. Шесть лет проучились они вместе, не подозревая о том, что наступит такой день, когда откроют они в себе чувство большой взаимной симпатии. Пусть это ещё не любовь, а только романтическая влюблённость, но как возвышает она обоих! Какая для них радость – идти после школьных занятий вдвоём и делиться друг с другом своими самыми сокровенными мыслями и мечтами! (Рассказ «Ленка и Володя»).

Уже три месяца и четырнадцать дней замужем молодая учительница Вера Игнатьевна, а не было у неё ещё ни одного спокойного дня, потому что её муж, её Андрей, – горноспасатель. Это очень опасная, полная постоянного риска профессия. Казалось бы, пора уже привыкнуть, не тревожиться: ведь всё обходится благополучно. Но вот сегодня, как обычно, перед рассветом поднял её резкий звонок, и целый день в школе Вера не находит себе места, потому что после ухода мужа обнаружила забытый им ключ от квартиры, и это кажется ей недобрый предзнаменованием. С тонким психологизмом передаёт писательница переживания своей героини, которой не до учеников, не до уроков. Поэтический образ найден Зинаидой Чигарёвой в конце повествования. Муж, живой и невредимый, пришёл за ключом в школу, все видели, как расцвела от счастья Вера Игнатьевна. (Рассказ «Ключ»).

...Тихое, с лёгким дождичком сентябрьское утро в глухом местечке на Карельском перешейке, куда приехал из Сибири сорокалетний журналист. Приехал с единственной мыслью – отдохнуть от изнурительной работы, забыть о суете сует, насладиться красотой северной природы – этими соснами, этим морем, этой первозданной тишиной. Хорошо таким утром развлечься тем, чем он любил заниматься когда-то со своим погибшим на войне отцом – пособирать грибы, благо их тут тьма-тьмушая. «И вдруг резкая боль в ноге. Он нагнулся и увидел свернувшийся змеей среди травы кусок ржавой проволоки... Он швырнул его подальше в

тёмную глубину лесного болота и постарался забыть о нём». Потом он обратил внимание на какие-то странные рвы и ямы, то и дело встречавшиеся на пути. И вот уже нет тихого утра. Память подсказала: это же место бывших боёв! Не просто ямы и канавы кругом – старые траншеи и окопы! Как мог он забыть про это! Не здесь ли где-то и могила его отца? «Нет, тщетны наши попытки хотя бы на время укрыться от житейских бурь и треволнений, нельзя, невозможно найти покой в мире, где нет ещё желанной сердцу гармонии, где красоту природы коверкают бомбы и снаряды, оставляя глубокие шрамы и на земле, и на сердце». (Рассказ «Тихое утро»).

«Говорят, что некрасивые жестоки, что они не любят ничего красивого. А я думаю, что если не любить красоту, то лучше не жить», – это из письма девочки, считающей себя некрасивой. Рассказ называется «Терра инкогнита». Терра инкогнита – Земля Неизвестная, неразгаданная загадка, манящая тайна огромного неизведанного мира. Неизвестной остаётся для героя рассказа, молодого журналиста, влюблённая в него девочка, которая пишет ему романтические письма, изливая в них жажду красивой, необычной любви к жизни, к людям, к природе.

Дочитываешь эти письма до конца и думаешь: почаще бы встречались нам в жизни вот такие, может быть, на самом деле некрасивые внешне, но прекрасные душой блоковские Незнакомки! Так же пылко и самозабвенно влюблена в красоту людей, жизни и природы юная героиня самого большого по объёму рассказа «Золотые холмы детства» Юлька.

Особняком в сборнике стоит рассказ «Дома». О чём он? О студентке по имени Светлана, которая через два года разлуки встречается со своими пожилыми уже родителями, приехав к ним в родные пенаты. Автор не скрывает своей антипатии к этой самовлюблённой, довольно легкомысленной и слишком самоуверенной девице. Один из её столичных друзей успел духовно развратить её. И Светлана ведёт себя в полном соответствии с этой циничной моралью. Оставляет её один парень, и в отместку ему она равнодушно соблазняет другого, а потом, отвернувшись, чуть не доводит того до самоубийства. К родителям она относится иронически-снисходительно, называет их предками, юмористами; глядя на принарядившегося по случаю встречи отца, заключает про себя: новая нейлоновая рубашка идёт тебе, как трактору бантик. Слушая разговор собравшихся гостей, думает о них с неприязнью: «Шли бы все они... подальше со своими выдуманными идеалами!». Правда, автору хочется верить, что не всё ещё безнадежно в этой испорченной девице. Однажды утром она невольно подслушивает тихую беседу матери и отца, которые вспоминают молодость, свою первую встречу, всё то чистое, целомудренное, хорошее, что было в их любви и жизни. Они разговаривают, а «в соседней комнате, сжавшись в комочек на старенькой кушетке, горько, по-девушечьи, плачет их дочь, их современная гордая Светка». По правде говоря, что-то не верится, что эти слёзы очистительные, что они в чём-то изменят её. Вряд ли, на наш взгляд, стоило включать в книгу рассказ «Дома» и тем более делать его заглавным. У этого персонажа нет совершенно ничего общего с остальными героями Зинаиды Чигарёвой, с людьми возвышенного строя души, которых с полным правом можно назвать романтиками, мечтателями, поэтами.

// Кузбасс. – 1971. – 13 января. – С. 3

ЗВУЧАТ СТИХИ ПОЭТОВ КУЗБАССА

Каждый раз, когда выходят новые книжки стихов наших кузбасских поэтов, – это радует читателей. Но вот услышать стихи в исполнении артиста – событие, увы, не частое. И Николай Иванович Сизов, популярный артист Кемеровской филармонии, сделал, с этой точки зрения, очень важное, нужное дело. Он подготовил программу «Кузбасс поэтический», в которую включил стихи своих земляков. Программа посвящена XXIV съезду партии. Она обширна и разнообразна.

Готовясь к каждому выступлению, исполнитель тщательно обдумывает, что будет читать сегодня, учитывая интересы, запросы, возраст зрителей, с которыми ему предстоит встретиться. С новой программой Н. И. Сизов выступал перед самой разнообразной, главным образом, рабочей аудиторией в Кемерове и Белове. Побывал он на Новокемеровском химкомбинате, на азотнотуковом заводе, на Беловской ГРЭС, на шахтах «Грамотеинская 1-2», «Сигнал», «Чертинская-Южная». Отзывы об этих выступлениях полны признательности.

Я слушала композицию «Кузбасс поэтический» в кемеровской средней школе № 1 вместе со старшеклассниками: в пятидесятый раз исполнял артист свою программу. Большое впечатление произвели стихи Виктора Баянова: «Сибирячка», «Салаир», «Будет тихо и туманно», «Из колодца вода льётся» – из лирической тетради. Вошли в программу произведения Валентина Махалова, *Михаила Небогатова*,

Владимира Измайлова, Игоря Киселёва. Сильно прозвучала поэма Евг. Буравлёва «Земля» и его же стихи «Баллада о сапёре», «О мужестве много сказано слов».

В целом свою программу Н. И. Сизов читал хорошо. Но иногда артисту изменяло чувство слова. Некоторые стихи у него получались излишне ровными, спокойными, исчезало ощущение гражданственности (а тема композиций именно такова). Но это замечание частного характера. В общем концерт оставляет благоприятное впечатление.

Сейчас Н. И. Сизов отправился в новую поездку по области. Он будет выступать в Киселёвске, Прокопьевске, Новокузнецке. Готовит артист и некоторые изменения и дополнения в программе. В неё войдут стихи Геннадия Юрова, произведения других кузбасских поэтов.

И. Золина.

// Кузбасс. – 1971. – 27 января. – С. 4.

ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ

Женский праздник – в хорошую пору:
Всё заманчивей звёзды в ночи,
Всё светлей по земному простору
Разливаются солнца лучи.
Я хочу, чтобы песней звучала
Радость матери, гордость жены.
С ними связано жизни начало,
Так, как с мартом – начало весны.
Всё прекрасное родственно с ними –
Зорьки свет и румянец лица.
Имя женщины, нежное имя,

Как весна, согревает сердца.
После зимней погоды унылой
Мир спешит
Синевою блеснуть.
Ветерок, как дыхание милой,
Наполняет волнением грудь.
Пусть по всей лучезарной Отчизне
Пронесётся за солнцем вослед
Нашим женщинам, спутницам жизни,
Самый тёплый – весенний привет!

// Кузбасс. – 1971. – 7 марта. – С. 1.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ПРОЙДУТ ГОДА...

Пройдут года. Забудутся все беды,
Все горести с печалью и тоской.
Но будут жить октябрьские победы
В сердцах людей и в памяти людской.
В далёкий век мечтою загляните –
И перед вами встанет, как живой,
Ваш брат, отец ли в бронзе и граните,
Простой солдат с винтовкой боевой.
Никто его, в шинелишке короткой,
Не смог коварной пулею сразить!
К его ногам в ботинках и обмотках
Цветы, как прежде, будут приносить.
Ему, творцу великому свободы,
Что легендарной дымкою одет,

Ещё не раз поклонятся народы
И через сто, и через двести лет.
В застолье праздничном, где пир горой,
Где каждый тост – за счастье, за здоровье,
Всегда найдётся кто-нибудь такой,
Что недовольно, мрачно хмурит брови.
У всех сердца распахнуты весне,
А он не рад ни свету, ни цветенью...
По солнечной шагая стороне,
Лишь то подметит, что покрыто тенью...
Пока не отравил своей души
Всем тем, о чём брюзжит он заунывно,
Подальше от него уйти спешит –
В огромный мир, где жизнь шумит призывно!

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
Как будто далеко ты от меня.
Прошёл ли час, промчалась ли минута –
Не скажешь ты, молчание храня.
Беспомощная, маленькая вроде,

Свернулась, спишь. В квартире тишина...
Что делается в мире и в природе –
Не ведаешь, вся в сон погружена.
Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно – хоть буди:

Мне кажется, что жить ты перестала,
 Что нет уже дыхания в груди.
 И так услышать голос твой мне надо,

Он с тобой лишь обменялся взглядом,
 Никаких он слов не говорил,
 А ушёл – и всё как будто рядом,
 Взволновал и чем-то покори.
 Даже странно: сотни тут прошли же,
 Только этот – в памяти твоей...
 Хорошо б его узнать поближе.
 Может, друга не было б верней.

Нельзя давать душе своей покой,
 Жалеть её, что, может быть, устала.
 Пускай живёт с нагрузкою такой,
 Чтоб для работы дня ей не хватало.

Изо всех профессий величавых,
 Что с собою люди в жизнь берут,
 Самой громкой,
 Самой гордой славы
 Удостоен он – шахтёрский труд.
 Он тяжёл,

И так сильна душевная гроза,
 Что ты и впрямь от пристального взгляда
 Приоткрываешь сонные глаза...

ПРОХОЖИЙ

Но не будет ничего такого,
 Хоть жалею, хоть не жалею о том:
 Вряд ли, вряд ли встретитесь вы снова
 В многолюдном городе большом...
 Всё равно приятны чувства эти.
 Льёт ли дождик, порошит ли снег,
 Хорошо, что он живёт на свете,
 Симпатичный, милый человек.

.....*

Не остывал огонь в её накале.
 Великих вспомни: Многие во сне
 Ключи к своим открытиям отыскиали...

// Кузбасс. – 1971. – 31 июля. – С. 3

(Литературная страница).

Как каменная глыба,
 Он красив,
 Как солнечный восход.
 Слава им,
 Сердечное спасибо,
 Кто тепло и свет нам достаёт!

// Кузбасс. – 1971. – 29 августа. – С. 1

*(стихотворение посвящено Дню шахтёра и приурочено
 к 250-летию со времени открытия кузнецкого угля).*

ТРИ СОНЕТА

1.

Душа полна весенним ароматом...
 Она всегда останется верна
 Далёким былям, встречам и утратам,
 Что волновали мир её до дна,
 Путям-дорогам с верным автоматом,
 С огнём костра, с привалами без сна,
 И тем героям, сверстникам-ребятам,

Чью жизнь сожгла проклятая война...
 И снова мир. И снова небо синее.
 Вдвойне прекрасна нынешняя новь.
 Но не забыты старые святыни:
 Друг фронтовой, пожары, дым и кровь...
 Как хорошо мне памятны доньше
 И первый стих, и первая любовь!

* – не читается одна строчка – низ газеты, где она напечатана, обрезан (Примечание Н. Инякиной)

2.

И первый стих, и первая любовь –
Вот золотой источник животворный,
Откуда силы черпаются вновь
Для новых дел, для юности повторной...
Стремись вперёд, не хмурь печально бровь,
Быть может, далеко до ночи чёрной...
Ищи, дерзай, где надо – прекословь,

Считай своим великим достоянием
Уменье видеть в мире новизну,
За труд любимый братья со стараньем,
Звучаньем строк наполнив тишину.
Не ведая пристрастия к восклицаньям,
Без громких слов любя свою страну.
Пусть никакие годы увяданьем

Будь в мыслях честный, в чувствах непритворный.
Задумал что – умри, а соверши,
Иначе грош цена твоим дерзаньям...
Не рановато ль в комнатной тиши
Ты предаваться стал воспоминаньям?
Какое счастье – молодость души
Считать своим великим достоянием!

3.

Не омрачат душевную весну.
Пусть голосами дружеского круга
Она звучит в пути и за столом,
И то пьянит душистым мёдом луга,
То вдаль зовёт дорогой за селом...
Нет, не метель, а лёгкий ветер с юга
Навстречу веет ласковым теплом!

// Кузбасс. – 1971. – 26 сентября. – С. 3.

ПАРТИИ

Ленинская партия родная!
Ты прошла большой и славный путь,
Октябрём день новый начиная,
Чтоб Россию к солнцу повернуть.
Партия! Когда сигнал «Авроры»
Грянул в мир застойной тишины,
Полные надежд людские взоры
Были все к тебе обращены.
Партия! Твоей могучей воле
Навсегда обязан наш народ,
В Октябре добившийся той доли,
Что судьбой счастливою зовёт.
Партия! Твоя крутая сила,
Равной на земле которой нет,

Под Москвой фашизм остановила,
Под Берлин умчала гром побед.
Партия! Для многих поколений –
Ты, как верный компас боевой.
Ни преград, ни страха, ни сомнений
Никогда не знаем мы с тобой.
Партия! Давно ты указала
К коммунизму ясный путь, прямой.
В наших днях все добрые начала
Неизменно связаны с тобой.
Мы с любовью засеваем, пашем
Ниву жизни для своих внучат,
А сердца и помыслы все наши,
Партия, тебе принадлежат.

// Кузбасс. – 1971. – 6 ноября. – С. 1.

СТИХИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

В начале будущего года будапештское издательство «Корвина» выпустит в свет книгу стихов «ВСТРЕЧА», в которой на двух языках – венгерском и русском – будут представлены читателю поэты Кузбасса и Ноградской области. Стихи наших поэтов переводили на свой язык наши венгерские друзья. В переводах кузбасских поэтов будут звучать стихи венгров.

Книга «Встреча» – ещё одно свидетельство крепнущей дружбы нашего индустриального края и Ноградской области. Сегодня мы публикуем три стихотворения венгерских поэтов из будущей книги.*

Карой Йовать. *)

** – здесь только одно стихотворение в переводе М. Небогатова, два других в переводе В. Махалова не приводятся; *) – в книге фамилия напечатана иначе: Карой Йоббадь (Примечания Н. Инякиной)*

ЗВЁЗДЫ, ЗВЁЗДЫ...

Как над долиною два горных мыса,
 Два чабана привстали над столом.
 Два кубка, что наполнены кумысом,
 В руках их были. Но они вдвоём,
 Как где-нибудь на утренней побудке,
 При блеске первых солнечных лучей,
 Вдруг заиграли весело на дудке
 Мелодию, что славит здесь гостей.
 Мелодию старинную, что правит
 Обычаями, бытом, – и права.
 Мелодию, что пастбища их славит,
 Где негустая, добрая трава.
 На ней паслась и козочка вот эта,
 Которой было вольно на земле,
 Которая скакала в бликах света,
 И стала нашим блюдом на столе.
 И кончилась та песня, словно чудо.
 И кубком вдохновенья в тот же миг
 Пошло по кругу дальше это блюдо,
 Юнцу передавал его старик.
 Дошло оно до польского поэта.
 Поэт поёт, держа его в руке.
 И зазвучали песни в знак приветия
 На русском, на болгарском языке.
 Звучали песни, празднично ликуя,
 Звучало много песен, не одна!
 Слилились они в гармонию такую,

Что дружба создаёт и тишина.
 Я тоже встал. Я видел одобренье
 На лицах всех. Уж если слово тронь –
 Найдёшь в нём всех связующие звенья,
 Ведь в песнях наших есть такой огонь!
 Я огляделся. Что мне спеть сегодня?
 Вдали горела яркая звезда.
 О звёздах буду петь... Я блюдо поднял,
 Запел, про что подумалось тогда.
 О, звёзды!.. И глаза родные вижу,
 От них мой голос крепче стал, сильней.
 Сияйте!.. И мой голос выше, ближе,
 Понятней для любого из гостей.
 Пел чужеземец с длинными усами,
 И знаю: песнь кочевничью мою
 Все принимали добрыми сердцами
 Совсем не как чужую – как свою!
 Я пел про степь под солнцем и луною,
 Про небо, всё в созвездьях золотых,
 И все роднились песней той простою,
 Как песней прародителей своих.
 – А хорошо бы много дней, без счёта,
 Так в мире жить, – промолвил кто-то вдруг.
 – От нас зависит. От кого ж ещё-то?
 И на плечах моих – десяток рук.

Перевод с венгерского М. НЕБОГАТОВА.

// Кузбасс. – 1971. – 20 ноября. – С. 3.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Иногда я думаю о том,
 Что всего страшнее для поэта:
 Напишу вот стих – а что потом?
 Может, никому не нужно это?
 ...Вечер вспоминается один:
 Сцена, тишина, внимание в зале.
 Для сомнений не было причин –
 Хорошо, тепло нас принимали.
 Образ каждый в воздухе не вис,
 Отклик находил и одобренье.
 Кончил. И опять читал на «бис»...
 Значит, не напрасно вдохновенье?

Война не только всё губила,
 На свет бросала ночи тень –

Письма от читателей моих.
 Вот они, лежат передо мною.
 Сколько слов так радующих в них,
 Сердце согревающих порою!
 Был бы стих лишь только от души.
 О другом уж говорить не будем...
 Все дела на свете хороши,
 Коль они приносят радость людям.
 Видно, зря я думаю о том,
 Что всего страшнее для поэта:
 Напишу вот стих – а что потом?..
 А потом – как эхо, отзвук где-то!

Она и многому учила,
 Что забываем в мирный день.

Окутав мир метелью лютой,
Грозя всему, что жаждет жить,
Учила каждую минуту,
Секундой каждой дорожить.
В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...

В юности не знал ты никогда
Чувства одиночества пустого.
Друг запропастился – не беда.
Без него не скучно, право слово.
Быть с самим собой наедине
Тягостным нисколько не казалось.
Хорошо, бывало, в тишине
Думалось о чём-то и мечталось.
Не было гнетущей пустоты,
Находилось что-то в каждом миге –

Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить бы с полною нагрузкой
И в будни мирного труда!
Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок
И не давать себе поблажки,
Не говорить: устал, не смог...

Был один не одиноким ты,
То с тобою музыка, то книги...
Нынче коленкор совсем иной.
Тяжко одному, как с грузом ноши.
Надо, чтобы кто-то был с тобой –
Сын, жена или просто друг хороший.
Кончишь труд – душа кого-то ждёт.
Часто прямо места не находишь.
Очень одиночество гнетёт!
...Друг мой, что так долго не заходишь?

// Кузбасс. – 1971. – 21 декабря. – С. 4.

ВЕНОК СОНЕТОВ

Поэт Михаил Небогатов подготовил к печати новую книгу стихов под названием «Спасибо сентябрю», которая выйдет в свет в нынешнем году.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей вошедший в эту книгу венок сонетов. Венок сонетов – архитектурная форма поэмы, состоящей из 15 сонетов. Это весьма сложная поэтическая форма, требующая от поэта большого труда.

1.

Немалый путь – полвека за спиною.
Река годов стремительно течёт.
Уже виски искрятся сединою,
Но жизни даль по-прежнему влечёт.
Что сделал я, какие планы строю –
Наверно, время дать уже отчёт...
Считаем юность лучшею порою,

С неё ведём делам своим отсчёт.
Пора весны, когда простор так светел
И так чиста небес голубизна,
Когда всё внове, в диво, что ни встретил,
В груди – любви горячая волна!..
Но я весну не видел, не заметил –
В огне, в дыму прошла моя весна.

2.

В огне, в дыму прошла моя весна.
Вовеки не забуду город Броды.
Нас на рассвете подняла война,
Пятная чёрным дымом неба своды.
Я это с нар увидел из окна
(Поныне вижу, хоть промчались годы):
Горел аэродром. И мы со сна

Не понимали всей беды невзгоды,
Что принесла нам свастика с крестом
На крыльях, распростёртых над страной.
За край родимый свой, за отчий дом
Встал наш народ единою семьёю...
Вступая в жизнь в том возрасте моём,
Пусть сыновья не встретятся с войною!

3.

Пусть сыновья не встретятся с войною,
Из армии ушедшие в запас.

Пусть остаётся вечно запасною
Их форма, что в шкафу лежит сейчас.

Но если призовёт страна их к бою,
Я, как и все, скажу им: – В добрый час!
Год сорок пятый солнечной весною
Солдатских сыновей для жизни спас.
Для них открыты двери институтов,

4.

Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
Как ни красив подчас боец с винтовкой –
Красивее в любые времена
Рабочий у станка, косарь с литовкой.
Особой величавости полна
Работа с вдохновеньем и сноровкой.
Всегда кого-то радует она,

5.

Прекрасно утро мирной тишиною,
Когда отчётлив, резок каждый звук...
Вот лось прошёл неспешно к водопою –
Вода речная заплескалась вдруг.
Вот стриж простриг пространство над рекою,
Со свистом прочертил над нею круг,
Как «мессершмитт» той памятной
порою,

6.

Мила душе родная сторона
С тропой во ржи, с зеркально гладким плёсом,
С журчащим родником, что чист до дна,
И с лугом, где раздолье пчёлам, осам,
И с рощей, где берёзок белизна
Над пряным разнотравьем, над покосом,
Когда сквозит тумана пелена

7.

Как нежно светит солнце над стернёю,
Где буйно наливалась летом рожь.
Я эту нежность чувствую щекою,
Я счастлив, что осенний день погож.
Он дышит жаркой сухостью степною,
Где паутинок серебристых дрожь
Он из оврагов сыростью грибною

8.

И та и эта даль насквозь видна.
Былое и грядущее – всё рядом.
Одно – как скрипки чуткая струна,
Другое – воеет бомбой и снарядам.
Ещё у скрипки песня не одна,
Ещё звучать ей песенным каскадом.
Лишь только б в мире новая война

Их на заводах, стройках ждёт страна.
Пусть в Мае только звёздами салютов
Волнует нас минувшая война.
Кто за войну, тех ненавижим люто.
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.

Дитя – игрушкой, девушку – обновкой,
Любителя искусств – звучаньем строф,
Народной песней, пляской озорною...
Как в юности, заслушаться готов
Я пеньем соловьиным над рекою.
Готов всю ночь бродить среди цветов...
Прекрасно утро мирной тишиною.

Что учащал тревожный сердца стук...
Но прочь о давних днях воспоминанья!
Пусть торжествует мира тишина!
Вот трактора глухое рокотанье
За речкой в поле, где во ржи сосна...
Люблю с природой тихое свиданье.
Мила душе родная сторона.

И тает в пенье птиц многоголосом...
За эти годы где бы ни бывал,
Горжусь своей родною стороною.
Я защищал её и воспевал
Простою задушевною строкою...
И вот уж осень – новый перевал.
Как нежно светит солнце над стернёю!

Порою вест. Дождик был хорош!
Спокойное, чуть знойное приволье.
Здесь рысак не сдержат стремени.
И путь, что позади, – как это поле,
Где будущего зреют семена.
Отсюда, где дыханье ветра, воли,
И та и эта даль насквозь видна.

Не разнесла её тупым прикладом...
С годами к нам приходит мастерство
Самих же нас нередко удивляя,
И так сберечь нам хочется его,
Как колосок большого урожая.
Мне большего не надо ничего:
Прекрасна эта осень золотая.

9.

Прекрасна эта осень золотая.
 Есть кое-что и в наших закромах.
 Желанье есть и жажда молодая
 Трудиться не спеша, не впопыхах.
 Есть песня не заёмная-чужая,
 А кровная, вся в ранах и рубцах.
 Есть даль, которой нет конца и края,
 Где снежный блеск и летний луг

в цветах.
 Есть дума, что поведать людям надо,
 Для них, как дверь, я душу отворю.
 От злого, от завистливого взгляда
 Хотел бы сохранить свою зарю...
 Есть в возрасте моём своя отрада.
 Распахиваю сердце сентябрю.

10.

Распахиваю сердце сентябрю
 Бестрепетно, доверчиво, открыто.
 – Привет, сентябрь! – с улыбкой говорю.
 Не всё войною страшною убито.
 Мы юность посвятили Октябрю,
 Не может быть такое позабыто.
 С непониманьем на того смотрю,

Кому своё лишь дорого корыто.
 Поэтам замыкаться не к лицу.
 Живём, всё к сердцу близко принимая.
 Коль боль пришла к какому-то крыльцу,
 Она и нас тревожит, обжигая...
 Мир солнышку, лазури, багрецу!
 Звенит земля, вся светом залитая.

11.

Звенит земля, вся светом залитая.
 Звенит зерном в колхозных бункерах,
 Составом с углем, в далях замирая,
 Рубином звёзд сияя на копрах.
 Звенит, ракетой новой улетаю,
 Чтоб осветить простор в иных мирах,
 Чтоб нам сдалась Вселенная седаю,

Друзьям на радость и врагам на страх.
 Звенит тайгой, где бородач-геолог
 Смеётся: – Трассу новую торю!
 А было: так звенел-свистел осколок,
 Чей посвист был нацелен в грудь мою.
 Осколок тот вонзился в ближний колок...
 За счастье жить судьбу благодарю.

12.

За счастье жить судьбу благодарю,
 О юности израненной не плача.
 Душой по-молодому вновь горю.
 А это очень трудная задача –
 Не очерстветь, не огрубеть в бою,
 И не погибнуть, уцелеть, тем паче.
 Мы все в победу верили свою –

И с нами шла, как спутница, удача.
 А скольким уцелеть не удалось!
 Мы хоронили их, сердца сжимая,
 На недруга обрушивая злость,
 Предвидя праздник солнечного Мая.
 Земля, где проливать нам кровь пришлось,
 Люблю тебя, земля моя родная.

13.

Люблю тебя, земля моя родная,
 За то, что вижу солнце над тобой,
 За то, что, в сквере весело играя,
 Детишки гомонят наперебой.
 Люблю тебя, о детстве вспоминая,
 Что бегало над речкой голубой,
 Где на заводе старом проходная

С утра гудит рабочею толпой.
 Люблю за все печали и тревоги,
 Что были – я ни капли не корю,
 За трудные и лёгкие дороги,
 Как мать, люблю, как мать, боготворю.
 И в час, когда уж осень на пороге,
 Венок сонетов я тебе дарю.

14.

Венок сонетов я тебе дарю.
 Прими его, коль он тебя достоин.
 Про всё в нём откровенно говорю,
 Как сын твой рядовой, как бывший воин.

Я в мудрые глаза твои смотрю.
 Ты рядышком со мной. И я спокоен.
 Я для тебя, земля моя, творю,
 Тобою этой чести удостоен.

Прими его, родная сторона,
С любою, самой скромною строкою.
Была бы только в ней душа видна –

15.

Немалый путь – полвека за спиною.
В огне, в дыму прошла моя весна.
Пусть сыновья не встретятся с войною!
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
Прекрасно утро мирной тишиною.
Мила душе родная сторона.
Как нежно светит солнце над стернёю!

И тем доволен буду я, не скрою.
Жизнь – счастье, коротка или длинна...
Немалый путь – полвека за спиною.

И та и эта даль насквозь видна.
Прекрасна эта осень золотая.
Распахиваю сердце сентябрю.
Звенит земля, вся светом залитая.
За счастье жить судьбу благодарю.
Люблю тебя, земля моя родная.
Венок сонетов я тебе дарю.

// Кузбасс. – 1972. – 23 февраля. – С. 4

(внимательный читатель заметит некоторые отличия этого текста от того, который напечатан в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., на с. 11 – *Примечание Н. Инякиной*).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ**Я и эпоха**

*А у той ли у девицы
В ручках яблоко-ранет.
Не успеешь удивиться,
Как пойдёшь за нею вслед...
Но зовёт меня эпоха...*

Игорь Киселёв.

Я уж взрослый, а не кроха.
За девицей бы – не прочь.
Но зовёт меня эпоха
Ей в делах больших помочь.
И не хочешь, да поможешь.
Гляну, хлопну по плечу:
– Как живёшь, эпоха, можешь?
– Всё, как видишь, хлопочу.
Но то здесь, то там проруха.
Трудновато мне одной...
– Ничего, не ной, старуха.
Говорю тебе: не ной!
Трудно? Что за разговоры,
Если мы теперь вдвоём.

Мы с тобой своротим горы!
Даже спляшем и споём.
Ошибёшься где – поправлю,
Подскажу: не так, мадам.
И в стихах тебя прославлю.
И пропасть тебе не дам.
Нам с тобой да не ужиться?
Видишь – рядом я стою.
Можешь смело положиться
На поддержку на мою...
– Вот уважил, вот спасибо.
Рада душенька моя.
Будто с плеч свалилась глыба.
Без тебя пропала б я...

Судьба коварна

*Моя боль, мой надёжный лекарь,
Благодарен тебе, судьба,
Что, лепя из меня человека,
Убивала во мне раба...*

*И нас формируют опытные руки –
Натруженные руки гончара...
И чувствую свою незавершённость...*

Валентин Махалов.

Не по своей вине и грёзе,
Стерев холодный пот со лба,
Я от стихов кидаюсь к прозе –

Виною тому гончар-судьба.
Который год уже, не скрою,
Упорство ярое храня,

Судьба, как хочет, вертит мною,
 Всё что-то лепит из меня.
 Формуют опытные руки,
 Я весь доверился судьбе,
 Но на гончарном этом круге
 Порою мне не по себе.
 Меня тревожит очень это –
 Шлепки судьбы крепки, как лёд:
 А вдруг убьёт во мне поэта
 Или прозаика убьёт?
 Жестоко бьёт и в хвост, и в гриву,
 Ступени к солнцу заслоня.

Тут не до жиру – быть бы живу.
 Вдруг бросит, не слепив меня?
 Вот, скажем, Шолохов – прозаик.
 И всё. Законченный портрет.
 А я в плену у всех мозаик.
 Кто я – прозаик или поэт?
 Нет, ты судьба, меня не любишь.
 В твоих шлепках коварство есть.
 Ты лепишь, лепишь,
 Лупишь, лупишь,
 А что получится – бог весть!

// Кузбасс. – 1972. – 23 марта. – С. 4.

ПЕРВЫЙ НОМЕР «ОГНЕЙ КУЗБАССА»

Вышел из печати очередной, первый за 1972 год, номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса».

Номер открывается воспоминаниями Андрея Троицкого «Узы братства» и Александра Беженко «Горная Шория, год 1922-й», посвящёнными 50-летию образования СССР.

В разделе прозы рассказы Владимира Власова «Один за всех», Екатерины Дубро «Мария» и «Серая нежность». Поэзия представлена новыми стихами Александра Родионова, Геннадия Колесникова, Владимира Потапова и Степана Торбокова, в переводе с шорского *Михаила Небогатова*.

Под рубрикой «Проблема? Да, проблема!» опубликован очерк Е. Попова, В. Черепанова «Таштагол: рождается шахта будущего». Журналистка Раиса Лобанова выступает с очерком «Солдатское поле».

Критик А. Абрамович рецензирует две книги рассказов кузбасского писателя Виктора Чугунова, вышедшие в Кемеровском книжном издательстве.

Кроме перечисленных произведений, в журнале опубликованы путевые заметки о Калининграде В. Чугунова, новая песня «Земля, моя родная» и юморески И. Колмакова.

Ф. ДЁМИН. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1972. – 8 апреля. – С. 3.

КУЗБАСС ЛИТЕРАТУРНЫЙ, 1971 год . 2. ПОЭЗИЯ*

Поэтическими произведениями никогда не была бедна наша кузбасская земля, и в прошлом году их появилось немало. Помимо книг Евг. Буравлёва и И. Киселёва, в альманахе «Огни Кузбасса» и в других изданиях опубликованы стихи *М. Небогатова*, Г. Гадёнова, Г. Кравцова, И. Васина, С. Торбокова, В. Махалова, О. Максимова, В. Мамаева, С. Печеника, В. Крёкова, С. Донбая, В. Зубарева, П. Майского и других. Не лишним будет отметить, что некоторые авторы – рабочие, недавно приобщившиеся к творчеству. Какими же мыслями и чувствами живут наши поэты? Что их волнует в современной жизни?

После первых своих сборников «Перецвет» (1966 г.) и «Ярославна» (1968 г.) И. Киселёв предложил читателям в прошлом году книгу «Четыре дождя», где помещён ряд прежних стихотворений и немало новых. Неоспоримое достоинство новых стихотворений поэта состоит в том, что он теперь глубже и яснее представил себе, какими путями и приёмами нужно воспроизводить сегодняшнюю жизнь и типические черты современности.

Человек славен своим творческим трудом – эта бесспорная мысль находит в стихах И. Киселёва очень доказательное звучание, особенно в написанном в традициях фольклора произведении «Мариинск». Здесь мы лишним раз убеждаемся, что ограниченная своеобразием формы поэзия является необычно ёмкой по своему содержанию. Поэт восторгается мастерством сибирских плотников, оставивших нам в наследство

* Окончание. Начало в номере за 6 апреля, с. 4, под заголовком «Кузбасс литературный, 1971 год. 1. ПРОЗА» (Примечание Н. Инякиной)

искуснейшие деревянные узоры на избах. Мы воспринимаем лирический рассказ о прошлом, как о настоящем, о русских людях, чьё неутомимое творчество восприняло всё умное и славное от предков и приумножило его.

Человек строит, создаёт не для того, чтобы лишь строить, а и для того, чтобы жизнь его была прекрасна, чтобы жить полнокровно и радостно. Вот почему нам кажется, что сдержанность, скупость чувств некоторых наших писателей в сфере лирики сердечной, любовной – ничем не оправдана.

Что касается И. Киселёва, то в его последнем сборнике очень ярко выступает человек лирического настроения, остро чувствующий красоту мира, человек с радостным приятием дружбы, доброты и счастья любви. Можно сослаться хотя бы на стихотворение «Есть женщины, похожие на пламя...». Разбирать его – значит портить, всё тут отлито в верные слова-образы:

В них что-то есть от скорого прощанья.

Как светлый дождь сквозят они во мгле,

В себе невозмутимо воплощая

Всё лучшее, что было на земле.

Изменчивы, как небо, как погода...

И душу мне догадка обожгла,

Что в них украдкой смотрится природа,

Как в созданные ею зеркала.

И пусть не подумают читатели, что тут «чистая» лирика, лирика в смысле её отграничения от жизни и, даже скажем прямо, – от политики. В стихе – тема беспокойства за сохранность мира и красоты на земле. В связи с таким раскрытием лирической темы уместно обратиться далее к большому, во многом итоговому сборнику стихов Евгения Буравлёва «Шестая гряда». В книге немало стихов и поэм, уже знакомых читателям, и можно лишь напомнить, что нет в Кузбассе писателя, исключая разве что А. Волошина, который бы так много и верно сказал о нашем современнике, главным образом, рабочем, который был бы так близок в воспроизведении жизни к прототипам своих героев (поэмы о Записбе, Междуреченске и др.) Тут Буравлёв внёс такой вклад, без знакомства с которым невозможно иметь полного представления о поэзии Кузбасса.

Однако сейчас, вероятно, важнее обратиться к произведениям, которых у поэта не было раньше, или темы их только ещё начали проявляться в предыдущей его книге «Острова». Теперь Евгений Буравлёв предложил нам большой лирический цикл «Опять расставанья...», убеждающий нас в том, что стихотворение «Говорят, что я не лирик, нет...» попало в новую его книгу по недоразумению, что он верно стал понимать значимость не только гражданской, но и интимной лирики, ясно представлять себе, что мир красоты, дружбы и любви никак не может противостоять общественным, трудовым интересам нашего человека, а, напротив, обогащает личность и ещё больше упрочивает его органическое единство с социалистическим государством и обществом. Буравлёв впервые так много внимания уделил лирике. Не все его произведения являются пока что удачными. В чём-то он повторяет уже сказанное другими, в чём-то не очень глубок и доказателен («Отплыл дальним землям и дальним морям...», «Давно за полночь. Дремлют зданья...», «Переступлю порог едва лишь...»). Зато в лучших своих стихах он видит лирические отношения людей более разносторонними и сложными, чем, скажем, И. Киселёв.

Тема любви в новых стихах Евгения Буравлёва отвечает девизу «Ничто человеческое мне не чуждо». В том виде, как он проявился в «Шестой гряде», особенно в стихотворениях «Ты – ночь моя и зорюшка...», «Опять расставанья, опять расставанья...», «Сентябрьский дождь струится с лунных крыш...», «Я всё ревнивней становлюсь, всё злей...», поэт утверждает: новое в характере человека нашей страны состоит не в том, что он всегда и во всём удачлив и благополучен, живёт за пределами конфликтов и противоречий. Они есть у него и в труде, и в любви, и в дружбе. Есть у него и радости, и печали, и страсти, и неосуществлённые желания. А новое в нём то, что он мужествен, силен в своей борьбе с невзгодами, всегда готов полной чашей испытать своё счастье, но всегда готов и наступить на горло своим бедам.

Вот, например, в стихотворении «Ты – ночь моя и зорюшка...» любовь лирического героя изображается как любовь трудная, сохранить которую не так уж легко, потому что любимая, как это часто бывает, существо сложное, «то всех похвал достойная, то самая разбойная, то правая рука моя, то самая лукавая, то преданно-желанная, то самая обманная...». Как в этом, так и в других лирических стихах цикла герой и страдает, и мучается, и ревнует, и сердится, и всё-таки принимает своё горько-сладкое счастье как нечто прекрасное, без чего человек беден, пассивен, несчастен. Пусть будет сложная, но богатая чувствами жизнь, пусть радость достаётся в борьбе. Не может не радовать тот факт, что и наших «молодых» или относительно молодых, поэтов тоже волнует проблема места и значения личности в обществе и государстве. Как и следует, она варьируется в зависимости от индивидуальности поэта, но всегда разрешается в одном направлении – утверждая ответственность героя перед страной, прославляя труд, дело, которому он служит.

Думается, что стихотворение В. Зубарева «В море впадают реки...» может считаться одним из лучших в поэтическом арсенале прошлого года как по оригинальной трактовке содержания, так и по форме. Оно очень содержательно, причём за счёт подтекста, вызывающего немало ассоциаций. Что может быть чудеснее рук человека, создателя всего, что значимо и велико на земле? Поэт отвечает:

*В море впадают реки,
В дело впадают руки.
Что ни ладонь – то дельта...
Руки впадают в дело.*

И мы читаем между строк: сколько же может сделать доброго, удивительного человек во имя справедливой жизни, во имя счастья всех, кому принадлежит будущее.

Отмечая известные удаchi в стихах кузбасских поэтов, посвящённых современности, нельзя пройти мимо одного из существенных просчётов во многих произведениях. Мы видели, что в нашей прозе подчас не хватает глубины дыхания, широты воспроизведения и осмысления действительности. В стихах прошлого года обнаруживается такой же недостаток, и даже в ещё большей степени.

В четырёх выпусках альманаха «Огни Кузбасса» за 1971 год содержится свыше 360 страниц и свыше 40 стихотворных произведений (исключая несибирских авторов). И когда их прочитаешь, создаётся впечатление: может быть, многие из них не так уж плохи, взятые в отдельности, а все вместе создают впечатление, если можно так сказать, мелкоотемья, боковых, а не основных поисков и смысловых решений. Стихи «чисто» пейзажные, да ещё написанные по частным поводам, так и мелькают в глазах.

Тот же В. Зубарев предлагает стихи «Осенние дни обнажили...». Здесь пейзаж сам по себе невыразительный, далёк от большого поэтического обобщения и, очевидно, поэтому бедный и по стилю: «Что толку, что пала завеса листвой к моему сапогу», «Я в город шагаю, домой, и тянут деревья обрывки потерянных связей со мной».

У П. Майского тоже пейзаж («Не всё быльём с годами поросло...»), и тоже с неудавшейся попыткой обобщения. Дан «натюрморт» – рыбаки у озера в тумане, пожухлые травы, снопы, бабочки, облака, скворчающий дрозд. Набор явлений, увиденных поэтом, представляется случайным, а заключающая впечатление мысль – явно искусственно притянутой: «Видать, не зря страдалось и мечталось, коль вздорное быльём позаросло, а дорогое на сердце осталось».

Почти каждому из поэтов представляется необходимым одухотворение пейзажа, однако если он мелковат, то и «философия» оказывается очень бедной. В этом смысле особенно поучительно стихотворение В. Писарева «Босым мальчишкой рано до зари...». Уже много раз воспевались раннее утро и мальчишка, спешащий на рыбную ловлю. У В. Писарева тема не только повторяется, но и выражена вполне прозаически, отчего надобность в стихе вообще отпадает.

Мелькотемье отличает произведения и таких авторов, как О. Максимов («Глухари»), С. Печеник («Чигисхан»), С. Донбай («Стеклодув»). И идёт оно от неверного представления, будто в поэзии может быть значительным каждое проявление лирической настроенности. За бессодержательность и содержательность ложную писатель одинаково жестоко расплачивается, будь это проза или стихи.

Эти заметки о прозе и поэзии кузбасских писателей не исчерпывают, конечно, всего, что создано ими в 1971 г. Но, прочтя хотя бы те произведения, о которых шла речь, читатели могут в известной мере представить себе интересы поэтов и прозаиков, стремящихся к воспроизведению и оценке явлений действительности на основе идей и требований, поставленных перед ними временем.

А. АБРАМОВИЧ,

доцент Новокузнецкого пединститута,

член Союза писателей СССР.

// Кузбасс. – 1972. – 9 апреля. – С. 3.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

ЯГОДЫ

Зноем лес распарен.

Девушка и парень

Полдень спит в траве.

Бродят по траве.

Тени. Солнца блики.
 На цветке – пчела...
 Радостные вскрики:
 – Вот ещё! Нашла!
 С корня земляничка,
 Не пыли с лотка.

Капля-невеличка,
 А уж как сладка!
 В туюське б оставить –
 Там не скрыло дна,
 Да во рту растаять
 Просится она...

ДЕНЬ ПРОШЁЛ

Солнышко желанное, ну где ж ты?
 Дует ветер, воя и свистя.
 Утро все вчерашние надежды
 Зачеркнуло сеткою дождя.
 Лишь под вечер заиграли краски
 В чистом небе – ласточек круги.

На асфальте – детские коляски
 И влюблённых тихие шаги.
 Но не грел уж лаской неуместной
 Этот мир, который вдруг расцвёл –
 День прошёл. Июльский день воскресный.
 Без тепла и света он прошёл...

ЗМЕЙ

...Вот закачался он над крышей
 Ещё под тяжестью хвоста,
 Потом всё дальше, выше, выше,
 Туда, где неба даль чиста.
 И в эту даль квадрат бумажный
 Уплыл, оклеенный крестом.
 Уже красиво, плавно, важно,
 Легко планирует хвостом.

Под ним – деревня, лес, лужайка,
 Где из ромашек, сочных трав
 Глядит, глядит ребячья стайка,
 Вихры восторженно задрал.
 А змей парит, как детство, дивный,
 Далёкий от житейских бурь.
 И только грохот реактивный
 Бьёт, словно в колокол, в лазурь...

// Кузбасс. – 1972. – 30 июля. – С. 4.

БОГАТЫРИ ЗЕМЛИ

Мы любим край кузнецкий наш,
 Где аромат таёжных стоек.
 Навек вошли в родной пейзаж
 Заводы, краны новостроек.
 Красив, не скажешь ничего,
 Наш край – и снежный, и зелёный...
 В рабочем облике его
 Чертою главной – терриконы.
 Они стоят почти везде –
 В лесу, среди степных просторов,
 Напоминая о труде,
 О славе доблестных шахтёров.

Пусть горняки не на виду,
 Но их сердцами жизнь согрета,
 И к их причастная труду,
 Устремлена к Луне ракета.
 Шахтёрам, гвардии их всей,
 С кем я навек судьбою связан,
 Кузбасс, Кузнецкий наш бассейн,
 Высоким именем обязан...
 Копры – в рябиновых лучах.
 А в глубине, врубаясь в горы,
 Планету держат на плечах
 Богатыри земли – шахтёры.

// Кузбасс. – 1972. – 27 августа (воскресенье). – С. 1
 (стихотворение опубликовано в День шахтёра).

Заметки о литературной критике в Кузбассе

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

XXIV съезд КПСС, обративший особое внимание на отставание критики, V съезд писателей СССР, проходивший под знаком реализации решений партийного съезда, постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», развивавшее и конкретизировавшее указания XXIV съезда, – всё это заметно оживило работу литературной критики в стране. Назрел серьёзный разговор о состоянии и путях её

улучшения и у нас в области. Литература Кузбасса – это часть большой советской литературы. В ней есть яркие, интересные дарования. Тем не менее перед нами встают проблемы не только общесоюзного, но и, так сказать, внутрикузбасского характера. Здесь есть свои специфические особенности, продиктованные сугубо местными условиями и возможностями.

Научная методологическая основа литературной критики в современных условиях – марксистско-ленинское литературоведение, органической частью которого она является. Литературоведческие исследования в Кузбассе, центрами которых являются наши вузы, охватывают весьма широкий круг проблем: современная советская Лениниана, современный советский роман о рабочем классе, современная советская поэзия, наследие Достоевского, Куприна, Вс. Иванова, Горький и Сибирь, исторические судьбы русской романтической поэзии XX века (А. Блок, С. Есенин, Э. Багрицкий, М. Светлов и др.), фольклор Кузбасса и Западной Сибири.

Систематически (почти ежегодно) выходят сборники литературоведческих статей, получающие положительные отклики в печати. Литературоведы Кузбасса принимают активное участие в межвузовских научных конференциях страны. В 1969 году в Кемерове была проведена Всероссийская межвузовская конференция по проблеме «Исторические судьбы романтизма в русской литературе». В конце 1971 года вышел из печати сборник материалов конференции «Из истории русского романтизма». В планах – новые выпуски аналогичного характера. Все эти исследования находят преломление как в учебном процессе, так и в работе с учителями школ области.

Успехи литературоведения в Кузбассе были бы значительнее, если бы наш альманах «Огни Кузбасса» и издательство, которые многое делают для развития литературы в Кузбассе, проявляли бы большую заинтересованность также и в судьбах литературной науки.

На столе передо мною – стопка номеров альманаха за 1970 и 1971 годы. Читаю, перелистываю, ещё раз убеждаясь, что статья литературоведческого характера – редкий гость в альманахе. Правда, есть статьи о Ленине и Горьком, о сибирском писателе и учёном И. А. Худякове, писателе-народнике Г. А. Мачтете, Достоевском в Сибири, писателе-разночинце И. А. Куцевском. Но большинство этих статей обращено в дореволюционное прошлое и носит скорее информационный, историко-биографический характер.

Ещё более редкое явление – книги по литературоведению в планах издательства. Припоминаются эпизодические издания – монографии Н. Якушина о Достоевском в Сибири, небольшая книжечка Б. Челышева об интересных литературоведческих находках, сборник статей «Литература правды и мечты», ещё одна – две книги. Пожалуй, и всё. И это за многие годы! А между тем издательство должно бы не отмахиваться от предложений литературоведов (они за последнее время, впрочем, почти не вносят предложений), а выступать в роли инициатора и организатора подобных изданий. Даже то, что попадает в портфель издательства (скажем, монография А. Абрамовича «Горький и Сибирь»), годами лежит без движения.

Литературоведы Кузбасса предпочитают выступать со своими исследованиями (в том числе и о писателях-сибиряках) «на стороне». За последние два-три года мне приходилось встречать и читать их статьи в изданиях Москвы, Ленинграда, Новосибирска, даже Калуги, Коломны и других городов страны. Если литературоведческие исследования не только не планируются, но на них отпускаются соответствующие средства и об их развитии заботится научное руководство вузов, то литературная критика, к сожалению, находится в более незавидном положении. Она выглядит какой-то Золушкой и в областной организации Союза писателей, и в альманахе «Огни Кузбасса», и в областном издательстве. Лишь один член Союза писателей выступает по разделу критики – это А. Абрамович. Его статьи и рецензии читаются с интересом, а написанная им книга о местных писателях – «На своей земле» – представляет собою, пожалуй, наиболее заметное и отрадное за последние годы явление в литературно-критической жизни области.

Какие из отмеченных в Постановлении ЦК КПСС недостатков наиболее характерны для литературно-критических выступлений в местной печати? Почти все. Остановимся особо на двух. Первый из них – недостаточно высокий уровень профессиональной культуры, слабая теоретическая вооружённость «текущей» критики, не всегда опирающейся на достижения современного литературоведения, смутное представление о ведущих тенденциях современного литературного процесса. Подобная некомпетентность порождает дилетантизм, верхоглядство, скольжение по поверхности, сюжетный пересказ, отрыв содержания от формы и, наоборот, любительские рассуждения, субъективизм.

Другой недостаток – комплиментарный подход к «своим» авторам. Дилетантизм оказывается исключительно благоприятной почвой для процветания комплиментарной критики, для благодушия и

невзыскательности. Хорошо, что со страниц нашей печати исчез критик-«проработчик». Плохо, что остался критик-«комплиментарщик» со своими обтекаемыми и чересчур галантными рецензиями.

Можно назвать десятки подобных рецензий в местных газетах и в альманахах. Но дело не в именах. Ограничусь всего лишь одним примером. Возьмём третий номер «Огней Кузбасса» за 1971 год. Он радует – не в пример другим номерам – обилием рецензий. Однако уровень их серьёзно отстаёт от количественного роста. В рецензиях на сборник стихов «Тишина» В. Мамаева (Кемерово, 1971 г.), сборник рассказов «Герцог подаёт в отставку» П. Ворошилова (Кемерово, 1971 г.), книгу рассказов «Иван и Марья» В. Чугунова (Кемерово, 1971 г.), сборник прозы «Не красным летом» В. Баянова мы не находим в адрес автора ни одного критического замечания. Рецензии полны дифирамбов. Речь идёт преимущественно об идейно-тематической направленности произведений. Но ведь это лишь одна сторона дела. Вопросы же глубины изображения жизни, литературного совершенства, художественной силы, мастерства, уровня зрелости писателя, не говоря уже о недостатках произведений, – всё это рецензентов интересует меньше всего или не интересует совсем.

Не думаю, чтобы авторы отрецензированных произведений были довольны этим. Правда, – чего греха таить – есть и обидчивые люди с чрезмерно обострённым самолюбием. Стоит их мало-мальски покриковать (порою в самой безобидной форме), как они встречают всё это в штыки, да ещё потом несколько лет будут помнить об этой «обиде». Глубоко прав был В. Кожевников, когда на V съезде писателей СССР справедливо заметил, что важнейший показатель этического уровня писателя – его отношение к критике. Действительно, чем крупнее и талантливее писатель, тем спокойнее и объективнее он относится к критике в свой адрес, воспринимая её как нечто нормальное и естественное.

Какова же база для формирования и роста кадров профессиональных критиков у нас, в Кузбассе? База есть и весьма широкая. Прежде всего – это значительная группа литературоведов и искусствоведов, работающих в вузах Кузбасса. Одних только литературоведов, объединённых вокруг трёх литературных кафедр области, насчитывается более тридцати, из них почти половина – кандидаты филологических наук. Поэтому следует серьёзно упрекнуть представителей литературной науки в том, что они мало интересуются литературной жизнью Кузбасса, редко, слишком редко, выступают в нашей печати с рецензиями и статьями.

Читателям нужна широкая, систематическая, объективная информация не только о том, что выходит в Кузбассе, но и о наиболее ярких, интересных и спорных (да, и спорных тоже!) явлениях и тенденциях литературы. Однако – увы! – статьи и рецензии подобного рода – исключение в местной печати. Чаще всего печатаются заметки под рубриками «Издано в Кемерове» или «Новые книги». Но ведь на одной местной литературе (даже при весьма интенсивной деятельности областного издательства) литературной критике при всём её желании не «развернуться». Опасность подобного «местничества» – в утрате высоких идейно-художественных критериев, без которых критика – не критика. Наконец, «жилплощадь», отводимая для критических выступлений, – даже в альманахе! – настолько ограничена, что нечего и помышлять о серьёзном разговоре об актуальнейших проблемах современного литературного развития.

Славной традицией русской литературы является обращение самих писателей к литературной критике. Однако следует признать, что писатели в роли критиков и рецензентов – довольно редкие гости на страницах областных газет и альманахов (*за последние два года, к примеру, в альманахе из писателей Кузбасса выступил, кажется, один М. Небогатов с рецензией на стихи М. Борисова*).

Есть и другие резервы для развития литературной критики в Кузбассе. Время от времени с рецензиями и статьями выступают наши журналисты. Встречаются способные критики среди библиотечных и издательских работников. Наконец, имеется целая армия учителей-словесников, постоянно имеющих дело с литературной критикой.

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике ставит большие и серьёзные задачи не только перед профессиональной литературной критикой, но и перед школами и вузами страны, нацеливая их на более углубленное изучение наследия русской классической и современной критики, на выработку навыков рецензирования у учащихся старших классов и студентов филологических факультетов. Студент-филолог, будущий учитель литературы в школе, является не просто истолкователем литературы, но и её критиком. Ему часто придётся выступать с докладами и лекциями о современной литературе, возможно, выступать в местной печати с рецензиями на литературные новинки, вести со своими учащимися литературно-краеведческую работу. Ко всему этому он должен готовить себя заранее, ещё в вузе. И вузовским работникам следует серьёзно подумать над данной проблемой.

Постановление ЦК КПСС рекомендует ввести факультативы и спецкурсы в университетах, где можно было бы специально сосредоточить внимание студентов на актуальных проблемах развития литературной

критики. Необходимо систематически проводить конкурсы молодых критиков, расширить тематику курсовых и контрольных

работ по местной литературе. Обо всём этом в минувшем учебном году шёл серьёзный и заинтересованный разговор на партийном собрании и совете факультета русского языка и литературы Кемеровского пединститута. Впереди – большая работа.

Дар критика, по верному замечанию Д. Гранина, – ещё более редок, чем дар писателя. Критик должен быть, в идеале, одновременно и учёным, и писателем, его творчество – и научное исследование, и литературное дело. В этом – не только специфика, но и особая сложность и трудность литературно-критической профессии. Вот почему литературно-критические таланты необходимо выискивать, бережно их растить, шлифовать, воспитывать. Именно к этому и призывает всех нас постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

А. МИКЕШИН,

зав. кафедрой русской и зарубежной литературы,

доцент Кемеровского пединститута.

// Кузбасс. – 1972. – 7 сентября. – С. 2 – 3.

ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

Лирический репортаж

О красе поры осенней
Не один писал поэт:
О кострах рябин – Есенин,
О пустых аллеях – Фет.
Всё в ней, осени, красиво.
Но прекраснее всего
Море хлебного массива –
Нет красивей ничего!
Море хлеба на просторе
Сердцу ближе, чем леса,
Потому что это море –
Рукотворная краса.
Но хотя оно красиво,
Поле с бисером-росой,
Не затем созрела нива,
Чтоб лишь радовать красой.
А затем, чтоб караваем
Нам на стол к обеду лечь,
Чтобы стало урожаем
То, что мы должны сберечь.
Как от века повелось
На земле и на Руси,
Просят спелые колосья:
– Поскорее нас коси!
Праздник радостный, особый –
Сельской осени страда.
Это праздник хлебороба,
Время жаркого труда!
Пусть от дождика местами

Все колосья полегли,
Но крестьянскими руками
Будет поднят дар земли!
Все колосья – в молотилку,
Все колосья – в закрома,
В нашу общую копилку,
Что хранит страна сама!
Как ни трудно хлеб полёглый
В поле к жизни поднимать –
Каждый колос, влажный, волглый,
Соберём, Отчизна-мать.
Будут зёрнышки лучиться
В полной силе и соку,
Будет ворохом пшеница
Золотиться на току.
Будут хлебных зёрен горы!
И порукою тому
Все комбайнеры, шофёры,
Кто в полях – в родном дому.
Не прерваться хлебной трассе.
Вечно жизни торжество.
Этой осенью в Кузбассе
Есть равняться на кого.
Срок страды в Сибири сжатый,
Но не гаснет свет труда –
На переднем крае жатвы
Коммунисты, как всегда.
С давних пор с надеждой в завтра
Человек глядит в селе.

Здесь любой механизатор –
 Верный друг родной земле.
 Понимает: для себя же,
 Для людей вершит свой труд...
 Загляни в совхоз «Лебяжье» –
 Маяков немало тут.
 Хоть в годах, а юн как будто,
 На комбайне ночью, днём
 Пётр Порфирьевич Карабутов,
 И сыны его – при нём.
 Виктор с ним в строю едином,
 А давно ли был мальцом...
 И отец гордится сыном,
 И гордится сын отцом.
 На великом хлебном фронте
 Их Владимир, Николай.
 Каждый слесарь. На ремонте –
 Как борцы за урожай.
 Сыновья в отца проста ли?
 Не смотри, что скромненькие, тихие, –
 В областной Совет избрали
 Депутатом батю их.
 Велико его старанье
 И горяч душевный пыл,
 Коль заслуженного званье
 В эти дни он получил!
 ...Знают в Ленинске-Кузнецком,
 Что район их на виду.
 По-хозяйски, по-советски
 Все тут встретили страду.
 Род крестьянский здесь не вымер.
 Среди комбайнеров села
 Знатен Пётр Петрович Миллер,
 Чьи прославились дела.
 Он не держит это в тайне.
 О делах, какие есть,
 Мы по звёздам на комбайне
 Можем с гордостью прочесть.
 Пусть ненастный ветер свищет,
 Пусть тумана пелена,
 Что ни звёздочка, то тыща
 Добрых центнеров зерна.
 Как себя к труду готовишь,

Так и люди говорят...
 Пусть, как ваши, Пётр Петрович,
 Всюду звёздочки горят!
 У любого пусть соседа
 Будет спрос с себя всерьёз...
 Побеждать зовёт «Победа» –
 Так ведь назван ваш колхоз...
 Не отметишь всех героев,
 Сколько их ни называй,
 Кто, энергию утроив,
 Бой ведёт за урожай.
 За хлеба, что уродились,
 В честь которых есть слова:
 Хлеб – он жизнь, всего кормилец,
 Хлеб – всему он голова.
 Есть закон, что утвердился,
 Видит всякий, кто не слеп:
 Где хозяин потрудился,
 Там и встал, родился хлеб.
 Нежно матушкою воду
 Называет добрый люд,
 Хлеб, что нужен так народу,
 В мире батюшкой зовут.
 Если хлеба нет куса,
 То и в тереме тоска,
 Ну, а если хлеба край –
 И под елью светлый рай.
 Говорится: хлеб на стол,
 Стол обеденный – престол,
 Если хлеба ни куса,
 Стол обеденный – доска...
 И ещё народ немало
 Слов о хлебе говорил.
 Те слова не зря, пожалуй,
 Я сегодня повторил.
 Ко всему могу добавить,
 Завершая репортаж:
 Я б хотел тебя прославить,
 Хлебороб, кормилец наш.
 Путь твой труден, да красив он,
 Ты шагаешь в полный рост.
 И за подвиг твой – спасибо!
 Этот подвиг выше звёзд.

// Кузбасс. – 1972. – 28 сентября. – С. 2.

«ГРЯДЁТ ВЫСОКОЕ ГОРЕНЬЕ»

Каждый по-своему читает книги стихов. Один просто перелистает всё от начала и до конца и положит на полку, другой перепишет на память понравившиеся ему стихотворения в заветную тетрадку, третий – не только перепишет, а и выучит наизусть, чтобы потом, при случае, поделиться своим открытием интересного поэта. У меня тоже есть своя привычка – при чтении делать на полях замечания, пометки, а лучшие стихи отмечать знаком «плюс».

В книге Геннадия Гадёнова знаком «плюс» у меня отмечено не так уж много стихотворений – чуть больше десятка (из семидесяти четырёх). Двенадцать – тринадцать талантливых произведений, которые могли бы произвести впечатление и создать более яркое представление об авторе, если бы они были изданы в поэтической кассете. Остальные стихи – или откровенно слабы, или не содержат ничего нового.

Стихи сейчас пишет множество молодых людей, для которых чисто внешняя сторона литературного ремесла – техника стихосложения – не представляет особой трудности. Наверное, именно это имел в виду Есенин, когда, как бы мимоходом, заметил однажды: «Стихи не очень трудные дела». Аналогичную мысль находим и у Твардовского: «Не много надобно труда, умения и отваги, чтоб строчки в рифму, хоть куда, составить на бумаге». Вот и рождаются пухлые сборники со строчками в рифму, поэтическая ценность которых зачастую весьма сомнительна. Как-то так случилось, что в некоторых издательствах стали забывать о тех критериях, с которыми рассматривали поэзию великие ценители её – Белинский, Писарев, Добролюбов. Для некоторых издательств при одобрении рукописи молодого стихотворца чуть ли не решающим фактором является фактор биографии – мол, человек успел приобрести богатый жизненный опыт, за его плечами большие дороги из конца в конец страны, значит, есть что рассказать ему. Разумеется, богатство жизненного опыта имеет определённое значение, но ведь главное в другом: имеются ли у человека природные поэтические способности, талант...

Из предисловия к книге «В краю тридцати ёлок»* мы узнаём, что Г. Гадёнов «исколесил полстраны, испробовал несколько рабочих профессий... прошёл в свои тридцать лет серьёзную жизненную школу». Очень похвально. Однако довольно странным кажется заключение автора предисловия: «Когда думаешь о стихах Геннадия Гадёнова, то прежде всего приходит мысль: плохо ли, хорошо ли пишет молодой поэт – стихи его не выдуманы». Вот тебе раз! Неужели ценность поэзии только в том, что стихи не выдуманы, а плохо ли, хорошо ли написаны они – это второстепенное дело? А вдруг – плохо? Как тогда быть? Всё равно, стало быть, надо печатать, поскольку это не выдумано? Никак не могу согласиться с подобным рассуждением. Любые стихи, в том числе и стихи Г. Гадёнова, меня интересуют не с биографической, а с художественной точки зрения. С этой позиции я и попытаюсь оценить его книгу (по счёту она у него уже вторая).

Выше говорилось, что есть в ней интересные вещи. Вот, скажем, стихотворение под названием «Точка опоры»:

*Пропал, когда не держат ноги
и не поднимется рука.*

*Сомненья, страхи и тревоги
собиют уже наверняка.*

*Так в чём опора человека? –
скажи сквозь время, Архимед.*

*То вновь дожди, то хлопья снега,
глядишь – и человека нет.*

*А я вот долго собираюсь
ещё рубиться сквозь быльё.*

*Иду и тяжело опираюсь
на сердце кровное своё.*

Будь стойким, мужественным, верь в свои силы, борись до конца за всё, что дорого твоему сердцу, – вот суть размышлений автора, и всё это высказано не в лоб, не прямолинейно, а образно, при помощи поэтических средств. «Иду и тяжело опираюсь на сердце кровное своё», – так в прозе не скажешь, это поэзия, её язык.

Подобное же философское осмысление жизни, своей судьбы – в стихотворении «О себе». Возможно, кому-то это стихотворение покажется несколько сложноватым, не простым для понимания. Ничего, прочтите ещё раз – и поймёте: стихотворение написано очень вдумчиво и требует такого же вдумчивого проникновения в поэтическую образность.

* Геннадий Гадёнов. «В краю тридцати ёлок». Стихи. Кемеровское книжное издательство. 1972 г.

Несомненные поэтические достоинства имеют и такие стихотворения, как «Нас яростно время корчит и корчит», «Наверное, знают не все», «Сёстры», «С утра ко мне стучался час», «Сиди-ка ты, пёс мой, дома», «Праздник», «Одинокая кружит птица». Встречаются отдельные запоминающиеся строчки в стихотворениях, которые в целом не совсем удачны, например: «падает яблоко – отчаянная голова», «там (в мире детства. М. Н.) было всё чуть сказочно, как снег, но всё сбывалось быстро, безобманно. Напрасно вдруг уходит человек туда, где всё так сложно и туманно. Уходит от своей лесной земли и где-то вдалеке о ней скучает, и чувство детства, сказок и зимы с капроновою ёлкой покупает»...

К сожалению, автор не проявил должной требовательности и включил в книгу немало стихов, которые, попросту говоря, засоряют её. Вот некоторые примеры.

Смотрите, какой мнимой многозначительностью оборачивается стремление Г. Гадёнова к философским раздумьям: «А это добрая примета, что свет, он главный наш предмет, когда в нас будут тени света, тогда в нас будет полным свет. А снег – тень света. Это, впрочем, открыл однажды человек». В стихотворении «Третья полка» рассказывается о том, что когда-то в детстве лирический герой любил ездить в поезде на третьей полке, а затем даётся такое обобщение: «И вновь перелески, посёлки – в таёжную даль спешу. Я с третьей вагонной полки на мир до сих пор гляжу». Почему, спрашивается, на мир надо глядеть именно с третьей полки, а не со второй, что означает этот «образ»? Казусов в книге очень много. «И, натопив поленьями, что боже сохрани» (?), «Мне без России невозможно, и слышу тихое – вернись. Но я мужая оттого, что в степи казахской пью кумыс» (как говорится, в огороде бузина, а в Киеве дядька), «И завершилась эта ночь сознанием, что мир не враки – от старой свалки долго прочь брели бездомные собаки» (какое «яркое» свидетельство реальности окружающего мира – свалка и бездомные собаки).

А вот примеры прямой подражательности Есенину: «И разлягусь себе на полатах, и увижу опять из окна, как иконой в богатых окладах над землёю восходит луна»; Блоку: «И просвечивало тело сквозь туманные шелка»...

Геннадий Гадёнов сказал о себе сам:

*Порывы малые глуша,
веду я сам с собой боренье:*

*грядёт высокое горенье,
к нему готовится душа.*

Очень хорошо, что душа молодого поэта готовится к высокому горению – к серьёзному творческому труду. И пусть это будет поистине ясный, чистый огонь поэзии.

// Кузбасс. – 1972. – 17 октября. – С. 4.

ДОБРОГО ПУТИ!

Помню, с какой огромной радостью открыл я для себя несколько лет назад самобытного кузбасского поэта Виктора Баянова, вдохновенного певца русской деревни. Подобное же чувство испытал я недавно, знакомясь со стихами Александра Мишукова. Это имя я нигде не встречал, оно ничего не говорило мне, и тем приятнее было узнать, что живёт такой парень, руководитель любительской сельской киностудии, фотограф, художник, разносторонне одарённый человек, который пишет очень душевные стихи о своём селе Ягунове, о его людях, о родной природе.

М. НЕБОГАТОВ.

Александр МИШУКОВ.

Я В ДЕРЕВНЕ ЖИВУ

Я в деревню влюблён без остатка,
И не надо иной мне судьбы.
Пусть пока ещё нет здесь асфальта,
Но зато есть пора молотбы.
Есть луга заливные, покосы,
Есть и делу, и мысли разбег.
Здесь девчата с ромашками в косах,
Да такие, что в городе нет.

Здесь я, залитый зорькой брусничной,
По утрам умываюсь росой,
Пью берёзовый сок по привычке,
По лугам хожу с острой косой.
Жаворонка мне слышится голос.
Счастлив тем, что живу я в селе,
Где до боли влюблён в спелый колос
На родной ягуновской земле.

ХЛЕБ

Это было всё когда-то.
 То не сон, а явь –
 Вместе с дедом бородатым
 Боронил я зябь.
 Мужиков в ту пору мало
 Было на селе –
 Полегли они со славой
 На родной земле.
 ...Чуть забрезжит свет в окошке –
 Снова ждёт земля.
 В руки я с зерном лукошко
 Брал и шёл в поля.
 С детства мне в полях знакома
 Каждая тропа.
 Знал я, стоя у загона,
 Остроту серпа.
 За кобылою в приводе
 Хаживал с кнутом.
 По снопам я на восходе
 Колотил цепом.

С бабами я пел о доле
 Песни на току.
 Собирал колосья в поле
 С сумкой на боку.
 Собирал по доброй воле,
 На гумно сносил,
 Где на пару с тётёй Полей
 Веялку крутил.
 И на мельницу-ветрянку
 Отвозил мешки...
 Помню, было мне в ту пору
 Девять с небольшим.
 Помню, хлеб из печки русской
 Вынимала мать.
 Как любил я хлеб тот вкусный
 Квасом запивать!
 И теперь в часы обеда
 Хлеба пусть полно –
 Подбираю крошки хлеба.
 Низкий им поклон!

// Кузбасс. – 1972. – 29 октября. – С. 4.

«ОГНИ КУЗБАССА» № 4

Вышел в свет последний в этом году, четвёртый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса». Он открывается стихотворениями, посвящёнными 50-летию образования СССР. Помещены стихи узбекских, дагестанских и чувашских писателей в переводе Виктора Баянова, *Михаила Небогатова* и Виталии Качаевой.

В творческих командировках в Архангельской области, в Туве и на Камчатке побывал Валентин Махалов. Свои впечатления он как поэт, естественно, выразил в стихах. Некоторые из них – «Онега», «Зимний кижуч идёт...» и «По лукавой тропинке...» – публикуются в очередном номере.

Проза представлена повестью Виктора Моисеева «Ярыгин камень». Автор ведёт рассказ о борьбе молодого егеря с браконьерами. Своими воспоминаниями о первом секретаре партиячейки из села Верхотомка Кемеровского района Дмитриии Самсоновиче Кремлёве, убитом кулаками в 1926 году, делится М. Рыжков.

Под рубрикой «Проблема? Да, проблема!» выступает журналистка Нина Спирина. Она обобщает опыт воспитания трудящихся на ордена Ленина Кемеровском азотно-туковом заводе. Её очерк называется «Преданность заводу. Откуда она?». Под этой же рубрикой печатается статья заслуженного учителя школы РСФСР М. Г. Елькина «Четверть века с юными историками».

В разделе «Из дальних странствий...» напечатаны путевые заметки Олега Павловского «Сказка моего детства». Писатель вместе с поэтом Виктором Баяновым побывал в Туркмении. В основу заметок легли встречи в Ашхабаде, Бухаре.

Московский критики А. Поликанов в статье «Марьевская муза в рабочей спецовке» рецензирует три поэмы нашего земляка Василия Фёдорова – «Золотая жила», «Проданная Венера» и «Седьмое небо».

«Огни Кузбасса» в четвёртом номере публикуют два коротких рассказа Гария Немченко. В разделе «Весёлая минутка» даны юмористические рассказы О. Черногуза «Почему необходимо стать болельщиком» и «Как прослыть интеллектуальным» в переводе с украинского И. Дрейцера.

Ф. ЕФИМОВ*, г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1972. – 7 декабря. – С. 4.

* – Ф. Ефимов – псевдоним Фёдора Ефимовича Дёмина. – *Примечание Н. Инякиной*

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

У старой дружбы добрые законы
 – сквозь расстоянья нам близки
 В краю донецком дальнем терриконы
 И по-над ними синие дымки.
 Дымит зима морозными кострами,
 Но и в седой, заснеженной ночи
 С лучами звёзд над нашими копрами
 Донецких звёзд сливаются лучи.
 И не одна родная Украина
 Сибиряку мила и дорога.
 Близки душе казахская равнина,
 Кавказских гор высоких облака.

Близки Якутск, Ташкент и Чебоксары,
 В цветенье роз молдавские края.
 И латыши, и чукчи, и татары,
 И друг степей калмык – одна семья.
 Воспой их всех, лирическая муза!
 И аксакал будь славен, и джигит!
 Пусть ясный свет Советского Союза
 Народов наших дружбу озарит.
 Пусть эта дружба крепнет час от часа.
 Недаром солнце, вспыхнув над тайгой,
 Идёт приветом жарким из Кузбасса
 По всей России, сердцу дорогой.

// Кузбасс. – 1972. – 11 декабря. – С. 1
 (к 50-летию образования Союза Советских
 Социалистических Республик).

С. ТОРБОВ

НАША СИЛА

Всё мы можем, всё умеем,
 Всякий труд для нас хорош.
 На земле добро мы сеём –
 Что посеешь, то пожнёшь.
 В каждом деле без заминки
 Настоим мы на своём:
 Проторим в тайге тропинки,
 Песню сложим и споём.
 Наша сила, если надо,
 Даже скалы сокрушит.
 Для врагов она – преграда,

Для друзей – защитный щит.
 Дружат с нами дом и лейка,
 Сцены блеск и стройки шум.
 По плечу нам телогрейка
 И бостоновый костюм.
 Вот какой мы, люд рабочий.
 Наших душ живой костёр
 Озаряет сумрак ночи
 И космический простор!

Перевёл с шорского М. НЕБОГАТОВ.
// Кузбасс. – 1973. – 9 января. – С. 2.

Критика и библиография

«ИЩУ, ГДЕ ВИДИМОСТЬ, ГДЕ СУТЬ...»

Читателям имя Михаила Небогатова было знакомо по газетам и альманаху «Огни Кузбасса», по первым сборникам стихов ещё задолго до появления у нас писательской организации. Никогда он не играл со временем в прятки, не стремился удивить формальной новизной, творчески всегда оставался самим собой.

Это «самим собой» – штука капризная, уязвимая. Не просто быть в поэзии простым без простоватости, сохранить верность традициям в содержании и форме стихов без риска прослыть при этом ретроградом. Творческое «я» поэта оказалось естественным, интересным для широкого круга читателей. Не прихоти ради пишет Михаил Небогатов, во всём этом его душа, симпатии и антипатии, его угол зрения:

*О, простота! С ней Пушкин рос.
 Союз их крепок и надёжен.
 Она, как скромный свет берёз,
 И вместе с тем – как блеск из ножен.*

(Стихи «О простоте»).

Небогатовской простоте не всегда достаёт большой глубины, масштабности, но несправедливы к нему те, кто судит о сегодняшнем творчестве поэта по его первым книжкам или газетным лирическим репортажам

и календарным стихам, написанным по случаю. Дело это нужное, важное, поэт берётся за него с охотой, видит в этом свой гражданский долг. Бывают удачи, но случается и так, что оперативность задания оборачивается торопливостью, небрежностью исполнения замысла.

Новый сборник стихов лирики*) и его первая книжка «На берегах Томи» (1952 г.) (*первый сборник стихов называется «Солнечные дни», и он действительно вышел в 1952 году, а сборник «На берегах Томи» – второй сборник, и вышел в 1953 году.* – Примечание Н. Инякиной) значительно отличаются друг от друга. Оставаясь верным привычным темам, прославляя всё здоровое и доброе на земле, с болью за человека говоря о том, что его подчас уродует, мельчит как личность, автор это делает теперь гораздо ярче, своеобразней, без прежних длиннот и моралистических резюме. Чувствуется рука зрелого художника, которого волнуют далеко не обыденные заботы:

На поле пала тень,

Как дума на чело:

Что значит этот день,

Что есть добро, что зло?

Зачем ращу траву,

Что никнет под косой?

Зачем дышу, живу

Под солнцем и росой?

По-разному отвечает Михаил Небогатов на эти жизненно важные вопросы своим творчеством. Ему не всё ясно, но главное он знает твёрдо: его призвание – слагать простую, как сама правда, песню во имя Родины, родного края. Без этого автор не мыслит своего существования. Не зря новая книжка его стихов открывается стихами о России:

Откуда начинается Россия?

Одни поэты пишут: от села,

От дедовской околицы;

Другие:

От заводской заставы, мол,

пошла.

Не знаю я, найду ль единоверца,

Но верю в убеждение своё:

Россия начинается от сердца,

С рождения влюблённого в неё...

Говорит ли поэт о ровесниках, описывает ли грозу, размышляет ли о превратности жизни – всё это пронизано чувством искренней сыновней любви к матери России. Не счесть прекрасных стихов о ней, написанных в разное время разными поэтами, но не оставляют равнодушным и задушевные лирические интонации нашего земляка – они от чистого сердца.

Поэт ищет вдумчиво, порой мучительно, «где видимость, где суть», его симпатии на стороне людей здоровых духом, трудолюбивых и скромных. В этом смысле примечательны стихи «Шахтёрская мать», «Сельским девочкам», «Русский поклон», «Радуга на столе». Автор поэтизирует, казалось бы, мелочи быта: деревенский старик встретил городского гостя традиционным русским поклоном, прохожий дружелюбно посмотрел на встречного, а за этим – желание добра человеку, искреннее расположение к нему. И очень важно, чтобы каждый жил во весь рост, нашёл бы свою единственную дорогу. К сожалению, так бывает не всегда:

Опыт жизни – горный перевал,

На котором с грустью и тревогой

Не один под старость горевал

Оттого, что шёл не той дорогой.

(«Опыт жизни»).

Пересказывать содержание стихов – труд излишний и неблагодарный. Важно, конечно, о чём пишет поэт, но не менее важно и то, как он пишет, насколько образно его творчество. Михаил Небогатов не гоняется за эффектными поэтическими деталями. Они в его лирике не самоцель, а необходимое средство выразительности. Особенно в пейзажах, колоритных, запоминающихся:

Зима холодная, как рыба,

Попалась в солнечную сеть!

(«Апрель»).

* Михаил Небогатов. «Спасибо сентябрю». Стихи. Кемерово, 1972 г.

...А на ветках выстрелили почки,

Словно маю отдали салют!

(«Майский снег»).

...Простая песенка ручья

До дна своя, а не чужая.

(«Ручей»).

Есть поэты, кои держат рядового массового читателя на заданном расстоянии, даже откровенно заявляя о том, что их стихи должен читать не каждый: «Посторонних прошу отойти!» Для Михаила Небогатова, который ориентируется в своих поисках на принципы народной поэтики, считает своим учителем Александра Твардовского, «посторонних» не существует. Он знает в лицо своего читателя, не очень «забегает» вперёд, но и не отстаёт, он – за короткую дистанцию. Пусть этот поэтический костёр не на всю Россию, как у его знаменитого учителя, но и небогатовский огонёк по-своему ярок. И возле него кто-то оглянется на себя и тех, кто рядом, задумается «о времени и о себе».

Поэзию Михаила Небогатова я бы назвал поэзией обновлённой очевидности. Ему более других удаются стихи философско-бытового характера, у него на первом плане – этическое начало в человеке. А через это, в конечном счёте, проявляется и социально-общественная суть явлений. Даже образ всем знакомого воробья, который безжалостно выклёвывает семечки подсолнуха, вызывает у автора ассоциации с нахрапистыми типами, дающими людям на грош и нагло берущими на полтину. В стихах такого рода небезопасно сбиться с лирического тона, перейти на обычную прописку. Хороша лирическая миниатюра о быстротечной смене времён года «По весне, когда благоухали...», но заключительные строки «смазывают» впечатление. «Забывать об осени не надо, ведь не так уж много летних дней». Этот «привесок» можно бы безболезненно для смысла зарисовки «ампутировать».

В девятой по счёту книжке стихов кузбасского лирика его творчество представлено наиболее полно и в тематическом, и в жанровом плане. Композиционно сложен непривычный для этого автора венок сонетов «Золотая осень». Заслуживают внимания переводы с шорского, менее интересны – с венгерского. Басни же не всегда оригинальны, в них повторяются известные сюжетные «ходы» и решения. Пародиям на кузбасских поэтов В. Махалова, В. Баянова, И. Киселёва и других не хватает той смелости, размаха, с которыми написаны пародии на «иностранцев» – В. Цыбина, А. Поперечного, Д. Смирнова...

Поэт не умаляет, но и не переоценивает своих творческих возможностей. Он пишет:

В успех недаром верить смею:

До той поры он мне родня,

Пока завидовать умею

Тем, кто талантливей меня.

Благородна и плодотворна эта хорошая зависть.

В. МАТВЕЕВ. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1973. – 17 января. – С. 4.

СОЛДАТЫ РОССИИ

Ещё когда босые по ромашке
Мы бегали, мне нравилось встречать
Военных – в портупее и фуражке,
Умевших в ногу строем всем шагать.
Смотрел с восторгом я на скатки, фляжки,
На боевую выправку и статью.
А запоют – аж по спине мурашки.

Мы по-пластунски – носом в пыль – пахали
Родную землю – глину, чернозём.
Мы горечь трав обугленных вдыхали

О, как хотелось мне военным стать!
Не ведал я, не представлял в натуре,
Что корень слова этого – война.
Как тяжёлый труд в огне смертельной бури – Узнал,
когда нагрянула она.
В пылающих ночах и в дымной хмури
Я испытал мечту мою сполна...

Под бомбовозов гул: – Везём! Везём!
Об орденах геройских и медалях
Не думали солдаты под огнём.

Пот рукавом стирали. И глодали
 Сухарь железный пополам с песком.
 Испили мы беды великой чашу
 И непосильный выдержали груз.

Сказать мне слово доброе охота
 Про подвиги твои, твои дела,
 Полей царица, матушка-пехота,
 Чья ратная судьба так тяжела.
 Под ливнем пуль, под шквалом артоналёта
 Ты, словно колос, никла, но жила.
 Засасывали в топь тебя болота,

И вправе мы сказать: краёв нет краше,
 Чем край родной – Советский наш Союз.
 Да, вправе, потому что землю нашу
 Мы знаем и на запах, и на вкус.

Но выбиралась ты и дальше шла.
 Шла грозно, не знакомая со страхом,
 По-русски вышибая клином клин.
 Фашист перед тобой – и перед крахом! –
 Метался среди сопки и долин.
 И льстиво припадал дорожным прахом
 К твоим ногам поверженный Берлин.

// Кузбасс. – 1973. – 23 февраля. – С. 4

(стихи даны в подборке под общим заголовком «О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ...» наряду со стихами Евгения Буравлёва «До последнего вздоха» и Владимира Кониной «Родник», а также очерком Юрия Баландина «Старый партизан пишет книгу» о ветеране Великой Отечественной войны Викторе Васильевиче Транквилицком).

К СВЕТЛЫМ ДАЛЯМ...

Твёрдым шагом державным
 К светлым далям идём.
 По традициям славным
 С дней октябрьских живём.
 И одна из традиций –
 В день рожденья вождя,
 Словно в праздник, трудиться,
 На субботник придя.
 Труд в порыве едином,
 Дел высокий накал

Вождь «Великим почином»
 Прозорливо назвал.
 У такого почина
 Нет предела, конца,
 Нет ни ранга, ни чина –
 Только души, сердца!
 Те сердца, что Отчизне,
 Край советский любя,
 Счастью будущей жизни
 Посвящают себя.

// Кузбасс. – 1973. – 21 апреля. – С. 1

(опубликовано в день массовой трудовой вахты – ленинского коммунистического субботника, накануне дня рождения Владимира Ильича Ленина).

ВЕСЕННИЕ СОНЕТЫ

Проснёшься оттого, что под ресницы
 Пробьётся свет горячий из окна.
 И полудрёма мыслью озарится
 Внезапной, как восторг: «Пришла весна!»
 Откроешь дверь – всё весело искрится,
 Пронизывает двор голубизна,
 Вблизи крыльца завалинка дымится,

Апрельский вечер. Но ещё по сёлам
 Нет ни огня. Ещё светло вокруг.

И тонко пахнет прелостью копна.
 От громкой переклички петушиной
 Звенит прозрачный воздух, как хрусталь.
 Лесок на взгорье веток паутиной
 Темнеет чётко – сбросил снега шаль.
 Душа с природой слиты воедино.
 И даль земли зовёт, как жизни даль...

Бежит машина рядом с частоколом
 Деревьев, за толпой которых – луг.

Скользит закатный свет по веткам голым.
 Бьёт встречный ветер, звонок и упруг.
 Бежит среди стволов огнём весёлым
 Горячий, раскалённый солнца круг.
 Не скоро он погаснет – так лучится

На горизонте, мгле наперерез.
 И сумеречный лес слегка искрится,
 Пронизанный закатом ярким весь.
 А солнце мчится огненной жар-птицей
 Вслед за машиной сквозь прозрачный лес!

// Кузбасс. – 1973. – 30 апреля. – С. 4.

КУЗБАСС ЛИТЕРАТУРНЫЙ В ШКОЛЕ

Нельзя сказать, что творчество кузбасских поэтов учащаяся молодёжь не знает. Юноши и девушки охотно читают произведения А. Волошина, В. Ворошилова, В. Мазасва, В. Баянова, **М. Небогатова**, Е. Буравлёва, издаваемые сравнительно часто. И всё-таки я убеждён, что многие из молодых читателей имеют смутное представление о художественном своеобразии их произведений.

Когда в сентябре 1972 года, то есть в начале учебного года, я попросил учеников выпускных классов перечислить лучшие книги, написанные кузбасскими авторами, то лишь пять-шесть человек уверенно назвали романы лауреата Государственной премии А. Волошина, стихи В. Баянова, книгу В. Ворошилова «Солнце продолжает светить» и некоторые другие произведения. После такой летучей беседы стало ясно: творчество писателей нашей области нуждается в пропаганде.

С чего была начата она в нашей школе? Посоветовавшись с другими преподавателями, я решил оформить стенд «Кузбасс литературный». Портреты членов писательской организации пересняли из книги «Писатели Кузбасса», несколько снимков нам прислали из Кемеровского книжного издательства. На стенде поместили не только краткие сведения о каждом из членов областной организации Союза советских писателей. Внизу под стендом расположили книжную полку. В подборе произведений для неё большую помощь оказали школе товарищи их Кемеровской писательской организации, а также главный редактор книжного издательства З. А. Чигарёва.

В течение учебного года учащиеся готовили рефераты и доклады, писали сочинения и читательские отзывы о произведениях местной литературы, слушали тематические уроки по внеклассному чтению. В результате, когда были проведены анкета «Что ты читаешь?» и заключительная беседа в конце второго учебного полугодия, выяснилось, что ученики теперь знают многих из них, все читали стихи или прозу кузбасских авторов.

В апреле в нашей школе на методическом занятии побывали учителя железнодорожных школ Томска, Тайги и Белова. Общее мнение словесников было такое: надо знакомить работающую молодёжь с кузбасской литературой, используя для этого различные формы внеклассной работы (конференция, семинары, диспуты, викторины, встречи с писателями и т. п.) и уроки по внеклассному чтению.

Преподаватели одобрили работу, начатую ШРМ № 4 г. Топок. Им понравились, например, рефераты о творчестве А. Волошина, В. Баянова и читательские отзывы (краткие рецензии на поэтические сборники или отдельные стихи).

У нас, у учителей литературы, шёл разговор и о трудностях, связанных с изучением творчества писателей области. О них мне хочется написать подробнее. Судя по топкинским библиотекам, можно сделать вывод: плохо снабжаются они книгами местных авторов, никто серьёзно не думает об этом. Чтобы не быть голословным, отмечу, ни в библиотеках, ни в книготорге Топок нет произведений З. Чигарёвой, В. Чугунова, С. Торбокова, стихотворных сборников М. Борисова, И. Киселёва, В. Матвеева, Г. Юрова.

Несколько месяцев назад в газете «Кузбасс» была напечатана хорошая статья доцента Кемеровского пединститута А. Микешина «Веление времени». В своих заметках о литературной критике в Кузбассе он справедливо назвал её «...Золушкой и в областной организации Союза писателей, и в альманахе «Огни Кузбасса». По существу лишь одного А. Абрамовича отнёс А. Микешин к разряду литературных критиков. Правда, надо отдать должное и самому автору заметок «Веление времени». Его аналитические статьи о творчестве местных авторов очень содержательны и объективны, но... чрезвычайно редки. **Регулярнейшим образом готовит обстоятельные обзоры стихов начинающих авторов М. Небогатов.** Но почему-то не видно в печати проблемных литературно-критических статей о творчестве ведущих литераторов Кузбасса.

Как ни странно, трудности в пропаганде творчества литераторов области испытывают не только учителя-стажисты, но и молодые, недавно окончившие педагогические вузы Кузбасса. Значит, в институтах этот вопрос решается, как говорится, не на должном уровне. Топкинские преподаватели литературы

считают, что надо в ближайшее время (может быть, в летние месяцы или в сентябре) провести областной семинар с лекциями о творчестве наших ведущих писателей.

Очень полезно иметь разработки читательских конференций, диспутов в разрезе темы «Кузбасс литературный».

Словом, в таком большом деле, как пропаганда литературы Кузбасса, требуются совместные усилия писательской общественности, работников вузов, издательства, культпросветработников, Книготорга, и, конечно же, учительства школ.

Л. ПОПОК,

учитель литературы ШРМ № 4, г. Топки.

// Кузбасс. – 1973. – 15 июня. – С. 4.

ЛЕТНИЕ СОНЕТЫ

В полдневный зной со станции иду.
Какой густой от зноя запах ёлок!
Печёт. Рубашку скинул на ходу –
Пусть обжигает солнце. Путь-то долог...
Лесная птица пробует дуду,
Но звуки эти глушит хвойный полог...
Вот первые дымки. Вот на виду

Сосновый бор – живой зелёный храм
Под синим, в знойной дымке, небосклоном.
Волна травы зелёной льнёт к ногам,
Вся в шишках, словно в галечнике донном.
Разлита густо зелень по кустам
И по высоким поднебесным кронам.
Весёлый птичий щебет здесь и там –

Дома степной деревни потонули
В глубоком сне. А зря вы спите, зря...
Как хорошо здесь в ранний час в июле!
Какая здесь широкая заря!
Кругом одни поля. Не потому ли
Ей встать пораньше хочется, горя.
Поля ей крылья вольно развернули

Там, на горе, весь избяной посёлок.
Сынишек узнаю издалика –
Вон оба у реки... А загорели!
Кричу с моста: – Ключёт? – Да нет пока...
И с удочками снова присмирели...
Под солнцем жарким в искрах вся река,
Как в серебристых выплесках форели.

Как звон зелёный в воздухе зелёном.
Легко забыть о небе голубом,
О бронзе сосен, задремавших стоя.
И свет, и тень – всё зелено кругом,
И нежный лист, и гляцевая хвоя.
И лишь загар твой говорит о том,
Что солнце в небе – жарко-золотое.

И славят пеньем птиц, благодаря.
Ещё земля в спокойной полудрёме.
Но всё уж света алого полно:
И скаты крыш, и стёкла в каждом доме,
И на заплоте пёстрое рядно...
Горит заря и в уличном проёме
Как в новый день открытое окно!

// Кузбасс. – 1973. – 1 августа. – С. 4.

ОСЕНЬ

Ещё в листве деревьев нет просвета,
Ещё листва по-летнему густа,
Но, как закатом, золотом задета,
Чуть покраснела сверху гладь листа.
На этот лист другие смотрят листья
И с жалостью, и с думою о том,
Что вот и их подкрасит скоро кистью
Осенний полдень в свете золотом.

Подкрасит он, а ветер сдует с веток,
И будут на земле пестреть они
Печальной грудой радужных расцветок
Среди ненастья, в облачной тени...
Ну, а пока не тронул листья иней,
Им радостно и весело глядеть
На небосвод, ещё прозрачно-синий,
На солнышко, что вышло их согреть.

Когда огни зажгутся в окнах,
Когда наступит тишина,
Сияя в облачных волокнах,
Выходит полная луна.
Она – царица в целом мире.
Ей темь осенняя – не в счёт.
Чем ночь темней, тем ярче, шире
Над миром свет её течёт.

Как ладонь с полосками морщин –
Поле, а на нём – пути-дороги.
День и ночь здесь ровный шорох шин
В радости, в заботах и тревоге.
– До дождей успеть бы... Нагружай! –
Голоса звучат в осеннем поле.

Вот заблестело, замерцало
В ночи погасшее окно,
Тень от столба вблизи упала,
Лежит, как чёрное бревно.
Торцы домов – взгляните сами! –
Как голубые валуны.
И даже листья под ногами
Горят осколками луны.

Уродился славный урожай
Для народа, для счастливой доли.
Солнца остывающий огонь.
День высок, прохладен и просторен...
Поле – как широкая ладонь
С полновесной горстью хлебных зёрен!

// Кузбасс. – 1973. – 23 сентября. – С. 3.

ГНЕВ

Опять на земле отточили
Убийцы и нож и топор.
Тайфуном бушует по Чили
Кровавый путчистский террор.
Аресты, расстрелы и казни
Военная хунта вершит.
Лютуют пока без боязни,
Но будет – их страх сокрушит!
Почище, чем в страшной легенде,
Их ужас начнёт наступать.
И тень Сальвадора Альенде,
Как призрак, их будет пугать!

Преследовать будет повсюду
Тот день, как в могилу свели
Великого Пабло Неруду,
Поэта чилийской земли...
Их в мире Народов Единство
Преследовать будет всегда.
Кровавые эти бесчинства
Не могут пройти без следа!
Не будет на троне тирана.
В военном мундире бандит.
Мы верим, что поздно иль рано
Чилийский народ победит!

// Кузбасс. – 1973. – 29 сентября. – С. 3

ПРЕДЗИМЬЕ

Уж снег кружился многократно,
Но и в конце октябрьских дней
Погода просто благодатна.
Зима не смеет спорить с ней.
Путру в облачном оконце
Рассвет чуть брезжит, а потом

Как глуха предзимняя околица
В тусклом свете пасмурного дня.
Сквозь подошвы чувствуешь, как колется
Жёсткая и острая стерня.
Ёжатся берёзки в лёгком инее.

Весь день, весь день сияет солнце
В просторном мире золотом.
Да, осень долго загостилась.
В ней света много до сих пор.
Лишь солнце низко опустилось –
Глядит и днём почти в упор.

Небо навалилось на дома,
Где из труб дымки струятся синие,
А в окошках мгла. Близка зима.
Но сгустится вечер над опушками,
И в огнях весёлое село

Под гармонь засветится частушками
Непогоде старческой назло.
Зазвучит не узенько-эстрадная –

Песня вольно-русская о том,
Что пора уборочная, страдная
Засияла в празднике большом!

// Кузбасс. – 1973. – 1 ноября. – С. 4.

ЗИМНЕЕ

Лётом, бегом – всё село
Чистым снегом замело.
Ночь глухая расцвела,
Снег бросая вдоль села.
Смоль жердинок у перил
Рой снежинок побелил.

В темь водицы у моста
Снег глядится из куста.
Небо бело и земля.
Побелела даль в поля.
Сон воочью – белый цвет.
Снег и ночью – как рассвет!

Зима светло и без корысти
Нам дарит щедрый снегопад.
В саду рябиновые кисти
Уже не в лад с зимой горят.

Как будто осень с ветром шустрим,
Что любит листья ворошить,
Вот эти маленькие люстры,
Уйдя, забыла потушить.

За строй берёз и сосен
В сырой октябрьский час
Не просто скрылась осень,
А скрылось что-то в нас.
Не просто наступила
Зима, свежа, светла,
А что-то жизни сила
В нас новое внесла.

Горит ли позолота,
Блестит ли снег зимы –
В себе теряем что-то,
Находим что-то мы.
А дни легки и ходки.
И так уж суждено:
Потери и находки –
С природой заодно.

// Кузбасс. – 1973. – 25 ноября. – С. 3.

К ЖИЗНИ, К ЛЮДЯМ!

Собрание областной писательской организации

Итоги трёхлетнего труда работников литературного цеха Кузбасса были подведены прошедшим на днях собранием областной писательской организации. Обсуждение насущных творческих и организационных вопросов проходило под знаком решений XXIV съезда КПСС, где выражена уверенность, что художественная интеллигенция постоянно будет жить интересами народа, ярко отображать внутренний мир и дела нашего современника. В опубликованном недавно Обращении ЦК КПСС к партии, к советскому народу содержится призыв к интеллигенции – с ещё большей энергией и настойчивостью создавать духовные ценности, обогащающие жизнь советских людей.

Докладчик, ответственный секретарь организации Владимир **Мазаев**, и участники прений говорили о необходимости повышать творческую активность литераторов. За три года издано немало книжек прозы и стихов, регулярно выходил альманах «Огни Кузбасса». Добрым словом были помянуты произведения молодого писателя-шахтёра Виктора Чугунова, особенно книга его рассказов «Иван и Мария», где ярко изображены формирующиеся и крепнущие характеры людей труда. Вышел к читателю с новой повестью «Далёкие города» Геннадий Емельянов. Лучшие её страницы отмечены остротой зрения, хорошим чувством слова, яркими деталями. Говорилось о книгах Виктора Баянова «Не красным летом», Владимира Мазаева «Разомкнутая цепь», Владимира Власова «Завтра связи не будет», Олега Павловского «Не оглядывайся, сынок», Валентина Махалова «Высокая грива», Зинаиды Чигарёвой «Осторожно, сказка!», Екатерины Дубро «Вернусь звездопадом», о главах из повести Александра Волошина, детских книгах Геннадия Блинова, хорошей лирико-публицистической книге Геннадия Юрова «Труженица-Томь», о многих рассказах и очерках.

Вышло одиннадцать поэтических сборников. Среди авторов мы видим Евгения Буравлёва, *Михаила Небогатова*, Игоря Киселёва, Александра Пинаева, Павла Майского, Геннадия Гадёнова, Владимира Матвеева, Геннадия Кравцова и других. Большинство из того, что опубликовано кузбассовцами, рецензировалось в периодической печати, обсуждалось на ежегодных писательских собраниях. С содержательными критическими статьями выступают Алексей Абрамович, Инна Тимошенко, Зоя Естамонова, некоторые другие наши земляки, хотя актив литературных критиков пока невелик.

Но, приведя этот пространный перечень, участники собрания отмечали, что настоящих литературных удач было мало. Кузбасс являет собою край, который по технической насыщенности, по концентрации производства не имеет себе равных на востоке страны. Бурно идёт научно-техническая революция, растут, умнеют люди, усложняется их внутренний облик. Качественно изменяется семья. Ко всем этим процессам надо присматриваться пристально, разрабатывать соответствующие темы оперативнее.

Между тем, как явствовало из доклада, некоторые члены Союза писателей работают вяло, в последние годы мало что пишут. При всей справедливости требования о тщательной отделке произведений, писатель, говорили ораторы, должен по-хорошему торопиться, должен работать спешно. За отчётный период бюро организации устраивало значительное число полезных встреч на предприятиях, стройках, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях, поездок по городам и районам области, юбилейных вечеров. Памятным был приезд в Кузбасс в марте 1971 года делегации ленинградских писателей. Но подобных контактов с широкими кругами читателей должно быть гораздо больше, их следует проводить с размахом, выдумкой, лучше рекламировать. Александр **Волошин** и Валентин **Махалов** с тревогой говорили на собрании, что в Новокузнецке и Прокопьевске замерла жизнь местных литературных объединений, выдвигавших в прежние годы интересных авторов. *Михаил Небогатов поделился опытом литературного консультирования начинающих поэтов, подчеркнул надобность большего внимания к берущейся за перо молодёжи.* Положительную оценку получили областной семинар молодых литераторов и общее собрание писателей на тему: «Рабочий человек в наших книгах», прошедшие в 1973 году.

В ходе обмена мнениями остро говорилось о том, что местные газеты, в том числе областная газета «Кузбасс», должны улучшать освещение литературных вопросов и рецензирование новых произведений. Олег Павловский и Инна Тимошенко советовали журналистам бережнее относиться к подготовке и публикации статей актива. Были замечания в адрес издательства – за некачественный выпуск некоторых поэтических сборников, за неудачные аннотации к ним, за равнодушие к перспективным планам писателей на пятилетку.

Областная писательская организация за три года выросла количественно. Правда, выступавшие выражали уверенность, что шло качественное накопление сил и в недалёком будущем ряды членов ССП пополнятся. В этой связи справедливы высказывания о важности строгого спроса с каждого автора, о воспитании у каждого литератора высокой ответственности за своё творчество и общественное поведение. Зинаида **Чигарёва**, главный редактор книжно-журнального издательства, горячо высказалась за более активное прочтение писателями рукописей своих сотоварищей, за стремление шире обмениваться критическими замечаниями о новорождённых произведениях. Особенно стоит задуматься о некоторой «девальвации» поэтического слова: печатается очень много слабых стихов. Иные поэты из молодых даже похваляются, что у них ничего не остаётся в архиве, всё идёт в публикацию...

Интересным и взволнованным было выступление работника УВД облисполкома Светланы **Поповой**. Она призвала литераторов проявлять больший интерес к людям, берегущим общественный порядок. Здесь множество интереснейших лиц, тем, конфликтов, писателям обеспечена квалифицированная помощь, всяческое содействие в разработке материалов.

Собрание избрало новый состав бюро областной писательской организации и ревизионной комиссии. Ответственным секретарём организации избран **В. М. Мазаев**. Руководителям отряда кузбасских литераторов предстоит тщательно разработать план действий на ближайшие годы, всемерно помогать творческому росту своих коллег, их максимальному вкладу в духовное обогащение участников борьбы за пятилетку.

Ю. БАЛАНДИН.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1974. – 7 февраля. – С. 4.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Гляжу на женщину-красавицу,
Кем залюбуется любой.
Она могла бы мне понравиться,
Будь чем-то схожею с тобой.
Светла лица её сиятельность,
Но, как вуалью, скрыто в ней
То, что зову я обаятельность
Улыбки ласковой твоей.

Её краса почти торжественна,
Но если, если б – мыслю я –
Была бы в ней мила и женственна
Стать и походка, как твоя...
Так путь-дорога, та, что пройдена
В краю для сердца не родном,
Не может быть милей, чем родина
С берёзкой скромной под окном.

Вхожу ли в зал,
Где свадебное пенье,
Ночую ли в избе –
Везде и всюду, каждое
Мгновенье
Я помню о тебе.
Бокал ли поднимаю
На пирушке,
Затерян ли в толпе,

Бессонница ли гонит
От подушки –
Я помню о тебе.
Метёт ли снег,
подсолнух ли весёлый
Лежит на городье,
И в радостный свой час
И в час тяжёлый
Я помню о тебе.

// Кузбасс. – 1974. – 8 марта. – С. 4.

ВОИНЫ РОССИИ

Вновь над Россией журавли трубят.
В весенних парках девушки смеются...
А я припоминаю тех ребят,
Которым не пришлось с войны вернуться.
Былые однокашники мои!..
Когда заря июньская померкла,
Почти что с ученической скамьи
Ушли они в жестокие бои –
В горячее, грохочущее пекло.
Один ещё под Бродами убит –
В тот первый год на западной границе.
Другой под Сталинградом в небе сбит.
От третьего лишь карточка хранится.
А сколько их упало на бегу
В Берлине, за неделю до салютов!
Я всех сейчас и вспомнить не могу –
Так нас война подкашивала люто...

В историю Кузбасса своего,
В историю Отечества родного
Ребята поколенья моего
Вписали кровью Памятное слово.
Их сердцем молодым Москва жива.
Они рейхстаг победно штурмовали!..
Опять скорбя солдатская вдова
Стирает пыль с поблёкнувшей медали.
Нет для неё дорожке ничего –
О суженом душевные беседы.
И мы, живые сверстники его,
Её поздравить рады с Днём Победы...
Пушай идут, торопятся года
В пороше снежной,
В майской тёплой сини –
Не забывают, люди, никогда
Живых и мёртвых воинов России!

// Кузбасс. – 1974. – 9 мая. – С. 3.

ВТОРОЙ НОМЕР АЛЬМАНАХА

Десять лет назад первая доменная печь Запсиба дала первый чугунок. Десятилетие – это совсем немного, это даже ещё не юбилейная дата. Но Запсиб настолько вошёл в жизнь каждого из нас, что кажется, он был всегда.

Такими строками открывается очередной, второй за 1974 год номер альманаха «Огни Кузбасса». Половина его материалов воскрешает страницы из эпохи строительства и рассказывает о сегодняшнем ордена Ленина Западно-Сибирском металлургическом заводе. Здесь читатель встретит воспоминания Анатолия Садовикова, который с первых дней был начальником штаба стройки, а сейчас работает секретарём парткома КМК. Журналист Александр Антонов в очерке «Люди огня» пишет о доменщике Алексее Сидоровиче Нечае и его молодом друге Владимире Хорошилове. Раздел «Проблема? Да, проблема!..» тоже посвящён Запсибу. Пётр Ворошилов в статье «Стимулы почина» рассматривает проблемы досрочного освоения проектных мощностей металлургических агрегатов.

Интерес представляют рассказы Виталия Рехлова «Крещение» и Екатерины Дубро «Богиня Семёновна». Любители поэзии познакомятся с новыми стихами кузбасских поэтов *Михаила Небогатова*, Игоря Киселёва, с произведениями начинающих литераторов – Тамары Старосветовой, Аллы Красиковой, Леонида Торгаева, Виталия Веретенникова, Александра Мишукова и Владимира Иванова. Критик В. Копылов рецензирует книгу Геннадия Юрова «Труженица Томь».

Ф. ДЁМИН. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1974. – 6 июня. – С. 4.

Из цикла «ТВОРЧЕСТВО»

Одной фамилией «Есенин»,
В которой ясень, осень, грусть,
Он для меня навек бесценен,
Как им прославленная Русь.
Так и живёт, в неё влюблённый,
Обняв простор её большой,

С неимоверно обнажённой,
Легко ранимую душой.
Так будет жить – всегда в расцвете –
Среди ромашек и берёз,
Пока поёт, живёт на свете
Россия, милая до слёз.

Если некие дела
Отвлекают, –
Они бессчётны, –
От рабочего стола
Отрываюсь неохотно.
С авторучкою-стилом,
Со стопой бумаги чистой

За своим простым столом
Весь я – как в заре лучистой.
Он зовёт издалика
Для душевного полёта,
Словно парус – моряка,
Словно неба синь – пилота.

Когда душа полна словами,
Как улей пчёлами, полна,
Стихи мои, не знаю с вами
Покою, отдыха и сна.

Одна забота в эту пору,
Чтоб трутни-пчёлы – мало ль их! –
Не помешали медосбору
В заветных замыслах моих.

С грустью и вздохом читаю поэта,
Если он пишет примерно вот так:
Я и Вселенная, я и планета,
Я и эпоха. Не меньше никак.

Нету в стихах ни зари, ни заката,
Отчего дома, родного крыльца.
Личность масштабная! Только беда-то:
Нету у личности этой лица.

Нежданно краткая открытка
Пришла в честь праздничного дня.
В ней мой собрат от чувств избытка
Назвал учителем меня.

Польщён, смущён. Но суть не в этом,
А в чувстве том – как в горле ком:
Выходит, юношам-поэтам
Давно кажусь я стариком.

Всё очень сложно в этом чувстве.
Пусть я во многое проник,

Пускай немолод, но в искусстве
Я сам доныне ученик.

// Кузбасс. – 1974. – 18 августа. – С. 3.

ВСТРЕЧА СОЛНЦА

Шахтёр – торжественно и гордо
Звучит, труду его сродни,
Не только в праздник, в дни рекорда –
В любые будничные дни.
В спецовке, в каске неизменной,
Плечист, подтянут и высок,
Он задержался перед сменой,
Взгляд устремляя на восток.
Там небо пламенем зарделось –
И в этот миг наверняка
Само светило загляделось,
Как на бойца, на горняка.
Там солнце алое вставало
И посылало добрый свет,
Чтоб под землёю, как бывало,
Он этим светом был согрет.

Светило солнце очень щедро
Ему, кто в гулкой полумгле,
Врубаясь в каменные недра,
След оставляет на земле.
И как ответный отблеск звёздный –
Весёлый взгляд в прищуре век.
Казался вылитым из бронзы
Красивый этот человек.
Весь золотым сияньем облит,
Как будто не в забой – в полёт!..
И вот таким шахтёрский облик
Передо мною предстаёт:
Задумчивым и чуть суровым,
И хоть не памятник – живой,
Ему лучи – венком лавровым,
И пьедесталом – шар земной!

// Кузбасс. – 1974. – 30 августа. – С. 1 (ко Дню шахтёра).

НОВЫЕ СТИХИ

РОССИЯ

Не припомню я, когда,
С дней каких впервые
Понял раз и навсегда:
Я живу в России.
Но ещё когда с дружкой
Бегали босые,
Был я с радостью знаком:
Я живу в России.

Потом, кровью мы в бою
Землю оросили.
Нёс и там я честь свою:
Я живу в России.
Смотрит солнце ли в окно,
Ливни ль бьют косые,
Сердце радостью полно:
Я живу в России.

Осени и вёсны...
Взгорья и поля...
Край мой светонесный,
Милая земля.
Серебрится речка.
Крылья день простёр.
Прямо от крылечка –
Голубой простор.
Поначалу стёжка,
Дальше – путь велик.

Прямо у окошка
Солнца алый лик.
Что ещё мне надо
Для хороших дел?
Чтобы в листьях сада
Ветерок шумел.
Чтобы птицы пели,
Чтоб, как бирюза,
Мне в глаза глядели
Родины глаза.

С рассвета колёса
Ведут перестук.
В окошке – то плёсы,
То поле, то луг.
То чёрные трубы –
Какой-то завод.
То жёлтые срубы –
Посёлок растёт...
И вновь побежали
Просёлки, пыля.
Бескрайние дали!
Родная земля!

И слева, и справа,
Вдали и вблизи –
Родная держава,
Приволье Руси...
Уж вечер. Косые
Лучи у лица.
Россия, Россия.
Нет края, конца.
Хоть целую вечность
Пробудешь в пути,
Её бесконечность –
Как радость в груди!

// Кузбасс. – 1974. – 6 октября. – С. 3.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Весна и осень,
Зима и лето,
Метель и просинь –
Всё в сердце это.
Восходы, ночи,
Спор тьмы и света,
Любимой очи –
Всё в сердце это.

Бой автомата,
Цветы букета,
Шипы и мята –
Всё в сердце это.
На зорьке алой
Про жизнь вещает.
Комочек малый,
А всё вмещает.

Как горечь и сладость
К столу – заодно,
И горе и радость
Нам знать суждено.
Они – вперемешку...
Ты ходишь орлом,
А горе в насмешку
Уже – за столом.
Играет тобою,
Как ты ни удал,

Чтоб сник головою,
Чтоб духом упал...
Но радости вскоре
Смеяться, сиять:
За шиворот – горе,
Хозяйка опять!
И снова ты с нею.
Нет друга милей...
Чем горе мрачнее,
Тем радость светлей.

Как часто в ход
Пускают лесть,
Подслащивают речь,
Чтоб тихой сапой
в душу влезть

И выгоду извлечь.
И таем мы себе во зло.
Увы, не всяк поймёт,
Где дружелюбия тепло,
Где только лести мёд.

Жизнь – словно лес. Как ни упорен
Он в жажде света и борьбы,

Но ураган, свалив под корень,
В нём рушит сосны и дубы.

А лес – дубовый и сосновый –
Стоит! И песни в нём звучат.

Любить – не значит беспрестанно
Твердить: люблю, люблю, люблю.
Без лишних слов, пусть и желанных,
Люблю я Родину свою.
Для сына мать всего роднее,
Милей, дороже и святей,

Растёт, растёт подлесок новый
Детишек наших и внучат.

А разве часто перед нею
Клянётся он в любви своей?
Он просто скажет: – Здравствуй, мама!
Иль: – До свидания! Прощай!
Но в тех словах, обычных самых,
Любовь и нежность – через край.

// Кузбасс. – 1974. – 20 октября. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

Как опрометчиво порою
Мы называем словом «друг»,
С кем за столом, где пир горою,
Мы оказались рядом вдруг.
И может статься, рад стараться
Он в чём-то малом услужить,

Но чтобы другом называться –
Такое надо заслужить.
Пройти дорогу, а не тропку,
Считая трудный путь за честь,
Не просто вместе выпить стопку,
А пополам пуд соли съесть.

Железная дорога,
Что манит вдалеке
У загороди строгой
Замкнулась в тупике.
Покрыты рельсы ржою,
Травой обросли.
Стоит тупик межою
От всей большой земли;

От ветра и от дали,
Где ширь, простор всегда,
Где по блестящей стали
Грохочут поезда...
Привыкшему от веку,
Что жизнь – как синь-река,
Не дай бог человеку
Дойти до тупика.

О жизни все по-разному
Мы судим-рядим, друг.
Иному взгляду праздному
Всё буднично вокруг.
Такого обывателя
Едва ли что проймёт –
Ни мастерство ваятеля,
Ни музыки полёт...
Но есть натуры тонкие.
Как радостно, что есть!

Поэта строчки звонкие
Им любо вслух прочесть.
Что ими ни услышано,
Чем ни задержан взгляд –
Про всё они возвышенно,
С волнением говорят.
О будничном, обыденном
Они по временам
Как о впервой увиденном
Рассказывают нам!

// Кузбасс. – 1974. – 15 декабря. – С. 3.

ВСТУПАЯ В НОВЫЙ ГОД...

Года. Их бег неудержим –
От тьмы к лучам рассвета.
Мы каждым годом дорожим,
Что был и скрылся где-то.

Каким бы ни был он для нас,
Мы не спешим проститься.
В нём дорог каждый день и час,
Как жизни всей частица.

В нём наши добрые дела,
 Заботы и тревоги –
 Всё то, чем жизнь полна была
 На пройденной дороге.
 Стремясь к тому, что впереди,
 Что будет сердцу мило,
 Храним мы бережно в груди
 И то, что с нами было.
 Мы каждым годом дорожим,
 Как драгоценным даром,
 И оттого чуть-чуть грустим,
 Прощаясь с годом старым.
 Из-под заснеженных бровей
 Он смотрит вслед, желая,
 Чтоб стала краше и светлей
 Судьба родного края...

Мы в новый год, как в новый дом,
 Вошли... Он нас приветил.
 С высоким звёздным потолком
 Стоит он, чист и светел.
 Под ноги стелются – смотри! –
 Ковры позёмки шустрой...
 Над алым пологом зари
 Сияет солнце люстрой.
 Он не обжит ещё пока,
 Наш дом. И потому-то
 Уже сегодня дорога
 Нам каждая минута.
 Мы не за тем пришли сюда,
 Чтоб чай пить в сладкой дрёме, –
 Пускай от нашего труда
 Уютней станет в доме!

// Кузбасс. – 1975. – 1 января. – С. 2.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Когда с людьми испорчу отношения,
 Когда в раздоре с кем-то, не в ладу,
 Одно себе ищу я утешенье:
 К природе, словно к матери, иду.
 И тихий клён, и чуткая берёзка
 Поймут, о чём душа моя болит.
 А светлая закатная полоска
 На завтра день хороший посулит.
 И растворится грусти лёгкой дымка

В дыханье ветра и воздушных струй.
 В листве порхая, птичка-невидимка
 Мне просвистит как другу:
 – Не горюй!
 Какая-то за лесом деревенька
 Мне журавлём помашет:
 – Не беда!..
 Природу обижаем мы частенько.
 Природа – не обидит никогда.

Свой каприз у сердца моего:
 Ничего для сердца нету хуже,
 Если в нём всё тихо и мертво,
 Как в осенний день в застойной луже.
 Для него великая печаль,
 Если в час какой-то беспросветный

Не зовёт, не манит близь и даль,
 Даже труд не радует заветный.
 Потому несу я, как девиз,
 Мудрое и самое простое:
 Смейся, плачь, гневись или дивись,
 Но не знай сердечного застоя!

// Кузбасс. – 1975. – 12 января. – С. 3.

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Это было летом 1966 года. Не помню уж точно, по какому поводу – то ли после просмотра какого-то фильма, то ли прочитав один из рассказов В. М. Шукшина, я написал ему взволнованное письмо, в котором выразил искренне восхищение его многосторонним талантом и заодно попросил прислать мне какую-нибудь свою книгу с автографом. Вскоре я получил от него такое ответное письмо: *«Здравствуйте, Михаил! Спасибо! Весьма окрыляющая это штука – доброе слово земляка. Порой делаешь – и одолевает сомнение: попадётся, думаешь, на глаза земляку-коллеге, и он скажет: «Какого ты там...». Ещё раз спасибо! Книжечка у меня, Михаил, маловато – две. И тех – тут надо поверить – нету: раздал все... теперь нету. Будет, пришлю обязательно.*

Задумал я, Михаил, одно большущее дело – СЛОВАРЬ (разговорный) СИБИРСКИЙ. Чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно-давно пора открыть и выгрести всё добро и раздать. А насколько мне известно, никто не пробовал это сделать! По-моему, пора! Не вам мне рассказывать, как говорят наши люди. Помогите! Много уже сделано, но одному это не под силу. Не будет времени у самого, может, найдутся люди – дайте адрес мой. 5 – 10 слов – и то слава богу! Вы ж сосед мой – кемеровский. До свидания. Пишите в любом случае.

Шукиин. 3 августа 1966 г.»

Об этом замечательном, истинно народном художнике сейчас очень много пишут. Однако ни в одной публикации мне не приходилось встречать упоминания об этом, одном из многих, замысле Василия Макаровича: создать сибирский разговорный словарь. Поэтому я и счёл необходимым привести данное письмо. Оно – наглядное свидетельство неиссякаемой творческой энергии на редкость самобытнейшей человеческой личности В. М. Шукшина, которого за непродолжительное время его работы в искусстве и литературе успели полюбить миллионы людей. Горько сознавать, что не сыграна им до конца роль солдата Лопухина в фильме «Они сражались за Родину», что не увидим мы фильма «Степан Разин», в заглавной роли в котором собирался выступить сам создатель этого фильма – Шукиин, что не прочтём задуманный им капитальный труд – сибирский разговорный словарь... Много, очень многое, что могло бы стать драгоценным духовным богатством нашего народа, оборвала внезапная смерть.

После ухода из жизни А. Т. Твардовского и М. В. Исаковского кончина В. М. Шукшина лично для меня – самая тяжёлая потеря. Я всё время испытывал неодолимое желание сказать своё слово об этом бесконечно дорогим для меня человеке, и, наконец, всё, что накопилось в душе и сердце, как-то само собой вылилось в стихотворение «Сокровенное слово», которое, хотелось бы надеяться, не оставит равнодушными и читателей.

*Он умер, играя солдата
От дома вдали, на Дону.
Ушёл. И не будет возврата.
Как вправду ушёл на войну...
Похож на алтайца обличьем –
Скуласт и немного раскос,
Он внутренним скромным величьем
Был русский до корня волос.
В свою золотую жар-птицу
Он верил – надежда была,
За тем и приехал в столицу
Простой паренёк из села.
Не думал стоять у подножий
Высоких и славных имён –
Он верил, что милостью божьей
И сам кое в чём наделён.
А вера – всей жизни основа.
Он ждал, караулил свой миг,
Когда сокровенное слово
Вдруг скажет не хуже других.
Для снобов был парень-рубаха,
И вот – ни с того, ни с сего –
Такой глубины и размаха*

*Явились работы его!
А шаг этот вовсе не странный,
Всё было оправдано в нём:
Раскрылся талант многогранный
Во всём своём блеске живом.
Придя от земли, от народа,
Искал он не то, чем берёт
Крикливо-хвастливая мода,
А то, чем живёт наш народ.
Он верен был жизненной правде,
В ней видел всего идеал.
Какой-нибудь Насе и Клавде
Земной свой поклон отдавал.
Такая душевная слитность
С народом – любого спроси, –
Такая во всём самобытность –
Великая радость Руси...
Да будет он жить, как создатель
Творений, достойных вершин,
Актёр, постановщик, писатель
Василий Макарыч Шукиин.*

М. НЕБОГАТОВ

// Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.

Учитесь жить у стариков,
У них ведь есть чему учиться,
Чтобы на стройке, у станков
Могло всё ладно получиться.
Чтобы всегда вперёд идти,
Не как там вывезет кривая,
А только ясные пути
Перед собою выбирая.

Мы любим восход и закат,
И утро, и вечер, и день.
Так много душе говорят
Огни городов, деревень.
Мы любим поля и леса
В листве и в траве, и в снегу,
И строек больших корпуса,
И малый цветок на лугу.
Мы музыку любим, стихи
И смех ребятишек в саду.

Учитесь жить у стариков.
Они не зря свой век прожили:
Идя в строю большевиков,
Народу преданно служили.
Учитесь жить у стариков.
Пусть их сердца с надеждой бьются,
Что тропки их учеников
С путями Родины сольются!

Как мы ни скромны, ни тихи,
А с громкою славой в ладу.
Былое своё вороша,
В грядущее наше смотря,
Мы видим, как жизнь хороша,
Как радостна жизни заря.
Но чтоб на земле утвердить
И радость и счастье своё,
Жизнь надо не просто любить,
А делать прекрасней её.

// Кузбасс. – 1975. – 2 марта. – С. 3.

Доброе слово женщинам

СТРОКИ ЛЮБВИ

Как это славно и мудро –
Жизнь нас сумела связать.
Есть кому «Доброе утро!»,
Встав на рассвете, сказать.
Есть кого помнить в разлуке,
Чтобы душой просветлеть.
Есть чьи усталые руки
Нежно своими согреть.

Как я скучаю по тебе,
Дней пять не видясь.
Моя любовь – как свет в судьбе,
С тобой я – витязь...
Пришла! Как полдень голубой,
Хоть вечер тёмный.

Есть кого силой мужскою
И защищать и беречь.
Радуюсь встрече с тобою –
Самой счастливой из встреч.
Ты моя боль и отрада,
Ты моя совесть и честь.
Всё, что для сердца мне надо,
В милой, единственной есть.

И вмиг заполнила собой
Весь мир огромный.
И сколько солнца средь зимы,
И счастья сколько!..
А и не виделись-то мы
С утра лишь только.

// Кузбасс. – 1975. – 8 марта. – С. 3.

К 30-летию Победы

ПАМЯТЬ ХРАНИТ...

Вот уже три десятилетия, как умолкли раскаты великой битвы с фашизмом. Но, вопреки всяким ограничительным свойствам памяти, живёт в сердце то грозное, неповторимое время.

Сколько ярких, впечатляющих произведений создано о войне – стихов, песен, повестей, романов, кинофильмов и с каким неослабевающим интересом впитываем мы в себя каждое новое слово о том, что было в мире, когда шли бои «не ради славы, ради жизни на земле».

С неменьшим интересом, чем произведения поэтов, писателей, читается почта, посвящённая 30-летию Победы. В этих непритязательных по форме рукописных документах – живые человеческие судьбы, живые даже тогда, когда речь идёт о тех, кого уже нет на свете. С волнением, с чувством горечи и радости, боли и гордости читаешь эти рукописи. Волнуются и сами их авторы, заново переживая былое. И эти переживания, этот особый душевный подъём часто находят своё воплощение в таких сильных по эмоциональности и точных по мысли словах, которые не так-то просто иногда найти и профессиональному литератору. Поистине: «О чём не подумал – про то не расскажешь, о чём не заплакал – про то не споёшь»...

Тридцать лет назад, 23 февраля 1945 года, в день рождения Красной Армии, дивизии 29-го корпуса 8-й гвардейской армии закончили ликвидацию крупной группировки немецко-фашистских войск, окружённых в городе-крепости Познани, – таким эпиграфом, вернее, информационным сообщением сопроводил своё стихотворение «Память хранит» участник этих боёв, ныне председатель совета ветеранов 82-й гвардейской дивизии А. И. Плехов. Всё, о чём он пишет, надо было увидеть самому воочию, чтобы перед читателем встала зримая, во всех деталях и подробностях картина, изображающая войну.

Капитан А. П. Шестернев – не литератор, он политработник воинской части в Туркменской ССР. Но его очерк, который автор скромно назвал «материалом», о нашем земляке, бывшем машинисте врубовой машины, а потом рядовом солдате Петре Улитине основан на достоверном жизненном событии, и потому такой пронзительной силы полны многие строки «материала». Самые запоминающиеся – вот эти: «Группе разведчиков приказали проникнуть в тыл противника, захватить «языка». Старшим группы шёл старшина Матвеев. Тёмной августовской ночью разведчики поползли по меже среди высокой ржи в сторону вражеских траншей. Пётр Улитин полз вторым. Вдруг он почувствовал лёгкое прикосновение руки старшины Матвеева и услышал его шёпот: – Жито плачет... Среди наступившей тишины до Петра явственно донёсся шорох: это спелое зерно сыпалось на землю».

Не всякому поэту посчастливится найти такую метафору, как «жито плачет»! Это может сказать только человек, для которого рожь – олицетворение жизни, часть души его самого. Так устами простого хлебороба сказала здесь о своём заветном и сокровенном сама природная мудрость... В заключение очерка автор сообщает, что наш земляк Пётр Улитин дожил до радостного Дня Победы. Он уволился в запас с двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды и многими медалями. Дальнейшая судьба отважного разведчика неизвестна. Надеемся, что он сам или его родственники откликнутся на эту публикацию.

Учитель из г. Белова М. А. Линкин в письме с поэтическим названием «Он любил безумно голубей» взволнованно и любовно рассказывает о своём старшем брате Иване, погибшем 25 марта 1945 года при взятии деревни Левитя, уже в Германии. Какие душевные слова подсказывает сердце человеку, когда он пишет с предельной искренностью! *«Пачка пожелтевших фронтовых писем – вот, пожалуй, и всё, что сохранилось в нашей семье в память о моём не вернувшемся с войны старшем брате. Может, и нескладно писал он, семнадцатилетний мальчишка, познавший до войны одну лишь в жизни науку: как держать в руках плотничий топор. По рассказам матери, брат был добрым по природе своей человеком, любившим хорошо трудиться. И ещё он любил безумно голубей. Сколько лет прошло с тех пор, и всё же каждый раз, когда я вижу стаю голубей, я останавливаюсь на дороге и подолгу слежу за ними, вспоминая при этом своего старшего брата, которому не довелось увидеть их снова в безоблачном небе над своим родным городом».* Чем это не стихотворение в прозе!..

Из Прокопьевска ушёл на фронт Михаил Шишкин. Рассказ о подвиге двадцатилетнего сибиряка-коммуниста прислали однополчане Михаила Шишкина из совета ветеранов бывшей 69-й гвардейской Краснознамённой Звенигородской дивизии. Рассказ «Человек уничтожил тигра», написанный гвардии майором И. Аргинским, обнаружен в книге, которая хранится в дивизионном музее боевой славы. Немного словно, сжато, но очень выразительно сумел И. Аргинский поведать о самом главном в жизни нашего земляка: *«Миша Шишкин родился в 1922 году, на Алтае. Когда мальчик подрос, он узнал вещи чудесные и ясные, как глаза матери. Миша, совсем ещё мальшом, помогал в хозяйстве. В 1928 году его отвели в школу. Школа была новая, пахла ещё свежим, смолистым деревом. И отец, ласково улыбаясь, говорил: – Учись, сынок! Наука, как солнце, освещает жизнь... А немцы уже в эти годы делали танки – сотнями, тысячами».*

Через весь небольшой рассказ проходит рефреном это художественное, на первый взгляд, а на самом деле – глубокое жизненное сопоставление двух разных миров: Миша работал и учился, а немцы строили

танки... Мог ли думать сибирский паренёк, что эти стальные коробки в один из дней, лязгая, изрыгая огонь, тяжёлой лавиной переползут через наши границы! Такой день настал. Дважды танковые орды немцев катились назад – от Москвы и от Сталинграда. Но немцы ещё верили в свои танки. Им казалось: нужно сделать броню ещё толще, поставить пушку ещё лучше. Они сделали такой танк и назвали его «тигр».

И вот он, кульминационный момент – не только рассказа, а и самого поединка двух миров: мира, который нёс гибель, смерть, и мира, который защищал и отстаивал жизнь, преграждал путь фашизму. *«Танк появился из-за бугра и шёл прямо на позиции роты. Сзади, за позициями роты, стояли наши 45-миллиметровые пушки. Их снаряды отскакивали от толстой брони танка. Впереди, метрах в ста от окопов стрелков, было наше пулемётное гнездо. Танк разбил его снарядом и потом придавил гусеницей. Тогда гвардеец Миша Шишкин, офицер и парторг, взял гранаты и несколько бутылок с горючей смесью и пополз навстречу танку... Никто не знал, о чём думал в эти минуты Михаил Шишкин, но солдаты и офицеры видели, что он сделал. Он подполз к танку... Грянул взрыв, повалили клубы дыма, взметнулось пламя...».*

Герой погиб, но из этой неравной схватки – стальной громадины и беззащитного в сравнении с ним комочка тела – он вышел победителем. Он уничтожил чёрный, не пробиваемый снарядами танк!

Кемеровчанин Н. К. Атаманов задумал написать большую поэму о подвигах воинов бригады, в которой воевал. Мы ознакомились с началом этой вещи. Не всё в ней литературно совершенно, однако многие строчки по-настоящему волнуют, потому что в них нет ничего выдуманного, всё правдиво, всё взято из жизни, из боевого опыта. Вот небольшой кусочек из главы «Помнишь, там, под Москвой»:

<i>Дрогнул враг, побежал.</i>	<i>В смертном страхе она</i>
<i>Натиск, гад, не сдержал</i>	<i>Обняла старика</i>
<i>Сорок третьей сибирской бригады.</i>	<i>Своей тоненькой, слабенькой ручкой.</i>
<i>Занимаем село.</i>	<i>Знать, фашисты-зверьё</i>
<i>Нету здесь никого.</i>	<i>Застрелили её,</i>
<i>Только трупы лежат у огады.</i>	<i>Когда к деду она прижималась.</i>
<i>Средь немецких солдат</i>	<i>Мы смотрели на них,</i>
<i>Трупы русских лежат:</i>	<i>А душа у самих</i>
<i>Старика с малолетнею внучкой.</i>	<i>От печали и злости сжималась...</i>

Нет в этих строчках нагнетания ужасов, в них – кровавая явь войны, звериная суть фашизма. А с каким неподдельным чувством радости говорится в поэме о самом счастливом для всех, кто прошёл огонь и свинец, часе – о капитуляции фашистской Германии.

<i>Обнимались бойцы-ветераны,</i>	<i>По щекам слёзы радости льются.</i>
<i>Крепко жали друг друга к груди –</i>	<i>Никого не смущают они.</i>
<i>Ничего, что не зажили раны,</i>	<i>Ветераны от счастья смеются:</i>
<i>Что осколки остались в груди!</i>	<i>Миновали кровавые дни!</i>

Очерк «Переправа, переправа...», присланный в редакцию из Минска полковником запаса П. В. Акуловым, повествует о боевых делах подразделения, которым командовал капитан М. А. Высокогорец, уроженец Белоруссии, ныне житель Новокузнецка. Не простое это дело – наводить переправу под артобстрелом, под бомбёжкой, под прицельным огнём автоматчиков.

Да, немало российских тружеников-солдат легло на полях жестокой битвы с гитлеровцами. Но, как говорилось в старину, смертью смерть поправ, отстояли они, защитили грудью родную землю, и память о них – живых и мёртвых – никогда не затмится даже самыми поразительными делами и событиями.

Что скрывать, с каждым годом редуют ряды ветеранов Великой Отечественной войны. И тем радостнее видеть этот поток писем в редакцию – многие бывшие фронтовики живут и здравствуют!

Михаил НЕБОГАТОВ,

младший лейтенант в отставке,

участник Великой Отечественной войны, поэт.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1975. – 19 марта. – С. 4.

ВСТРЕЧА НА ПОЭТИЧЕСКИХ МЕРИДИАНАХ

Большая и многолетняя дружба связывает Кузбасс с Нogradской областью Венгерской Народной Республики. Братские связи между областями год от года ширятся и крепнут. Кемерово и Шальготарьян постоянно обмениваются делегациями. Сотни сибиряков и венгров ведут переписку, знакомятся друг с другом в туристических поездках. Обмен фотовыставками, кинофильмами, концертами художественной самодеятельности, лекциями, личные встречи – всё это сближает, роднит тружеников Кемеровской и Нogradской областей.

Свой посильный вклад в развитие и укрепление братских связей СССР и Венгрии вносят писатели и журналисты Кузбасса и Шальготарьяна. В 1970 году венгерскими журналистами, побывавшими в нашем крае, была написана и издана книга «Золотой мост дружбы», в которой они ярко рассказали о Кузбассе, его славных тружениках, нашей братской дружбе.

В свою очередь и журналисты Кузбасса подготовили и в прошлом году выпустили книгу с подробным рассказом о Нogradской области, жизни и заботах её тружеников. Дух и содержание этой книги отражает само её название «От сердца к сердцу».

И вот ещё одна, на этот раз уже совместная работа кузбасских и нogradских писателей: поэтический сборник «Встреча», который вышел в свет буквально в канун великого праздника венгерского народа – 30-летия со дня освобождения советскими войсками Венгрии от фашизма.

Идея книги родилась несколько лет назад. Она была активно поддержана в Кемерове и Шальготарьяне. Хорошо встретило это предложение и министерство культуры Венгрии, которое включило подготовку сборника в планы одного из лучших издательств страны «Корвина». С нашей стороны работой над сборником занялось Кемеровское книжное издательство. Поэты Кузбасса и Нограда отобрали для сборника свои лучшие произведения, отражающие жизнь и духовный мир людей труда. Венгерскими друзьями был сделан подстрочный перевод своих стихов. Силами поэтов, участников сборника, выполнен перевод стихов с венгерского языка на русский и, наоборот, с русского – на венгерский.

И вот книга готова. 10 тысяч её элегантно, хорошо иллюстрированных художниками-графиками экземпляров поступили в книжные магазины области. И мы надеемся, что сборник придётся по душе читателям.

Название двуязычной поэтической антологии «Встреча» – символично. В ней действительно встречаются лучшие поэты областей-побратимов. С нашей стороны это хорошо известные Кузбассу поэты В. Баянов, Е. Буравлёв, **М. Небогатов**, И. Киселёв, В. Махалов, Г. Юров. В дружеской переключке принимают участие наши земляки – В. Фёдоров, В. Измайлов, М. Борисов.

Лучшие литературные силы представлены в сборнике с венгерской стороны. Это и известные всей Венгрии, лауреаты национальной литературной премии, литературной премии имени Антиллы Йожефа, поэты старшего поколения Деже Дьёрн и Бела Вихар. Это и талантливая молодёжь – Миклош Вег, Ференц Ханн, Элемер Тот, Лайош Варга и другие. У каждого участника дружеской «Встречи» свой поэтический язык, своя палитра красок, своё восприятие жизни. Но всех их объединяет любовь к родине, общность мировоззрения, оптимизм и вера в светлое будущее человечества.

– Уверены, поэтический сборник «Встреча», – пишет в предисловии к книге секретарь Кемеровского обкома КПСС З. В. Кузьмина, – будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы между трудящимися Нogradской и Кемеровской областей.

– Я рекомендую вниманию любезных читателей эту совместную антологию, – переключается с ней секретарь Нogradского обкома ВСРП Шандор Борош, – в надежде, что она ещё больше укрепит дружеские, братские чувства, что связывают советский и венгерский народы.

И с этим нельзя не согласиться.

В.БАННИКОВ,

директор Кемеровского книжного издательства.

Игорь КИСЕЛЁВ.

Дрогнул мир. Земля сошла с орбиты.
Звёзды вниз посыпались, звеня.
Юноша в будёновке пробитой
Покачнувшись, падает с коня.
Для чего туманной стороною
Гнался он за Нестором Махно?
Для чего, погонями измотан,
День и ночь лежал за пулемётом?
Чтобы ты, товарищ и ровесник,
Не предав забвенью ничего,

Помнил о делах его и песнях,
О высокой гибели его!
Родина! Теряя счёт невзгодам,
Совершая трудные дела,
Ты была сраженьем и походом,
Музыкой и подвигом была.
Но стоит живой и незабываемый,
Брови неподкупно сведены,
Юноша в будёновке пробитой
У начала песни и страны.

Михаил НЕБОГАТОВ.

Я ПРИВЁЗ...

*Посетив места родные,
Я подарков не привёз –
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат,*

*Чёрный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеши.
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.*

Бела ВИХАР.

СЕЧЕНЬСКАЯ ЯРМАРКА

Девка – брошек блеск азартный.
Вся – медовый пряник...
Во харчевне при базарной
Небывалый праздник.
Шашлыки, вино, гуляш –
Празднество в разгаре.
Отчего б не погулять
На таком базаре?
Тут один другому рад
Тост воздать по чести.

Было так сто лет назад,
Было так и двести...
Перемены? Как же – есть.
Вот мальчонка-палоц*
Плачет, в рот засунув весь
В шоколаде палец.
Клянчит: – Ма-ам, –
Не понимая
Суматоху эту, –
Мне не надо шоколада,
А купи ракету.

Перевод В. Баянова.

Элемер ТОТ.

ПОЗНАВАЙ!

О мостовой говорят – камни.
О звезде говорят – сиянье.

О ветрах говорят – их крылья.
На камнях мостовой бейся.

Размышляй над звездой дальней.
Заберись под крыло ветра.

Познавай мир.

Перевод **В. Махалова.**

// Кузбасс. – 1975. – 27 апреля. – С. 3

* – палочи – народность с очень своеобразной культурой и традициями, проживающая в музее-деревне Холлоке. (Примечание Н. Инякиной, побывавшей в Ноградской области с группой туристов из Кузбасса в декабре 1985 года).

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

О МАТЕРИ

О, мама! Жизнь твоя не отзвучала.
Всё помню: печку, угол, образа.
И как гостей радушно ты встречала,
Как в споре правду резала в глаза.
Как росным утром сено ты косила

С весёлой шуткой, на судьбу не злясь.
Откуда лишь бралась мужская сила,
Откуда нежность женская бралась!
Звенели птицы. Солнце жар дарило,
По-матерински ласково светясь.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О, свет далёких отроческих дней!
Я помню, как в потёмках кинозала
«Ты подружись с подругою моей»
Мне девочка любимая сказала.
Поверь мне, очень нравишься ты ей»,
И на кого-то рядом указала.
А я ни полотна и ни людей

Не видел. Только думал: «Всё пропало!».
Не знал, что и ответить от стыда,
От страшного позора: разлюбила!
Всё, чем я жил, тревожился тогда,
Спокойно эта девочка разбила.
И как же кстати зала темнота:
Слёз на глазах моих не видно было.

ПЕВИЦА

Волной лирической влекомая,
Воображенью лишь видна,
Поёт певича незнакомая.
Поёт по радио она.
Не скажешь: голос, мол, божественный,
Нет в нём такого ничего,
Но до того он тёплый, женственный,
Что слушал, слушал бы его.
Немало помню перепетого –
Плохого, выше всех похвал,
Но как случилось, что вот этого
Ещё ни разу не слышал?..

В простой фамилии «Рязанова» –
Рязань Есенина, весна...
Жаль, не прокрутишь песню заново,
Уже кончается она.
И остаётся чувство главное –
Так верит сердце и душа, –
Что и сама певича славная
Собой, должно быть, хороша.
Сама по-женски обаятельна,
Красива голосу под стать...
А коль не так – необязательно
Мне это видеть, это знать.

// Кузбасс. – 1975. – 8 июня. – С. 3

(страница «Ваше воскресенье»).

НОВЫЕ СТИХИ

РАЗДУМЬЯ О МОЛОДЫХ

Здравствуй, боевая наша смена,
Молодёжь семидесятых лет!
Ты ещё, признаться откровенно,
Лишь мечтаешь свой оставить след.

Принимай от старших эстафету,
От того, кто шёл путём прямым,
Кто на стройке первых пятилеток
В жизнь вступал таким же молодым.

Загляни в тот день не позабытый,
Много там найдёшь своих друзей.
Там в ряду с Изотовым Никитой
Рекордсмен Стаханов Алексей.
Там поля с Ангелиной Пашей,
Дуси Виноградовой там путь...

Молодёжь! Она на гребне жизни.
Видим в ней грядущее своё.
По Кузбассу и по всей Отчизне
Крепнет слава громкая её.
Целина ли колосится хлебом,
Иль слепит чугунное литьё –
И в цехах, и под открытым небом
Всюду дело крепких рук её.
Над рекою вставшая плотина,
В сотни окон новое жильё,

Не забудь о славной Вере нашей,
Мысленно с Волошиной побудь...
Этот путь, подчас крутой, суровый,
Крепость этих пламенных сердец,
Доблесть Зои, подвиг Терешковой –
Для тебя высокий образец.

Новый стих и новая картина
– Это дело умных рук её.
В эшелоне угольная глыба,
Со снопами жёлтое жнивье,
Стройка БАМа, зарево Запсиба –
Это дело добрых рук её.
В темноте таёжной россыпь света,
Песни, где кричало воронье,
В космосе летящая ракета –
Это дело славных рук её.

// Кузбасс. – 1975. – 20 июля. – С. 3.

ЛЕТНИЕ СТИХИ

Солнце

Вечной материнскою любовью
С той поры, как вспыхнуло во мгле,
Всей своей душой, горячей кровью
Солнце любит то, что на земле.
У него одна мечта-забота
На своём блистательном веку:
Чтоб цвело, росло, дышало что-то,
Было в силе, в зрелости, в соку.
Чтоб под лучезарным синим небом
После добрых ливней, после гроз
Колосилось поле буйным хлебом
И звенел под косами покос.

Чтоб в лесу кукушки не скупилась
На года для жителей Земли,
Чтоб, как люди, мудро копошились
В чащах, в долах пчёлы, муравьи.
И недаром днём и утром ранним
Славят солнце – тоже от души –
Волны плеском, птицы – щебетаньем,
Листья – блеском, шумом – камыши...
Вот и вечер. На холмах-подушках
Солнцу отдохнуть уже пора,
А оно всё теплится в макушках,
В кудрях клёнов – щёголей двора.

Над рекой

Крутой обрыв. Под ним прохладой мглистой
Бурлит река, тальник бросая в дрожь.
Обрыв такой высокий и скалистый,
Что оступись – костей не соберёшь.
А рядом сосны. В кронах их – коронах –
Уже калится ранний летний зной.
Все царственно, спокойно, окрылённо
Стоят они над самой крутизной.
Как ни горда река – верчу турбину! –
Как ни полна надменной красоты,

А вот, хотела ль, нет, взяла на спину
Их тени, что упали с высоты.
Попробуй-ка их сбросить! Невозможно.
Попробуй раздробить о камни их!
До берега того легли надёжно
На волны тени сосен строевых.
Но и природе дорог дух свободы.
И, покрутясь воронками, река
Спешит умчать нахмуренные воды
От этих скал, из плена сосняка.

Спешит туда – к песчаным жёлтым косам,
Где в мягкой тине спит ленивый линь...

Спешит река разлиться вольно плёсом,
Набраться сил, впитать себя теплынь...

// Кузбасс. – 1975. – 10 августа. – С. 3
(страница «Ваше воскресенье»).

Критика и библиография

«СОГРЕВАТЬ – НЕ ТОЛЬКО ГРЕТЬСЯ...»

У многих современных поэтов, особенно у молодых, появилась мода выступать от имени своеобразного лирического героя, неодушевлённого предмета типа «Я – море», «Я – ветер», «Я – пирамида» и даже совсем уж несуразное, например: «Я – синхрофазотрон». Однажды Евтушенко написал стихотворение, в котором его лирическая муза метафорически уподоблялась кошельку, которому, как известно, положено содержать в себе что-то ценное. И, помнится, нашёлся умный остряк-сатирик, который сразу же откликнулся на это стихотворение едкой пародией, которая заканчивалась (дословно не помню) следующими строчками: я нашёл кошелёк, поднял его, но не стал богаче. Собственно говоря, это была даже не пародия, а эпиграмма, но суть не в этом – в другом: плохо, когда от знакомства с тем или иным поэтом не становишься духовно богаче.

Прочитав первый сборник Александра Родионова «Начало поля»*, я в первую очередь задумался именно над этим: обогатил ли он чем-то меня как читателя, открыл ли я для себя какой-то новый художественный мир? Ведь ещё Маяковский утверждал: «Поэзия – вся! – езда в неизвестное». Из краткой аннотации мы узнаём, что Александр Родионов – сибиряк, что принадлежит он к «бродячему племени» геологов, что много уже пришлось ему походить по белу свету, разных мест повидать... Это, так сказать, биографические данные. Более, конечно, важно знакомство с самими стихами. Общее впечатление от «Начала поля» хорошее, ибо автор твёрдо усвоил главное (профессия тут ни при чём), а именно: поэт обязан мыслить образами. Какой бы темы ни касался А. Родионов, разрабатывает он её посредством образного мышления, в этом убеждают нас его лучшие стихи, в которых немало так называемых поэтических находок. Обо всём нам знакомом, известном, петом-перепетом автор книжки старается говорить по-своему.

Но не отдельные удачные – новые, свежие, оригинальные – образы и сравнения решают успех или, наоборот, неудачу какой-то книги в целом. Как ни странно, менее удачны в книжке стихи сугубо «геологического» характера. Образны они, а как-то не трогают, не волнуют. К тому же метафора – единый труд человека и природы даёт свои плоды, оставляет след на земле – иногда повторяется, несколько варьируясь. В стихотворении «Уходит в поле человек» – нечто сходное: «Когда ж, ненастием грозя, наступит время листобая и станет суть стволов ясней, – какая выпадет нам доля? Иль плыть листою на волне, иль семечком залечь в подзоле, чтоб, как зелёный зуб-росток, весной прорезаться из дёрна, чтоб для рождённых веток сок качали, разрастаясь, корни».

По сути об одном и том же, только по-разному – о бесполезности судьбы, назначение которой – открывать в природе её богатства. Причём говорится обо всём этом как-то мудревато-кудревато.

А просто умеет писать и А. Родионов. Вот, скажем, стихотворение «Загорели мы с тобой». Оно о том, как по-разному провели солнечное лето два друга. Один – на крымском пляже, и загар его «спокоен». Другой – «ворочал валуны у подножия Тянь-Шаня». Заканчивается стихотворение зримой и убедительной деталью: «На моём на брэнном теле – чёткой белой полосой, если я рубаху скину, след от сумки полевой через грудь и через спину». Казалось бы, самая простая вещь – кто как загорал. А мысль не праздная: наши симпатии к тому, кто не просто грелся на солнышке, а работал, что называется в поте лица. Беря тему шире, можно сказать: неприятие по содержанию стихотворение оборачивается одой человеку-труженику.

В книжке можно назвать немало хороших и просто отличных стихотворений на темы, не имеющие ничего общего с основной специальностью автора – геологией. Он как поэт более интересен там, где размышляет вообще о жизни, о разных её проявлениях: о любви, о дружбе, о доброте человеческой, о природе. Знаком плюс помечены у меня такие стихотворения, как «Друг мой давний, гость мой редкий!», «Наш колодец», «Баллада о мельнице», «Тишина ещё над посёлком», «Жил возле речки дядя Митя», «Переполюх ещё не поднят», «Я изучал её подробно», «Снеслись небесные хохлатки», «На сером циферблате поля», «Паук – лесной канатоходец», «Река Кассан-Сай», «О чём басил цветку на ухо шмель», «Метеорит».

* Александр Родионов. «Начало поля». Стихи. Кемеровское книжное издательство, 1975. 80 стр., 23 коп.

Чем хороши эти стихотворения, в краткой рецензии не расскажешь. Можно сказать, что от этих стихов я как читатель духовно стал богаче, что в «кошелек» А. Родионова не пусто, и хочется, чтобы и читатель не поленился заглянуть в него. Любой поэт по натуре щедрый человек, без робости и стеснения принимай от него то, что он дарит тебе, и считай это своим достоянием. А отмеченные здесь одними названиями стихи – добрый подарок поэта.

Следует отметить и недостатки. Они есть. Многим стихам не хватает эмоциональности. Умно, а не волнует. Хотелось бы, чтобы Александр Родионов подумал об этом. Да он уже, похоже, и думает:

*Надвигается пора,
подступает состоянье
жить иначе, чем вчера,
согреть – не только греться.
Вот и время. И пора
в лица встречные взглядеться.*

Да, конечно, пора. Может быть, уже во второй книжке. Лица встречающих обращены к поэту с надеждой, что он не только поведает им о чём-то интересном, как не скучный, а бывалый, умный собеседник, но и согреет теплом своего молодого жаркого сердца.

// Кузбасс. – 1975. – 23 августа. – С. 4.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ОЗАРЕНИЕ

Негаданно-нежданно
Случилось так со мной:
Как в детстве, первозданно
Я вижу мир земной.
Леса, поля – я с вами.
Меж нами – дружбы нить.
Ах, только бы словами
Мне вас не обеднить!..
Опять, опять не спится,
До зорьки – свет в окне.
Зарница-озорница
Подмигивает мне.

И полночь с небосклона
Про юность говорит:
Как будто бы с погона
Мне звёздочка горит.
Усталость, боль, отстаньте!
Оставьте свой трезвон
О младшем лейтенанте,
Что, мол, в отставке он.
Какая там отставка.
Пришёл ли ей черёд,
Когда душа, как Ставка,
Командует: – Вперёд!

НА ОПУШКЕ

На опушке, у дорог, тропинок,
Где ещё опавших нет листов,
Всё длиннее тени от былинки,
От густых деревьев и кустов.
И хотя уж осени прохлада
Лету – как мурашки по спине,
Всё вокруг полдневной ласке радо,
Дорожит теплом её вдвойне.

Улыбаясь весело и ясно,
Радо всё, предчувствуя покой,
Что на свете жило не напрасно –
Сохранится в памяти людской.
Говорит берёзка, увядая:
– Я цвела, кудрява и бела!
– Мы звенели! – вторит птичья стая.
Шелестит былинка: – Я была!

В ЛЕСУ

В синеву, как в раму вправлена,
Ёлка кедр не упрекнёт:
Дескать, ты растёшь неправильно.
Вид какой-то твой не тот.
Не придёт и кедру в голову

Косо взглянуть с высоты
На осинку полуголую:
Ох, бесстыдница, мол, ты.
Им стоять бок о бок нравится,
Видеть речку в блеске дня,

Что течёт себе, не хвалится,
Я вам, дескать, не родня:
Солнце, облако гривастое
В серебре своём несу!..
Без погрёков и не хвастая,

Дружно все живут в лесу.
Так и нам бы можно, кажется.
Да порою меж людьми:
Покичиться, покуражиться
Дай им – хлебом не корми...

// Кузбасс. – 1975. – 14 сентября. – С. 3.

ОСЕННИЕ СТИХИ

СЕЛЬСКИЙ МИР

Сельский мир. Есть особая прелесть
В тишине предрассветной твоей.
За околицей – шорох и шелест
И ржаных, и пшеничных полей.
Где-то тоненько звякают вёдра.
Дым из печек встаёт высоко.
И в подойники весело, бодро
Бьёт тугою струёй молоко.
Только в речку свою позолоту
Ранней зорьки лучи обмакнут,
Разрезает покой и дремоту
Хлёстким шёлком пастушеский кнут.
И тотчас же от кузни недалей,
Серебро рассыпая вокруг,
Отзывается звон наковальни,
Молотков озорной перестук.
Вот уж трактор задорно рокочет,
Разминаясь, бежит от ворот,

И взъерошенный, заспанный кочет
Запоздало побудку поёт.
Деловито, спокойно и мудро,
С давней доброй привычкой к труду,
Утро сельское, раннее утро
Начинает большую страду...
Сельский мир – не романтика это,
Не нарядной природы парад.
Это мир, где встают до рассвета,
Где под вечер ладони горят.
Чтобы пенились полные чаши,
Было густо на каждом столе,
Эти люди – заботники наши –
Скромно подвиг вершат на земле.
Им во славу так жарко, влюблённо
Светит красками день октября,
Все свои золотые знамёна
Поднимает, листвою горя!

// Кузбасс. – 1975. – 10 октября. – С. 4

(см. это же стихотворение с небольшими изменениями на с. 50 в данном сборнике).

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ИВАН ПОЛУНИН

Это имя мало ещё известно широкому кругу кузбасских читателей, поэтому, печатая сегодня подборку стихов Ивана Полунина, мы считаем необходимым сказать несколько слов об этом, несомненно, одарённом молодом поэте.

Первые свои стихи он опубликовал более десятка лет назад в газете «Курская правда». Печатался также в коллективных сборниках, вышедших в Москве и Воронеже, в журналах «Север» и «Сибирские огни», в альманахе «Огни Кузбасса». С 1972 года Иван Полунин живёт в Кемерове, работает прорабом на стройке. Может быть, кто-то из читателей сразу же подумает: а, раз прораб, значит, «рабочий поэт», а к таковым редакции часто проявляют некоторую снисходительность.... Спешим отменить это возможное предположение. Бытующее ещё кое-где подразделение авторов на рабочих, городских, сельских, в зависимости от их профессии, в данном случае не подходит. Об Иване Полунине надо говорить просто как о поэте, который не ограничивает себя какими-то резко очерченными тематическими рамками, а работает так, как и должен работать настоящий художник.

Вот что пишет во «внутренней» (издательской) рецензии о стихах Ивана Полунина известный советский критик Ал. Михайлов: «Рукопись Ивана Полунина привлекательна лирической открытостью, искренностью... Он целиком рассчитывает на человеческое взаимопонимание... не рассчитывает, а просто открывает душу, если хотите, исповедуется». Критик очень тонко уловил главное в поэзии Ивана Полунина

– душевность, которая лично у меня вызывает большую симпатию. Ведь нередко мы вместо душевности встречаемся с одним холодным мастерством; такие стихи, как правило, оставляют нас равнодушными. А стихи Ивана Полунина волнуют именно своим неподдельным лиризмом, сердечной теплотой. И по форме они «ладно скроены и крепко сшиты». Молодой поэт идёт в литературу, ориентируясь на лучшие её образцы. Хочется от всей души пожелать ему успехов на этом верном пути.

Мих. НЕБОГАТОВ.

*** **

Иван ПОЛУНИН.

ПОЛОСА ТУМАНА

Везде спешу и всюду отстаю.
Ирония судьбы. Да, не иначе...
Вот и сейчас на пристани стою,
А теплоход? Уже вдали маячит.
Ушёл, как ты когда-то в полутьму...
Я опоздал. Другой, наверно, встретил.
Не спрашиваю: как и почему?
Мир и в печали радостен и светел.
Прости меня! Я безрассудно жил,

Приветствуя любую перемену.
Чем надо было, мало дорожил,
Не знал минуте истинную цену.
Носился всюду, ветру вопреки,
И вдруг представил...
Стало как-то странно,
Что между нами – не лазурь реки,
А десять лет и полоса и тумана.

У РОДНИКА

Протопал град – и травы улеглись.
От буйства молний листья оробели.
И лишь родник, провозглашая жизнь,
Поёт в ночи, как мать у колыбели.
О чём поёт? Не разберусь пока.
Но мне с рожденья дорого такое:
Как бьётся пульс лесного родника,
Не ведая смиренья и покоя,

И над водой с волненьем наклонясь,
Я в ней не только облик свой увижу –
Почувствую незыблемую связь
Со всем, что мне с годами стало ближе.
И я пойму: насколько был неправ,
От мутных вод не уберёг истоки...
Поёт родник среди цветов и трав –
Молчит под тиной водоём глубокий.

Осенним сном объаты пажити...
Привет, родимые места!
Что вы сегодня мне расскажете,
Природы праведной уста?
Я к вам прислушался доверчиво –
И стала грусть моя легка.
Всё светом бронзовым рассвечено:
Листва и стебли тростника.

Река, с пунцовым отражением,
Куда с небес упал закат,
Бурлит в моём воображении
Сильней, чем десять лет назад.
Черты, казалось бы, незначимы,
А мне по-прежнему близки,
Хоть чувства временем прихвачены,
Как изморозью – тростники...

Правде жизни я останусь верным,
Ни штриха забвенью не предаю:
Боль и радость пропущу по нервам,
Точно ток – по гулким проводам...

Если я сгорю от перегрузки,
Значит, свой предел не рассчитал.
Но природа для закалки русских
Лучшей пробы выбрала металл.

АВТОГРАФ

Облаков белеющие пряди
Наклонились низко к пареньку.
Он выводит ровно, как в тетради,
За строкой – железную строку.

Над стальным каркасом искрометит,
И ему виднее с высоты,
Что найти нельзя на целом свете
Выше этой огненной мечты!

Может, он, романтикой влекомый,
Усмотрел в профессии отца
Ту деталь, с которой незнакомы
На поверку слабые сердца?
Может быть, осмыслил он крылато
Назначение каждого из нас,
Что земля российская богата,
Ибо с нею – весь рабочий класс!
От прокатных быстролётных станков
До станков, доверенных ему, –

Всё подвластно силе неустанной,
Всё доступно острому уму.
Нынче всё и значимо и важно,
Если в суть взглядеться изнутри...
Вот и над площадкою монтажной
Искрометит парень до зари.
И ему ли думать не пристало
О высоких истинах пока?..
Свой автограф росчерком металла
Оставляют люди на века!

// Кузбасс. – 1975. – 26 октября. – С. 3.

ЮНЫМ

В дни, когда над сумерками мглистыми
Новой эры солнце мы зажгли,
В строй с большевиками-коммунистами
Сыновья их встали и пошли,
Погасив улыбку полудетскую,
Под звездою шлема хмуря бровь,
В бой пошли за нашу власть Советскую,
В ад крошечный, где огонь и кровь.
Были в дружбе с шашками, гранатами,
И враги со страха и со зла
Красными их звали дьяволятами,
А страна орлятами звала.

Буйные чубы их вились кольцами,
Юности румянец нежно цвёл...
Стали те ребята комсомольцами.
Стал великой силой комсомол.
Всех орлят сроднили чувства братские,
С ними комсомол, отважен, горд,
Шёл вперёд – сквозь выстрелы кулацкие,
Через доты гитлеровских орд.
Юные – где зори, песни льются ли.
В коммунизм шагать им день за днём
С орденом Октябрьской Революции,
С Лениным на знамени своём.

// Кузбасс. – 1975. – 29 октября. – С. 3

(см. это, несколько изменённое, стихотворение под названием «На гребне дней» на с. 61 настоящего сборника).

«АВРОРА»

Нет, недаром в день ненастный, серый
Именем «Аврора» назван был
Крейсер, что начало новой эры
Громом пушек миру возвестил.
Есть в «Авроре» свой особый символ.
В нём вся суть событий Октября:
В сказах этим именем красивым
Называлась ранняя заря.

И не гаснуть давних дней зарницам,
А всегда гореть у нас в груди.
Ярко новым зорям-зарницам
Заниматься в даях, впереди.
И шагать нам к радости и счастью
Дружною семьёй, к плечу плечом –
С партией, с родной советской властью,
С дорогим, любимым Ильичём!

// Кузбасс. – 1975. – 6 ноября. – С. 1

(см. это же, несколько изменённое, стихотворение на с. 55 настоящего сборника).

РАССВЕТ

Ещё у многих сон глубок.
И тишина устойчива...
Скребёт на улице скребок

Старательно, настойчиво.
Туда-сюда, туда-сюда –
Скребёт, железом шаркая.

Чуть брезжит снежная слюда,
А в небе – хмара маркая.
И звук скребка, где вьюги след,

Невольно слухом ловится:
Похоже, бреется рассвет,
Встречать гостей готовится.

// Кузбасс. – 1975. – 7 декабря. – С. 3.

Критика и библиография

БЕРЕГ УДАЧИ

Совсем недавно на полках книжных магазинов появилась новая книга кузбасского поэта Геннадия Юрова. У неё привлекательное оформление, сделанное художником О. А. Пинаевой, хорошее, поэтичное название – «Долина в сентябре»^{*}). Эта книга, состоящая из трёх поэм – «Берега», «Борискин ключ» и «Альма-матер», – на мой взгляд, заметное явление в культурной жизни нашего края.

Литературный и жизненный путь автора, предшествовавший созданию трёх больших поэм, был непростым и нелёгким. Одиннадцать лет назад молодой поэт, основной профессией которого была журналистика, выпустил в Кемеровском книжном издательстве первый свой стихотворный сборник «Синий факел». Эта поэтическая заявка

была благосклонно принята читателями и критикой. Вместе с тем нужно отметить, что первая книжка Геннадия Юрова не была свободна от таких «грехов» молодости, как подражательность, книжность, перепевы знакомых мотивов, но были в книжке и по-настоящему хорошие, даже отличные стихотворения: «Баллада о поэте», «Исчезнувшие острова», «Синий факел».

Шло время. Геннадий Юров продолжал упорно и много работать над новыми стихами, и эта работа не была для него лёгкой – поиски своих сокровенных тем и образов не всегда завершались радостными находками. Встречаясь в те дни с Геннадием Юровым, мы, его товарищи по перу, не могли не заметить, что наш молодой собрат находится в какой-то растерянности. Было такое впечатление, что книжкой «Синий факел» исчерпал он все свои жизненные впечатления. И поехал тогда Юров на Север, чтобы пожить там, поработать, набраться новых впечатлений, преодолеть какие-то трудности и в них закалить и окрылить свою душу.

Помогла ли дорога молодому поэту? Можно со всей определённо сказать: помогла, да ещё как! Он привёз с собой не только запас тем и замыслов, но и рукописи готовых стихотворений и поэм, которых с лихвой могло хватить на объёмистую книжку. Вскоре мы получили возможность познакомиться с некоторыми из этих произведений по публикациям в областных газетах, в передачах по радио и телевидению, в том числе с поэмой «Берега», которой и открывается книга «Долина в сентябре». Ещё тогда, в декабре 1968 года, очень порадовала эта поэма. Перед нами встал словно другой Юров. Возмужал, окреп его поэтический голос, шире стал взгляд на жизнь, глубже её осмысление.

Не утратив своих прежних драгоценных для любого поэта качеств – непосредственности, сердечности, светлого восприятия мира, – муза Юрова обогатилась зрелостью мысли и чувства и – что очень важно – обрела силу настоящей гражданственности, которая всегда импонирует читателю, если она органически сливается с мягкой лиричностью.

*За плечо горизонта
Умчась на колёсах,
На полярной машине
Набрав высоту,
Помнил я о Томи,
Где по тихому плёсу
Плыло детство моё
На сосновом плоту*

– такими вот проникновенными строчками начинает Геннадий Юров свой поэтический разговор с читателем-земляком о родной Томи, о Кузнецком крае, о Родине, и хочется дослушать его до конца, потому

^{*} Геннадий Юров. «Долина в сентябре». Поэмы. Кемеровское книжное издательство. 1975 г.

что, говоря о себе, автор не замыкается в узкие рамки лично пережитого, а глядит на мир с позиций поэта-гражданина, патриота своей Сибири, в которой ему близко и дорого именно то, что любим, чем дорожим мы с вами.

*Плыло детство моё
В ледовитые дали
По валунному руслу,
По лунной черте.
И меня с двух сторон
Берега зазывали:
Левый берег – к удаче,
А правый – к мечте.*

Последние строчки – о берегах – проходят рефреном, своеобразной мелодией через всю поэму. И не случайно: река со своими берегами мечты и удачи – это не только текущая вода с отвесными скалами и песчаными отмелями по сторонам, а также образ жизненного пути, по которому устремляется вперёд автор, а заодно с ним и мы, читатели. Не оставляют нас равнодушными проникновенные раздумья поэта о мире и войне, о берёзовых рощах и городских проспектах, о людях в рабочей робе и о первой любви... О многом размышляет вслух поэт, и главная его мысль – о людях, о родном народе, о любимой России. Твёрдо знаю, – убеждённо говорит он, – пока живу, не будет у меня ничего дороже, чем эта российская земля, чем эти родные мои берега!

По-разному можно было подойти к поэтической реализации впечатлений, которыми одарил поэта Север. Геннадий Юров решил написать большую поэму «Борискин ключ». И, думается, правильно поступил. Читая поэму, всё время чувствуешь, что для него это – единственно верный жанр, в котором такой простор мысли и чувству, такая раскованность в своих размышлениях обо всём, что он увидел и услышал, пережил и перечувствовал, живя на Севере, общаясь с его стародавними жителями, с нынешней явью, и одновременно приобщаясь душой к тому, что было когда-то, в начале века. Явь тут органически переплетается с легендами, и всё это овеяно одним высоким понятием – романтикой.

Мы очень обеднили бы содержание поэмы, если бы начали пересказывать её. Поэтому «Борискин ключ» надо читать. Только при непосредственном чтении можно обогатить себя всем тем многообразием мыслей, чувств, сложных человеческих характеров, переплетений людских судеб. Не переложить на язык прозы и лучшую, по моему мнению, в книге поэму «Альма-матер». Это название для некоторых может показаться не совсем ясным, поэтому объясним: альма-матер, латинское, – буквально: мать-кормилица. Старинное, традиционное название высшей школы.

«Альма-матер» – это лирические воспоминания поэта о своей вузовской юности, о друзьях-товарищах, о любви, о жажде знаний, о первом серьёзном постижении всех сложностей и противоречий бытия. Лучший способ привлечь внимание к поэме – это процитировать что-то из неё, что показалось наиболее интересным, впечатляющим.

Именно с этой целью я и позволю себе привести несколько строф из главы «Пора защиты»:

<i>Итак, пора защиты подошла.</i>	<i>От словоблудья призрачных побед.</i>
<i>В библиотеке бережно подишты</i>	<i>От боли неизбежных поражений.</i>
<i>Минувшие поступки и дела.</i>	<i>От предсказавших тленье наперёд,</i>
<i>Оглянемся назад: Пора защиты...</i>	<i>Как будто молью, скепсисом побитых.</i>
<i>Пришла неоспоримостью примет</i>	<i>От чёрной зависти. От мелочных забот.</i>
<i>Пора защиты. От предвзятых мнений.</i>	<i>От суеты сует – пора защиты...</i>

Хочется ещё и ещё приводить целые куски поэмы, но думается, что и процитированное наглядно показывает, как под пером поэта простой факт – пора защиты диплома – превращается в большие философские обобщения о жизни, о человеке, о его месте в ней. Главное, чему радуешься, читая поэму «Альма-матер», – это убеждение: наконец-то Геннадий Юров достиг того берега удачи, о котором мечтал. Тернист был этот путь – путь на берег удачи, и тем радостнее, что Геннадий Юров сумел достичь его, написав – как бы на едином дыхании – книгу поэм. Все они написаны хорошим языком, форма их проста и одновременно тщательно отшлифована – это знак возросшего мастерства.

// Кузбасс. – 1976. – 22 января – С. 4.

КАК БУДТО ВПЕРВЫЕ

Врываюся в зимний покой
 Рассвета лучи зоревые.
 И утро над Томью-рекой
 Я вижу как будто впервые.
 В сияньи весь мир до краёв.
 Искрятся снега голубые.
 И радостный гвалт воробьёв
 Я слышу как будто впервые.
 В том гвалте – предвестье весны.
 Все внешние звуки живые.

На краски родной стороны
 Гляжу я как будто впервые:
 На чуть розовеющий снег,
 На тропку с мерцающей лужей.
 Прощаюсь как будто навек
 С недавнею вьюгой и стужей.
 Я вижу как будто впервой,
 Что воздух зарёю просвечен...
 И грезится: вместе с весной
 И сам я бессмертен и вечен.

// Кузбасс. – 1976. – 1 февраля. – С. 3.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

НА ГОРКЕ

Зима, как тяжёлые сани,
 Тащила на гору, где мгла,
 Декабрьские ночи в тумане
 До двадцать второго числа.
 А там и сурово и строго
 Застыла, увидя вдаль,
 Как прямо уходит дорога
 К равнинному краю земли.
 Уходит прямая дорога
 Со снежного спуска туда,

Где что-то уж брезжит немного –
 Костёр ли, а, может, звезда.
 Неясно, звезда ли, костёр ли,
 В домах ли ночные огни...
 А это объятья простёрли
 Весенние тёплые дни.
 Они ещё в самой лишь рани,
 В метельном дыму, далеко,
 Но скоро к ним зимние сани
 С горы понесутся легко!

ВЕСЕННЕЕ

Снова весь мир бирюзов.
 Кончилась стужи осада.
 Снова на жизненный зов
 Сердце откликнуться радо.
 Смех, голоса детворы
 Звонче капли весёлой.
 Сад до закатной поры
 В солнце, хотя ещё голый.

Скоро скворцы прилетят,
 Трели рассыплут над клёном.
 Много хорошего сад
 Нежно подарит влюблённым...
 В песнях не часто, весна,
 Я восхищаюсь тобою.
 Ты и без песен красна
 Юной своей красотой.

// Кузбасс. – 1976. – 16 марта. – С. 4

(стихотворение напечатано в день проводов русской зимы).

ВЕСНА

Лирическая поэма

1.

Весна – не только солнце,
 Всё ярче, горячей,
 Что бьёт во все оконца
 Потоками лучей.
 Весна – не только удаль
 Ручьёв, что мчат в луга,

Когда идут на убыль
 Разбухшие снега.
 Весна – не только смелый
 Подснежник голубой,
 Что где-то в роще белой
 Вдруг встретился с тобой.

Весна – прощанье с вьюгой,
 Что холодно-бела
 Над целою округой
 Металась и мела.

2.

О, годы, годы, годы,
 О, даль путей земных!
 И бед, и непогоды –
 Всего хватало в них.
 Но в ширях сенокосных
 И в шуме городском
 Милей мне петь о вёснах,
 О празднике людском...
 Вот август в тридцать пятом.
 Он по России всей
 Плыл именем крылатым:
 Стаханов Алексей.
 Сломав былой обычай,
 Он, словом не пыля,
 Рекордною добычей
 Вознёс тебя, земля.

3.

Пусть лето в сорок первом,
 Едва прошла весна,
 Ударило по нервам
 Большой грозой – Война!
 Страшнее нет урона,
 Но много лет спустя
 Нам видятся знамёна,
 Что плещут, шелестя.
 На занятых высотах
 Знамёна те горят,
 На всех земных широтах,
 На всех путях подряд.
 И было в час тот горький:
 Полотнище в крови –
 Под серой гимнастёркой,
 Как вечный знак любви.
 Не просто, понимаю,
 Всё это вспоминать.

4.

И новой мирной бурей
 Взметнулась в небо сталь,
 Когда Гагарин Юрий
 Умчался к звёздам, вдаль.
 Был рапорт: «Всё отлично.

Конец стихии снежной,
 Морозным дням предел,
 Весна – разлив мятежный
 И рек, и добрых дел.

Горами антрацита
 Он поднял честь твою
 Над будничностью быта
 В отеческом краю.
 Он вёснам дал начало
 Совсем иной порой,
 Что с гордостью звучало
 «Стахановец», «герой».
 Звучало на заводе,
 В колхозном ли селе,
 Как жизни половодье
 На ленинской земле.
 Слова простые эти
 Привычны всем уже...
 Прекрасно жить на свете,
 Когда весна в душе!

Но шли мы прямо к маю,
 Громя чумную рать.
 И вот он, сорок пятый,
 И вот он, их Берлин,
 Поверженный, распятый,
 В развалинах руин.
 А небо сине, сине,
 А где-то там в Москве,
 А где-то над Россией
 Салюты в синеве!
 Они цвели, сияли
 Над памятью солдат,
 Что смертью храбрых пали
 За вновь цветущий сад.
 За мир на всей планете
 На вечны времена...
 Прекрасна жизнь на свете,
 Когда в душе весна!

Нормально всё идёт».
 Как это символично:
 Апрель, весна и взлёт!
 В честь взлёта с Байконура
 Родившимся тогда

Давали имя Юра
На долгие года...
И вечно легендарен
Стоящий в полный рост
Простой смоленский парень,
Шагнувший к сонму звёзд.
Пусть разная дорога,
Но так любим, хорош,
Что чем-то он немного

Зелёным светофором
День светит на земле.
Партийный новый форум
Весною был в Кремле.
Весна – не только ветки,
В которых бродит сок,
И в новой пятилетке,
Чей путь-полёт высок.
Весна – не только жженьё
Лучистого огня,
Она – людей движенье
К заре иного дня.
Цвети, подснежник нежный!
Был снег, а ты всё цел!
Весна – разлив мятежный
И рек, и новых дел.

На Тёркина похож.
Будь Тёркин жив, реален,
Смекалист, прост и смел,
Он тоже бы в те дали
Охотно полетел.
Милы ребята эти,
Родны их имена...
Прекрасно жить на свете,
Когда в душе весна!

5.

В путях бесповоротных,
Небесных и земных,
Размах работ добротных,
По-новому иных.
По качеству отличных,
Где всё – за первый сорт.
В делах народных, личных
Нас новый ждёт рекорд.
Войны мы помним беды,
Её огонь и тень,
Тем радостней победы
В рабочий мирный день.
Нас ждут победы эти
На новом рубеже...
Прекрасна жизнь на свете,
Когда весна в душе!

// Кузбасс. – 1976. – 17 апреля. – С. 4.

МАЙСКИЕ СТИХИ

1.

Опять весна спешит зажечь
Зелёный свет, как светофоры,
Чтоб для любви, для новых встреч
Открыть пути во все просторы.
И ветер тёплый вдаль зовёт,
Вперёд по тем путям-дорогам,
Где что-то радостное ждёт
И говорит душе о многом.

Земная жизнь трудом красна.
Труд всё преображает.
И даже кажется: весна
Нам в этом подражает.
Как садовод, проходит дождь
Над полем с лейкой-тучей,
Что золотая встала рожь,

О том, как мил Кузбасс родной
С его полями и лесами,
И с Томью, плещущей волной,
И с заводскими корпусами.
Со звёздным светом на копрах,
И с парусом домашней шторы...
Зелёный свет на всех путях
Несёт весна, как светофоры.

2.

Шумя волной кипучей.
И как по штрекам, по ветвям
Кипят земные соки,
Чтоб выйти зелению к лучам,
Что вспыхнут на востоке.
А в синеве, где свет и жар,
Как в отблесках мартена,

До ночи солнце-сталевар
Работает бесменно.
Сияй, лучись, трудись, весна!

Наш путь с тобою ясен...
Земная жизнь трудом красна,
А труд – победой красен.

// Кузбасс. – 1976. – 1 мая. – С. 4.

ДОСТОЙНЫ ЛИ...

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Случайность, что не сгнули мы сами
На Волге, на Днепре или Десне.

И всё-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

// Кузбасс. – 1976. – 9 мая. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

С ПОКОСА

Помню: конь трусит устало
По дороге полевой.
Я сижу в телеге старой,
Свесив ноги, как большой.
Едем всех, наверно, позже
С сенокоса – тишь кругом.
Брат причмокнет, тронет вожжи:
– Ну, давай быстрее, бегом!
Но трюхнется наш Карька,
Крупным крупом шевеля,
И болтается дегтярка
Сзади сбоку от меня.
Тёплый вечер вроде пепла
Сыплет сумрак по земле.
Даже звёздочка ослепла,

Словно искорка в золе.
Одному бы страшновато,
Но хотя и дальний путь,
За спиной широкой брата
Мне не боязно ничуть.
Вспоминать не перестану,
Как, тревогам всем назло,
Я приник, прильнул
К братану,
Чую пот его, тепло.
Вот опять он дёрнул локтем:
– Н-но!..
Густеет сумрак-дым.
Горьковато пахнет дёгтем,
Сладко – сеном молодым.

ЗНОЙ

Дали в мареве. Блёклое небо
Раскалилось почти добела.
Веет жаром от спелого хлеба,
Как в избе от печного чела.
Глушь. Безветрие. Птиц безголосье.
Беспокойно проносится стриж...
Только шорох поникших колосьев

Нарушает полдневную тишь.
Вянут листья в берёзовом колке.
Яркий зной продолжает лепить.
Еле слышится вздох перепёлки –
Безнадёжный, безрадостный:
«Пить!»

СКУПОЙ ДОЖДЬ

На миг закрыла солнце мгла.
И вдалеке я грохот слышу...
Дождинки звонкая игла
Проткнуть попробовала крышу.
Уже готова ребятня
Бежать под дождь с весёлым визгом.

Но прошуршал он среди дня
Так скупое, короткое. Побрызгал.
И стих. И снова зной густой.
Свежее в воздухе не стало.
Лишь водосток журчит водой
Обманчиво и запоздало.

// Кузбасс. – 1976. – 18 июля. – С. 3.

СОЛНЦЕ – ПЕРВЫЙ НОВОСЁЛ

В мире лучшая профессия –
 Это строить, созидать.
 Труд строителя – поэзия,
 Песне труд его под стать!..
 Загляни в года былые –
 С незапамятной поры
 Пели пилы по России
 И звенели топоры.
 Дальний предок в глухомани
 Начинал свою судьбу –
 Первым делом на поляне
 Он рубил себе избу.
 Обтесав сучки кривые,
 Он работал с огоньком,
 Чтобы ставенки – резные,
 Чтобы крыша – с петушком!
 Мир от края и до края
 Украшала жизнь сама,
 Церкви, храмы воздвигая
 И светлицы-терема.
 Бури войн порой сметали
 Золотые купола,
 Но цвели, не умирали
 Зодчих славные дела...

Мирным днём светило солнышко,
 Не погасшее во мгле –
 И опять всё снова, с колышка
 На обугленной земле.
 И опять вставали срубы,
 Где река журчит, поёт,
 И опять дымками трубы
 Говорили: жизнь идёт!
 ...В наши годы молодые
 Обновлён любой пустырь.
 В кранах строек – вся Россия!
 В кранах строек – вся Сибирь!
 В завихре снежной пены,
 В внешнем гомоне скворцов
 Вырастают всюду стены
 Институты, школ, дворцов.
 Всюду окна, как зарницы,
 Блещут ярко новизной,
 Так, что небо отразиться
 Радо в них голубизной.
 Светом праздничным, весёлым
 Озаряя всё кругом,
 Самым первым новосёлом
 Солнце входит в каждый дом!

// Кузбасс. – 1976. – 8 августа. – С. 3.

ДОБРОГО ПУТИ В ПОЭЗИЮ!

О горняках, их героическом труде пишут многие поэты. Удача сопутствует, как правило, тем, кто наиболее глубоко изучил специфику шахтёрского дела. Николай Попов по профессии горный мастер, работает на шахте «Комсомолец».

Шахтёрские будни – его повседневная жизнь. Хорошее знание материала в сочетании с поэтической «стрункой» даёт очень радостные результаты: многое из того, что написано Николаем Поповым, по своей художественной ценности мало чем отличается от работ профессиональных литераторов.

Думается, что читатели «Кузбасса» с удовольствием прочтут небольшую подборку стихов Николая Попова.

Мих. НЕБОГАТОВ.

*** *** ***

Н. ПОПОВ.

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Хорошо под солнечным разливом
 Впитаться взглядом в купол голубой.
 Может, потому неторопливо
 Я спускаюсь в угольный забой.
 Да, у нас обязанность такая:
 Штурмовать пласты в кромешной мгле,

Зубьями комбайна высекая
 Солнца жар, спрессованный в угле.
 Но когда усталый, после смены,
 Я смотрю: как звёздный мир высок,
 Думаю: добыл я дар Вселенной,
 Солнечной энергии кусок.

Он лежал в объятьях недр веками
С ношею породы на плечах.
Мы его, горючий, чёрный камень,
Полыхать заставили в печах.

И горжусь я тем, что солнце-камень,
Взятый мной из шахты, как в бою,
Я своими щедрыми руками
Родине для счастья отдаю.

ШАХТЁРСКАЯ КАСКА

По форме – обтекаемо скромна
И мягкими тесёмками прошита...
Ударов град – и, как в бою, она,
Наш талисман спасительный, защита.
Ведь мы с породой вечно во вражде,
Непримиримой, обострённой, колкой,

И каска нам от каменных дождей,
Как в дни войны – солдату от осколков.
Мы оттого с ней ближе и родней,
Что венчаны солдатскою судьбою.
И лампочка лучистая над ней
Горит красноармейскою звездой.

// Кузбасс. – 1976. – 29 августа. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

Впервые со стихами молодого кемеровского поэта Сергея Донбая я познакомился лет пять назад, прочитав его вышедшую в поэтической кассете небольшую книжечку под названием «Утренняя дорога». Название точно определяло главное ощущение от лучших стихов сборника – свежесть восприятия окружающего мира, свой взгляд на явления и предметы, душевную готовность искать в жизни новое, открывать для себя новые пути-дороги.

Все эти годы Сергей Донбай много и серьёзно работал. Результатом творческих поисков были публикации в периодической печати, в альманахе «Огни Кузбасса», в журнале «Сибирские огни». Был создан новый сборник стихов, который скоро выйдет в Кемеровском книжном издательстве. Сборник называется «Прелесть смысла».

Мих. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

*** **

Сергей ДОНБАЙ

ЭЛЕКТРОСВАРЩИК

К чужому труду вдруг почувствую зависть.
Вот электросварщик поджёт электрод –
Мне кажется, это непуганый аист
На кончике клюва комету несёт!
Под маской, наверное, жарко несносно.
За шиворот капелька пота стекла...
Он, как наблюдатель затмения солнца,
Следит сквозь копчёный квадратик стекла.
В ладонях верхонок, от глаз

посторонних,
Молекула солнца трепещет, жива!
Он, словно земли сердобольный садовник,
Склонился в малиновой веточке шва.
Стекает скупая слезиночка стали.
Зубилом такую не срубишь потом!
И серая кепка, как будто позвали,
– Торчит, оглянувшись, назад козырьком!

АРХИТЕКТОР

Ещё ты витаешь с утра
И в воздухе нечто рисуешь,
Прищурившись, вроде схитра,
Но взять карандаш не рискуешь.
И как бы там ни был речист,
Не ты и никто не расскажет,
Когда на нетронутый лист –
Та первая линия ляжет?

В плотину, в театр и в жильё
Ей, лёгкой, дано превратиться,
Чтоб в будущем прямо с неё
Взлетали и взгляды и птицы!
...Но, друг мой, уж ночь во дворе.
Над ватманом трудно молчишь ты...
Ещё на твоём пустыре
Голы забивают мальчишки.

// Кузбасс. – 1976. – 10 сентября. – С. 4.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Бессмертен мир, и вечен праздник жизни,
 Над всей страной у нас светлым-светло.
 «Побольше хлеба вырастить для мира!» –
 Такой мечтой живёт сейчас село.
 Осенним днём ли, в радуге расцветок,
 Весной ли в блеске ручейков и троп,
 На рубежах великих пятилеток
 Зарю встречает в поле хлебороб.
 Он дорожить привык любой минутой.
 Он знает: день погожий кормит год.
 И даже пусть буран со стужей лютой –
 Не затихает в сёлах шум работ.
 Едва сосульки вспухнут на пригреве,
 А земледелец, глядя за село,
 Уже мечтает-думает о севе,
 О солнышке, дарующем тепло.
 И лето всё с восхода до заката,
 С загаром на лице и на плечах,

Он трудится, влюблённый в землю свято,
 Лелеет ниву в солнечных лучах.
 И до чего ж прекрасно чувство счастья,
 Когда машины с золотом-зерном
 На элеватор даже в дни ненастья
 Бегут, бегут, урча, как майский гром!
 Как радостно в предзимье, сбросив робу,
 Спокойно думать: пусть идёт зима –
 Земля свой дар вручила хлеборобу.
 Заполнены с краями закрома.
 Всё увенчала трудная работа –
 Мечты, надежды, творческий порыв.
 Работа эта – до седьмого пота,
 Она – как подвиг на просторах нив.
 Без подвига того мы не смогли бы
 Украсить изобилием наш стол.
 Земной поклон, сердечное спасибо
 Вам, дорогие труженики сёл!

// Кузбасс. – 1976. – 10 октября. – С. 1
 (ко Дню работников сельского хозяйства).

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

СТРОКИ ЛЮБВИ

Нечаянно словом обидел.
 Случайно сорвалось оно.
 И сам же я света не взвидел –
 Раскаянья сердце полно.

Давно ты забыла обиду.
 И, видя, что сам я не свой,
 Дивишься понурому виду:
 – Ну, что ты поник головой?

Говорю, приветствуя весну,
 Не боясь счастливо повториться,
 Так, как говорилось в старину:
 В мире твоё имя да святится!

В нём – лучи одной моей звезды.
 Сколько раз его ни повтори я,
 Вновь готов твердить на все лады
 Светлое и нежное: Мария.

Есть костёр, что не греет.
 И такой нам знаком.
 От него вдруг повеет
 Холодом, сквозняком.
 Избегай, ради бога,
 Разжигать его, друг.

Надо очень немного,
 Чтоб занялся он вдруг.
 У невидимой кромки,
 За которой – раздор,
 От словесной соломки
 Может вспыхнуть костёр...

Бывало в жизни нашей всяко.
 Добра и лиха через край...
 Полынь горчила. Но и злака
 Ты тоже, друг, не забывай.

Мы счастье видели друг в друге,
 Как весны – в пенье птичьих стай.
 Чтоб не бояться новой вьюги,
 Ты о былой не забывай.

Когда любви, тепла, покоя
Оставит жизнь нам скудный пай –

Хорошей, славной называю.
А разобраться, что к чему,
За что люблю тебя? Не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.

За то тебя благодарю,
Что полон мир большим значением,
Что я навстречу январю
Иду с весенним настроением.

Забудь плохое. Всё другое,
Благое всё – не забывай.

Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
Ты – вечной радости родник...
Не объяснишь, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

За то, что доброе творю,
Что не знаком я с чёрной злобой,
Что не кичусь своей особой,
Благодарю, благодарю.

// Кузбасс. – 1976. – 5 ноября. – С. 3.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Мороз жестоко, хладнокровно
Сжимает мир в свои тиски.
В домах постреливают брёвна,
И треск доносится с реки.
Как жгучий воздух щёки режет!
Как он глаза слепит – до слёз!
А у вокзала стон и скрежет
С путями смёрзшихся колёс.
Возьми ведро с водою льдистой –
И прикипит оно к руке.
Как в шубе тёплой и пушистой,
Деревья в пышном куржаке.
Желтеет солнце в дымке синей.
Весь день оттуда, с высоты,
Летит, мерцая, лёгкий иней,
Ложась узором на кусты.

И как сладка в минуты эти,
Когда всё стынет на земле,
Мысль о тепле, о ярком свете,
О крепком чае на столе.
Мороз ведёт свою настройку
На неживой, скрипучий лад,
Но загляни сейчас на стройку –
Там хоть кого развеселят.
Там грузы вешают на крюки,
Смахнув ненужный снежный мех.
Горячей кровью дышат руки,
Как колокольчик, звонок смех.
А злой зимы всё злей угроза.
Зиме такой простор открыт,
Что даже небо от мороза
Румянцем под вечер горит!

// Кузбасс. – 1976. – 1 декабря. – С. 4.

ГОСТЬ ЖЕЛАННЫЙ

*(фрагмент новогоднего стихотворения)**

В куржаке пушистом стынут ветки,
От пурги белеет чернь тайги...
Первый год десятой пятилетки
Отсчитал последние шаги.
Скажем прямо – это славный финиш,
Радующий каждого из нас.

Со счетов побед никак не скинешь
Добрые дела твои, Кузбасс.
Сквозь снега, сугробные заслоны
Шлешь ты вдаль, Кузнецкий край родной,
Грузов эшелоны и составы
С углем, коксом, Сталью и рудой...

// Кузбасс. – 1977. – 1 января. – С. 1

* – дальше текст прочитать невозможно – газета порвана... – (Примечание Н. Инякиной).

ХОРОШИЙ ПОДАРОК

На днях у меня побывал мой лучший друг – поэт Виктор Баянов. Пришёл не с пустыми руками, а с только что вышедшей в свет книжкой лирики под выразительным названием «Гость». Это даже и не книжка, а книжечка форматом с полконверта, в коленкоровом переплёте, с портретом, нарисованным художником Г. Кравцовым. Отличное подарочное издание. Я с давних пор ценю и люблю замечательную поэзию Виктора Баянова, и нечего говорить, как был рад, что он снова добрым гостем войдёт в сердца многих читателей.

В книжечке шестьдесят стихотворений. Все они, за исключением одного, печатались в предыдущих сборниках, так что для большей массы почитателей таланта этого самобытного лирика сборник будет не в новинку. Но вот о чём подумалось мне, когда я заново просматривал страницы «Гостя».

Предпоследний сборник Виктора Баянова вышел четыре года назад. Тем юным читателям, которым сейчас по восемнадцать – девятнадцать лет, было в то время четырнадцать – пятнадцать, и они, может быть, в то время не очень интересовались поэзией. И весьма возможно, что многие из них познакомятся с поэтом Виктором Баяновым именно теперь, по этому вот подарочному изданию. А прочитав эти шестьдесят стихотворений – уверен в этом! – непременно захотят познакомиться со всем творчеством поэта.

О стихах Виктора Баянова немало писали профессиональные критики. Я не буду повторяться. Скажу лишь только, что сюда автор включил самое своё дорогое, заветное, сокровенное. Это стихи о военном детстве, о первой, ещё даже не юношеской, а отроческой любви, о приобщении к нелёгкому самостоятельному труду вначале в качестве помощника, а потом машиниста паровоза. Большинство стихов – о нашей русской деревне, о добрейших и бескорыстнейших душах простых русских людей, о милой сердцу природе. Эпиграфом к ним можно было бы поставить строчки из стихотворения «Не думать ни о чём теперь бы»:

Поднявшись над раздольем нивы,

И в радостный, и в горький час

Тревожный чибис: – Чьи вы? Чьи вы? –

Завидев, спрашивает нас.

Чтоб помнить мы не перестали

Под нашим небом иль чужим –

В каком краю мы выросли,

Какой земле принадлежим.

Все стихи Виктора Баянова, как светом, пронизаны этим добрым чувством Родины, родной сибирской земли, огромной любовью ко всему живущему на свете.

Я не собираюсь этими краткими заметками дополнять число рецензий на поэтические работы поэта. Мне только хотелось бы ещё раз привлечь внимание к нему, напомнить, что есть у нас в Сибири поэтический талант, который снова предстал перед читателями лучшими своими образцами в подарочном издании под названием «Гость».

// Кузбасс. – 1977. – 16 января. – С. 4.

СЕРДЦУ МИЛАЯ ПОРА

Дорог нам со дня рождения,
Полный света и добра,
Здравствуй, Май, пора цветенья,
Сердцу милая пора!
Открывая солнцу трассу,
Сдвинув облачный заслон,
Ты шагаешь по Кузбассу,
Разрумянясь от знамён.
Непривычные к покою,
Мы приход встречаем твой
В шахте – угольной рекою,
В поле – свежей бороздой.
Сбросив снег, как клочья пены,

В честь тебя к лазури ввысь
Белокаменные стены
На проспектах поднялись.
Льдины чокаются в реках,
Зимних дней броню дробя.
Песня пил на лесосеках
Не смолкает в честь тебя.
О земной красе, величье
У берёзы, у ольхи
Звучно льётся пенье птичье,
Как сердечные стихи.
Схожа с громом эшелона
В небе первая гроза.

Счастьем светятся влюблённо
 Нежной юности глаза.
 Пусть нигде слепой шрапнелью
 Не взрывается рассвет!
 Пусть цветёт твоим весельем

Век космических ракет!
 Будь в родстве с улыбкой детской,
 Мир лучами обнимай.
 На родной земле Кузнецкой
 Здравствуй, наш рабочий Май!

// Кузбасс. – 1977. – 1 мая. – С. 1.

В ПОХОДЕ

На версту растянута колонна.
 В целом мире – лишь жгучая высь.
 Нету сил. Но звучит непреклонно
 Командирское: – Эй, подтянись!
 Запалённо, как лошади, дышим.
 Даже брови, ресницы в поту.
 И хотя «подтянись» это слышим,
 Ни на шаг не сужаем версту.
 Сколько мы прошагали – прикинь-ка!
 Еле движемся. Еле стоим.
 За дорогу небесная синька
 Стала огненным шаром сплошным.
 Вот сейчас развалюсь по бурьяну,
 Может статься, на радость врагу,
 И пускай хоть стреляют – не встану.
 Знаю точно, что встать не могу.
 Спотыкаюсь под обручем скатки.
 Ну, а взводный – двужильный, кажись:
 – Скоро будем на месте, ребята! –
 И уже подобрей: – Подтянись...
 Увидав за холмом деревеньку –
 Тополя да избушки кругом, –
 Начинаешь трусить помаленьку,
 Впрямь – коняга, почуявший дом.

Яркой медью сверкая знакомо,
 Тишину разбивая окрест,
 Нас встречает у крайнего дома
 Удивительным маршем оркестр!
 Возле тына – старик и солдатка.
 Дальше люду – как в праздник какой.
 И не обруч, а пёрышко – скатка,
 И усталость и вялость – долой.
 На виду у такого-то люда
 Разве можно понуро плестись?
 Нет, не надо – и это ль не чудо –
 Нам команду давать: «Подтянись».
 Будто не было дня перехода,
 Будто только мы начали путь.
 Боевая осанка у взвода,
 Шаг уверенный, бравая грудь.
 Незнакомые добрые лица,
 Словно лица родные, милы.
 Вправе взводный орлами гордиться.
 И действительно слышим: – Орлы...
 Мы и часу ещё не прошли бы,
 Повалились бы в пыль головой,
 Но воскресли от марша. Спасибо,
 Наш товарищ, оркестр духовой!

// Кузбасс. – 1977. – 9 мая. – С. 3.

Критика и библиография

«НЕ БОЯСЬ СЧАСТЛИВО ПОВТОРИТЬСЯ...»

Того, кто внимательно – от сборника к сборнику – следит за творчеством Михаила Небогатова, искренне порадует новая книга лирики «Земной поклон»^{*}). Душевная открытость, ясность и простота, с какой говорит он в ней о вещах глубоких и значительных, привлекают. Пожалуй, ни одно из предыдущих изданий не давало такого целостного представления о поэте, как это. Хорошо продуманная композиция, тематическая группировка стихов, органично соединившая уже известные и новые произведения, помогают увидеть в знакомом авторе новые черты, новые стороны его дарования.

Лучшие стихи Небогатова всегда отличались большой наполненностью чувств. И не потому ли видишь в поэте отзывчивого собеседника, с которым легко говорится и думается «О встречах юности. О

^{*} – М. Небогатов. «Земной поклон», Кемеровское книжное издательство, 1976.

старости. О вечной смене зорь и вьюг» и о многом другом, чем жив человек. Да, есть у Небогатова завидное свойство: во многом, мимо чего иной пройдёт стороной, увидеть поэзию. «Не боясь счастливо повториться», он говорит о милых сердцу приметах Отчизны, о любви к родной земле, говорит по-своему, негромко, сокровенно, не бия себя в грудь, не оглашая окрестностей звоном литавр и гулом трубных звуков.

Скромная, лишённая внешнего блеска, муза Небогатова именно в силу своей строгой простоты могла обманчиво кому-то показаться «малоактуальной», второстепенной. А между тем, давно уже были такие стихи, как «Русский полон» (1957), «Есть видимость цветения», «Фронтовая дружба» (1965), «О простоте» (1966) и другие – стихи-раздумья о мудрости народа, о сложностях и противоречиях жизни, о взаимосвязанности природы и человека, о наших моральных, нравственных ценностях, об искусстве.

Во многих стихах он делится мыслями о своих взглядах на жизнь, которую следует прожить по-граждански достойно, «не просто так, любуясь белым светом, а чтобы память чью-то заслужить». В вопросах мастерства его позиция ясна и неизменна – быть в дружбе «с простотой природной, не с той, что хуже воровства, а с той, высокой, благородной», с которой «Пушкин рос», которая «как свет берёз и вместе с тем – как блеск из ножен». Он не прельщается сомнительным экспериментаторством в поэтике, замысловатостью метафор, словесным трюкачеством. Говоря о тех, кто вопреки даже здравому смыслу стремится прослыть «оригинальным», Небогатов пишет:

*За сложность ратует такой,
В неё лишь верит непреложно,
Не зная истины простой,
Что эта сложность часто ложна.*

Истинная простота, подчёркивает он, – отнюдь не синоним примитива, творческого застоя. И Небогатов – в постоянном поиске точного, полновесного слова, яркого художественного образа, выразительности поэтической речи, способных с наибольшей убедительностью донести до читателя главную идею, главную мысль произведения.

Год от года художественное зрение Небогатова остановится острее, панорама обзора шире. В новой книге это особенно ощутимо. Он пристально всматривается в жизнь с её «непокоем, тревогами, с трудом и земной красотой». Доверительно и бережно касается он таких «вечных» вопросов, как любовь, верность, испытания, которыми проверяется настоящее чувство. Цельность хорошего цикла, на мой взгляд, нарушается стихотворением «Ты помнишь вечер в ноябре?». Его «красивости» совсем не в ключе Небогатова. Можно было бы поубавить и стихов-признаний, в которых несколько «передано сахару» или повторяется один и тот же мотив.

Уже тридцать лет успешно работает в литературе Михаил Небогатов. Многие начинающие поэты с полным основанием считают его своим наставником. Но с присущей ему требовательностью он пишет о себе: «Пускай во что-то я проник, пускай не молод, но в искусстве я сам доньше ученик».

Книга открывается стихами о войне. Михаил Небогатов – сам в прошлом фронтовик, перенёс тяжёлое ранение, сполна хлебнул военного лиха в самую тяжёлую пору испытаний нашего народа. Но тема войны ещё никогда так отчётливо не проступала в его творчестве, как теперь, спустя многие годы после неё.

*Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
Поздней я видел многих вечный сон,
А этот всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...*

Кровь и пот войны, её невыносимо тяжкий труд, смерть, бредущую за каждым «пушечным ахом», – всё превозмог и одолел русский советский солдат на пути к победе. Что давало ему силы, мужество, стойкость – сам солдат говорит об этом просто и мудро:

*Страшно всем.
Ну, а сильнее страха
Чувство долга. Надо воевать.*

Лично причастен – вот откуда достоверная правда каждой строки военной лирики Небогатова... От росных трав, цветения и света прошли мы вместе с его стихами до самых дальних рубежей солдатской

памяти. И с высоты этих рубежей яснее видятся судьба человека и поэта, истоки гражданственности и глубиной человечности его дарования.

Р. ЛОБАНОВА.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1977. – 12 июня. – С. 4.

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕТО»

Привет, июль,	Ему, как другу, рад.
До края полный света,	Потом закат
Как чистоструйной	Под радугой-дугою
Свежестью родник!	Горит, алеет, гаснуть не спеша.
В молве народной	Я дорожу красою дорогою –
Ты – макушка лета,	Пусть насладится
Грозник и сенозарник,	Светлостью душа.
И страдник...	Быть может, утро
Как неуютно	Пасмурное будет –
Телу под рубашкой,	В тени луга
Когда река поманит:	И тёмная река...
– Сбрось долой!..	Но всё равно
О чём-то колос	Лучи меня разбудят,
Шепчется с ромашкой.	Хоть и примчатся
Кудрявый клён –	С юга облака.
Как парень удалой.	Разгонит солнце
Он и под ливнем с градом	Облачную хмару –
Всех счастливей,	Ты жди минуту эту,
Задорно весел:	Карауль...
Бей по листьям, град!	По знойной дымке
Когда в жару	Зелени, загару
Ворвётся буйный ливень,	Я узнавать привык
Весь летний мир	Тебя, июль!

// Кузбасс. – 1977. – 1 июля. – С. 4.

ОКТЯБРЬ В НАШЕЙ СУДЬБЕ

ЧЕЛОВЕК СТРОИТ ГОРОД

Так шло из поколения в поколение: не видел рабочий светлого дня, даже наделённый талантом от природы не имел возможности полностью проявить себя. Об одном мечтал рабочий человек: чтобы подольше сохранились в нём силы, чтобы не лишилась семья кормильца. Ни о каком пособии, ни о какой пенсии и понятия не было.

*Великий Октябрь помог рабочему стать полноправным хозяином своей судьбы. Великий Октябрь утвердил новый облик рабочего-творца. Вот и герой очерка писателя **Михаила Небогатова** – простой советский рабочий, коммунист, член горкома партии, депутат Кемеровского городского Совета.*

Впервые я увидел Виктора Пуца в конце прошлого года на торжественном открытии Дней советской литературы в Кузбассе. Гостей приветствовали партийные и комсомольские работники, студенты. Среди тех, кто выходил в этот вечер на трибуну в областном театре оперетты, был и он, бригадир строителей треста «Кемеровогражданстрой». Это выступление не было заурядным приветственным словом.

Чувствовалось, что Виктор хорошо знает нашу советскую литературу, лучшие её произведения, особенно те, которые посвящены теме рабочего класса.

– Кузнецкий край, – сказал он, – край развитой индустрии, и есть надежда, что поездки по этому краю, встречи с шахтёрами, химиками, строителями вдохновят наших гостей на создание высокохудожественных и высокоидейных произведений о рабочем классе. Не могут не вдохновить!

Коренастый молодой человек, с запорожскими усами, которые придавали его лицу чисто украинский облик, увлёл меня: человек, судя по всему, интересный, из тех, кого принято называть простым рабочим, но кто по своему духовному развитию может быть по праву причислен к интеллигентам в самом широком значении этого слова.

И вот мы сидим друг против друга. Домашняя обстановка располагает к откровенности. Правда, мой новый знакомый несколько смущается, даже краснеет, узнав, что о нём собираются писать в газету. С застенчивой улыбкой предупреждает: – Только ничего не преувеличивайте, не приукрашивайте. В моей жизни и работе нет ничего необычного...

Действительно, ничего необычного в судьбе Виктора Яковлевича Пуца нет. Родился незадолго до окончания Великой Отечественной войны в 1944 году в селе Мальта Иркутской области. Отец был кадровым военным, мать почти четверть века проработала поваром, сейчас – на пенсии, живёт вместе с ним, единственным сыном. Сразу после окончания семилетки Виктор подаёт заявление в строительное училище, а через некоторое время он уже каменщик в тресте «Кемеровогражданстрой». Шёл ему семнадцатый год, когда сбылась заветная мечта: со взрослыми, опытными людьми бок о бок кладёт кирпич на кирпич, собственными руками возводит стены жилого дома, в котором какое-то время спустя зазвучат голоса новосёлов, ярким светом озарятся вечером уютные комнаты, и он, шагая мимо, будет с волнующим чувством удовлетворения и возвышающего душу восторга смотреть на эти освещённые окна. Вот какой подарок преподнёс он людям! И совсем неважно, что они даже имени твоего не знают. Важно другое: что ты кровно причастен к их радости, к тому, что незнакомые тебе люди обрели свой угол, свой уютный квартирный мир.

Виктор Яковлевич очень любит свою профессию, не скрывает своей гордости ею. С недоумением и лёгкой грустью вспоминает больно кольнувший его в самое сердце случай: – Работали мы как-то на одном объекте, возводили фундамент. Одеты, понятно, не по-праздничному, все в робах... Идёт мимо женщина с мальчиком. И вдруг я слышу, как она говорит ему: «Смотри, Вася, если будешь плохо учиться, пойдёшь на стройку». Обидно мне стало так, что слов не найду...

Мне понятна обида Виктора Яковлевича. Да простится той женщине наивность, с которой она запугивает своего маленького сынишку стройкой. Напрасно она считает, что стройка – это удел недоучек, крепко ошибается. Не стал бы Виктор Яковлевич опытным строителем, если бы не продолжал учиться. Любое современное производство требует не только практических навыков, но и больших теоретических знаний. Научно-техническая революция, борьба за эффективность производства, за высокое качество работы требует от человека труда в наши дни не просто механического исполнения той или иной операции, а творческой инициативы, углубленного проникновения в суть своего дела, умения мыслить.

В этом Виктор Яковлевич убедился на личном опыте. И вполне закономерным было его решение непременно повысить своё образование. А что решено, то в соответствии с его характером должно быть выполнено. Пусть немного позднее, чем другие его сверстники, но в 1969 году, когда ему было двадцать пять лет, уважаемый на стройке молодой каменщик без отрыва от производства заканчивает одиннадцатилетку в вечерней школе. Не как-нибудь там, с грехом пополам, а с грамотой. И опять делает новый шаг по пути к знаниям – поступает на вечернее отделение строительного техникума, причём сразу на третий курс. Учёба и здесь давалась легко, потому что учился с желанием, с охотой. К тому же был уже определённый опыт, немалая практика: возглавлял бригаду из двадцати строителей. И нет ничего удивительного в том, что техникум закончил с отличием.

Недавно Виктору Яковлевичу Пуцу доверили ответственное дело – строительство кемеровского центрального стадиона «Химик», подготовку этого спортивного сооружения к малому чемпионату мира по хоккею с мячом. К слову сказать, именуют его не просто бригадиром, а генеральным, потому что под началом Пуца три объединённые бригады каменщиков и монтажников. Работают все с огоньком, старательно. Работали бы ещё лучше, если бы не подводил поставщик – кирзавод. Проблема взаимоотношений строителей и поставщика волнует сейчас Виктора Яковлевича больше всего. Внешне дело обстоит как будто благополучно, но только на самом кирзаводе. Его рабочие постоянно выполняют план, получают за это премии, а стройки страдают из-за систематического недовоза кирпича. На поддоне часто не хватает семидесяти пяти штук, а десяти – пятнадцати, как система. В итоге – вместо четырёх тысяч штук

кирпича, значащихся по накладной, по которой строительная организация производит оплату кирзаводу, он привозит фактически примерно по три тысячи семьсот. Выходит, что на одной только машине недовоз составляет триста штук кирпича. А если на объект привозят четыре машины кирпича, то вместо значащихся шестнадцати тысяч строители получают на тысячу двести штук кирпича меньше. Это в один день. А сколько набегаёт за месяц? Год?

Вот о какой наболевшей проблеме с тревогой рассказал мне Виктор Яковлевич. Его и как коммуниста, и как принципиального человека до глубины души возмущает неблагоприятная, а сказать сильнее – порочная практика работников кирзавода. На одном из последних пленумов горкома партии, членом которого уже второй раз избрали Виктора Яковлевича, он, не привыкнув шептать в кулак, прямо и резко говорил о существующем на кирзаводе положении. Пленум не оставил без внимания это критическое выступление, были приняты конкретные меры. Но прошло время, критика забылась, и впору снова начинать разговор об этом. Коммунистом Виктор Яковлевич стал пять лет назад.

– Что вам больше всего запомнилось из того времени, когда вас принимали в партию? – поинтересовался я. Мой собеседник задумался на минуту, вспоминая что-то, потом улыбнувшись признался: – Запомнилось другое: как долго и обстоятельно обдумывал я этот вопрос – вступление в партию. Очень готовился к такому серьёзному, ответственному шагу...

Об одном из качеств – самостоятельности, твёрдости характера Виктора Яковлевича я уже знал, а теперь, слушая его рассказ о том, как он внутренне готовился стать коммунистом, понял, что этот человек по натуре строг и требователен по отношению к себе, к своим делам и поступкам.

То время надолго запомнилось Виктору Яковлевичу. Раздумья приходили обычно после трудного, хлопотливого рабочего дня, ночью порой. Приглушались уличные звуки, в квартире было совсем тихо, рядом слышалось спокойное сонное дыхание жены, затихала в своей кровати дочка Леночка, а ему не спалось. Он напряжённо думал, и были эти думы похожи на молчаливый разговор с самим собой. Настоящий коммунист должен быть примером в работе, в быту, бороться против стяжательства и частнособственнических проявлений, против пьянства и хулиганства, бюрократизма и равнодушия, против всех пережитков прошлого, против всего, что противоречит нашей морали. Готов ли ты к этой борьбе? Что греха таить, не всякий оправдывает это высокое звание.

Одно за другим гасли окна в доме напротив, а он всё думал и думал... Так было несколько лет назад, а теперь-то ясно, что напрасны были эти мучительные сомнения относительно себя, своей нравственной готовности быть передовым членом нашего общества, в любой трудный момент повести за собой других. Молодой, тридцатитрёхлетний коммунист стал примером не только своих сверстников, товарищей по работе, к нему с уважением относятся люди постарше, такие, как его бывший наставник Юрий Иннокентьевич Белянин. Хорошего ученика воспитал учитель, и ничуть не считает зазорным работать сейчас под началом своего воспитанника. Да, молод воспитанник, но на верный, правильный путь вывел его Юрий Иннокентьевич: недавний мальчишка-каменщик – член горкома партии, депутат городского Совета, а главное, в отличие от некоторых ветеранов, – прекрасно знающий своё дело, образованный руководитель большого коллектива, одного из самых сильных в тресте.

Основная опора Виктора Яковлевича в этом коллективе – коммунисты. С уважением говорит он о партгруппорге Викторе Михайловиче Мельникове («каменщик-монтажник, толковый парень, учится в институте»), о бывшем фронтовике Николае Петровиче Колтыкове («опытный монтажник, ему доверено следить за поставкой и учётом сборного железобетона»), о недавно пришедшем в бригаду молодом каменщике Александре Зайцеве («он учится в строительном техникуме, парень с перспективой»), о каменщике Сергее Гончарове («он наш художник»), о монтажнике Николае Александровиче Боровкове («опытный, смелый, инициативный»), о сварщиках Леониде Богозее, Леониде Бровко, Алексее Овечкине («много успевают они сделать за смену, и это очень важно, потому что на сварщиках – самая, можно сказать, большая ответственность за прочность сооружения, которое мы строим»).

– Хороший народ у нас, – говорит о своём коллективе Виктор Яковлевич и вздыхает, – но мало его. В бригаде должно быть шестьдесят шесть человек, а их всего сорок четыре. – Чем это объясняется? – Причина одна: большая текучесть кадров. За время моего бригадирства – с 1961 года – количественный состав её остаётся в основном неизменным, но тех, с кем начинал работать, всего четверо. – А в чём, на ваш взгляд, причина текучести кадров? – В тяжёлых условиях труда. Многие не выдерживают. По-моему, надо как-то пересматривать формы материального стимулирования. Возможно, есть смысл ввести существовавшее ранее у строителей положение о выслуге лет. Я считаю, это содействовало бы закреплению кадров... А поскольку не хватает людей, приходится наниматься с некоторыми нарушителями дисциплины. Спросишь такого:

«Почему не был вчера на работе?» – «Голова с похмелья болела». Вот и поговори с ним. Стараемся, конечно, как можем, воспитываем... Я просто не понимаю, как можно не выйти на работу.

Виктор Яковлевич не терпит самого малейшего проявления нерадивости, разгильдяйства, в чём бы это ни выражалось. Совсем недавно, например, состоялся у него серьёзный разговор с проектировщиками, которые в своих чертежах допустили существенные недоработки. Благо, что Виктор Яковлевич отлично разбирается в сложных технических документах, а какого-нибудь менее грамотного бригадира проектировщики могли бы крепко подвести, получился бы брак.

По натуре своей Виктор Яковлевич очень деятельный человек. Не работа ищет его, а он её. Много времени уделяет своим депутатским обязанностям – разбирает просьбы, жалобы избирателей. – Большую радость испытываешь, – откровенно признаётся, – когда чем-то поможешь людям. Приятно сознавать, что люди доверяют тебе, обращаются за поддержкой. Приходилось подчас помогать улаживать семейные неурядицы. Поговоришь по душам с обоими, скрасишь беседу шуткой-прибауткой – смотришь, заулыбались... С этим чувством часто по вечерам выходит он на улицу с красной повязкой на рукаве, чтобы оберегать покой граждан.

Умеет Виктор Яковлевич и хорошо отдыхать. У него много разнообразных увлечений, самое большое – книги. Виктор Яковлевич хорошо изучил постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» и проект Конституции СССР и, выступая, старается доходчиво, популярно донести до слушателей идеи этих документов. В простых, доступных для понимания словах, он раскрывает всемирно-историческое значение Октября, роль партии как руководящей и направляющей силы коммунистического строительства.

От этих выступлений он испытывает истинное удовлетворение, потому что видит своими глазами, с каким вниманием слушает любая аудитория его, человека труда, рабочего, чувствующего себя хозяином своей судьбы.

// Кузбасс. – 1977. – 8 июля. – С. 2.

Критика и библиография

СЛОВА, ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА

Два года назад мне довелось представлять читателям газеты «Кузбасс» молодого кемеровского поэта Ивана Полунина. Во вступительном слове к подборке его стихов я приводил отзыв известного советского критика А. Михайлова о первых поэтических опытах этого автора. Вот что писал А. Михайлов во «внутренней» (издательской) рецензии: «Рукопись Ивана Полунина привлекательна лирической открытостью, искренностью... Он целиком рассчитывает на человеческое взаимопонимание... не рассчитывает, а просто раскрывает душу, если хотите, исповедуется».

И вот перед нами первая книга Ивана Полунина под названием «Февральская свирель», выпущенная Кемеровским книжным издательством. В книге Ивана Полунина подавляющее большинство стихов – это исповедь автора, его рассказ о самом себе, о своей жизни, о своей судьбе. Читаешь эту книгу, и создаётся впечатление, что перед тобой

– дневник, который писался только для самого себя, а потом автор решил обнародовать свои записи. Читать такой дневник интересно, как интересно слушать иного собеседника, умеющего увлекательно, взволнованно рассказывать о том, что он пережил, перечувствовал. Интерес этот подкрепляется ещё и тем, что рассказчик предельно искренен, откровенен, он нисколько не старается возвысить себя в глазах слушателя, он перед тобой такой, какой есть, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Жизненная дорога Полунина была непростой и нелёгкой. На его долю выпало немало суровых испытаний, начиная с самого детства. «Под пламенеющим покровом буран отвластвовал с утра. И вот уже мальчишки снова несутся с криками: «Ура!»... А мне? Лишь стоит вдаль взглянуться, увижу бурые двory... В моё обрубленное детство война входила. Без игры». А началась юность – и длительная оторванность от родных мест, жизнь и труд в северных краях. Вспоминая об этом времени, поэт откровенно признаётся: «И всё во мне живёт южанин, взрывной при всяком пустяке. Хотя давно себе внушаю: мол, так нельзя – не по летам, ведь за спиной – тропа большая. А сколько было срывов там! Не подсчитать. Не трать минуты! Быть может, в северном краю ночной буран да ветер лютый остудят голову твою...».

Как говорит один мой знакомый, мы часто сами выдумываем себе трудности, а потом с энтузиазмом преодолеваем их. Это я к тому: из процитированных выше строк видно, что виной того, почему появилась необходимость остужать свою голову, можно предположить, был сам автор этих строк, его «взрывной»

характер. Но и вдали от дома, от соловьиных курских мест не черствеет сердце, если оно от природы отзывчивое, доброе: «Воробей, замёрзший на лету, камнем пал на жёсткий пласт позёмки... Что его позвало в высоту, разве голос у пичужки громкий?.. Вспоминая хлеб из отрубей, самый чёрствый, с примесью половы, я кормлю не только голубей – всех пичуг, признавших край суровый». А не великое ли горе – узнать в разлуке о смерти любимой матери, не оказаться рядом с ней в её последний час. «Прости, мой край! К тебе незванным гостем я заглянул из вологодских мест побывать в тиши на стареньком погосте, где мамин холм и деревянный крест. Она звала... Да только я не слышал: был далеко от материнских глаз... Но чувствовал, что здесь, под нашей крышей, вершится что-то страшное для нас... Как холодно и как вокруг пустынно! И вот сейчас беспомощно стою. А на виски ложится паутина, хотя июль, июль в моём краю».

Трудностью и сложностью судьбы продиктован главный мотив книги «Февральская свирель» – он, в основном, минорный, даже элегический. Кстати сказать, одно из стихотворений прямо так и называется – «Элегия»:

*Ни письма, ни единого звука...
То ли ты на распутье дорог,
То ли скорый по рельсам простучал,
Полустанком моим пренебрёг?..*

Как видим, и счастливой любовью автор книги похвалиться не может. Подобный же мотив полустанка, мимо которого пронёсся поезд с той, с кем хотелось бы быть вместе, звучит и в других стихах: «Мне и сегодня неизвестно: была ли ты, как все, земной, а, может, – призраком небесным, воображённым тайно мной?». Пусть характер у автора книги неуживчивый, жёсткий, «взрывной» (он и сам не боится признаться в этом), зато сердце, как мы уже упоминали, доброе, чуткое. Оно равнодушно к многообразной красоте природы. Деревня для Полунина – начало его жизни, его приобщения к труду: «И не вправе, как воин бывалый, оставлять без боёв рубежи: я на жатве мужал, у штурвала, от усталости веки смежив». И убедительное обобщение: «Так могу ли не думать о прежнем – о земле, где пожухла земля, если крепким и правильным стержнем одарила деревня меня?»

По приведённым цитатам у читателей может возникнуть впечатление, что Иван Полунин всецело занят одним собой. Это не совсем так. Есть в его «дневнике» и стихи гражданского звучания. Одно из них – «Моя тревога» следует выделить. Удачных строк, радующих точностью, образностью, большой эмоциональностью, в книге много, однако есть в ней и немало совсем неудачных не только строк, а целых стихотворений, вроде «Баллады о связисте», повторяющей существующее в русской поэзии («связист концы (провода) безмолвные нащупал, зубами сжал...»). К существенному недостатку следует отнести и явственную зависимость отдельных стихов от интонаций Сергея Есенина («Мать честная! И впрямь из-за тучи...»), «Отцвело, отпело, отгрустило...»), а также от интонации современного поэта, ныне покойного Николая Рубцова.

Будем считать это ранней данью подражательности (или учёбы), а вообще-то Иван Полунин по праву мог сказать в своём «дневнике»: «В ту ночь февраль тихонько ставню тронул, оставил гравировку на окне: поэзии крылатую корону чудак с рожденья напроорочил мне».

// Кузбасс. – 1977. – 19 августа. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

ЛИРИКА

Как важно, если кто-нибудь, любя,
Храня к тебе почтение большое,
Не очень идеального тебя
Считает не способным на плохое.
Что с грубым говоришь ты, не грубя,
Добром ответить можешь и на злое...
И вот уж сам ты смотришь на себя

Его глазами. Сам ты лучше вдвое...
Как возвышает добрый взгляд на нас,
Как помогает быть к поступкам строже!
Сомнения в себе, что жгли не раз,
Растаяли, развеялись, похоже.
Пусть говорят, что люди не указ –
Их вера в нас всего подчас дороже.

Бывает неприязнь чернее кошки,
 Что пробежит меж кем-то и тобой.
 Как говорят, на узенькой дорожке
 Вам лучше не встречаться – будет бой.
 Но боя нет. И даже нет подножки,
 Что любят ставить подлые душой.
 Не застите друг другу свет в окошке...

Та неприязнь живёт сама собой.
 Не сделал ничего ему плохого,
 И он тебе не сделал ничего.
 А вот поди ж ты – как врага какого
 Не любит он тебя, а ты его.
 И сам не объяснишь себе толково
 Рожденье чувства странного того...

// Кузбасс. – 1977. – 2 октября. – С. 3.

Октябрь в нашей судьбе

СЛАВНЫЕ ВЕХИ

Алексей Максимович Горький как-то сказал, что по существу каждый человек может написать одну книгу – книгу о своей жизни. Это глубоко верная мысль. Ведь жизнь, судьба каждого человека по-своему интересна, своеобразна, неповторима. Окидывая мысленным взором пройденный путь, есть что рассказать и нам, людям старшего поколения, свидетелям и участникам дел и событий в истории нашей Родины, отмечающей сейчас шестидесятилетие Великого Октября.

Хорошо помню длинные зимние вечера своего детства, когда я садился за простой обеденный стол, вооружался карандашом и бумагой, а мать, умаявшись за день, лёжа на кровати, диктовала мне десятки пословиц и поговорок – только успевай записывать. Думаю, что любовь к литературе, и в частности к поэзии, была привита мне именно ею, моей матерью. Однако до собственных литературных опытов тогда было ещё очень далеко. Главной настольной книгой для меня в то время был букварь.

Мы пили сок берёзовый. Взрослели

букваря!

И постигали сущность

С каким вниманьем, сидя у печурки,

Октября...

Смотрели мы при ламповом огне

Нам дорог был будённовец

На комиссара в кожаной тужурке

в шинели,

И на Чапая в бурке, на коне!

Тот, на цветной страничке

Дорогое, никогда незабываемое золотое детство! Оно хранится в памяти, как бесконечно долгий солнечный день, полный всяких увлекательных игр и забав. Только в большом этом мире в те тридцатые годы не всё было так уж спокойно и солнечно. Были ещё живы белогвардейские недобитки, свирепствовало кулачье. Вместе с какими-то радостными новостями радио и газеты сообщали и такие новости, которые тяжело ранили даже детскую душу.

А старый мир увидели мы скоро,

Он, недобитый, рядом где-то был:

Взрывал завод, сжигал живьём селькора,

В декабрьский вечер Кирова убил...

И всё же никому уже не дано было остановить победное шествие Октября. Как ни пытались последыши царского режима ставить нам, что называется, палки в колёса.

Но рос Октябрь Магниткой,

Кузнецкстроем,

Колхозной рожью в поле шелестел,

На самолёте с Чкаловым-героем

Октябрьский гром в Америку летел!

Советская власть утверждала себя, крепла и мужала с каждым годом, с каждым днём и часом. Кому из моих сверстников не помнится до сих пор та далёкая пора, уже пора нашего отрочества, которая мудро была определена словами: жить стало лучше, жить стало веселее. Но уж такой век выпал на нашу долю, что не было в нём спокойных, бестревожных дней. Шли они, эти дни, и приносили к нам, в мирную Советскую страну, запах гари из-за рубежа, где гитлеровские полчища почти церемониальным маршем проходили по восточным странам, задавшись целью покорить всю Европу. У Советского Союза с Германией был в то

время договор о ненападении друг на друга, но все мы, и молодые, и старые, зная коварство фашистов, в душе чувствовали: могут они напасть и на нас.

*Друзья мои! По светлomu раздолью
Мы шли навстречу юности своей,
Но вместо песен выпало на долю
Услышать нам раскаты батарей.
И мы, юнцы, винтовки в руки взяли.
Как не гордиться, вспомнив этот час!
Что Октябрю верны мы –
Доказали
Своею кровью многие из нас.*

Запомнился первый бой, в котором довелось мне участвовать. Это было в апреле сорок второго года в Смоленской области. Приказ был короток и ясен: овладеть высотой под названием Зайцева Гора, высотой, которая господствовала на многие километры вокруг. Деревня Зайцева Гора была уже недалеко, может быть, в километре, а то и меньше от наших наступающих цепей, когда оттуда ударил крупнокалиберный пулемёт. Равнина, по которой мы наступали, была совершенно голой, без единого кустика – прикрытия, и взвод наш залёг. Но приказ надо выполнять, и командир роты, стройный крепыш лет тридцати, решительно поднялся во весь рост и с громким призывом: «Вперёд! За Родину!» стал одного за другим поднимать нас, необстрелянных ещё красноармейцев, недавних школьников.

Про то наступление, спустя много лет, после войны родилось у меня стихотворение, которое дополнит рассказ:

<i>Случайно в мемуарах генерала</i>	<i>Бежали и кричали мы: – Ура-а!</i>
<i>Прочёл и вздрогнул: «Зайцева Гора»!</i>	<i>Стучало сердце. Гром его ударов –</i>
<i>Ведь наша часть её атаковала...</i>	<i>В висках. И вдруг всё тело обожгло.</i>
<i>Всё вспомнил я. Всё было, как вчера...</i>	<i>Померк вдали багровый дым пожаров.</i>
<i>Поляну мокрым снегом укрывало,</i>	<i>День снегопадом чёрным замело...</i>
<i>А там, в селе, на взгорье, немчура.</i>	<i>Я лишь теперь узнал из мемуаров:</i>
<i>Бил пулемёт. Свинцом нас поливало.</i>	<i>Под вечер наши заняли село!</i>

Да, и через много лет было радостно узнать, что господствующая высота всё-таки была тогда занята.

Война прервала моё учение, поэтому, когда я вернулся домой, в Кемерово, демобилизованный в связи с тяжёлым ранением, то на первое время выбрал привычное для себя как недавнего командира взвода ПТР дело – устроился на работу военруком в ФЗУ. На фронте стихов почти не писал, а тут они стали рождаться почти каждый день. Очень хотелось быть поближе к журналистской среде, и я показал свои стихи работникам газеты «Кузбасс». Там моя скромная поэтическая работа вызвала интерес, и мне предложили должность литсотрудника.

<i>Я под огнём смелей, пожалуй, был,</i>	<i>Свой первый в жизни очерк –</i>
<i>Чем в день, когда мечты заветной ради</i>	<i>в полтетради.</i>
<i>Редакции порог переступил,</i>	<i>А через день фамилию свою</i>
<i>Оправив китель, расчесав все пряди.</i>	<i>Увидел я... под маленькой заметкой.</i>
<i>О, счастье, я задание получил.</i>	<i>Смущённый и растерянный стою.</i>
<i>Мечтал об этом, словно</i>	<i>Но радуюсь, как радуются редко!</i>
<i>о награде.</i>	<i>Спешу к родным и чуть ли не пою.</i>
<i>И за ночь с вдохновеньем настроил</i>	<i>Победа будет: удалась разведка!</i>

Весь мир рукоплескал молодому смоленскому парню с обаятельнейшей улыбкой, который – первый на планете – на космическом корабле «Восток» сказал своё всем известное сейчас: «Поехали!». А спустя ещё некоторое время мы, кузбассовцы, приветствовали у себя нашего земляка Алексея Леонова, вслед за Юрием Гагариным совершившего новый подвиг на пути освоения космоса.

<i>Давно ль в Листвянке, там, где поле,</i>	<i>А после в кемеровской школе</i>
<i>Колосьев звон и свет берёз,</i>	<i>Он в жизнь входил, учился, рос?</i>

*Года промчались шумным роем –
И в день ноябрьский, в ранний час
Уже прославленным героем
Он прилетел в родной Кузбасс.*

*Такой земной, обыкновенный.
Но знает, знает вся Земля,
Что это он во мглу Вселенной
Впервой шагнул из корабля!*

Нынешний октябрьский праздник мы отмечаем в год принятия новой Конституции СССР, которая ещё более укрепила советский образ жизни, самый гуманный, самый человечный.

*Что может быть дороже человека!
Он самый ценный в мире капитал.
Его мечты, заветные от века,
Народ в Законе нашем начертал...
Мы славим солнце,*

*ясность небосвода,
Мир, Труд, Свободу,
Братство всех племён...
Таков Закон советского народа,
Во имя счастья созданный Закон.*

Великому Октябрю шестьдесят лет. И каждый его год – это славная веха на этапах большого, яркого пути. С чувством безграничного счастья, с чувством благодарности родной Коммунистической партии, с чувством гордости за дела и свершения советского народа встречаем мы самый радостный праздник.

М. НЕБОГАТОВ. *член Союза писателей СССР.*

// Кузбасс. – 1977. – 7 ноября. – С. 2.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ВАЛЕНТИНА МИНЬКОВА

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей нашей газеты подборку стихов электросварщицы Кемеровского коксохимического завода Валентины Миньковой. Вот что рассказывает о себе она сама: – *Родилась в таёжной деревушке Владимировка Тисульского района. Родители мои были колхозниками.*

Писать я начала неожиданно для себя, когда мне было за тридцать. При поездке в Красноярск я побывала в Дивногорске, съездила на Красноярскую ГЭС и на море. Мой дядя, большой любитель природы, показал мне красивейшие места на Енисее. Я была очарована тем, что мне довелось увидеть. Вот тогда сами собой у меня и получились первые рифмованные строки. Потом судьба свела меня с заводской многотиражной: мои стихи стали печатать в ней.

От себя нам остаётся добавить немного. Если учесть, что работа электросварщика – отнюдь не лёгкое дело, что, придя со смены, приходится хлопотать по хозяйству, ухаживать за детьми (их двое), то можно представить, насколько сильна у Валентины любовь к поэзии. Пусть не всё ещё в стихах совершенно, но зато они по сути своей очень искренни, душевны, правдивы, по-женски обаятельны.

М. НЕБОГАТОВ.

*** **

Валентина МИНЬКОВА.

РОССИЯ

*Я – дочь России. Я люблю Россию.
За то, что был Октябрь в её судьбе,
За то, что оказалась самой сильной
С фашизмом лютым в мировой борьбе.
Люблю её за путь к весне, к простору,
За то, что люди бедные земли
Свою надежду в ней, свою опору,
Свой свет, свою заступницу нашли.*

*Я – дочь России. Я люблю Россию.
За то, что это в мой двадцатый век
Впервые в мире к звёздам в дымке синей
Умчался наш российский человек.
За многое люблю свою Россию.
Её достоинств всех не сосчитать...
А может быть, люблю её столь сильно
И просто так, как дети любят мать.*

*Опять с рюкзаком за плечами
Бреду по тропинке лесной.
А ветки деревьев качают
Июльский полуденный зной.*

*Когда-то здесь матери наши
Не раз умывались росой,
Идя сквозь широкие пашни
С тяжёлою острой косой.*

Мне кажется, эти берёзы,
 Что встали сплошной стеной, –
 Проросшие женские слёзы,
 Что пролиты этой войной.
 Здесь тяжкая доля солдатки
 Полита слезами не раз.
 Здесь плакали молча, украдкой,
 И в голос ревели подчас.
 И здесь в час обеда делили
 Буханку на десять частей

Поклон вам, воины Отчизны.
 За долю лучшую мою
 Вы не жалели сил и жизни
 В священном, праведном бою.
 За мирный труд, за смех наш звонкий,
 За свет в распахнутом окне

И часть свою к ночи хранили
 Для нас, малолетних детей...
 И вот я сама уже мама.
 Давно отгремела война.
 А в голову лезет упрямо:
 «За хлеб тот я маме должна.
 За хлеб тот, политый слезами,
 Пропитанный потом не раз,
 Всю жизнь я должна буду маме,
 Чей подвиг велик без прикрас».

Шли в бой мальчишки и девчонки,
 И кто сейчас ровесник мне.
 Не долюбили, не допели,
 У опалённой пав травы,
 Чтоб от цветов поля атели,
 А не от пролитой крови.

// Кузбасс. – 1977. – 4 декабря. – С. 4.

КНИГА ЖИЗНИ

Дни, как интересные страницы
 В многотомной летописи лет.
 Всё, что было, в памяти хранится,
 Всё в былом оставило свой след.
 Мир страниц широк, разнообразен,
 Не поблёк от пыли старины.
 На одних – суровый Стенька Разин
 И его весёлые челны.
 На других – отряды Пугачёва,
 Дым пожаров, а затем – помост...
 Вольность – недосказанное слово –
 Не сумела выпрямиться в рост.
 Лишь Октябрь, надевший портупею,
 Остриём ружейного штыка
 Начал строки, начал эпопею
 О свободе. Той, что на века.
 С этих дней в лучах державной славы,
 Ничего от мира не тая,
 Создаём мы солнечные главы
 В книге жизни, в книге бытия.
 В этих главах – запах дыма, гари,
 Над рейхстагом стяг, победный гром.
 В этих главах – наш герой Гагарин
 Над планетой в космосе седом.
 Породнилось зарево Магнитки

Со Вселенной, звёздами её.
 Башенные краны – не зенитки –
 Оттеснили прошлого старьё.
 В нашей книге – планы и пометки,
 Что должны мы завтра совершить.
 В ней – в ряду все наши пятилетки,
 Им в душе и сердце жить да жить.
 В нашей книге – ливни и морозы,
 После ночи праздничный рассвет.
 В ней – родные русские берёзы
 Рядом с мощью – стрелами ракет.
 В нашей книге – Ленина заветы,
 Зов партийный, что ведёт вперёд.
 Пишут эту книгу и поэты,
 И рабочий класс, и весь народ...
 Вот и вновь последняя страница
 Года, что прошёл – уже в былом.
 Серебристый снег в окне искрится.
 В серебре – бокалы за столом.
 Новый год – к нему любой причастен –
 Открывает первую главу...
 С Новым мирным годом,
 С новым счастьем,
 С доброй зимней сказкой наяву!

// Кузбасс. – 1978. – 1 января. – С. 4.

ВСТРЕЧАЙ УЛЫБКИ НАШИ...

Майский праздник нынешнего года,
 Кумачовым пламенем горя,
 Озарён, как солнечным восходом,
 Юбилеем славным Октября.
 Оттого наш Май ещё роднее.
 Свет его свершений и побед
 Величавей, ярче и виднее
 С высоты шестидесяти лет...
 Майский праздник нынешнего года
 Светит людям заревом огней

С кемеровских строек и заводов,
 Как салютом юбилейных дней.
 Кемерово, милый сердцу город,
 Бывший захолустьем город-сад,
 В дни весны по-юношески молод
 И в свои седые шестьдесят...
 Первомай! Встречай улыбки наши,
 Трудовой наш рапорт принимай!
 С каждым годом будь красивей, краше,
 Весь в лучах, в лазури, Первомай!

// Кузбасс. – 1978. – 1 мая. – С. 1.

НОВЫЕ СТИХИ

Нет, душой не ожирели
 Мы на склоне дней:
 Любо трелей ожерелье
 Нам среди ветвей!
 Небо чуть лишь розовато,
 Зорьки не видать,

Но от птичьего раската
 В мире благодать.
 Зелень, звуки – всё смешалось
 В зове громких стай:
 Что ты, зорька, задержалась?
 Где ты? Расцветай!

Прохладно в доме, как зимой, –
 Он окнами на север.
 За лесом с глянцевою каймой,
 Как снег, белеет клевер.

Но лес, поля и пыль дорог
 Под ярким, жарким светом.
 Пахнёт в окошко ветерок –
 И пахнет лето летом!

Всю ночь сегодня грозно грохотало.
 Гром бил, стучал – как пьяный по столу.
 И вроде раскалённого кинжала
 Врезалась резко молния во мглу...
 И удивиться можно перемене:
 С утра такая тишь! И час, и два.
 Как неживая, где-нибудь на сцене,
 Недвижно стынет влажная листва...

Но снова по макушкам тополиным
 Прошёлся дружный шум от ветерка,
 И, как стада овечек по долинам,
 По высям потянулись облака.
 Гроза, как видно, за ночь не успела
 Отпраздновать. Решила пир продлить.
 Проглядывает солнышко несмело,
 Смирясь с тем, что снова ливню лить.

Вспоминается часто такое
 Без особых причин или дат:
 Наслаждаясь прохладной рекою,
 В ней купаются двое солдат.
 Хоть не братья, а очень похожи,
 Даже странно на это глядеть:
 До чего же они белокожи,
 На лице да на шее лишь медь.

Рады волнам, как девичьей ласке,
 В жарком свете июньского дня,
 Каждый – словно в коричневой маске,
 Кувыркаются, как ребятя.
 Позабыли о взрывах и схватках.
 Бьют по волнам, напомнив детей,
 Бьют руками, как в тёмных перчатках,
 С бронзоватым загаром кистей!

День в лазоревой рубашке.
На лугу пчелиный гуд.
Дунет ветер – и ромашки
Сами под ноги бегут.

От цветочного поклона
Сердцу хочется в полёт.
А с крутого небосклона
Солнце льёт душистый мёд.

// Кузбасс. – 1978. – 9 июля. – С. 3.

КОГДА ШАХТЁР СПУСКАЕТСЯ В ЗАБОЙ

Когда шахтёр спускается в забой,
Мечта его о том, чтобы держава,
Озарена счастливою судьбой,
Над миром возвышалась величаво...
Когда шахтёр спускается в забой,
В душевном устремлении высоком,
То эшелоны с углем и рудой
По всей стране бегут сплошным потоком...
Когда шахтёр спускается в забой
И трудится там с жаром неизменным,
То и любой из нас – пусть не герой –
Стремится быть в работе вдохновенным.
Когда шахтёр спускается в забой
И в глубине земли штурмует горы,
То всё светлей под звёздной высотой

Земные наши мирные просторы...
Когда шахтёр спускается в забой
В любой из дней – морозно или знойно, –
То космонавты в бездне голубой
Работают легко, бесперебойно...
Когда шахтёр спускается в забой,
Когда он за машиной, словно дома,
То дипломат советский спор любой
Ведёт спокойно, твёрдо и весомо...
Когда шахтёр спускается в забой,
Туда, где фронт работ его всё шире,
То все мы, вспоминая прошлый бой,
С большой надеждой думаем о мире.

// Кузбасс. – 1978. – 27 августа. – С. 3.

СВЕТ ДОБРА

Год прошедший был, как мирный воин,
Чей всегда не прост, но славен путь.
Знаем все: по праву он достоин,
Чтоб его хорошим помянуть.
Дерзким устремлением к высотам
Озарён был год в разбеге дней –
Перед самым длительным полётом
В космосе советских кораблей.
Этот подвиг долго помнить будем,
Думая о дальней звёздной мгле.
Но особо честь и слава людям,
Что вершат свой подвиг на Земле.
Это им идти сплочённым строем,
Согревая мир своим теплом.
Им светить лучами по забоям
И поля засеивать зерном.

Им нести всё дальше наше знамя,
Быть в работе жаркой, как в бою,
Общими и личными делами
Прославляя Родину свою...
Снежным блеском искрится дорога,
Словно лист бумаги, где опять
Предстоит нам очень, очень много
Ярких слов о жизни написать.
Белизной снежинок шаловливых,
Нарядив деревья в кружева,
С обещаьем дней больших, счастливых
Новый год вступил в свои права.
Пусть же он, шагающий по миру
К внешней сини солнечных высот,
В каждый дом и в каждую квартиру
Свет добра и счастья принесёт!

// Кузбасс. – 1979. – 1 января. – С. 1.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы жили с весны на степном полигоне,
 Курсантами были. И вот –
 По звёздочке новой на каждом погоне.
 У каждого должен быть взвод.
 Забыта казарма с постом у порога,
 Далёк её тихий уют.
 Любого в дороге волнует тревога:
 «Что будет там – ранят, убьют?».
 А летнее солнце печёт беспощадно,
 Пылает, да так горячо,
 Что кажется в этой степи неоглядной:
 От раны заныло плечо...
 Прорвались машины до нужной стоянки,
 Затихли моторы. Слезай!
 Выходит майор пожилой из землянки.
 – Передний не нюхали край?
 Спросил так, наверно, одним озабочен,
 Лишь глянув на нашу семью:
 Мол, парни что надо, но молоды очень,
 Не струсят ли в первом бою?
 Вот начал знакомство. Беседы недолги.

Майор всё вниманье напряг.
 Спросил он у друга:
 – Откуда ты? – С Волги.
 – А ты? – у меня. – Сибиряк.
 Я думал: он с нами начнёт проволочку.
 – Тебе... – Помолчал офицер.
 И твёрдо поставил последнюю точку:
 – Дадим тебе взвод ПТР...
 Одно было ясно, одно лишь понятно,
 Что дело совсем не во мне,
 А в тех земляках моих, кто многократно
 Прославил Сибирь на войне.
 Сибирь! В этом гордом солдатском девизе
 На честь и вниманье права,
 О ратных победах сибирских дивизий
 Гремела в то время молва.
 И доблесть сибирская – явь, не поверье,
 Тут лишнего нет ничего...
 Спасибо, товарищ майор, за доверье!
 Суметь оправдать бы его.

// Кузбасс. – 1979. – 23 февраля. – С. 1.

В ЛУЧАХ СЛАВЫ

Я стих, как знамя, поднимаю,
 Как вешнюю зарю.
 И другу молодости – Маю
 От всей души дарю.
 Не только, солнышком согреты,
 Весной звенят ручьи –
 У Мая каждого приметы
 Особые, свои.
 Пусть голоса детишек звонко
 Летят из края в край!
 В Международный год ребёнка
 Встречаем нынче Май.
 С весной счастливое соседство,
 Как вечной жизни зов,
 Берёт в наследство наше детство
 От дедов и отцов.
 А жизнь – у новых дней в разведке,
 В работе, как в бою.
 Полвека наши пятилетки
 Стоят в одном строю.

Стоят, как памятники-слитки
 Делах далёких лет,
 От Кузнецкстроя, от Магнитки
 Шлют бамовцам привет.
 И свет Великого почина
 Доныне не угас –
 Шестидесятой годовщиной
 Горит в сердцах у нас.
 Чем славен наш народ-работник,
 Мир видел, как всегда –
 Недавний ленинский субботник
 Был праздником труда.
 Живём, работаем на совесть,
 У всех – один маршрут.
 Мы вдохновенно пишем повесть
 С названием «Жизнь и труд».
 И Маю повести той главы
 Мы дарим: принимай!
 В лучах державной нашей славы
 Ты вдвое краше, Май!

// Кузбасс. – 1979. – 1 мая. – С. 1.

ПРИЗЫВНИКИ

Апрель сорок первого года
 В теплушке встречал призывник.
 Как он к синеве небосвода
 За детство и юность привык!
 Из отчего края – Сибири –
 Мы ехали в свете зари.
 На горы, привольные шири
 Смотрели, толпясь у двери.
 В одежде пока ещё штатской,
 Но в чём-то армейцы уже
 Мы к службе нелёгкой солдатской
 Все были готовы в душе...
 Сперва, от предгорий Урала –
 Ложбинки местами в снегу,

К закату в первый день войны,
 Когда сражение стихло вроде,
 Нам в ожиданьи тишины
 Казалось: силы на исходе.
 Одним желаньем всех бойцов
 Сковала страшная усталость:
 Уснуть и спать без всяких снов,
 Покуда гром отхлынул малость.
 Пусть враг коварен и силён
 Со смерчем огненного вала,

А там уже в лето вступала
 Весна на зелёном лугу.
 Когда ж украинские хаты
 Блеснули своей белизной,
 Забыли мы снежные скаты –
 Здесь пыль на дорогах. И зной.
 Нам вслед ребятишки махали
 И женщины в лёгких платках.
 Ни тени тоски и печали –
 Улыбки цвели на губах...
 Сияло апрельское солнце,
 И думать не думалось мне,
 Что мирный наш поезд несётся
 Навстречу Великой войне.

22 ИЮНЯ

Но уничтожен будет он,
 Как на Руси не раз бывало.
 Все знали это. Одного
 Никто не знал – сама столица, –
 Какой же срок со дня того
 Война кровавая продлится.
 Едва ль представить кто-то мог,
 Что жизнь и труд такого рода,
 Когда ты за день изнемог,
 На долгий срок – четыре года...

// Кузбасс. – 1979. – 9 мая. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

РЕКА

Не каждая излучина
 На жизненной реке
 Проверена, изучена
 Вблизи и вдалеке.

И надобно быть смелыми
 И сил иметь запас –
 С порогами и с мелями
 Встречаться нам не раз!

УДАЧИ

Что-то в жизни безмерно любя,
 Ставь уму посложнее задачи.
 В каждом деле без веры в себя
 Невозможно добиться удачи.

Усомнишься с преградой в борьбе –
 Продолжай до последнего биться.
 И без этих сомнений в себе
 Невозможно удачи добиться.

ОДАРЁННОСТЬ

Одарённость – это не находка,
 А природой нам она дана,
 Как черты лица, глаза, походка,
 Смуглость кожи или белизна.

Иногда нужны кому-то годы,
 Чтоб случайно, вдруг в себе самом
 Обнаружить этот дар природы
 И развить его большим трудом.

// Кузбасс. – 1979. – 5 августа. – С. 4.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Равновесие

Лишь станет пусто в шалаше,
Лишь листопад отколобродит,
Всё в равновесие приходит
В самой природе и в душе.

На много месяцев вперёд –
Метель, мороз, снегов сиянье.
Спокойно наше ожиданье
Весны, чей так далёк черёд.

В начале осени

В начале осени,
У кромки лета
В небесной просини
Всё меньше света.

Зато у города
Лик всё светлее
От жара-золота
В любой аллее.

Не объяснить никак пока
Неуловимое в природе:
И днём, при солнечной погоде,
В лучах разлита грусть, тоска.

Наверно, это потому,
Что всё желтей, пустынной чащи,
Что солнце прячется всё чаще
В густые тучи, в полутьму.

Костры

Сжигают дворники листву.
Куда лишь взгляд ни кинем –
Уходит лето в синеву
Дымком таким же синим.

Листве до снега, до зимы
Лететь куда попало...
И долго будем помнить мы
Печальный запах пала.

На стерне

Осень – грусть о том, что было
И чего не стало...
Нету в солнце силы, пыла,
День встаёт устало.
А давно ли, а давно ли,
Летом, знойным летом,
Небо вольное, как поле,
Озарялось светом.
Клён – с поникшей головою.
Грустное обличье.

Не звенит уже листвою,
Славя пенье птичье.
Не зовёт нас ягод сладость
После тёплых ливней...
Всё же есть большая радость
И порой предзимней.
На стерне, где листьев замаять,
Радости не прячем:
Хлеб, что скошен, – это память
О труде горячем.

// Кузбасс. – 1979. – 28 сентября. – С. 4.

ПОГОЖЕЕ УТРО*

У речки синей на опушках
И там, где в инее поля,
В листве опавшей, как в веснушках,
Заиндевшая земля.
На землю день приходит новый.
Октябрь. Начало октября...
Над серой крышей сок вишнёвый

Из тучки выжала заря.
То солнца труд неугомонный!
Меняет в небе он цвета –
Вишнёвый вылился в лимонный,
И в нём, как искорка, звезда.
А рядом – чист, прозрачен, колок,
Осенним холодом прошит

* – рядом с названием стихотворения – рисунок Владимира Небогатова, сына поэта (Примечание Н. Инякиной)

Ночной серебряный осколок,
Осколок месяца дрожит.
А свет всё шире. Тополь хмурый
Расправил грудь перед зарёй.
Назад минуту был он бурый,
Вдруг стал лучисто-золотой.

Ещё не брызнуло пунктиром
Сиянье первого луча,
А день уж в облачке над миром
Взметнул кусочек кумача!
// Кузбасс. – 1979. – 2 октября. – С. 4.

ПОД СЕНЬЮ КУМАЧА

Нам дорог каждый год, что прожит
За часом час и день за днём,
Он нас волнует и тревожит
Тем, что заветным было в нём.
Мы, открывая в Новый двери,
Не можем старый зачеркнуть, –
И обретенья, и потери,
Весь за год пройденный свой путь.
И этот, семьдесят девятый,
Который старым стал сейчас,
Он не одной какой-то датой
Сегодня памятен для нас.
Весь год наполнен был борьбою
За то, чтоб мир не тлел в золе,
Чтоб он счастливою судьбою
Стал для живущих на земле.
Но позабудется ли нами,
Как над землёю смерть вилась –
В далёких джунглях, во Вьетнаме
Детей безвинных кровь лилась,
Смолкал их смех, звучащий звонко
У речки, в доме, во дворе –
В Международный год ребёнка,
В год, посвящённый детворе...
Забыть ли нам, что год венчало
Решенье западных держав –
На нас ракет направить жало,
Сердца людей тревогой сжав.
Но мы – не робкого десятка,
Есть чем ответить господам...
Мы верим: верх возьмёт разрядка,
Идти по нашим ей следам.
Хоть не покончить мигом, разом
С угрозой новых бед, невзгод,

Мы всё же верим в здравый разум,
Вступая в Новый добрый год.
И вся планета, как и прежде,
На нашу Родину глядит
В неугасающей надежде,
Что мир на свете победит.
Нет, не по щучьему веленью
Он утвердил себя вполне,
А по великому стремленью
Отрезать все пути к войне!
Живём заботой этой главной,
Всё подчиняя ей одной –
Чтоб красен был работой славной
Грядущий день страны родной.
Мы к сто десятой годовщине
Со дня рожденья Ильича,
Как будто к солнечной вершине,
Идём под сенью кумача.
Недаром ленинское знамя
Горит призывно столько лет:
В нём свет достигнутого нами
И зори будущих побед.
Год Новый держит на заметке,
Открыто радуясь тому,
Чтоб завершеньем пятилетки –
Высокой вехой – быть ему...
Не век лежать снегам наносным,
Кружить метели у ворот –
К сиянью солнца, к синим вёснам
Зовёт нас каждый Новый год.
Пусть и он, восьмидесятый,
Как было много раз в былом,
Нас вдохновит мечтой крылатой,
Согреет счастьем и теплом!

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1980. – 1 января. – С. 1.

Как жгучий воздух щёки режет!*

Как он глаза слепит – до слёз!

А у вокзала стон и скрежет

С путями смёрзшихся колёс.

Возьми ведро с водою льдистой –

И прикипит оно к руке.

Как в шубе тёплой и пушистой,

Деревья в пышном куржаке.

Желтеет солнце в дымке синей.

Весь день оттуда, с высоты,

Летит, мерцая, лёгкий иней,

Ложась узором на кусты.

И как сладка в минуты эти,

Когда всё стынет на земле,

Мысль о тепле, о ярком свете,

О крепком чае на столе.

А января всё злей угроза,

Ему такой простор открыт,

Что даже небо от мороза

Румянцем под вечер горит!

// Кузбасс. – 1980. – 3 января. – С. 4.

* – фрагмент стихотворения «Морозный день». Стихотворение полностью см. в этом сборнике на с. 108. (Примечание Н. Инякиной).

НЕТ-НЕТ И КАПЛЯ УПАДЁТ...*)

Всё раньше, дымкою окутан,

Свет озаряет небеса.

Февраль, как стужей ни лют он,

Дня прибавляет три часа.

Свирепый, словно волкодав,

К закату дремлет у дороги,

Её до глади обглодав.

Как ни беснуются метели,

Синь застилая белой мглой,

А только скрылись, улетели –

И пахнет оттепель весной.

Мир без особенных расцветок,

Но ближе всё тепла черёд –

В саду с блестяще-льдистых веток

Нет-нет и капля упадёт.

Не зря в народе бокогреем

Зовут заснеженный февраль...

И мы душой над стынью реем,

В мечтах стремимся к солнцу, вдаль.

// Кузбасс. – 1980. – 1 февраля. – С. 4.

СОЗДАВАТЬ ХОРОШИЕ КНИГИ

Состоялось отчётно-выборное собрание писательской организации Кузбасса. Выступивший с докладом её ответственный секретарь В. Мазаев проанализировал творческую работу организации за три года.

Созданные писателями произведения, такие, как роман «Капля света» В. Ворошилова, «Запсиб – железная держава», «В огороде баня» Г. Емельянова, публицистика Г. Юрова, произведения В. Махалова и З. Чигарёвой, смело вторгались в самые острые и главные проблемы жизни сегодняшнего Кузбасса. Удачей следует назвать поэтический сборник «Дыхание земли родимой», представивший многие произведения, созданные поэтами в разные годы.

Большое внимание В. Мазаев уделил творчеству молодого пополнения. Речь шла о деятельности студии «Притомье», которой руководит поэт Г. Юров, о той работе, которую ведёт на страницах газеты «Комсомолец Кузбасса» поэт М. Небогатов, о семинарах для молодых литераторов. Отмечалось, что прозаики и поэты не замыкаются в своей творческой лаборатории, с читателями они встречаются часто. За три последних года таких встреч проведено более 1200. Прошли недели литературы в Новокузнецке и Кемерове. Творческий отчёт И. Киселёва перед студентами и преподавателями Кемеровского университета, транслировавшийся областным телевидением, стал праздником для любителей поэзии.

*) – в газете пропущена одна строчка после первого четверостишия (Примечание Н. Инякиной).

Сегодня в писательской организации области 15 членов, пять из них пришли в Союз в последние три года. Есть все основания быть уверенными, что писательская организация обладает необходимыми качествами, чтобы и впредь достойно выполнять свою задачу: с помощью зрелых в идейном и художественном отношении произведений нравственно воспитывать советских людей.

Развернувшиеся по докладу прения показали понимание писателями своих коренных задач. Выступившие Ю. Могути, В. Куропатов, Г. Емельянов, В. Махалов, А. Срывцев, З. Чигарёва, Г. Юров, Е. Цейтлин с принципиальных позиций обсудили положение дел в организации, взволнованно говорили о проблемах, их волнующих, критиковали то, что мешает работе.

Орган писательской организации альманах «Огни Кузбасса» за последние годы стал содержательнее, боевитей, обрёл авторитет среди читателей. Улучшилось и его внешнее оформление. Однако альманах ещё не превратился в подлинную публицистическую трибуну. Недостаточен у него авторский актив, не все члены редколлегии работают активно.

Выступавшие говорили о проблемах воспитания молодого пополнения писательских рядов, о необходимости проявлять большую требовательность и взыскательность в работе с молодыми. Шла речь и об активном участии писателей в общественной жизни области, об установлении более тесных связей с другими творческими отрядами Кузбасса. Серьёзным упреком прозвучало признание, что ни в драматические театры, ни в театр оперетты на протяжении ряда лет не поступает пьес, сценариев или инсценировок, показывающих жизнь нашего края. Тревожит также, что в последние годы заметно ослабла творческая связь писателей Кузбасса с собратьями по перу из соседних областей и краёв, сократилось число встреч, меньше стало поездок друг к другу.

На собрании выступил секретарь правления Союза писателей РСФСР М. П. Шевченко. Он обратил внимание писателей на решение таких кардинальных задач, как создание яркого образа положительного героя, раскрытие сегодняшней многогранной и напряжённой жизни рабочего Кузбасса, показ внутреннего мира советского человека во всей его сложности, показ советского образа жизни. Более высокой общественной активности и целеустремлённости – вот чего вправе ждать от писателей партийная организация Кузбасса, тем более что одиннадцать из них – коммунисты.

В работе собрания принял участие секретарь областного комитета КПСС П. М. Дорофеев. В своём выступлении он отметил, что областная партийная организация всегда рассматривала писательский коллектив как бойцов переднего края на идеологическом фронте, ибо по силе эмоционального воздействия ничто не может сравниться с литературным произведением. Он призвал прозаиков и поэтов искать темы для своих произведений в тех сложнейших экономических и морально-нравственных проблемах, которые решают сегодня труженики Кузбасса. – Этих проблем много, они остры, и их надо поднимать в литературно-художественных произведениях. Литератор не вправе замыкаться, уходить в сторону от той духовной жизни, которой живёт сегодня страна, а областной комитет КПСС оказывал и будет оказывать впредь необходимую помощь и поддержку областной писательской организации, – говорит П. М. Дорофеев. – В частности, решается вопрос о создании в Кемерове Дома творческих работников, что позволит положительно решить проблемы общения творческой интеллигенции.

Красной нитью через многие выступления проходила мысль – задача у писателей одна – создавать хорошие книги.

Ответственным секретарём Кемеровской организации Союза писателей РСФСР избран В. Мазаев.

В. РУДИН. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1980. – 21 февраля. – С. 4.

Календарная страница. МАРТ.

ХРУСТАЛЬ СОСУЛЕК НАД ОКНОМ...

Хоть ярко солнце спозаранку,
Хоть даль прозрачна и ясна,
А рано ветру петь веснянку,
Лишь календарный март – весна.
Сперва её приметы робки:
Хрусталь сосулек над окном

Да кое-где на белой тропке
Лежит проталина пятном.
Ещё метель широким валом
Способна скрыть и синь, и свет,
Ещё снега кругом навалом –
Зимы сибирской прочный след.

И всё же он, наш климат здешний,
Весне подвластен, в дружбе с ней:
Неповторимый запах вешний
Всё ароматней и вкусней.
Снег ослепительно искрится.
Весна уж тем берёт своё,

Что может курица напиться
Из первой лужицы её.
Зима дошла уже до точки
Под низким облачным шатром.
О том капли молоточки
Звенят весёлым серебром.

// Кузбасс. – 1980. – 1 марта. – С. 4.

Календарная страница. МАЙ.

ОБЛАКА ЧЕРЁМУХ...

Первой зелени кругом,
Слитой с бирюзою,
Салютует майский гром
Первою грозою.
За набегом туч следя,
Рощи, скверы, парки
Струи звонкого дождя
Ловят, как подарки.
Дождь польёт леса, поля,
Благодатный, спорый –
И умытая земля
Дышит каждой порой.
Солнце в полдень горячо...
Но, с морозом сродный,
Вдруг да выпадет ещё
Утренник холодный...

Чуть лоснится листьев бязь.
А просёлком торным
Пыль, по-летнему клубясь,
Стелется просторно.
Весь наполнен новизной,
По своим приметам
Май в союзе и с весной,
И с недалёким летом.
Он шагает по земле
С солнцем за плечами,
По утрам в таёжной мгле
Щурится лучами.
В честь него и там и тут,
В зарослях-урёмах
Белоснежные цветут
Облака черёмух!

// Кузбасс. – 1980. – 2 мая. – С. 4.

КЕПКА

Он был на фронте все четыре года
За много вёрст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.

Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слёз,
Ту кепку доставала и вдыхала
Любимый запах пота и волос.

УДИВЛЯЛО НЕМНОГИХ...

Сразу после войны удивляло немногих:
Среди шумного люда в базарные дни
Часто видели мы инвалидов безногих –
На дощечках колёсных катались они.

А теперь, к удивленью, их видно не стало,
Будто все под крутую попали волну...
Да, как мало им мирное солнце сияло,
Ненадолго они пережили войну.

КИНОХРОНИКА

Смотришь кинохронику военную –
И дивишься снова, как тогда:
Ох, какою силищей страшенною
Шла на нас фашистская орда!

До сих пор, наверно, непонятною
Кажется иным России суть:
Как она смогла – невероятное! –
Этой силе голову свернуть?

ТРЕВОЖЕН МИР

Гул самолёта ловит ночь глухая,
Напоминая давнюю грозу,

Где «юнкерс» выл, прерывисто вздыхая,
Как говорил: Везу-у, везу-у, везу-у...

Мы и без воя знали, что он вёз-то:
Груз для бомбёжки, не дровишек воз...

Пора забыть бы это, да не просто:
Тревожен мир от ядерных угроз...

// Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.

Календарная страница. ИЮНЬ.

ЛЕС БЕРЕНДЕЕВОЙ СКАЗКОЙ...

Жаркое солнце в наследство
Принял от мая июнь,
Звонкий, беспечный, как детство,
С облачком белым, как лунь.
Рано заря зацветает
В кипени листьев и трав.
Облачко в полдень растает,
Знойною дымкою став.
Грезит душистым покосом
Луг за раздольем дорог.
Нежно лозинки по косам
Гладит речной ветерок.
Вот она, речка-то, рядом.
Рада, что снова теплынь.
Зеркалом синего взгляда
Ловит небесную синь.

Славно прохладною лаской
Жгучий загар освежить!
Лес Берендеевой сказкой
Манит по тропкам кружить.
Где-то за дальней опушкой,
Где ключевая вода,
Эхо играет с кукушкой,
Жизни считает года...
В чаще, грозой обновлённой,
Зелень так сочно ярка,
Что и сам воздух – зелёный,
Радужный даже слегка.
Тянутся к солнцу листочки,
Щебетом славят они
Самые краткие ночи,
Самые длинные дни!

// Кузбасс. – 1980. – 1 июня. – С. 4.

Календарная страница. ИЮЛЬ.

ДОЖДИНКАМ МИР ЦВЕТУЩИЙ РАД...

Как из десятков сотен сит,
Из лёгкой тучки, проходящей
По-над рекой, лесною чащей
При солнце дождик моросит.

Дождинкам мир цветущий рад.
Они на вид лучисто-юны,
Блестят, стройны, как арфы струны,
И нежно, тоненько звенят.

Как в речку невода
В надежде – быть с уловом
Я в жизнь за добрым словом
Закидывал года.

Всё время жил мечтой:
Другим везёт, и мне вот
Сейчас подарит невод
Блеск рыбки золотой!

Надоело солнцу печь,
Ветру – жаром дуть.
День решил в тени прилечь,
Отдохнуть – и в путь.
В белой облачной чалме,
Взорам всем открыт,

День июльский на холме
Крепко, сладко спит.
Ничего не слышит он
Сквозь глубокий сон –
Лишь кузнечиков трезвон
С тишь в унисон.

// Кузбасс. – 1980. – 1 июля. – С. 4.

В ДОБРЫЙ ЧАС!

В добрый час, Олимпиада!
 Даже солнце в синеве
 Светом ласкового взгляда
 Улыбается Москве.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это красочный собой
 Блеск спортивного парада
 На планете голубой.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это слитный шум трибун,
 Наподобье водопада,
 В честь того, кто молод, юн.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это зов – добро вершить,
 Это вера в то, что надо
 Всем народам в дружбе жить.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это труд, который мил,

У спортивного снаряда
 Напряжение всех сил.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это смелость, ловкость, стать,
 Не позёрство, не бравада,
 А стремленье побеждать.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это звонкий клич к борьбе,
 Олимпийская награда
 За уверенность в себе.
 В добрый час, Олимпиада!
 Это всем бойкотам «нет!»
 Это радость и отрада,
 Взлёт рекордов и побед.
 В добрый час, Олимпиада!
 Этот праздник, свет его –
 Тёмным силам всем преграда,
 Мира, братства торжество.

// Кузбасс. – 1980. – 19 июля. – С. 4.

«КАКОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИМ...»

Поэзия на страницах «Комсомольца Кузбасса»

Вначале небольшой экскурс в историю, имеющий прямое отношение к теме статьи. Это было тридцать пять лет назад. Только что окончилась Великая Отечественная война, на которой довелось побывать и мне. Вернувшись в свой родной город Кемерово, я стал разыскивать старых друзей, с кем ещё на школьной скамье вёл жаркие споры о поэзии. В кармане моей шинели сиротливо лежала объёмистая тетрадка стихов... Не удивительно, что вскоре я оказался в редакции газеты «Кузбасс». В ту пору в газете стали появляться объявления о проведении литературных «сред», печатались сведения о теме занятий на предстоящей «среде» и довольно подробные отчёты о прошедшей. На огонёк «сред» приходили молодые литераторы, в иной вечер собиралось человек до тридцати.

Строгость и нелюдимость были характерной чертой наших «сред», и это определило основной состав их участников: на занятия литгруппы со временем стали приходиться только те, кто работал очень серьёзно. Никто не читал нам лекций о рифме, образе, метафоре – обо всём этом мы уже знали сами. Убеждён, что судьбу того или иного литератора во многом решает самостоятельная учёба и подготовленность, нельзя надеяться, что кто-то когда-то откроет тебе глаза на суть поэзии или прозы. И ещё я твёрдо убеждён вот в чём: «литсреды» при газете «Кузбасс», регулярные публикации в ней произведений начинающих авторов сыграли огромную, если не решающую роль в появлении на нашей Кузнецкой земле её собственных певцов, таких, как лауреат Государственной премии СССР писатель Александр Волошин, поэт Евгений Буравлёв, прозаик Геннадий Молостанов. Без преувеличения можно сказать, что их произведения шагнули в большую литературу со страниц газеты «Кузбасс»...

В созданной около года назад при нашей молодёжной газете литературной студии «Притомье» нам, литераторам старшего поколения, видится повторение нашей далёкой молодости: то же изобилие имён, та же творческая активность в них. Повторится, видимо, и другое: не все из нынешних многочисленных членов студии станут в будущем профессиональными художниками слова, но одно здесь несомненно – именно из этого отряда молодых студийцев выйдет кто-то на большую литературную дорогу. Вот поэтому-то важно не проглядеть нам этого «кого-то», уже сегодня заявляющего о себе своей незаурядностью, даровитостью. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что в отличие от той литгруппы при редакции «Кузбасса» литературная студия «Притомье» создана в более благоприятных условиях: она постоянно в поле зрения областной писательской организации.

Первая публикация литературной страницы студии «Притомье» в «Комсомольце Кузбасса» появилась в номере за 16 октября прошлого года. К настоящему времени насчитывается более десятка печатных выпусков «Притомья», в которых представлены поэтические произведения двадцати четырёх стихотворцев – и дебютантов, и тех, кто уже знаком читателям по выступлениям в периодической печати, а также по первым своим книжкам. В одной газетной статье мы, естественно, не можем объять необъятное – проанализировать стихи всех авторов, поэтому просим не обижаться тех, кто останется неупомянутым.

Одной из самых заметных черт, присущих почти всем авторам, является довольно высокий уровень владения техникой стиха. Это радует, хотя уверенность в стихосложении – не всегда свидетельство одарённости автора, возможно, здесь и просто версификаторское умение. Радует это потому, что у нынешних молодых неизмеримо возрос общеобразовательный и общекультурный уровень, большинству из них не надо тратить силы и время на освоение литературных азов (строфики, ритмики, рифмовки) – весь этот багаж приобретается ещё на школьной скамье. Вот наглядный пример – стихи выпускницы средней школы Людмилы Усачёвой из Междуреченска:

<i>Не приоткрыли почки век,</i>	<i>Ни о подруге резвой весть,</i>
<i>Но наливаются. Однако –</i>	<i>Ни зов хозяина к обеду...</i>
<i>Ещё лежит последний снег,</i>	<i>А в январе бывал и зол,</i>
<i>Прижавши морду, как собака.</i>	<i>Дымилась шерсть клочками выюги,</i>
<i>Взгляд потемнел, сваялась шерсть.</i>	<i>И те, кто ехал или шёл,</i>
<i>Не бросит вновь его по следу</i>	<i>Невольно ёжились в испуге.</i>

Обратите внимание, как отточена здесь каждая строчка, какой чёткий ритм и добротная рифмовка. Всё, как у профессионального поэта, почти безупречно. К этому надо ещё добавить: стихотворение «Последний снег» удачно не только по форме. В нём чувствуется острый поэтический взгляд автора, умеющий видеть окружающее не так, как видит это большинство людей, а по-своему – образно. И два других стихотворения в подборке Людмилы Усачёвой убеждают нас в безошибочной, на наш взгляд, мысли: Людмила – многообещающий автор.

Немного постарше Людмилы её товарищ по междуреченской литгруппе Валерий Берсенева, который выступил в «Комсомольце Кузбасса» с циклом стихов под названием «Весна на разрезе». В цикле пять стихотворений, о хорошем качестве которых можно судить хотя бы вот по этому. Называется оно «Бабочка»:

<i>...Она оглянулась на мир свысока.</i>	<i>От этого зрелища замер на миг,</i>
<i>И, видно, приняв за цветок,</i>	<i>Забыв, что собрался курить,</i>
<i>Порхнула и села на горку песка,</i>	<i>И, как откровенье, сказал бурувик:</i>
<i>И ткнула в неё хоботок.</i>	<i>– Гляди! Помогает бурить!</i>

Просто житейское, бытовое («собрался курить»), малопримечательное на вид («горка песка») соприкоснулось с поэтической деталью природы – с красивой бабочкой – и высекло искру поэзии, согретую к тому же доброй улыбкой рабочего человека («Гляди! Помогает бурить!»). В связи с этим циклом «Весна на разрезе» следует отметить, даже подчеркнуть такую особенность лучших стихов студийцев как очень важную для настоящих стихов – конкретность. Угольный разрез не придуман автором, он увиден в родном городе и потому так предметен, зрим, красочен. Это не значит, что поэт должен списывать что-то с натуры. Нет, речь идёт о вещах более широкого смысла: о привязанности к родному краю, о необходимом для истинного поэта чувстве родины. Вспомним мысль замечательного русского лирика Сергея Есенина: «... поэт может писать только о том, с чем он органически связан». Вот о чём следует всё время помнить нашим молодым поэтам! Природный талант, конечно, основа основ, но без чувства родины, как без крыльев, невозможно взлететь над земной обыденностью, будничностью, даже будучи талантливым. Вспомним прекрасное стихотворение Виктора Баянова, где лирическому герою даже в голосе чиби́са, спрашивающего «чи вы?», чудится наказ о том,

<i>Чтоб помнить мы не перестали</i>	<i>В каком краю мы вырастали,</i>
<i>Под нашим небом иль чужим,</i>	<i>Какой земле принадлежим.</i>

К чести большинства авторов, участников студии «Притомье», надо сказать: лучшее из того, что создаётся ими, продиктовано не просто привязанностью, а большой, горячей любовью к нашему родному Кузнецкому краю. Его очень конкретные, предметные, причём поэтически одухотворённые приметы находим мы в стихах кемеровчан Сергея Донбая и Виталия Крёкова, новокузнецчан Александра Раевского, Николая Николаевского, прокопчанина Иосифа Куралова, сельской учительницы Любви Никоновой и

других. Один из них – Александр Раевский – недавно выступил в «Комсомольце Кузбасса» с обширной подборкой. Она – из рукописи первого сборника молодого одарённого поэта. Смотрите, как лирично он выражает свои сокровенные чувства – любовь к женщине и любовь к природе:

Всё! Не вижу платья из-за зарева...

не справиться.

До свиданья, август, и прощай,

Так узнай же прежде, чем умрёшь:

Только зря ты на себя не наговаривай

Это я любимой разонравился,

И печалей мне не завещай.

Ты же был воистину хорош!

Завтра осень. С ней тебе

Свежестью поэтического взгляда на мир проникнуты многие строчки стихов прокопчанина Иосифа Куралова, предметность которых выражена даже в названии этого цикла – «Прокопьевск высвистан апрелем». Выше мы говорили о хорошем, почти профессиональном техническом мастерстве некоторых молодых авторов. В связи со стихами Иосифа Куралова об этом же хочется сказать в другом, не совсем похвальном плане: свободно владея ритмом, рифмами, он начинает прибегать к ритмической изошрённости, которую иначе не назовёшь, как только словесной игрой. Вот лишь один характерный пример из стихотворения «Ветер»:

Избушка вся, считай, в земле,

По самы окна утонула.

И веточка на то..по..ле! –

Над крышей ветер крутанула!..

Совершенно непонятно, зачем автору понадобилось коверкать язык, заставлять читателя произносить слово «тополе» с таким несуразным ударением на последнем слоге, вместо правильного на первом. Никакой поэтической необходимости в этом здесь нет. Это всего скорее слепое следование за некоторыми, далеко не лучшими проявлениями моды.

А закончить этот краткий обзор поэтических произведений на страницах «Комсомольца Кузбасса» мне хотелось бы тем, с чего начал. Поэтическая эстафета из далёких сороковых годов, из литгруппы при газете «Кузбасс», самой жизнью передана в литературную студию «Притомье», в надёжные руки, в руки нового молодого поколения. От души желаем ему творческих успехов!

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1980. – 20 июля. – С. 4.

Календарная страница. АВГУСТ.

ПЛАМЕНЕМ ЗАКАТА

Ещё и зелен он, и зноен,

Сибирский август, как всегда.

Но по-солидному спокоен,

Как люди в зрелые года.

В нём зори дышат ровно, тихо.

Как называли август встарь.

Он по заботам – припасиха,

А по обилию – густарь.

Над огородной благодатью

В накрапах инея и рос,

Следя за солнцем жёлтой ратью,

Стоят подсолнухи вразброс.

Нет ни души уже на пляже.

Вода прозрачная до дна,

И на припёке, в полдень даже,

Как из колодца, холодна.

Ночами звёзды очень яркие,

А днём за ливнями вослед

Сияют радужные арки,

Как коромысла детских лет.

Здесь лета краткого утрата

В начале августа видна:

Как будто пламенем заката

Листва осин обожжена.

Всё чаще заволок, навесом

Сгустив речную бирюзу,

Над пригорюнившимся лесом

Роняет грустную слезу.

// Кузбасс. – 1980. – 1 августа. – С. 4.

РОДСТВО

В работе шахтёра, поэта
 Есть общее что-то, одно.
 Вы оба – добытчики света,
 Вам счастье проходки дано!
 Шахтёра уводит под своды
 Мечта о движении вперёд,
 Поэт средь словесной породы
 Свой творческий поиск ведёт.
 Он ищет словцо, что заветно
 И радостно, словно весна.
 Пускай по стихам незаметно –
 Проходка поэта трудна.
 И он попадает порою
 Под страшный завал неудач:

Сомнения давят горою,
 Не движется дело – хоть плачь...
 Но оба душой не трусливы,
 Пробьются, до цели дойдут!
 В груди – вдохновенья порывы,
 Влюблённость высокая в труд.
 Шахтёр ли гордиться не вправе,
 Коль чьё-то вниманье привлёк
 В гремящем вагоне, в составе
 Добытый вчера уголёк!
 И та же поэту награда
 За строчки, добытые им, –
 Коль в сердце нашёл он, что надо
 Не только ему, а другим.

// Кузбасс. – 1980. – 31 августа. – С. 1.

Календарная страница. СЕНТЯБРЬ.

СТОЛЬКО КРАСОК...

Там, где лес,
 Где пыльный подорожник,
 Столько красок, столько красоты.
 Ах, сентябрь,
 Талантливый художник,
 Как преобразать всё любишь ты!
 Вскинул кисть – и облако ложится
 На густую синь, как серебро.
 Вроде бы там сказочная птица
 Обронила белое перо.
 Чуть тряхнул ты кистью – и взлетают
 Капли красок, ягодный настой:
 Красные – рябинник обсыпают,
 Чёрные – черёмушник густой.
 Над стернёю крылья просвистели.

Ты и птицам даришь красоту:
 Проблеск ярко-алый – свиристели,
 Золотисто-крапчатый – дрозду...
 Здесь рябина рдеет у окна,
 Там горит рябиново заря...
 Не само ли пламенное солнце
 На палитре щедрой сентября?
 Всё, чем солнце славно и богато,
 Отдаёт земле оно, как встарь, –
 И вишнёво-тёмный сок заката,
 И восхода робкого янтарь.
 Кажется, что даже гордость лета –
 Радугу, сокровище своё,
 Солнце до поры хранило где-то,
 Чтобы землю нарядить в неё!

// Кузбасс. – 1980. – 2 сентября. – С. 4.

Календарная страница. ОКТЯБРЬ.

ТЕПЛА НЕ БУДЕТ...

Блестят застеклённые лужи...
 Монетами звонкой листвы
 Октябрь откупиться от стужи
 Хотел бы. Да где там, увы!
 Пронизан желтеющий ворох
 Студёною дрожью насквозь...
 Зелёное – лишь в светофорах,
 А в скверах всё жарко зажглось.

Горит этот жар, пламенея,
 Порхает, сгореть не успев.
 А ветер всё глуше, грустнее
 Выводит осенний напев.
 Не ждём мы погоды хорошей,
 Погожего полдня не ждём.
 Он сеет то мокрой порошей,
 То мелким, унылым дождём.

Октябрь сам себе не хозяин –
К теплу он уже не ходок.
Уже у прибрежных окраин
С утра серебрится ледок...
Предзимье морозное хрупко:
Был снег – и вода по крыльцу.

Колючая, жёсткая хрупка
Порывами бьёт по лицу.
Бьёт в яростно-зловном накале,
Сечёт, чтоб заранее мы –
Ещё в октябре – привыкали
К пощёчинам близкой зимы.

// Кузбасс. – 1980. – 1 октября. – С. 4.

Календарная страница. НОЯБРЬ.

И СВЕТИТСЯ ПРИРОДЫ НОВИЗНА...

Мы спать легли осенним серым днём,
А встали настоящей зимою:
Был голым сад, а вот сейчас на нём
Зима лежит пушистой бахромою.

На крышах, на дорогах – белизна.
Её охапки гнёздами на клёнах.
И светится природы новизна
В улыбках наших, снегом озарённых.

Как медленно, тихо снежинки летят!
Летят на незримых своих парашютах.
Короткий – с десяток минут – снегопад,
А сколько же радости в этих минутах!

Как будто мелькнул снегопад для того,
Чтоб людям о сказочном чём-то напомнить,
Чтоб душу любого, кто видел его,
Своей красотой мимолётной наполнить.

И в ноябре бывает день такой,
Когда из снежной облачности зыбкой
На землю солнце смотрит не с тоской,
А с чуть печальной милою улыбкой.

И всё ей радо – голых веток вязь,
Антенны на домах, чьи окна к югу.
В улыбке той – земли и солнца связь,
Способная пронзить любую вьюгу.

// Кузбасс. – 1980. – 1 ноября. – С. 4.

Календарная страница. ДЕКАБРЬ.

В СТУЖУ...

Морозец с ветром пополам.
Метёт позёмка, приседая,
Метёт по улицам, седыа,
По льду реки и по полям.

Расплывчат в инее стожок
И леса дальнего рисунок...
Из облаков – холщовых сумок –
Мукою сеется снежок.

Ночь длинна до бесконечности,
Долго, долго высь туманится,
Где луна в мерцаньи вечности –
Как печальная изгнанница.
Лишь растает сумрак утренний,
Вот уж сумерки вечерние –

Ясный день, снежком припудренный,
Гасит вмиг своё свечение...
Выпил клён зарю до донышка,
Луч тепла ему лишь грезится.
В небе только контур солнышка...
Мгла скользит по гололедице.

Узнаешь сквозь сон по приметам,
Что зимняя стужа теперь:
В подъезде, не слышная летом,
Раскатисто бухает дверь.

Чуть светятся окна в тумане,
А дальше не видно ни зги.
Пронзительны в утренней рани
Скрипучие чьи-то шаги.

// Кузбасс. – 1980. – 4 декабря. – С. 4.

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Вот уже два года я непрерывно, можно сказать, изо дня в день, работаю над новой книгой, которую составят исключительно лирические миниатюры-восьмистишия (к настоящему времени написано более пятисот таких миниатюр). Очень хотелось бы знать мнение читателей – насколько удаётся мне эта труднейшая поэтическая форма. На их строгий и беспристрастный суд я и выношу сегодня подборку стихотворений из рукописи этой будущей книги.

Автор (М. НЕБОГАТОВ).

«Болтливость – старости сестра», –
Сказал Твардовский. Справедливо.
Я не хочу писать болтливо,
Когда словами речь пестра.

Пришла забота об ином:
Пускай всё будет кратко, сжато...
Так нива – сжата ли, не сжата –
Не ширью ценна, а зерном.

И прадеды наши сильнее всего
Россию родную любили.
В боях, не щадя живота своего,
Зело они врага били.

Всё так же в сражениях насмерть стоим
За отчую землю мы с вами.
Всё с той же любовью о ней говорим,
Лишь только другими словами.

Поле русской славы – поле Куликово!
Здесь, где шесть столетий
синь да ковыли,
Русичи по зову Дмитрия Донского
И за нас с тобою смертный бой вели.

Жизнь и мы с тобою кровью оросили,
Чтоб для наших внуков цвёл победный май...
Поле Куликово – это вся Россия.
Кто её осилит? Кто? Какой Мамай?

// Кузбасс. – 1981. – 1 января. – С. 4.

Календарная страница. ЯНВАРЬ.

ОТ РАССВЕТА ДО ВЕЧЕРА...

Ещё у многих сон глубок,
И тишина устойчива.
Скребёт на улице скребок
Старательно, настойчиво.
Туда-сюда, туда-сюда –
Скребёт, железом шаркая.

Чуть брезжит снежная слюда,
А в небе – хмара маркая.
И звук скребка, где вьюги след,
Невольно слухом ловится:
Похоже, бреется рассвет,
Встречать гостей готовится.

Разбросало солнце искорки
На снегу – и там и тут.
Это солнечные высверки
В сердце радостью цветут.

В нём такое что-то нежное,
Как лучей январских сноп,
Что-то очень белоснежное,
Как под ёлочкой сугроб!

Вечер. Не бушует вьюги смута,
Не грозит шальной её набег...
Так меня волнует почему-то
Серебром огней залитый снег.

Просто стёжка яркая на диво.
Просто кто-то тихо там идёт,
А в душе так празднично, красиво,
Как бывает только в Новый год.

// Кузбасс. – 1981. – 3 января. – С. 4.

**КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО –
ЧИТАТЕЛЯМ***

...Раздел художественной литературы представлен книгами, раскрывающими богатый духовный мир нашего современника. Наиболее значительная из них – сборник лучших рассказов кузбасских писателей «Мой дом – земля». В общесибирской серии «Современная сибирская повесть» планируется выпуск произведения В. Власова «Кара-тайга». Это повесть о геологах, о трудной романтике поиска, о характерах людей сибирской закалки, их доброте и мужестве.

В серии «Слава труду» будут выпущены в свет романы видных советских писателей Ф. Гладкова «Цемент» и А. Караваевой «Лесозавод». К 400-летию присоединения Сибири к России приурочен выпуск исторического романа Артёма Весёлого «Гуляй-Волга».

Любители поэзии в 1981 году могут пополнить свои библиотеки книгами стихов **М. Небогатова**, Ю. Могутина, В. Зубарева, а также А. Толстого, Н. Тихонова и сувенирным изданием стихов древнегреческой поэтессы шестого века до н. э. Сапфо. Она как уважаемый и выдающийся человек своего времени была удостоена высокой почести – соотечественники выбрали её изображение на монетах.

В серии «Школьная библиотека» выйдет поэма Р. Рождественского «Реквием». Ребята получат также фантастическую повесть А. Беляева «Голова профессора Доуэля» и другие книги...

Т. ПАНАСЮК,

товаровед облкниготорга. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1981. – 9 января. – С. 4.

Календарная страница. ФЕВРАЛЬ.

СНЕГА АЛЕЮТ...**

Зима, как тяжёлые сани,
Тащила на гору, где мгла,
Декабрьские ночи в тумане
До двадцать второго числа.
А там и сурово, и строго
Застыла, увидя вдали,
Как прямо уходит дорога
К равнинному краю земли.
Уходит прямая дорога
Со снежного спуска туда,

Где что-то уж брезжит немного –
Костёр ли, а может, звезда?
Неясно, звезда ли, костёр ли,
В домах ли ночные огни...
А это объятья простёрли
Весенние тёплые дни.
Они ещё в самой лишь рани,
В метельном дыму, далеко,
Но скоро к ним зимние сани
С горы понесутся легко!

Под синим небосклоном, что покат,
В саду алеет тихо строй берёзовый.
Снега алеют. Вдалеке закат
Горит прозрачно-чистой
дымкой розовой.

Там так светло! Подобен этот свет
Чему-то отдалённому, нездешнему.
И окна отблеск шлют ему в ответ
Улыбчиво, тепло, почти по-вешнему.

// Кузбасс. – 1981. – 1 февраля. – С. 4.

Издано в Кемерове

«ОГНИ КУЗБАССА» № 1

В Кемеровском книжном издательстве подписан к печати первый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса».

Номер открывается стихотворением **Михаила Небогатова** «Родина». Это не единственное

* – фрагменты статьи, касающиеся художественной литературы;

** – см. это стихотворение под названием «На горке» на с. 117 настоящего сборника (*Примечание Н. Инякиной*)

поэтическое произведение альманаха: в нём публикуются также большие подборки новых стихов Валентина Махалова и Сергея Донбая.

Прозу номера представляют рассказы Олега Павловского «Диплом с отличием», Владимира Власова «Мастер» и глава из повести Владимира Куропатова «Имя отчее» «Некто во множестве лиц». В разделе «Наш современник» – очерк журналистки Татьяны Тюриной «Милосердие» о нелёгком повседневном труде специалистов ортопедохирургической клиники Новокузнецкого института усовершенствования врачей.

В разделе «Человек и природа» читатели найдут миниатюры писателя Владимира Мазаева «Из времён года» и очерк журналиста Геннадия Колесникова «Горсть сибирских орехов».

В разделе «Критика, библиография» – обстоятельные критические статьи о книгах Кемеровского книжного издательства 1980 года: статья московского критика Н. Бейлиной о книге Евсея Цейтлина «Вчера и сегодня» и кузбасского журналиста Владимира Копылова о сборнике стихов Игоря Киселёва «Ночные реки».

По традиции альманах включает «Весёлая минутка». В ней литературные пародии Бориса Рахманова.

Л. ГЛЕБОВА.

// Кузбасс. – 1981. – 19 февраля. – С. 4.

СИБИРСКИЕ КЕДРЫ

Когда-то над Волгой, в огне Сталинграда,
В дыму Сталинграда гудел ураган.
Гудел ураган смертоносного града,
Стонал от разрывов Мамаев курган.
Сюда через годы к святыне кургана
Посланцами нашей сибирской земли
Приехали в гости войны ветераны
И сажены кедров с собой привезли...
Стоят ветераны, молчат, вспоминают,
Как здесь воевали в далёкие дни.
Молчат ветераны, лишь горько вздыхают:
Погибших друзей вспоминают они.

Ещё непременно припомнить им надо,
Как смерть победили среди чёрных руин
И гнали фашистов от стен Сталинграда,
От матушки Волги на самый Берлин!
С кургана Мамаева дали все близко –
Кремлёвские звёзды и улочки сёл.
Сибирские кедры – как строй обелисков,
Как память о тех, кто с войны не пришёл.
Уж целую вечность мы с ними в разлуке
У Волги широкой, у маленьких рек...
Пусть же солдатские дети и внуки
Военного дыма не видятовек!

// Кузбасс. – 1981. – 23 февраля. – С. 3.

Календарная страница. АПРЕЛЬ.

НЕ СЧЕСТЬ ЛУЧЕЙ...

Весной в природе каждый день – субботник.
Светлеет мир, синяя и лучась.
В нём солнце – удивительный работник!
Не знает передышки ни на час.

С упорством и сноровкою шахтёра
Крушит оно пласты снегов и льдин.
Не счесть лучей в безбрежности простора,
И все они в работе, как один!

Под сугробом спит
В логу валежник,
А в лесу, в соседстве
С ручейком,
Прямо в небо

выстрелил
Подснежник,
Как ракетой,
Беленьким цветком...

// Кузбасс. – 1981. – 1 апреля. – С. 4.

Календарная страница. МАЙ.

ЦВЕТ ЧЕРЁМУШНЫЙ

Цвет черёмушный в жёлтых накрапах
С огоньками в букете одном.

Удивительный в комнате запах,
Словно в солнечном мире лесном...

Дар природы, подольше всех радуй
Затяжному ненастью назло!

За облаками свет исчез.
И дождь пошёл.
Немой, но спорый.
Всё задышало
каждой порой –
И луг, и нежный
Майский лес.
В нём, освежённом,

От черёмухи веет прохладой,
Огоньки излучают тепло.

Свой уют.
А дождь идёт так
Не шумливо,
Что в первой зелени
счастливо,
Как в ясный день,
скворцы поют.

// Кузбасс. – 1981. – 1 мая. – С. 4.

Календарная страница. ИЮНЬ.

ЗАПАХ НЕЗАБУДОК

Мир земной цветёт на радость людям...
Дни пройдут – ненастью вопреки
Запах незабудок не забудем,
Не забудем синий блеск реки.

Дали в дымке голубой –
И холмы, и деревенька.
Стороной свой держит путь
Тучка чёрная, как сажа,

На глухой, желтеющей опушке,
Перед первым холодом зимы
Счёт годов задумчивой кукушки,
Словно эхо, будем слышать мы.

Лишь взглядеться хорошенько –
Залюбуется любой.
Чтобы красочность пейзажа
Не нарушить, не вспугнуть.

// Кузбасс. – 1981. – 2 июня. – С. 4.

Календарная страница. ИЮЛЬ.

ЗЕМЛЯНИЧНЫМ СОКОМ...

Безбрежно, вольно на небе высокою,
Как на полях, что зелено-тихи...
Не красной краской – земляничным соком
Природа пишет летние стихи.

Строку к строке – ромашку к стеблю лепит,
К оконцу солнцем, словно рифмой, льнёт.
И трепет колосков, и речки лепет –
Всё в мёд душистый – в лирику берёт!

// Кузбасс. – 1981. – 1 июля. – С. 4.

Календарная страница. АВГУСТ.

ГОЛУБЫЕ ЗЕРКАЛА...

Солнце летом тоже устаёт.
Как оно на ласковость ни щедро,
Над шатром берёзы, шапкой кедра
Всё поздней, всё заспанней встаёт.

Дождь затих, жарой сражённый,
Полдень ярко засверкал,
В лужах синью отражённый –
В блеске праздничных зеркал.

И хотя собой оно живет
Всё – от муравья и до кукушки, –
Даже в полдень к облачной подушке
Прикорнуть на часик норовит.

Высь со знойной дымкой зыбкой
Над землёю шар зажгла,
Чтоб гляделся он с улыбкой
В голубые зеркала.

// Кузбасс. – 1981. – 1 августа. – С. 4.

ДУШИ ОГОНЬ...

Пусть над тополем дождичек сеткой,
 Ну, а в кроне его – приглядишься! –
 Зелень с золотом, веточка с веткой
 Так по-дружески тесно сплелись.

Пусть зима недалёко уж где-то,
 Очень красочна крона на вид:
 Изумрудно в ней светится лето,
 Пламенея, в ней осень горит.

Как прекрасно в ярком солнце небо,
 Как оно красиво при луне!
 Только любоваться полем хлеба
 Почему-то радостней вдвойне.

Видно, потому, что рукотворна
 Эта красота – души огонь...
 Солнечными капельками зёрна
 Греют чуть прохладную ладонь.

// Кузбасс. – 1981. – 1 сентября. – С. 4.

ИЗДАНО В КЕМЕРОВЕ**НОВАЯ КНИГА МИХАИЛА НЕБОГАТОВА**

В начале октября кузбасскому поэту Михаилу Небогатову исполнится шестьдесят лет. К этому юбилею Кемеровское книжное издательство выпустило новую – одиннадцатую по счёту – книгу лирики с кратким названием «Лето».

Идейно-художественную суть её выражают строки И. А. Бунина, поставленные автором в качестве эпиграфа:

*Нет, не пейзаж влечёт меня,
 Не краски жадный взор подметит,
 А то, что в этих красках светит:
 Любовь и радость бытия.*

Любовь и радость бытия для поэта – в самых простых и привычных для нас деталях и подробностях пейзажа, о чём красноречиво свидетельствуют первые же строчки многих стихотворений: «За рекой, за кромкой леса», «Здравствуй, день голубой», «Гонят стадо», «Предзакатный час», «Прозрачные сумерки летние», «Бор – зелёная обитель», «Привет, июль, до края полный светом», «У скалы, у тёмной кручи», «Ясна, чиста заката алость», «Вижу с поля, где роса ещё, покой», «Ласточки летают высоко», «Пылил наш путь просёлками», «Вдоль реки, где заросли черёмух» и т. д. Этот перечень разнообразных примет летнего пейзажа можно продолжить (в книге – восемьдесят одно стихотворение), но лучше, если читатель сам познакомится с тем, что предлагает ему влюблённый в природу поэт.

Не будем предварять мнение будущего рецензента, но всё же приведём некоторые мысли Виктора Баянова из его предисловия к «Лету»: «Книжка в целом производит хорошее впечатление. Она полна бодрости, оптимизма, в ней простым и поэтичным языком выражены чувства и настроения, близкие и понятные многим людям».

От себя добавим ещё, что читатель найдёт здесь не только пейзажные строки, но и стихи о войне, о любви, раздумья философского плана. У каждого поэта есть свои читатели (они же и почитатели). Знаем, что есть они и у Михаила Небогатова. И хочется верить, что им-то книга «Лето» подарит истинную радость.

Ф. ДЁМИН. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1981. – 5 сентября. – С. 4.

Календарная страница. ОКТЯБРЬ.**ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТОЧКИ**

От деревьев под окном
 На стене живые тени:
 Ветки ходят ходуном,
 Молча мечутся в смятении.

Это в свете фонаря
 Ветер, друг предзимней ночи,
 Молью снежною соря,
 Рвёт последние листочки.

Холодный, резкий ветер в поле
Над колкой зеленью отав.
Такая ширь, что поневоле
Припустишь вскачь, разбойным став.

Он гонит пыль, клочки бумаги,
У речки гнёт кусты раkit,
Пустой бутылкою в овраге,
Приникнув к горлышку, гудит.

// Кузбасс. – 1981. – 1 октября. – С. 4.

Поэту Михаилу Небогатову – 60 лет.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Сегодня мы сердечно поздравляем с шестидесятилетием известного кузбасского поэта Михаила Небогатова. Его творчество известно читателям по одиннадцати поэтическим сборникам, по многочисленным газетным и журнальным публикациям, отличается тонким лиризмом, нравственной чистотой, высоким мастерством.

Желаем Михаилу Небогатову дальнейшей плодотворной работы и предоставляем ему слово.

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

Наверно, не раз на войне вам
Звучала надеждой самой
Солдатская песня с припевом:
«Когда мы вернёмся домой».

Нужна была песня такая,
Чтоб верить: врага победим,
И ты из далёкого края
Вернёшься домой невредим.

Фронтовые письма-треугольники.
С датами и с почтой полевой.
Следопыты, пионеры-школьники
Вписывали всё в блокнотик свой...

Сколько лет он был пропавшим без вести,
Твой солдат, кормилец твой, вдова,
А теперь к нему вы с дочкой ездите –
На могилку у бывшего рва.

Редкий дом обошла похоронка –
Скорбный листик бумаги простой...
Мать-Россия, родная сторонка
Стала в годы войны сиротой...

Приглядишься-ка вот к этому снимку.
И кого здесь узнаешь, ответь.
...Дядя Глеб с тётей Клавой в обнимку!
Лишь за месяц, как ей овдоветь.

Эвакуаций спешных суетня,
Внезапные, мгновенные бомбёжки...
С далёкого, но памятного дня
Разъединились родичей дорожки.

Кто возле моря, кто в краях степных.
Не навсегда ли кровная утрата?
Идут доныне поиски родных:
«Ищу сестру», «Ищу отца и брата».

Друг-солдат, познавший тьму невзгод.
Вот уж не сыны твои, а внуки
Изучать военные науки
В армию уходят каждый год.

В армию уходят, а не в бой.
Но в таком же звании солдата
Им крепить победу, что когда-то
С кровью завоёвана тобой.

Столько лет без войны –
Не великое счастье ли?
Синий мир вышины
Век бы тучи не застили!

Жизнь бесценней всего,
Жизнь, в которую верится.
Надо лишь одного:
Всем друг другу довериться.

Фронтовик со «знаком ветерана»
К Вечному огню идёт, сутол.
Вечером, и днём, и утром рано
Видит здесь почётный караул.

Однокашники лет грозových,
Вот она, ваша встреча, случилась!
И не ждали, а так получилось:
Увидали друг друга в живых.

На побывку прибыл юный воин.
Китель так идёт ему: орёл!
Вежлив, сдержан,
по-солдатски строен.
В армии всё это приобрёл.

Мир утренней заре – истоку дел,
Всего большого, доброго, святого,
Не знающего, где его предел –
Будь это хлеб ли, музыка ли, слово.

Как старались немцы силы выжать
Из России в первый год войны!
Чудом было – выстоять и выжить
Под обвалом огненной стены.

Прижал нас к полю свист сквозной –
Бил метко фриз из перелеска...
Вдруг вещмешок мой за спиной
Назад рвануло чем-то резко...

Как жаль: из строя вывело раненье
До Дня Победы... С чем его сравню?
Живя в тылу, едва ль найдёшь сравненье
Тому всемирно праздничному дню...

Галстуки рябят под стать рябинам
Там, где сквера солнечный уют.
Знает ли солдат: его сединам
Дети тоже почесть отдают?

Не убил вашу память фугас
Друг о друге – нет краше момента...
Будто жизни большой кинолента
Прокрутилась обратно сейчас.

Аккуратно курит сигарету...
Смотрит мать – мужчина из мужчин.
И с чего-то ей в минуту эту
Сладостно и горько без причин.

Мир солнечному дню, его пути
С трудом на благо, счастье человека.
Мир ночи той, что звёздами цвести,
Хранящими покой земли от века.

Без промашки били бомбы, воя,
Всё живое застыло чернотой.
Самые лишь стойкие герои
Выживали в страшной буре той.

Не видеть бы мне синевы,
Чуть-чуть повыше пуля брызги –
На полвершка от головы,
Всего на полвершка от жизни.

Он был такой огромный, словно море,
Лучами озарённое насквозь,
В котором наше счастье, наше горе
Слезам, словно волнами, слилось...

// Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С. 4.

Календарная страница. НОЯБРЬ.

ЛИРИКА ЗИМЫ

За рошу, голый мыс ли
Ушло, ушло тепло...
Как радостные мысли,
Снежок парит светло.

Как мысли о морозе,
Который встретим мы,
О том, что в буднях, в прозе
Есть лирика зимы.

На низком небе –
облачность вразлёт.
Там редко за день
солнышко проглянет.
Над белым полем
ветер шарлатанит,
В реке всё крепче
сковывает лёд.

Предзимьем веет
ветер от стогов.
А ночь придёт,
рассеет мрак по миру –
Луна, светясь,
настраивает лиру
На песню выюг,
на музыку снегов.

// Кузбасс. – 1981. – 1 ноября. – С. 4.

Календарная страница. ДЕКАБРЬ.

ГОД КОНЧАЕТ СВОЙ ПУТЬ...

Год кончает свой путь в декабре,
А зиме открывает дорогу.
Не даёт он простора заре,
К своему не пускает порогу.

Даже полдень – в слепой полутьме.
На оконце ледка волоконца.
Юный клён, постаревший к зиме,
Как на пятнышко, смотрит на солнце.

Холод декабря
Бесится, лютует.
Лес посеребря,
Ночи салютует.

Рад он, как дикарь,
Беспробудным будням...
Неспроста декабрь
Называют студнем.

// Кузбасс. – 1981. – 1 декабря. – С. 4.

Календарная страница. ЯНВАРЬ.

В КУРЖАК РАЗОДЕТЫЙ...

Все мы знакомы с январской приметой:
Солнце на лето, зима на мороз.
Это мороз, весь в куржак разодетый,
Ёлку детишкам из лесу привёз.

Снег за окошком и в скрипе, и в хрусте,
В комнате – ёлки живая краса...
Нет нам причины для скуки и грусти:
День прибавляется на два часа!

Над речкой, над тайгой и над поляной,
Где снега и берёзок белизна,
Восход румяный и закат румяный
Как всем нам дорогая новизна.

Пускай до вешних дней ещё далёко,
Пускай ещё тяжёл сугробов груз,
А день уж дышит грудью всей, глубоко
И пахнет, как разрезанный арбуз.

// Кузбасс. – 1982. – 3 января. – С. 4.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Первое стихотворение М. Небогатова «Весна»* было опубликовано на страницах «Кузбасса» в 1939 году. После выписки из госпиталя в 1943 году М. Небогатов регулярно посещает литературные среды, проводившиеся тогда в редакции. Некоторые его стихи, написанные в то время, видят свет на страницах газеты, а в 1945 году М. Небогатова берут в штат редакции, и он работает в газете до 1948 года, публикуя уже не только стихи, но и корреспонденции, зарисовки, очерки.

Уйдя из газеты, М. Небогатов не порывает с ней связей. Десятки лет является литературным консультантом редакции, ведя обширную переписку с авторами, пробующими свои силы в стихосложении.

* – стихотворение называлось «Весной», напечатано в номере от 6 июня 1939 года на с. 4;

** – 7 января 1982 года газете «Кузбасс» исполнилось 60 лет (Примечания Н. Инякиной).

Цикл стихов, который предлагается вниманию читателей, – это не просто воспоминание поэта о своей литературной юности, но и дань глубокого уважения к печатному органу, давшему ему путёвку в большую литературу.

Михаил НЕБОГАТОВ

РОДНОЙ ГАЗЕТЕ**

Я под огнём смелей, пожалуй, был,
Чем в день, когда мечты заветной ради
Редакции порог переступил,
Оправив китель, расчесав все пряди...
О, счастье! Я задание получил.
Мечтал об этом, словно о награде.
И за ночь вдохновенно настроил
Свой первый в жизни очерк –

в полтетради.
А через день фамилию свою
Увидел я... под маленькой заметкой.
Смущённый и растерянный стою,
Но радуюсь, как радуются редко.
Спешу к родным и чуть ли не пою.
Победа будет: удалась разведка!

Юности далёкие года.
Сколько там стихов и споров бурных!
Как на огонёк, мы шли тогда
На собрания «сред» литературных.

Дни, как птицы, – истина стара.
Встретишь вот прозаика, поэта –
Радуетесь: вышли в мастера.
Ты дала путёвку им, газета!

Душа противится насилью,
Любому, будь оно – пустяк...
Бывало, как подрежет крылья
Редактор строгий: всё не так!

Корпишь над рукописью снова...
И как награда под конец –
Его, редакторское, слово:
– Теперь что надо. Молодец!

И я имел когда-то псевдоним.
Однажды, предложив стихи газете,
Я подписался: Ключевой Вадим.
Как хорошо слова звучали эти!..

Фамилии отцовской изменил? –
Винил себя потом, газету спрятав.
С чего Вадим, когда ты Михаил!
Чем хуже Ключевого Небогатов!

ПАМЯТИ ДРУГА, ЖУРНАЛИСТА

Ю. Д. БАЛАНДИНА

Он Родине служил не на авось.
Терпеть не мог обмана, показухи.
Всё то, что делал, было в должном духе,
Всё, как у коммунистов повелось.

И не одно писание моё
Прошло, как через точную примерку,
Через его партийную проверку,
Через его партийное чутьё.

Приходят в газету короткие строки –
Стихи ветеранов войны...
Слова неуклюжи, а чувства глубоки,
Большого волнения полны.

Пусть пишут бывшие бойцы неумело,
Но в каждой горячей строке –
Живая душа, что в атаку шла смело
Не с ручкой – с винтовкой в руке.

Пока моя газетная работа
Зовёт меня отдать всего себя,
Пока я ею радую кого-то,
Я буду жить, всё сущее любя.

А если вдруг работа опостылет,
Идти не позовёт меня вперёд,
То жизнь, как бы пробитая навывлет,
Во мне, ещё живом, уснёт, замрёт.

Теплится робко надежда в груди,
 Дума, как жизни всей суть:
 Может быть, где-нибудь там, впереди
 Строчки продолжают мой путь?..

Даже врагу не желаю того,
 Что кой-кому суждено:
 Жив ещё автор, а строчки его
 Всеми забыты давно.

Спасибо, мой читатель дорогой,
 За твой хороший, твой сердечный отзыв!
 Заметил ты: я стал теперь другой,
 Со мной не только мир, который розов.

Да, в юности я видел лишь цветы,
 А нынче вижу бурные пороги.
 Спасибо, что отметил это ты.
 Выходит, я на правильной дороге.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1982. – 28 января. – С. 4

Календарная страница. ФЕВРАЛЬ.

ПОСЛЕДНИЙ БУРАН

Всю ночь меж небом и землёй
 Гудел буран последний,
 Отгородив глухой стеной
 От дома дом соседний.
 Ни фонаря вблизи него,
 Ни зорких фар в буране –
 Не видно было ничего
 Всю ночь до самой рани...
 Вдруг распахнулась эта мгла,

Как белые ворота,
 И яркий свет из-за угла
 Ударил с разворота.
 Ударил так, что с тополей,
 С их веток в снежных грудах
 Стряхнул неробких снегирей,
 Как солнце, красногрудых!

// Кузбасс. – 1982. – 3 февраля. – С. 4.

Календарная страница. МАРТ.

ОГОНЬ ЗАРИ И ПОЛЯ БЕЛИЗНУ...

В Сибири март идёт неторопливо,
 Зимы лохмотья сбросить не спешит.
 И снег, чуть талый, сизого налива,
 Так робко прошвой солнечной прошит...

Вот самолёт оставил след над нами
 И вдаль уплыл, похожий на блесну,
 Соединив, как радугой, краями
 Огонь зари и поля белизну.

Отшумела снегом, откипела
 Белым садом бойкая метель.
 Воробьёв нестройная капелла
 Заглушает звонкую капель.

С каждым днём теплее на припёке,
 Воздух ароматней и свежей.
 О весне-красе кричат сороки
 У последних зимних рубежей.

// Кузбасс. – 1982. – 3 марта. – С. 4.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Одна из задач литературы, как известно, – познание человека, его нравственных, эмоциональных глубин. То есть, познание самого себя. Однако человек никогда не познаёт себя в состоянии самодовольства и удовлетворения. Где герой самодоволен и удовлетворён – там кончается искусство. Как однажды сказал Юрий Бондарев: или трагическое, или смешное – только здесь лежит правда чувств. Пример тому – вся русская и советская классическая литература.

Именно этим трудным, но единственно верным путём пошёл в своём новом романе Владимир Ворошилов (издательство «Советский писатель», 1981). Читатель вновь встречается с Сергеем Томиловым, бывшим горным инженером, потерявшим зрение в результате аварии, с которым он знаком по роману «Солнце продолжает светить». Но теперь уже он – в новом качестве.

Не имея возможности углубляться в подробный анализ, я хотел бы подчеркнуть лишь следующий момент. А именно: как писатель, смело драматизируя события, тем самым добывает ту самую правду чувств, о которой говорит Юрий Бондарев. Сергей Томилов уже много лет не видит людей, не видит света, солнца. Он живёт, он работает, однако вокруг него тьма. И вот в этой ситуации человек вдруг узнаёт: есть надежда вернуть зрение, хоть и не на сто процентов, хоть частично – но ведь зрение! И когда в результате сложнейшей операции он вновь видит мир – радость его оказывается недолгой. За возвращённое зрение требуется слишком большая цена. Полная изоляция от живого, человеческого деятельного мира. Таков приказ врачей – не волноваться, не нервничать, сидеть дома, всячески оберегая себя от внешних раздражителей – иначе снова возврат к слепоте.

И Сергей Томилов, чья жизнь прошла в рабочем коллективе и каждый день этой жизни был деятелен, целеустремлён, а сам он был нужен людям, бунтует против аквариумной тишины квартиры. Зачем ему эта капля света, если отнят главный смысл жизни: общение, та цель, которую он себе поставил? Можно, конечно, отметить исключительность описываемого момента. Но в итоге важно другое: достиг или нет писатель цели? Несомненно, достиг. Правда характера, подкреплённая жизненными обстоятельствами, логикой человека, воспитанного социалистическим обществом, стала правдой художественного произведения. А, значит, в итоге и правдой читателя.

Ещё древние греки утверждали: трагедия очищает человека. Избавляет его от мелочных наслоений повседневности, ленивого благодушия. Трагедия учит высокому искусству сострадания. Сострадать – значит, не быть равнодушным к чужой боли, к чужой беде. Ибо зло торжествует иногда в жизни только потому, что существуют равнодушие, самодовольство и прочие виды гражданской инертности. И если писатель средствами художественного слова восстаёт против них – он делает большое дело.

Эту цель ставит, скажем, и Константин Андреев в рассказе «Авария», и Пётр Ворошилов в рассказе «Герцог» подаёт в отставку», и Любовь Скорик в рассказе «Сюрприз». Все они опубликованы в сборнике «Мой дом – Земля» (Кемерово, 1981). Книгу эту, представившую творчество двух десятков прозаиков, можно рассматривать как своеобразный коллективный портрет современника, который живёт напряжённой, деятельной жизнью рядом с нами, на нашей сибирской земле.

Литература – и русская классическая, и советская – всегда отличалась примечательным качеством: социальной активностью героя. Он всегда в гуще жизни. На деятельности его – печать общественной значимости, причастности к делам современников. Таков именно герой романа Владимира Ворошилова. Таковы герои многих других книг кузбасских писателей. Таких, как, например, «Таёжина» Виктора Чугунова, «Люди с этого света» Владимира Куропатова (оба – издательство «Современник»), «Запсиб – железная держава» Геннадия Емельянова, «Поэты с нами» Анатолия Срывцева, «Ночные реки» Игоря Киселёва, «Тропа над пропастью» Виля Рудина (Кемерово).

Мы понимаем, жизнь человека определяет прежде всего труд. И литература, которая призвана отражать жизнь, никак не в силах обойти этой глубоко нравственной категории. Но, собственно, что такое тема труда, тема работающего человека в литературе? Разговор об этом в критике стал, к сожалению, модой. А где мода – издержки неизбежны. Не думаю, что за терминами «рабочая тема», «рабочий человек в художественной литературе», которые стали привычными, мы должны подразумевать только какие-то определённые, избранные профессии. Искусственно возвышая одни профессии, мы вольно или нет умаляем другие, хотя с детского сада помним и твердим слова: все работы хороши – выбирай на вкус.

Понятие рабочий человек, тема рабочего человека значительно шире и ёмче – и потому уж плодотворней для литературы. И она не вправе замыкаться в рамках пусть даже ведущих, с точки зрения производства, профессий. Если принять такую трактовку, то большинство книг кузбасских писателей, вышедших в последнее время, посвящены людям именно этой, как я уже сказал, нравственной категории. Только в более расширенном её понятии. Разве маляр Маша Красильникова из сборника З. Чигарёвой «Свет мой ясный» не являет пример именно таких людей? Или не тот же рабочий, деятельный характер у изыскателей Владимира Власова, сельских учителей Владимира Куропатова, у рано повзрослевших подростков военной поры Валентина Махалова? Или у героев Анатолия Срывцева – известных сибирских литераторов?

Публицистическая книга Геннадия Юрова «Река родная» – логическое продолжение «Труженицы Томи». Повествование в ней о главной водной артерии Кузбасса, её проблемах, сегодняшних тревожных днях, о людях, которые призваны защищать её чистоту и жизнедеятельность. Здесь много фактического материала, писатель окунулся почти во все сферы хозяйственной практики, прямо или косвенно связанной с Томью. И всё-таки как редкое достоинство такого жанра книг – чувствуется, она написана лириком, поэтом.

Читается легко, даёт много познавательного. И главное – заражает авторским беспокойством за будущее кузбасской природы, раскрывает сложность и серьёзность проблемы, привлекает внимание читательской общественности к одной из самых болевых точек. Именно в индустриальном Кузбассе тема человек и природа сегодня не менее важна, чем, скажем, тема человек и завод.

С книгой «Всегда и сегодня» выступил Е. Цейтлин. Известный московский критик Евгений Сидоров написал в предисловии: «Подлинная литература не знает провинции, как не знает её и умная, профессиональная критика. Книга Е. Цейтлина «Всегда и сегодня» – ещё одно веское тому доказательство». Его критические статьи – не просто большие основательные рецензии. В них, как правило, органично связано творчество с личностью писателя. Это, например, ярко видно в материале о Викторе Чугунове. Сделана интересная попытка проникнуть в истоки его книг, помочь читателю прикоснуться к сложному миру ищущего, серьёзного художника. Имя кемеровчанина Е. Цейтлина часто встречается на страницах журналов «Наш современник», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Сибирские огни». Им написан широкий комментарий к тому пьес Всеволода Иванова, выпущенного издательством «Искусство».

Что касается молодой прозы, здесь свои обещающие сдвиги. Особенно в жанре рассказа. Нынче, благодаря молодым, рассказ стал разнообразнее, шире по охвату тем. Углубленность в психологизм, в сложности внутреннего мира человека, активность сюжета – тоже достоинство молодых прозаиков. Людмила Филаткина и Анатолий Бобриков, которые ещё не имеют книжек, или Любовь Скорик и Владимир Коньков – уже с первыми книжками на руках, – я имел в виду прежде всего их, говорят об обещающих сдвигах в сегодняшнем кузбасском рассказе. Только что легла на прилавки и ещё ждёт своей читательской оценки первая книжка прозы Виктора Моисеева «Ярыгин камень».

Геннадий Юров, о котором я упомянул как о публицисте, выпустил также сборник поэм «Песня о городе». Поэзия Юрова ближе, чем у кого-либо из кузбасских писателей, связана с нашим краем, нашими конкретно узнаваемыми событиями. Поэмы его, включая и новую – «Абориген», недавно опубликованную на страницах «Кузбасса», – это крепкого поэтического накала произведения, наполненные мыслью – общеинтересной, злободневной, чуть подгорчённой тревогой за будущее мира природы, которая давно уже стала частью внутреннего мира человека.

Заметным явлением нашей литературной жизни был выход поэтического сборника «Дыхание земли родимой». Это, можно сказать, коллективное «Избранное». Написал к нему предисловие известный поэт, наш земляк Василий Фёдоров. Одна из привлекательных черт сборника – широкое участие молодых имён. Мы, разумеется, и раньше знали их, но сборник словно сфокусировал эти представления. Собранные внимательно и бережно воедино (составители В. Баянов и Т. Махалова), они вдруг дали понять нам, читателям: на нашей земле живёт, интересно трудится крепкий поэтический отряд. Включение в эту шеренгу произведений наших безвременно ушедших товарищей – Евгения Буравлёва, Анатолия Срывцева, Александра Пинаева и других – очень справедливо. Мы снова как бы услышали их голоса, почувствовали их плечо, порадовались их живому творчеству.

Несколько книжек опубликовали за последние три года молодые поэты. Среди них хотелось бы отметить Владимира Поташова («По небу птичья клинопись»), Леонида Гержидовича («Таволга»), Виталия Крёкова («Лицо твоё»), Владимира Иванова («Беседую с тобой»). На выходе в Кемеровском книжном издательстве первая книжка новокузнецанина Николая Николаевского. Плодотворно, судя по журнальным публикациям, работали Александр Ибрагимов, Николай Колмогоров, Сергей Донбай, Валерий Ковшов, Александр Глазырин.

Одно из важнейших мерил художественной литературы – охват тем современности, её живых, острых, актуальных проблем. Такой охват прежде всего – надёжный показатель общественной активности литературы. В постановлении ЦК партии «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» в частности, говорится: «С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся ещё боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешённые проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни. Такой подход, склонность к парадности не помогают делу, а лишь затрудняют решение наших общих задач».

Работа писателя – это работа воспитателя. Всё ли сделали писатели Кузбасса, чтобы сказать: этот упрёк ни в какой мере к нам, к нашей работе не относится. Я думаю, что нет, не всё. Хотя многое мы, безусловно, делаем. Я бы здесь подчеркнул творчество новокузнецанина Геннадия Емельянова. Его последние повести довольно остры, задиристы. Писатель выступает с сатирой на, так сказать, нежелательные явления жизни именно с позиций, которые так чётко и определённо обозначены в процитированном выше

партийном документе. Если он где-то и допускает художественные сбои, размывает авторскую позицию, то ошибается на путях поиска, без которого нет творчества. Он, видимо, прекрасно отдаёт себе отчёт, что зло (во всех его проявлениях), так легко иногда уничтожаемое нами на страницах книг или киноэкране, в реальной жизни уступает свои позиции мучительно медленно. И нам здесь не стоит обманывать себя.

Всегда и везде определяющим качеством писательского творчества было чувство родной земли. Без любви к краю, в котором живёшь, нет любви к родной стране. Трезво оценивать какие-то невыигрышные, нескладные стороны своего большого дома, болеть душой, видеть перспективу, гордиться достигнутым – в этом, и главным образом в этом, проявляется подлинное, гражданское чувство родной земли, Родины.

В лучших произведениях кузбасских писателей последних лет – Александра Волошина, Игоря Киселёва, **Михаила Небогатова**, Геннадия Юрова, Валерия Зубарева, Павла Майского – мы найдём именно такое понимание взрастившей нас земли. Это прекрасно выразил в поэтической форме Виктор Баянов:

<i>Сторона любимая,</i>	<i>По цене одной лишь жизни</i>
<i>приметная,</i>	<i>равного,</i>
<i>У тебя приметы есть</i>	<i>Очень близкого чего-то,</i>
<i>предметные.</i>	<i>очень местного,</i>
<i>Где-то есть такие ж</i>	<i>Сердцу только одному</i>
<i>кедры с соснами,</i>	<i>известного.</i>
<i>Где-то есть такие ж</i>	<i>Стоит лишь откуда-то</i>
<i>зимы с вёснами,</i>	<i>вернуться,</i>
<i>Горы есть</i>	<i>Как готово сердце</i>
<i>со снеговыми шапками,</i>	<i>захлебнуться.</i>
<i>И посёлки</i>	<i>Весь мой век такое</i>
<i>с трубами и шахтами,</i>	<i>с ним случается.</i>
<i>Только нет нигде</i>	<i>Пробовал унять –</i>
<i>чего-то главного,</i>	<i>не получается.</i>

В. МАЗАЕВ,

*ответственный секретарь Кемеровской писательской
организации. г. Кемерово. // Кузбасс. – 1982. – 7 марта. – С. 4.*

ОКРЫЛЯЕТ СЕРДЦА*

Женский праздник – в хорошую пору:
Всё заманчивей звёзды в ночи,
Всё вольней по земному простору
Разливаются солнца лучи.
Всё задорнее пение птичьё,
Всё прозрачней вечерняя тьма.
И такое в природе величье,
Что весна – словно песня сама.
Я хочу, чтобы песней звучала
Гордость матери, радость жены.
С ними связано жизни начало,
Так, как с мартом – начало весны.
Всё прекрасное родственно с ними –
Свет зари и румянец лица.

Имя женщины, нежное имя,
Как весна, окрыляет сердца.
После зимней погоды унылой
Мир спешит синевою блеснуть.
Ветерок, как дыхание милой,
Наполняет волнением грудь.
И капли весёлая пляска,
И берёзки проснувшейся стать –
Словно старая добрая сказка,
Что когда-то поведала мать...
Пусть по всей лучезарной Отчизне
Пронесётся за солнцем вослед
Нашим женщинам, спутницам жизни,
Самый лучший – весенний привет!

// Кузбасс. – 1982. – 8 марта. – С. 4

* – это же, несколько изменённое, стихотворение см. в данном сборнике на с. 68 под названием «Весенний привет»

ВЕСЕННИЕ СОНЕТЫ*

Проснёшься оттого, что под ресницы
 Пробьётся свет горячий из окна.
 И полудрёма мыслью озарится
 Внезапной, как восторг: «Пришла весна!».
 Откроешь дверь – всё весело искрится,
 Пронизывает двор голубизна.
 Вблизи крыльца завалинка дымится,

Завечерело. Но ещё по сёлам
 Нет ни огня. Ещё светло вокруг.
 Бежит машина рядом с частоколом
 Деревьев, за толпой которых – луг.
 Скользит закатный свет по веткам голым,
 Бьёт встречный ветер, звонок и упруг.
 Бежит среди стволов огнём весёлым

И тонко пахнет прелостью копна.
 От громкой переклички петушиной
 Звенит прозрачный воздух, как хрусталь.
 Лесок на взгорье веток паутиной
 Темнеет чётко – сбросил снега шаль.
 Душа с природой слиты воедино.
 И даль земли зовёт, как жизни даль...

Горячий, раскалённый солнца круг.
 Не скоро он погаснет – так лучится
 На горизонте, мгле наперерез,
 И сумеречный лес слегка искрится,
 Пронизанный закатом ярким весь.
 А солнце мчится огненной жар-птицей
 Вслед за машиной сквозь прозрачный лес!

*// Кузбасс. – 1982. – 1 апреля. – С. 4***ПРАЗДНИК ТРУДА****

Мы помним ту далёкую субботу,
 Тех славных коммунистов-москвичей,
 Которые свой труд, свою работу
 Как дар вручили Родине своей...
 Грозил Колчак, сжимая войск подкову.
 Нужде, разрухе – края не видать.
 Сердца внимали ленинскому зову –
 Все силы Революции отдать.
 Да, сделать это надо непременно,
 Для новой жизни надо брать разбег!
 ...И вот тогда в депо в ночную смену
 Пошли они, пятнадцать человек.
 Там паровозы стили на ремонте.
 Как можно им стоять, не быть в пути,
 Когда красноармейцев ждут на фронте,
 А эшелоны нечем подвезти?..
 Почти полсуток длилась та работа,
 А утром коммунисты – чуть рассвет, –
 Устало вытирая капли пота,
 Смотрели поездам ушедшим вслед...
 Ильич судил о людях не по чину,
 А по делам на благо всей страны.
 И этому великому почину –

Он прозорливо понял – нет цены.
 Он, мудрый вождь и редкостный работник,
 С простым рабочим людом заодно,
 С народом вместе, выйдя на субботник,
 Сам поднимал тяжёлое бревно...
 Тех паровозов с грохотом и свистом
 Мы и доньше слышим быстрый ход.
 Наследником той горстки коммунистов
 Стал в наши дни весь труженик-народ.
 Весна красна раздольем и расцветом,
 И солнцем, и греющим в реках льдом,
 А наша жизнь, наполненная светом,
 Красна коммунистическим трудом.
 Что паровоз – мы и дворцы, и школы,
 Заводы, комбинаты возвели,
 И атомные чудо-ледоколы,
 И звёздные ракеты-корабли!
 Мы рады и горды не беспричинно:
 На вдохновенном празднике труда
 Живой росток великого почина
 Расцвёл – и не увянет никогда!

// Кузбасс. – 1982. – 18 апреля. – С. 1

* – эти же сонеты с небольшими изменениями см. в настоящем сборнике на с. 90;

** – см. это же стихотворение на с. 60 в настоящем сборнике (Примечания Н. Инякиной).

СИНЕВА, СИНЕВА...

Вновь река течёт степенно.
Отбуянил ледоход.
Над рекою белопенно
Куст черёмухи цветёт.

Он сверкает крутолобо,
Грезит пройденной зимой:
Вроде снежного сугроба
Над водой и в ней самой.

Ах, какая кругом синева!
Облаков синеваты волокна,
В синем блеске реки рукава,
Синью солнечной светятся окна.

И от этой живой синевы
Над холмами, лугами, в аллее
Зелень первой листвы и травы
Изумрудней, нежней, веселее.

Майская гроза без церемоний:
Будоражит небо, как багром.
В синеву вонзая копыта молний,
Гром грохочет – гулкий вешний гром.

Вот умолк. И мир в горячем блеске
Тишиной и влагою набряк.
Только где-то в дальнем перелеске
Эхо грома катится в овраг.

// Кузбасс. – 1982. – 2 мая. – С. 4.

ВОИНЫ РОССИИ*

Вновь над Россией журавли трубят.
В весенних парках девушки смеются...
А я припоминаю тех ребят,
Которым не пришлось с войны вернуться.
Былые однокашники мои!..
Когда заря июньская померкла,
Почти что с ученической скамьи
Ушли они в жестокие бои –
В горячее, грохочущее пекло.
Один ещё под Бродами убит –
В тот первый год на западной границе.
Другой над Сталинградом в небе сбит.
От третьего лишь карточка хранится.
А сколько их упало на бегу
В Берлине, за неделю до салютов!
Я всех сейчас и вспомнить не могу –
Так нас война подкашивала люто...
В историю Кузбасса своего,

В историю Отечества родного
Ребята поколения моего
Вписали кровью Памятное слово.
Их сердцем молодым Москва жива.
Они рейхстаг победно штурмовали!..
Опять скорбя солдатская вдова
Стирает пыль с поблёкнувшей медали.
Нет для неё дорожке ничего –
О суженом душевные беседы.
И мы, живые сверстники его,
Её поздравить рады с Днём Победы...
Пускай идут, торопятся года
В пороше снежной,
В майской тёплой сини –
Не забывают, люди, никогда
Живых и мёртвых воинов России!

// Кузбасс. – 1982. – 7 мая. – С. 4.

Поэтическая рубрика

С БОЛЬЮ В СЕРДЦЕ

Иван Семёнович Арсиенко родился на Украине в 1931 г. Закончил Киевский индустриальный техникум. Трудовой путь начал с пятнадцати лет, работал фрезеровщиком, слесарем. В настоящее время начальник цеха на Кемеровском заводе химического волокна.

Стихи начал писать ещё в молодости. Но писал больше для себя, нигде не печатался. Военная тематика в стихах И. Арсиенко не случайна – Великая Отечественная война застала его семью на

* – см. это же, несколько изменённое стихотворение см. на с. 96 здесь же, в этом сборнике

границе, в городе Перемышле. Отец, будучи кадровым офицером Красной Армии, погиб в первые же часы нападения на нашу страну гитлеровских захватчиков. Естественно, что тема войны не могла пройти бесследно в поэтической работе автора. Эти стихи далеки от совершенства, но написаны они очень правдиво, как говорится, с болью сердца.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей.

Иван АРСИЕНКО.

ТАК БЫЛО

Ещё спокойно спали малыши,
 Спокойно матери их спали,
 А за рекой в предутренней тиши
 Уже в стволы снаряды досылали...
 Ещё дивчину у плетня
 Любимый обнимал, целуя очи,
 И он не знал, как вихрь огня
 Обрушится на них к исходу ночи...
 Ещё никто не знал, кому там жить,
 Кому вздохнуть последний раз осталось –
 Всё на алтарь Отчизны положить,
 Всё то, что от неё досталось...
 Ещё была не «Таня» – Зоя,
 Ещё Гастелло не сгорел,
 И крепость Брестская не принимала боя,
 Матросов ремеслом солдатским
 не владел...

Ещё не знали, кто герой,
 И был солдат ещё известный,
 Что встанет в мраморе горой,
 О ком слагать мы будем песни...
 Ещё разрыв не разметал
 Берёзы около пригорка,
 И наш солдат ещё не знал,
 Как отступление будет горько...
 Ещё мальчишка не седел,
 От горя мать безумною не стала,
 Огонь народной мести не горел,
 Отчизна «Братья, сёстры!..» не сказала...
 Но вот взревело и рвануло,
 И нет уж больше тишины.
 Всё в смерче смертном утонуло...
 Так грянул первый час войны.

// Кузбасс. – 1982. – 9 мая. – С. 4.

Календарная страница. ИЮНЬ.

Он пришёл, как первый друг,
 Первый месяц лета.
 Сколько зелени вокруг,
 Солнечного света!
 С неба сумрачность смела
 Облачная вата.
 Сосен жаркая смола
 Пахнет горьковато.
 Чтоб самой себе помочь,
 От заката до восхода –
 От леска до огорода –
 Проложила мостик ночь.

И по мостику тому,
 По дорожке этой краткой
 Ночь спешит пройти украдкой,
 Серый плащ надев на тьму.
 Солнышко глядится даже в балку,
 Луч его в любую щель проник.
 Речка заывает на рыбалку,
 Искупаться манит, где тальник.
 Клён с берёзкой в солнечной оправе,
 Ласков тёплый воздуха поток.
 Мотылёк в цветах и в разнотравье
 Сам похож на радужный цветок.

// Кузбасс. – 1982. – 1 июня. – С. 4.

Календарная страница. ИЮЛЬ.

ЗВЕНИТ, ЗВЕНИТ ПОКОСОМ...

Помню, с мамой приезжали
 Мы с покоса вечерком.

Помню, оба с ней дышали
 Солнцем, травами, леском.

И во сне в тот день хороший
Ощущал я пучек сок,

Река у отмелей-излук
Блестит зеркальным плёсом.
А за откосом роснй луг
Звенит, звенит покосом...

Красотой душа полна,
Как бывало уж когда-то:
Смотрит ранняя луна
На румяный свет заката.

Видел луг, травой заросший,
И берёзовый лесок.

Приди сюда издалека,
Постой у переправы,
Где пахнут рыбою река
И зноем пряным – травы.

Тишь в деревню принесла
На кошачьих мягких лапах,
Дух коровьего тепла –
Молока парного запаха.

// Кузбасс. – 1982. – 1 июля. – С. 4.

Календарная страница. АВГУСТ.

ЖАРКОЕ ЛЕТО ЛЮБЯ...

В полдень, как будто в парной,
В роще с ручьём, с муравейником
Крепкий, устойчивый зной
Пахнет берёзовым веником.

Тополя шумят предвестьем осени,
Зеленея, как всегда,
А в речной, на вид холодной, просини
Всё прозрачнее вода.

Среди отавы круглый стог
Глядит на мир, как именинник.
Но всё поздней горит восток,
И всё желтей, желтей осинник.

Жаркое лето любя,
Ветер – едва просыпается –
Парится, хлещет себя
Так, что листва осыпается.

В ней ночами ярко, чисто светятся
Звёзд мигающих лучи...
Скоро с первым заморозком встретятся
Травы белые в ночи.

Ещё в избытке синевы
За белой облачной оградой,
Но ветерок сквозь дрожь листвы
На зорьке вдруг дохнёт прохладой.

// Кузбасс. – 1982. – 1 августа. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

СЧАСТЛИВАЯ

Её нельзя назвать красивой,
Но так и светится она,
И чувствует себя счастливой –
Всё оттого, что влюблена.

Пусть кто-то слёзы льёт в подушку,
А ей легко: есть в мире тот,
Кто и её, для всех дурнушку,
Своею милою зовёт.

ПРОЩЕНИЕ

Прошла их жизнь, ничем не веселя.
Стал плох старик. Отходит. Дышит глухо.
– Я тут тебе сварила киселя, –
Вдруг подобрев, промолвила старуха.

– Нет, не хочу... Кисель ему постыл.
Но помолчал и... тихо: – Дай немного...
И было ясно: он её простил,
За всё простил у смертного порога.

НА СЛОВАХ

Ты добрый на словах, а не на деле.
Что за цена у этого добра,

Коль у тебя семь пятниц на неделе:
То хашь нынче, что хвалил вчера.

Путь выбирать любой, конечно, волен,
Но твой сигнальной лампочкой горит:

СОВЕСТЬ

Не завоеет бешеная вьюга,
Не закахнет шумный летний лес,
Если ты забыл большого друга,
Если для него почти исчез.

Не верить тем, кто сам собой доволен,
Кто о себе «Я добрый!» говорит.

Ничего такого не случится,
Кроме встречи с совестью своей.
В час бессонный в сердце постучится,
Спросит: «Как так?..» Что ответишь ей?

ЖИЗНЬ

Каким бы долгим ни был век
В своём обычном ритме,
Едва ли скажет человек:
Мол, надоело жить мне.

А если скажет – значит, лгун.
Что может быть противней?
Пусть жизнь не только в блеске лун –
Всё хочется пройти в ней!

// Кузбасс. – 1982. – 22 августа. – С. 4.

Календарная страница. СЕНТЯБРЬ.

КОСЯК ЖУРАВЛИНЫЙ

За машиной – не отстать бы! –
Листьев, листьев вихрь столбом.
И машина, как в день свадьбы,
Вся в том вихре золотом.

Миг – и вдалёк она умчалась,
Не догоним, не вернём...
Это осень обвенчалась
С золотым сентябрьским днём.

Уж не теплится сосен кора
Под сухою, колючею кроной...
Шумно льётся зерно в бункера
В хлебном поле с работой бессонной...

Свежий воздух в охотку мы пьём.
День – погожий, хотя и не длинный.
Самолёт серебристым копьём
Обгоняет косяк журавлиный.

// Кузбасс. – 1982. – 1 сентября. – С. 4.

ОГНИ КУЗБАССА

Вышел из печати и поступил в магазины книготорга третий номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса». Читатель найдёт в нём и уже известные, и новые имена. Широко представлены в третьем номере

рассказчики. Это Владимир Коньков, Людмила Филаткина, Вадим Макшеев. Поэт Валерий Зубарев вышел к читателям на сей раз с рассказом «Стариковский эдем». Короткие рассказы Валерия Баранова, Николая Скорова, Александра Легчило, Алексея Бабанина, Павла Броницкого собраны в антологию.

Богата и разнообразна поэтическая рубрика третьего номера альманаха. В ней подборки стихов Валентина Махалова, *Михаила Небогатова*, Геннадия Юрова, Павла Майского. Под рубрикой «Наш современник» опубликован очерк Николая Сазонова о металлургах Новокузнецкого алюминиевого завода, о том, какие технические трудности приходится им преодолевать в борьбе за решение производственных задач.

70 лет исполнилось бы в этом году лауреату Государственной премии кузбасскому прозаику Александру Волошину, автору романа «Земля Кузнецкая». Альманах отмечает юбилей писателя воспоминаниями людей, работавших вместе с ним.

Двести лет исполнилось городу Салаиру – центру горно-заводской промышленности. В очерке историка Михаила Сорокина «Великий князь в Салаир не поедет» рассказывается о выступлениях салаирских горнозаводских рабочих против самодержавия и угнетения.

В рубрике «О новой книге моего товарища», ставшей уже традиционной, альманах помещает рецензию Геннадия Полицына на повесть Г. Естамонова «Здесь я живу».

Заключает третий номер альманаха юмористический рассказ Тамары Страховой «Мишку мы назад привезём».

Л. ГЛЕБОВА. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1982. – 18 сентября. – С. 4.

Календарная страница. ОКТЯБРЬ.

ЛУЧИК СОЛНЦА

В саду, что шуршит листопадом,
В сквозном, обнажённом саду,
Где всё отдалённое – рядом,
Душою ты слышишь «Ау-у!»

Оно из ушедшего лета,
Как будто из прожитых лет,
От ливней, от грома и света
Печальный прощальный привет.

Когда тепло на волоске,
Когда дожди смывают просинь,
Пусть полумрак приносит осень –
Не поддаюсь её тоске.
Пусть мир – как тусклое клише,

Пусть лето выпито до донца –
Не омрачённый лучик солнца
Уютно теплится в душе.

// Кузбасс. – 1982. – 1 октября. – С. 4.

Календарная страница. НОЯБРЬ.

ГРОЗДЬЯ РЯБИН...

Тучи низко нависли
Там, где щётка стерни.
Невесёлые мысли
Навевают они.

Но над сумрачным яром
У холмов и ложбин
Сердце радуют жаром
Гроздья красных рябин!

Ночью стало в комнате светло.
Мрак исчез, не выдержал набега
Молодого, царственного снега:
За окном как будто рассвело.

И уже все мысли о зиме,
Словно бы сместилось время суток...
Видишь поле, синий первопутук,
В снежных шубах ели на холме.

Говорят, что плохая примета,
Если птичка влетает в окно.
Но не знает синичка про это –
С нашей кухней знакома давно.

У неё это стало привычкой:
Возле форточки – точно своя.
Мы зимой с озорницей синичкой
Вопреки всем приметам друзья.

// Кузбасс. – 1982. – 2 ноября. – С. 4.

ДОБРОГО ПУТИ!

Недавно у нас в редакции побывала очень юная сочинительница стихов. Зовут её Наташа Вишневская, она ученица 10-го класса кемеровской школы № 10. Наташа принесла с собой две ученические тетради, исписанные крупным, полудетским почерком. Стихотворения. Дата под самым первым: 18 декабря 1979 г. Как видим, эти тетради – свидетельство трёхлетних литературных занятий.

Листаем страницу за страницей – и ничего особо примечательного не находим. Всё так, как бывает обычно в первых пробах пера: неровная, сбивчивая ритмика, приблизительная рифмовка. Но одна особенность всё-таки есть: Наташа ничего не выдумывает, пишет лишь о том, что её окружает, что волнует человека в таком, как она, возрасте: о школьных делах, об учителях, о дружбе и, конечно же, о первой любви, точнее, влюблённости. Стихи как стихи, и вдруг – что-то от настоящей поэзии, например:

«Доброта, точно лучик, сквозила в каждом слове и взгляде его, Я с собой доброту уносила и добрее была оттого». Или вот эти несколько строк, написанные белым (нерифмованным) стихом: «Где лучше всего

поймёшь одиночество? В поле, где прозрачная от солнца трава, дымка берёз, налитая голубизной пропасть неба и ты – один».

Наташа Вишневская – в этом нет сомнения – автор с обнадеживающей перспективой. Судя по тому, как она писала три года назад и как пишет сейчас, от неё можно ждать многого, истинно поэтического. Пожелаем же ей доброго пути!

М. НЕБОГАТОВ

Наташа ВИШНЕВСКАЯ.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНЕЙКА

Спускали флаг. Последний раз за смену.
Он, трепетавший тихо поутру,
Мгновениям последним понял цену
И развернулся на тугом ветру.
Он рвался выше, к небу, и казалось –
Под ним земля в малиновом цвету.
Он был – как птица. Птица не сдавалась
И набирала снова высоту.

И так хотелось крикнуть: «Подождите!»,
Но губы словно спаяны тоской.
А флаг спускался, как в безмолвном крике,
Прощаясь с неба чистой синевой.
Спустили флаг – и сразу смолкли звуки,
И опустились ветра паруса...
А у кого-то чуть дрожали руки,
И кто-то прятал все в слезах глаза.

ПЕСНЯ ДОРОГИ

Разом бросило в дрожь вагоны
В тот последний короткий миг,
И повис над пустым перроном
Стук колёс словно чей-то крик.
Встречный ветер дыханье студит,
Рельсы поезд догнать хотят...
Как устроены странно люди –
Уезжая, всегда грустят.
Даже если потом вернуться,
Через месяц, а может – год,
Даже если в пути сотрутся
Все следы городских невзгод.

А глаза на прощанье строги...
Неизменно колёсный стук –
Это символ большой дороги,
Это спутник людских разлук.
Боль проходит. Закат навстречу
Поднимается в полный рост.
И присевший на шпалы вечер,
Как дорожная песня, прост.
А когда станет всё обычным,
Остановится день в окне,
Будет чуточку непривычно
Жить по-прежнему в тишине.

УТРОМ

Однажды утром – совсем пустяк –
Всё так же будто и всё не так.
Деревья стали чуть-чуть стройней,

Как будто сняли чехлы с ветвей,
И дымкой зыбкой проспект одет.
Весны улыбка – Зелёный цвет.

Рис. В. Илиндеева. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1982. – 6 ноября. – С. 4.

«АВРОРА»*

Нет, недаром в день ненастный, серый
Именем «Аврора» назван был
Крейсер, что начало новой эры
Громом пушек миру возвестил.
Есть в «Авроре» свой особый символ,
В нём вся суть событий Октября:

В сказах этим именем красивым
Называлась ранняя заря.
И не гаснуть давних дней зарницам,
А всегда гореть у нас в груди.
Ярко новым зорям-заряницам
Заниматься в даях, впереди.

* – см. это же, несколько изменённое, стихотворение на с. 55 и с. 114 настоящего сборника

И шагать нам к радости и счастью
Дружною семьёй, к плечу плечом –

С партией, с родной Советской властью,
С дорогим, любимым Ильичём!

// Кузбасс. – 1982. – 7 ноября. – С. 1.

ПИСЬМА

Утро – нетерпение само:
Почты жду. И есть на то причина –
Может, будет в ящике письмо,
Весточка от дочки или сына?

Дней десяток нет – и срок не мал.
А на сердце ноющая нота:
Сам-то маме часто ли писал?
Ну-ка вспомни... То-то и оно-то.

СЕРДЦЕ И РАЗУМ

Не суди о чём-то свысока:
Всё, мол, знаю, всё я понимаю...
Пусть всеислен разум на века
– Сердцу, сердцу больше доверяю.

Я пытался разумом обнять
То, что объяснить не трудно вроде.
Ничего так и не мог понять
Ни в себе, ни в людях, ни в природе.

ТАК ДАВНО...

Когда-то в детстве – так давно! –
Тщеславье было мне знакомо:
Чтоб мама видела в окно,
Я на коньках кружил у дома.

И хоть деньков прошло – не счесть,
В душе всё так, как в том катанье:
Старанье есть, упорство есть,
Лишь красоваться нет желанья.

УТРОМ

Хоть не все ещё сны улетели,
А уж слухом ты ловишь с тоской,
Как тебя поднимает с постели
Раздражающий шум городской...

Утро сельское кажется раем.
В недоступной оно вышине...
Как о хлебе насущном, мечтаем
О лесной, полевой тишине.

ГУРЬЕВСК

Малая родина есть у любого.
Вижу свою под горой у плетня.
Вроде душевно-заветного зова
«Гурьевск любимый» звучит для меня.

Жизни дорога – начало и финиш,
Каждый шагает своею, одной.
В этой дороге из сердца не вынешь
С сельским обликом город родной.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1982. – 16 ноября. – С. 4.

Календарная страница. ДЕКАБРЬ.

ЗИМНЕЕ...*

Как робко, как поздно светает –
Почти что в полднемном часу...
Снежок, чуть мерцая, витает
В безмолвном, пушистом лесу.
И в поле, в безбрежности белой,
Весь день полумрак, полусвет...
И думает мир поседелый
О чём-то, в чём радости нет.
Ещё не смерклось. Вечер чуть в начале
Над лесом дальним, над его ребром,

А в небесах беспечно, без печали
Маячит месяц тусклым серебром.
И чем снега темней в пустой аллее,
Где разглядеть нельзя уж ничего,
Тем юный месяц ярче и светлее,
Тем серебристей, краше лик его.
Стожок у межи-перекрёстка
Нахохлился как воробей.
Сочувственно смотрит берёзка,
Как молвит: – Встряхнись, не робей!

** – хотя в газете всё напечатано слитно, без междустрочных интервалов, по смене ритма можно легко определить, что здесь не одно, а три разных стихотворения на заявленную тему (Примечание Н. Инякиной)*

Пусть зябну я в стуже несносной,
А ты же – как тучный сугроб,

Ты вспомни июль сенокосный,
Чтоб легче забылся озноб.

// Кузбасс. – 1982. – 1 декабря. – С. 4.

Календарная страница. ЯНВАРЬ.

СЛОВНО СНЕЖНЫЙ ЗВЕЗДОПАД...

Мимо солнечного диска,
Розоватого слегка,
Рядом-рядом, близко-близко
Проплывали облака.

Задержались, будто с ношей,
И при солнце – невпопад –
Вдруг заискрились порошей,
Словно снежный звездопад.

Не помню, сколько, но раз пять я,
Не меньше, примечал в лесу:
Зимой деревья – как распяты,
Не помнят летнюю красу.

Снега на ветках – как вериги.
Так тяжелы, что гнут к земле...
Мороз. Лишь круг луны-ковриги –
Как память о печном тепле.

// Кузбасс. – 1983. – 4 января. – С. 4.

В ТОМ ДАЛЁКОМ ГОДУ*

Помню: по заснеженной дороге
Сталинградской выжженной земли,
Обмотав тряпьем, рогожей ноги,
Фрицы присмирившие брели.
Длинная – до кромки небосклона,
Извиваясь, страха не тая,
Проползала серая колонна,
Как с хребтом поломанным змея...
Помню вражеской техники останки:
«Мессеры», сведённые в дугу,
Мёртво скособооченные танки,
Пушки вверх колёсами в снегу...
Все мы – от солдата до комбрига,
Видя эту свалку, этот сброд,
Верили: любителей «блицкрига»
Разобьёт советский наш народ!

В эти дни крутого восхождения
На вершины новых ратных дней
С радостью узнал я о рожденье
Кемеровской области моей.
Трепетало зарево пожаров,
И сквозь дрему, в холоде ночей,
Видел я кузнецких сталеваров,
Освещённых заревом печей.
Вглубь землянок, в сумрачные норы
Шли бойцы, закончившие бой, –
Представлял: в Прокопьевске шахтёры
В этот час спускаются в забой...
И неслись на запад смерчи стали!
И уже Берлин в тревоге стыл.
Это земляки нам помогали,
Фронту помогал сибирский тыл!

// Кузбасс. – 1983. – 26 января. – С. 1.

Календарная страница. ФЕВРАЛЬ.

УЖЕ СОСУЛЬКИ И ПРОТАЛИНКИ...

На ветвях бахрому развесил
Ветер, с дальних примчась земель.
Так недолго он куролесил –
Лишь намёком был на метель.

Пошумел и ушёл, бродячий,
Вдаль, за город, где в блесках снег,
Словно вспылчивый и горячий,
Но отходчивый человек...

* – несколько изменённый фрагмент стихотворения «На переднем крае», посвящённого юбилею Кемеровской области, см. на с. 37 настоящего сборника. Кемеровская область образована 26 января 1943 года (Примечания Инякиной)

Зима уж скоро снимет валенки.
 Ей солнце видится во сне...
 Уже сосульки и проталинки
 Напоминают о весне.

Вечерами, придя из леса,
 За окном зажигая окно,
 Плотный сумрак тяжёлой завесой
 Обрывается: раз – и темно.

Она придёт к нам, ясноликая,
 И синевой затопит мглу...
 Не зря воробушки, чирикают,
 Дают всем знать: их шум к теплу!

Но всё раньше рассвет над рекою,
 Где весною – простор для шуги.
 Ранний час от ночного покоя
 С каждым днём убыстрит шаги!

// Кузбасс. – 1983. – 1 февраля. – С. 4.

ЛИРИКА

БЕРЕГА

Жаждой новизны весь век живём.
 С берега открытий – с малолетства –
 К берегу желания из детства –
 К юности – старательно плывём.

Славен берег зрелого труда,
 Выполнение долга, обещанья...
 Вот и старость берегом прощанья
 Светит, как полночная звезда.

СЛОВО И ДЕЛО

Всё же много недобрых людей.
 Вот и вновь тебя чем-то расстроили –
 Злою кривдой какой, клеветой ли.
 Плюнь. Мужайся. Собою владей.

Что ты прав, и на множество лет,
 Ты не словом, а делом доказывай.
 Слово – это лишь пропуск твой розовый,
 А дела – к дальней дали билет.

В ЮНОСТИ

Пришла и села на диван.
 Запахло в комнате духами.
 И миг, что счастьем осиян,
 Зовёт воспеть его стихами.

Так весел блеск в глазах у нас,
 Так молоды мы беспечно,
 Что и не верится сейчас,
 Как будто было нереально.

НЕМНОГИМ ДАНО...

Сердце связь не ослабило
 С тем, что было давно...
 Сделать жизнь свою набело
 Лишь немногим дано.

Мир то светит берёзками,
 То весна – не весна...
 Черновыми набросками
 Чаше юность красна.

// Кузбасс. – 1983. – 6 февраля. – С. 4.

Календарная страница. МАРТ.

И СИНИЙ КОВШ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ...

До свиданья, зима, до свиданья.
 Как всегда, мы помашем вслед.
 За чертой твоего увяданья –
 Дней весенних желанный расцвет.

С полевых заснеженных дорог,
 Из лесов с дыханием сосновым,
 Ароматный, свежий ветерок
 Веет чем-то ласковым и новым.

Забирай своих выюг веретёнцев
 И пряди свою пряжу вдали...
 Снова ясное красное солнце
 Над простором Кузнецкой земли!

То весна, придя гостить у нас –
 В голубой сугробистой Сибири, –
 Светом, ослепительным для глаз,
 Дали распахнула в звонком мире.

Ещё как будто приморожены
К закату леса кружева.
Ещё в полях снега ухожены –
Метель вчера была жива.

Но всё раздольней небо светится.
Там звёзд – как во поле цветов.
И синий ковш Большой Медведицы
Тепло разлить уже готов!

// Кузбасс. – 1983. – 1 марта. – С. 4.

СЛЕД ВАШ ДОБРЫЙ СВЕТИТСЯ ВЕЗДЕ...

Ясно чувство утреннего часа:
Столько доброты и света в нём...
С праздником вас, женщины Кузбасса,
С Днём восьмого марта, вешним днём!
Наши сёстры, матери и жёны,
Вы всегда с мужчинами в строю...
Вижу вас, над зыбкою склонённых,
С задумчивым «баюшки-баю».
Вижу в поле сильных, загорелых,
На плотах, плывущих по реке.

Слышу вас, застенчивых и смелых,
Проходящих с песней вдалеке...
Был ваш путь – от печки до порога,
А теперь – взгляните-ка вперёд:
Распахнулась вольная дорога
До самих космических высот!
Это вами поднята пшеница,
Дом построен, вымощена гать.
Как же вам, родным, не поклониться,
Как же вам спасибо не сказать!

// Кузбасс. – 1983. – 8 марта. – С. 1.

Календарная страница. АПРЕЛЬ.

ВЕРБНЫХ ВЕТОК ДЫМОК...

По лоскуткам сизым снежным,
Сам как снежный колобок,
С воркованьем мягким, нежным
Ходит сизый голубок.

Он со снегом цветом слился,
Отличит не сразу взгляд,
Будто взял и облачился
В маскировочный халат.

Осенило высоким
Неба синим крылом,
Опахнуло далёким
С поля южным теплом.

Под стеною седую
Снег до нитки промок.
А над талой водою –
Вербных веток дымок.

Не скрипит мороз, ушли метели.
Где был снег, там юная трава...
Вдруг средь ночи слухом овладели
Звуки, непонятные сперва.

Было что-то новое в просторах.
Дождь? Ну, точно! Тихо к нам придя,
Ночь заполнил шелест, шёпот, шорох
Первого апрельского дождя.

// Кузбасс. – 1983. – 1 апреля. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

СУДЬБА

Так сложилась смолоду судьба,
Что теперь я – старый житель города.
Но стоит в глазах моих изба,
Рядом с ней – соломенное золото.
Хорошо в закатной полумгле

Вновь вернуться к детству,
В сердце спящему...
Не одни живущие в селе
Влюблены в него по-настоящему.

СЛАВА

Кто гоняется за славой,
От того она – бегом.
У неё, такой лукавой,
Всё свершается тайком.

Притворяется то павой,
То старухой глухой...
Не хочу дружить со славой –
Ни с хорошей, ни с плохой.

ЧЬЁ-ТО ГОРЕ

Чтоб понять чьё-то горе в натуре,
Дать совет тебе добрый позволь:
Попытайся на собственной шкуре
Ощутить этой горечи боль.

Коль она омрачит твоё счастье,
Всё нарушит в душе и в дому –
Непременно проявишь участие
К безутешному горю тому.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1983. – 23 апреля. – С. 4.

Календарная страница. МАЙ.

СОЛНЕЧНЫЕ СТРОЧКИ

Вбежал внучонок с улицы –
Уж так он рад весне!
Букетик одуванчиков
Протягивает мне.
– Цветы уже! Хорошие!
Ещё не видел ты?

Как маленькие солнышки,
Горят в руке цветы.
А я смотрю на малого,
Цветам не столько рад:
Светлее одуванчиков
Глаза его горят!

Недолго дождик, с ветром ссорясь,
Метался, прыгал у окна.
Устал. Притих. Одна лишь морось
На тёмных лужицах видна.
Гляди, и той уже не стало,
Все лужи – словно зеркала.

А вот и солнце засияло!
Шутя весна своё взяла.
Обрывок тучи с небосклона
Она смахнула, точно шаль,
И в лёгком платьице зелёном
Идёт, зовёт куда-то вдаль...

// Кузбасс. – 1983. – 2 мая. – С. 4.

СЛАВА СИБИРЯКОВ

На закат, где пылал горизонт,
В сорок первом, по солнечной шири
Уезжали мальчишки на фронт
Из таёжного края – Сибири.
Уезжали от школьной скамьи,
Став по зову Отчизны бойцами,
И отважно вступали в бои,
В бури грозные вместе с отцами...
Мы разбили врага под Москвой,
Мы разбили его в Сталинграде.
Бился насмерть сибирский герой
Ради жизни и Родины ради.
Под Орлом и на Курской дуге
Удержали мы танков лавину.

Устояли в смертельной пурге,
Чтобы двинуться прямо к Берлину.
Было нам тяжело, тяжело,
Где свистела и бомба, и мина.
Много нас, молодых, полегло,
Но живые дошли до Берлина!
И победным парадом в Москве
Снова мир утвердили мы в мире
И под звёздный салют в синеве
Возвратились к любимой Сибири...
Сибиряк, наш герой сибиряк –
Сколько гордости в этом девизе!
Пусть же помнит и новый наш враг
Мощь и крепость сибирских дивизий.

// Кузбасс. – 1983. – 9 мая. – С. 1.

ПОД НЕЗАКАТНЫМ НЕБОСВОДОМ...

С короткой ночью, длинным днём
Июнь приходит не впервые.
Но столько ласки доброй в нём,
Так горячи лучи живые,

Так светел он и зелен вновь
Под незакатным небосводом,
Что, словно первая любовь,
Волнует всех своим приходом.

Под клёнами, берёзками,
Где ароматов смесь,
Кукушкиными слёзками
Пропитан воздух весь.

Те запахи отменные
Вместить бы мне в стихи.
Куда там драгоценные
Французские духи!

Встречая утра алые полосы,
Воркуют под окошком сизари.
А в белоствольной рощице берёзки
Листою ловят капельки зари.

Краса земная, будь благословенна!..
Дождь прошумел – и мир ещё новей,
Где над ручьём поёт самозабвенно
Варакушка – сибирский соловей.

// Кузбасс. – 1983. – 1 июня. – С. 4.

РАССЫПАТЬСЯ РОСАМ...*

На дворе жарынь, печёт нещадно,
Яркий свет, горячий пыльный прах,
А в уютной горнице прохладно,
Как войдешь со свету – полумрак.
Снимки в рамках. Книжек старых горка.
Приглушённо радио поёт.

В знойном блеске тюлевая шторка
На окне, открытом в огород.
И оттуда в низкое оконце,
Чуть колебля тонкий, лёгкий тюль,
Ветерком и зеленью и солнцем
Тихо веет ласковый июль.

Рассыпаться росам,
Волноваться волнам
По покосам, плёсам,
Красотою полным.

Ну, а нам, как детям,
Любоваться этим.
Жить, пока живётся,
Петь, пока поётся.

// Кузбасс. – 1983. – 1 июля. – С. 4.

СЛОВО

Человеку, что словом владеет,
Очень крепкая сила дана.
Старый мир от неё молодеет
И метели цветёт белизна.

Знаем власть настоящего слова:
Убивает, спасает оно.
Будь же, слово, ты недругом злого!
А для добрых ты другом давно.

СВОЙСТВО

У тебя врачующее свойство:
Если что-то мне грозит бедой –
Как рукой снимаешь беспокойство,
Ободряешь, как живой водой...

Где мужик порой не знает броду,
Там, сильна и на слово остра,
Женщина готова с ходу – в воду,
Словно милосердная сестра.

* – стихотворение, несколько изменённое, см. на с. 35 настоящего сборника (Примечание Н. Инякиной)

ПТИЧЬЯ ФЛЕЙТА

На рассвете, чуть приметном, самом раннем,
 Тишины и темноты пронзая щит,
 За окошком с удивительным стараньем
 Птичья флейта переливчато звучит.
 И ничуть не одиноко этой флейте,

Каждый звук её призывом накалён:
 Поскорей, лучи, брусничный сок пролейте
 На высокий, ясноокий небосклон!

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1983. – 3 июля. – С. 4.

Календарная страница. АВГУСТ.

ОН ЗВЕНИТ ЕЩЁ ПТИЧЬИМ ЩЕБЕТОМ...

Август, хоть и сквозит бирюзою,
 Хоть и сухо пылит на юру,
 Часто резкой ночью грозою
 Отрезает от лета жару.

Он звенит ещё щебетом птичьим,
 Зрелой рожью, пшеницей пригож,
 Но уже чуть поблэкшим обличьем
 Всё же больно на осень похож.

К закату – всё длиннее тень.
 Уже встают стога...
 Ах, как дорога в летний день
 Мила и дорога!

Всё шёл бы, шёл дорогой той
 С речушкой заодно,
 Как лето, светлый, молодой,
 И добрый, как оно.

// Кузбасс. – 1983. – 2 августа. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

БЕРЕЗОВСКИЙ

Не надо тратить сил на розыски:
 Где он – подскажет вам любой...
 Красивым именем – Берёзовский –
 Назвали город молодой.
 И летом солнечным, под грозами,
 И в день осенний, и весной
 Он так и светится берёзами,
 Их чистой снежной белизной.
 В соседстве с домиками скромными
 И на холме, и вдоль холма
 Такими кажутся огромными
 Многоэтажные дома.
 Тайга со всей своей безбрежностью
 От крайних улиц – в двух шагах.
 И город тёсом, хвойной свежестью
 Весь по-весеннему пропах.

Он над старинными курганами
 И над разбуженной тайгой
 Царит величественно кранами –
 Железной радугой-дугой.
 Растёт он каменными стенами
 До облаков, до синевы
 И ловит чуткими антеннами
 Бесперебойный пульс Москвы...
 Нам город люб. Мы все друзья его.
 Но вон, осанисты, крепки,
 Шагают города хозяева –
 Идут со смены горняки.
 Встречает их шумливость детская
 И окон свет, и свет берёз...
 Гордись, гордись, земля Кузнецкая:
 Ещё один твой сын подрос!

// Кузбасс. – 1983. – 28 августа. – С. 4.

Календарная страница. СЕНТЯБРЬ.

КРАТОК ЛЕТНИЙ СРОК...

Огорчаюсь, коль рассвет печален,
 Улыбаюсь, если он лучист...
 Вот в огне оранжевых подпалин
 На ладонь кладу кленовый лист.

Никаких проблем я не решаю,
 Просто, видя сморщенный листок,
 Снова май цветущий вспоминаю
 И жалею: краток летний срок...

Выйду в поле, в море бездорожья,
Гляну вдаль – и сердце защежит.
На сухом цветке коровка божья
Алой каплей солнечной горит.
Затрещал и вновь утих кузнечик.
Пролетел последний мотылёк.
Словно голос детства, звон уздечек
Чем-то светлым на душу мне лёг...
Попрощаться с рощей

В платье пёстром
Захожу и долго там стою.
Грусть и радость вместе
Чувством острым
Наполняют тихо грудь мою...
Всё уже когда-то это было –
И стерня, и низких туч гряда, –
Но до дней последних будет мило,
Не уйдёт из сердца никогда...

// Кузбасс. – 1983. – 1 сентября. – С. 4.

Календарная страница. ОКТЯБРЬ.

БЕГУТ ОБЛАКА...

И дождь, и слякоть, и туман,
В пустынном дне осенний холод...
Былые вёсны – как обман,
Как будто ты и не был молод.

От сины, света нет следа.
Душа готова вдруг заплакать.
Как будто было так всегда:
Туман и мгла, и дождь, и слякоть...

Нет, не о днях
Я тоскую,
Тех, что бегут
Всё быстрее –

Осенью бренность
Людскую
Чувствуешь
Глубже, острее.

Как в отступлении войска,
От ветра сильного порыва
Бегут по небу облака
Вразброд, клочками, торопливо.
И очень странен их испуг
Над безмятежным строем сосен...
То гонит с севера на юг

Зима разгромленную осень.
Они уже в седой золе.
Бегут, смотря на мир смущённо.
А ветер треплет на земле
Деревьев жалкие знамёна...

// Кузбасс. – 1983. – 1 октября. – С. 4.

СЕГОДНЯ – ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

ИЗ ПОЭМЫ «ХОЗЯИН ЗЕМЛИ»*

Права на труд,
На жизнь даны
Сегодня миллионам.
Они навеки скреплены
Родной страны законом...
С тобою рядом –
Сотни глаз
Друзей, творцов Сибири.

И все они –
Рабочий класс.
Нет выше званья в мире!
Его величие и труд –
Грядущее планеты.
Не зря Величеством зовут
Рабочий класс поэты!

// Кузбасс. – 1983. – 7 октября. – С. 1.

* – этот же фрагмент см. в стихотворении «Его Величество» на с. 35 (Примечание Н. Инякиной)

СТЕНОЮ ВСТАНЕМ!

Мир – планете Земля! – эти слова коротко выражают смысл многих писем, поступивших в редакцию в последние дни.

Неделя действий за разоружение продиктована самой жизнью, крайне обострившейся за последнее время международной обстановкой, которая характерна тем, что вашингтонские поджигатели войны явно толкают народы к ядерной катастрофе. Мир в большой опасности.

В редакцию продолжают поступать отклики на заявление Юрия Владимировича Андропова. Пишут рабочие и служащие, домохозяйки и ветераны войны и труда, пишут в прозе и стихах, зачастую неумелых, но зато написанных от всего сердца, от всей души.

В тресте «Кузбасс ТИСИЗ» состоялось собрание коллектива в связи с заявлением Ю. В. Андропова. Руководство треста от имени трудящихся прислало в редакцию резолюцию, в которой, в частности, говорится: «Позорная авантюристическая политика Рейгана обречена на провал. Нас не запугать шантажом и угрозами, мы полны решимости отстаивать завоевания Октября».

Сто пятьдесят человек присутствовали на общем собрании дорожно-эксплуатационного управления Кемеровского горисполкома. Участники собрания единодушно проголосовали за выполнение плана 1983 года к 27 декабря. Как говорится в протоколе, это решение во имя мира, во имя счастья людей!

Сейчас, в дни, омрачённые угрозой новой войны, нет мечты более желанной, чем мечта о ясном, мирном небе. Стихотворение маринца А. П. Гордеева так и называется – «Мирное небо».

Над нами небо мирное

С живой голубизной.

Оно нас всех так радует

И дарит нам покой.

Но силы чьи-то тёмные

Стремятся сделать так,

Чтоб небо, столь спокойное,

Объял злоеущий мрак.

Так не дадим мы силам злым

Испортить красоту,

И небо будет голубым,

Земля будет в цвету.

Общеизвестна истина: дети – наше будущее. И особенно трогательны письма и стихи матерей, посвящённые детям, своей радости и надежде. «Мне двадцать шесть лет, – пишет кемеровчанка Л. И. Проняева, – у меня трое детей, самой маленькой три месяца. Я каждое утро слушаю радио и читаю газеты. До глубины души тревожат разговоры о гонке вооружений. Как и все матери земли, хочу, чтоб над головами всех детей ярко светило солнышко». И выразила это желание стихотворными строчками:

«С днём рождения!» – слышится часто

То ли здесь, то ли там, то ли где-то.

Мне б хотелось, чтоб день рожденья

Отмечала вся наша планета.

Чтобы мир на земле воцарился.

На года, на века и дольше.

Скажешь ты: – Человек родился.

Я скажу, что родилось больше.

Каждый день на земле день рожденья.

«Миру – мир!» – восклицают люди.

Скажем «Нет!» мы ядерной бомбе.

Мы хранить наш покой вечно будем.

Скажем: – «Нет!». И великое слово

Пронесётся над всей планетой.

Скажем: – Мир на земле нам нужен.

Словно эхо, нам вторят дети.

Ветеран войны И. М. Пермитин (г. Осинники) начинает своё письмо в редакцию прямым обращением к американскому президенту: «Коротка у вас память, господин Рейган... А из нашей памяти прошлая война ещё не выветрилась. Разве я забуду, как остался однажды на своём командном пункте один, и только с пистолетом в руках отражал атаку целой роты гитлеровцев. Сколько я за те длинные минуты пережил! И когда подошёл второй наш эшелон и гитлеровцы бежали, я тогда ещё подумал: вот одержим победу и будем всеми силами бороться за то, чтобы не было новой войны... Неужели американские «ястребы» и сам Рейган забыли, как наши русские солдаты презирали смерть, проявляли массовый героизм? Пусть они знают, что ничего из их первого удара, если они его нанесут, не получится. Не будут победителями».

С воспоминаниями И. М. Пермитина перекликаются высказывания ветерана войны и труда И. Макарова из Междуреченска: «Наша Коммунистическая партия с первых дней Советской власти ведёт политику мирного сосуществования между государствами. Нам чужды всякие войны. У нас свежи в памяти уроки второй мировой войны, в которой наш народ потерял двадцать миллионов человек».

Об уроках второй мировой войны напоминает господам империалистам В. С. Костеньков (г. Кемерово): «Вспоминаю годы прошедшей войны, когда советский народ, не жалея сил, на всех фронтах и в тылу ради спасения Родины день и ночь ковал победу над гитлеровским фашизмом. Только благодаря этим усилиям бесноватому фюреру и его полчищам не удалось завоевать мировое господство... И сегодня нам нужен мир и ещё раз мир!».

«Я не поэт, не писатель, я простой рабочий человек, – пишет кемеровчанин Н. Н. Лукьянчиков. – Сегодня мир – словно натянутая пружина. Американские империалисты угрожают всей цивилизации термоядерной войной. Любому честному человеку это небезразлично. Всеми силами мы должны сохранить мир, жизнь. Свой мысли я попытался выразить в четверостишии:

*Мы боремся всеми силами
За мир, за большую идею.
Но если коснётся главного,
Я жизни не пожалею...».*

Автору этого обзора как участнику Великой Отечественной войны тоже довелось своими глазами увидеть всё то, что принёс гитлеровский фашизм на нашу землю, – смерть и разрушения, кровь и слёзы, скорбь и отчаяние. Век бы не видеть и не испытывать всего этого! У бывшей медсестры поэтессы Юлии Друниной есть очень правдивое утверждение:

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Страшной была минувшая война, даже с обычным оружием, а что может быть ужаснее ядерных ракет и бомб, которые способны уничтожить всё живое на нашей планете, уничтожить самоё жизнь?! Да, мы за мир, за жизнь, за хорошие отношения со всеми странами, в том числе и с США, но, как сказал со всей прямоотой и убедительностью Ю. В. Андропов, добрую волю Советского Союза, его желание договариваться никому не следует принимать за признак слабости, обороноспособность нашей страны находится на таком уровне, что никому не советовал бы устраивать пробу сил.

Этот обзор писем в редакцию мне хотелось бы закончить стихотворными строчками:

<i>Врываясь в мирные рассветы,</i>	<i>Безумен, кто живёт, готовясь</i>
<i>Где сон детишек, тишина,</i>	<i>К засилью ядерных грибов.</i>
<i>Опять, опять в ушах планеты</i>	<i>Так неужели мы допустим,</i>
<i>Звенит «холодная война».</i>	<i>Чтоб пеплом мир покрылся вдруг?</i>
<i>Она идёт, как страшный поезд,</i>	<i>Нет! Встав стеною, мы опустим</i>
<i>Сулящий множество гробов.</i>	<i>Шлагбаум наших крепких рук.</i>

М. НЕБОГАТОВ, офицер в отставке,
член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// Кузбасс. – 1983. – 26 октября. – С. 4.

Календарная страница. НОЯБРЬ.

И СНЕГОПАД, И СОЛНЦЕ...

Как одуванчик, солнце	Но, как зимою,
В небе светлом	Цепкие зато.
Там, над полями,	То, смотришь,
В южной стороне.	Прилепились
А в городе, заигрывая	К голой ветке,
С ветром,	То звёздочками –
Летят снежинки,	К шапке и пальто.
Зимние вполне.	И снегопад, и солнце!
Они ещё и не крупны,	Право слово,
И редки,	От красоты

Захватывает дух:
Как будто
С одуванчика
Большого

Сдувает
Вышний ветер
Белый пух.

// Кузбасс. – 1983. – 1 ноября. – С. 4.

Календарная страница. ДЕКАБРЬ.

МОРОЗНЫЙ ПОЖАР

Тайга в снегу глубоком утонула,
Чернеет лишь стволами, вся бела.
Под снегом ели горбятся сутуло –
Вчера здесь вьюга бешено мела.
А нынче тишь, мороз. Тайга уснула.
Наверно, шуба хвойная тепла...
Но вот машина в сторону свернула

И в гору подниматься начала.
А за горой – небесная равнина,
Невидимого солнца ярый жар.
Как будто там – чудесная картина! –
Орудует у топки кочегар.
И мнится – с ходу врежется машина
С горы, со спуска прямо в тот пожар!

// Кузбасс. – 1983. – 1 декабря. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

ПЛОХОЕ И ХОРОШЕЕ

Проснёшься – как будто откроешь ворота
В реальность, где чувства без слов говорят.
Что есть наяву и хорошее что-то,
И что-то такое, чему ты не рад.

Шагает с тобою, ступая беззвучно,
И то, что на солнце, и то, что в тени.
Плохое с хорошим живут неразлучно,
Никак друг без дружки не могут они.

МГНОВЕНЬЯ

Печаль одолела? Пройдёт!
Набраться лишь надо терпенья.
В сравнении с вечностью год,
Десяток годов ли – мгновенье.

Лови же и шорох травы,
И капельки звёздного света...
Всё в жизни мгновенно, увы,
Как наше сибирское лето.

ПРЕКЛОНЯЮСЬ...

Много даровитых от природы.
Но заглухнуть может всякий дар,
Если прожигать бездумно годы,
Не беречь в себе душевный жар.

Жизнь жива гореньем и движеньем.
Преклоняюсь я перед любым,
Про кого с глубоким уваженьем
«Труженик великий» говорим.

ПОГОВОРКА

«Рано встала, да мало напярала» –
Поговорка у мамы была,
Если за день какой-то, бывало,
Не успеет все сделать дела...

Вот и в жизни моей, и в работе
Несвершённого – прорва, напасть,
Как ни бейся, всё время в заботе
Раньше встать и побольше напярять.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1983. – 4 декабря. – С. 4.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: НАТАЛЬЯ ПОНОМАРЁВА

Это случается не очень часто: просматриваешь очередную редакционную почту со стихами, и вдруг в её однообразном потоке, как искорки, сверкнули настоящие поэтические строчки. Нечего и говорить, какая же это радость – открыть для себя нового одарённого поэта.

Вот так недавно порадовали меня стихи Натальи Пономарёвой из г. Белово. Сразу же решил познакомить с некоторыми из них читателей «Кузбасса», надеясь, что и они разделят со мной это радостное

чувство. Автор заинтересовал меня, и я обратился к нему с некоторыми вопросами. Привожу выдержки из ответного письма Натальи Пономарёвой: *«Мне двадцать восемь лет. Стихи начала писать в школе, у нас был литературный кружок. В 1976 году окончила Анжеро-Судженский химико-технологический техникум (Анжеро-Судженск – мой родной город). По распределению уехала в Красноярск, работала на заводе медицинских препаратов. У меня две дочери: Надя и Оля. Я их очень люблю. В Белово мы переехали совсем недавно – этим летом. Сейчас я работаю в Бачатской автобазе...»*

Мои любимые поэты? Обожаю Лермонтова, которого могу читать и перечитывать хоть тысячу раз. Очень нравятся стихи Шандора Петефи. Ещё – Беранже. А ещё – Маяковского: чёткость, ритм, сила его стиха. Современных поэтов читаю много. У меня есть сборники произведений Острового, Фирсова, Татьяничевой, Друниной, Гамзатова... Но в первую очередь увлекает поэзия Роберта Рождественского и Андрея Дементьева. А ещё – Ольги Фокиной».

Письмо, как видим, очень искреннее. Таковы же и стихи Натальи Пономарёвой. Особо хочется подчеркнуть, что, несмотря на большое количество любимых поэтов, она никому не подражает – у неё свой голос.

Мих. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

Наталья ПОНОМАРЁВА.

Женщина хочет нравиться!
Не судите нас строго, мужчины.
Женщине нужно нравиться –
И без умысла, и без причины.
Женщина хочет нравиться –
Это ей на века завещано.

Женщине нужно нравиться,
Чтоб себя почувствовать женщиной.
Женщина может нравиться:
С красотою она повенчана.
Женщина хочет нравиться...
А иначе она – не женщина.

Какие горькие слова: мать-одиночка.
Не знает своего отца малютка-дочка...
Вздохнут сочувственно вослед,
Проводят взглядом.
Зачем вы, люди, так?
Жалеть её не надо.
Она богаче во стократ того, кто предал.
Кто ни печалей, ни забот её не ведал.
Да, он не знает, как длинна та ночь бывает,
Когда малютка, вся в огне,

не засыпает.
Не знает он, как по ночам стирать пелёнки...
Но он не знает, как теплы её ручонки,
Как чист и звонок голосок,
Кричащий: «Мама!»,
Как её ножки в первый путь пошли упрямо...
Несовместимые слова: мать-одиночка.
Как можно одинокой быть,
Коль рядом – дочка?!

СПАСИБО ВАМ!

Всё меньше в живых ветеранов
Той страшной далёкой войны.
Давно уже взрослыми стали
Их внуки – не то что сыны.
Виски уже стали седыми,
И годы туманят глаза.

(«А были давно ль молодыми?», –
Мелькнёт, как предатель, слеза).
Нам счастье и жизнь подарили
Ваш ум, ваша воля и честь.
Поклон до земли вам, родные.
Спасибо за то, что вы есть.

ОСТАНОВИТЕ!

Есть мнение, что разум – уникален.
И, значит, во Вселенной мы – одни,
И нам никто в межзвёздной синей дали
Посадочные не зажжёт огни.
Задумайтесь! Единственные в мире –

И вдруг исчезнем мы в какой-то миг!
О, Человек! Подумай, для того ли
Ты тайны мироздания постиг?
О, Человек! Что может быть прекрасней,
Чем ты, когда ты честен, смел, влюблён?..

О, Человек! Что может быть ужасней
Тебя, когда ты кровью обагрён?
Что может быть страшнее муки этой:
Убитого ребёнка хоронить?
Что может быть позорнее на свете:
Невинной кровью руки окропить!

Остановите, люди, заклинаю,
Тех, кто планету может погубить!
А если правда: разум уникален,
Не Феникс он – его не возродить!

// Кузбасс. – 1983. – 18 декабря. – С. 4.

Календарная страница. ЯНВАРЬ.

БОЙКИЙ МОРОЗЕЦ РУМЯНЫЙ...*

Зимняя сказка, порошей
Радость на сердце навеи!
День от пороши – хороший:
Ярче, светлее, новей.
По-над рекой и поляной
Снежности колкой размах.

Бойкий морозец румяный
Хрустко шагает в пимах.
Солнце уж грезит весною:
С лёгким теплом заодно
В полдень искрит белизною,
Смотрит всё чаще в окно.

Снежинки тают на губах,
Но ясность льётся
Всё свободней.
И хвоей воздух так пропах,
Как пахнет
Праздник новогодний.
Ещё вчера явились к нам,
Оставив дом свой
На просёлке,
Забыв привычку
К зимним снам,

Снежком припудренные
Ёлки.
А ночью с шапками на пнях,
С дыханьем свежести
Морозным
Вся высь –
Как в ёлочных огнях,
В живом, весёлом
Блеске звёздном!

// Кузбасс. – 1984. – 3 января. – С. 4.

В НАШЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

Владимир Зулин – наш земляк, ветеран комсомола и партии, ветеран войны и труда. Он участвовал в боях с фашизмом под Воронежем, на Орловско-Курской дуге, при форсировании Днепра на Киевском направлении, под Варшавой. Войну закончил в Праге в звании майора. Награждён боевыми орденами и медалями.

Сейчас он на заслуженном отдыхе, но продолжает трудиться в объединении «Карболит». Ударник коммунистического труда, его фамилия занесена в Книгу трудовой славы завода. Имея большой опыт, является активным наставником заводской молодёжи. В свободное время Владимир Зулин пишет стихи и рассказы, которые публиковались в нашей газете. Первое его стихотворение «Винтовка» появилось в армейской газете «За Родину» Первой гвардейской армии в День Победы 1945 года.

Вернувшись с фронта, Владимир Зулин продолжил писать стихи и песни. Когда был объявлен конкурс на лучшую песню в честь 60-летия г. Кемерово, он написал стихи «Город сердца», музыку к ним создал ныне уже ушедший из жизни главный дирижёр театра оперетты, народный артист РСФСР Евгений Лугов. Эта песня была отмечена на конкурсе второй премией. Песня Владимира Зулина «О родном крае» (муз. М. Кацнельсона) была издана Музгизом в Москве, песня «Шахтёрская лирическая» (муз. Андрея Новикова) записана на грампластинку в Ленинграде, она продавалась в нашей области и в Кемерове. И ещё на многие стихи поэта-песенника написана музыка местными композиторами В. Маркиным, М. Хомченко, В.

* – в газете внизу, под колонкой со стихами, рисунок Владимира Небогатова, сына поэта (*Примечание Н. Инякиной*).

Пипекиным.

Сегодня мы предлагаем вниманию наших читателей новые стихи Владимира Зулина.

М. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

Владимир ЗУЛИН.

ЧАСТО ВИЖУ

Часто вижу атаки –
Очень странные сны...
Видно, я и донине
Не вернулся с войны.
До конца своей жизни
Этим буду страдать.

Где, кого потерял я,
Буду вечно искать.
Видю я и поныне
Те места под огнём,
Где друзья фронтовые
Бились насмерть с врагом.

НЕ ХОЧУ ВОЙНЫ

Не хочу, чтобы нивы пылали
И в боях умирали сыны,
Не хочу горьких слёз и печалей –
Мне достаточно прошлой войны.
Я вернулся домой искалечен
И немало друзей потерял,
Я хочу, чтобы мир был навеки,
От войны чтоб никто не страдал.

Помни, друг, и не ведай покоя,
Если хочешь наш мир отстоять,
Должен ты на полях и в забоях
Жизнь земную трудом утверждать.
Не хочу, чтобы нивы пылали
И в боях умирали сыны,
Не хочу горьких слёз и печалей,
Мне достаточно прошлой войны.

КОМАНДИР

Помню, в ту ночь пред рассветом
Разведчиков ждали своих,
Ты всё горевал, что в кисетах
Махорочки нету у них.
И часто глядел на дорогу,
На дымные дали полей,
Ты ждал их и в сердце тревогу
Не смог утаить от друзей.
С лицом непривычно суровым
Ходил и курил без конца,

Заботой отцовской взволнован,
Желая удачи бойцам...
Вдруг двери в землянку открылись,
Твоё просветлело лицо,
Разведчики наши явились,
Сквозь вражье прорвались кольцо.
Ты радостно им улыбнулся,
Тепло потрепал их рукой.
Наутро наш полк развернулся,
Уверенно ринулся в бой.

РОДНЫЕ ЕЛИ

До войны я сажал эти ели,
Хлопотал каждый день возле них,
Отшумели года, пролетели,
Вновь смотрю на родимых своих.
Поднялись вы уже и окрепли,
Привлекаете красотой.
А моя голова словно в пепле –

Убелён фронтовой сединой.
Отшумели года, пролетели –
Дважды в жизни не быть молодым.
Я хочу, чтоб вы, милые ели,
Были в радость и внукам моим.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1984. – 28 апреля. С. 4.

ВЕСЕННЕЕ*

Земная жизнь трудом красна.
Труд всё преображает.
И даже кажется: весна
Нам в этом подражает.
Как садовод, проходит дождь
Над полем с лейкой-тучей,
Чтоб золотая встала рожь,
Шумя волной кипучей.
И как по штрекам, по ветвям
Кипят земные соки,
Чтоб выйти зеленыю к лучам,

Что вспыхнут на востоке.
А в синеве, где свет и жар,
Как в отблесках мартена,
До ночи солнце-сталевар
Работает бессменно.
Сияй же, май! Трудись, весна!
Наш путь с тобою ясен...
Земная жизнь трудом красна,
А труд победой красен!

// Кузбасс. – 1984. – 1 мая. – С. 1.

ОГОНЬ!

Встречая нынешнюю дату
Незабываемых побед,
Герою праздника – солдату
Мы шлём горячий свой привет.
Ещё под Нарвою и Псковом
Дневник победный начат им.
С тех пор не раз в бою суровом
Он мир спасал штыком своим.
Во имя жизни, за свободу
Великой Родины своей
Он шёл на смерть –
В огонь и в воду –
И, выжив, стал ещё сильнее...
Тому, кто не был с нами дружен,
Мы говорили: нас не тронь.
Но враг напал...
И мир разбужен
Командой властной:
– Огонь!
И в этом слове –

Кратком, твёрдом –
И месть, и гордость,
и печаль.
– Огонь! – Навстречу чёрным ордам
Метелью смерти воет сталь.
– Огонь! – И танк с крестом, пылая,
На месте крутится, как волк.
Куда девалась прыть былая –
Стрельнул разок и замер, смолк.
– Огонь! – грохочет под Москвою,
И воском тает прусский клин...
И вот с последней ночью боя
«Огонь!» – врывается в Берлин...
Мы не хотим войны и крови,
Но скажем каждому врагу:
Ракеты наши –
Наготове,
Солдаты наши –
Начеку!

// Кузбасс. – 1984. – 9 мая. – С. 1.

Издано в Кемерове

ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ ПОЭТА

«Земля моя добрая» – так озаглавлена вышедшая недавно в свет новая – двенадцатая по счёту – книга известного сибирского поэта Михаила Небогатова. Думается, что она должна заинтересовать читателей, заинтересовать хотя бы потому, что все без исключения произведения в ней новые, не входившие в вышедшие ранее сборники.

В книге три раздела. Первый называется «Ради жизни на земле», и ему предпослан эпиграф – строки А. Твардовского: «Спасибо, моя родная земля, мой отчий дом, за всё, что от жизни знаю, что в сердце ношу своём».

* – это стихотворение – часть вторая из «Майских стихов» на с. 119 настоящего сборника (Примечание Н. Инякиной)

Михаил Небогатов – участник Великой Отечественной войны. Он знает о ней не понаслышке, сам вначале рядовым красноармейцем, а затем офицером, командиром взвода ПТР, прошёл по нелёгким фронтовым дорогам, и поэтому в этом разделе не случаен цикл стихов на военную тему.

Свыше сорока лет работает Михаил Небогатов в литературе, им накоплен немалый опыт, который воплощается у поэта в стихотворные строчки. Вот и здесь, рядом с военным циклом, соседствуют стихи о творчестве. Органически сливается с ними любовная лирика, размышления о жизни в самых многообразных её проявлениях.

Во второй раздел книги под названием «Рассыпаться росам...» включены стихи о природе. Не раз уже отмечалось, что пейзажная лирика Михаилу Небогатову удаётся больше, чем что-либо другое. Природа в его поэтическом изображении – не плакатная, а живая, одушевлённая, воедино слитая с духовным миром влюблённого в неё человека.

Суть этого – второго – раздела точно выражает взятое к нему четверостишие Ф. Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездушный лик, – в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык...».

Мы знаем несколько поэм Михаила Небогатов, но написаны они давно, в последнее же время он редко обращался к эпическому жанру. И тем интересней сейчас появление в книге (в третьем её разделе) небольшой повести в стихах «Поздняя встреча». Дело критиков – разбирать, анализировать её, а нам хочется лишь сказать, что эта повесть написана как бы на одном дыхании, читать её интересно. В основе её сюжета – семейная драма, связанная с неудавшейся любовью, душевные переживания героя (геолога по профессии), его многолетние ожидания встречи с дочерью...

Остаётся добавить, что книга вышла с хорошим художественным оформлением, десяти тысячным тиражом. Редактор её – В. Баянов, художник – В. Кравчук.

Ф. ДЁМИН.

// Кузбасс. – 1984. – 10 июня. – С. 4.

Поэтическая рубрика

ДОБРОГО ПУТИ!

Недавно я познакомился с молодой женщиной, пишущей стихи, – Надеждой Прокофьевной Ма Динь. Тут необходимо сделать пояснение. Необычная для нашего слуха и глаза фамилия Ма Динь – это по мужу, он – вьетнамец, а сама Надежда Прокофьевна – русская, коренная сибирячка. Родилась в Кемерово, окончила среднюю школу, факультет романо-германской филологии Кемеровского университета. Сейчас работает там же, в университете.

Надежда Прокофьевна пришла ко мне с объёмистой стопкой рукописей, которых хватило бы на небольшой сборник. Но достаточно было ознакомиться с десятком её лирических произведений, чтобы понять: есть что рекомендовать для опубликования в областной газете. Я поинтересовался у Надежды Прокофьевны, где она печаталась, и услышал в ответ: – Вы первый, кому я решилась показать, что у меня написано...

Не случаен тот факт, что любимые поэты моей новой знакомой – Анна Ахматова, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Юлия Друнина: по лучшим её стихам явственно видно, что написаны они «женской рукой». Конечно, трудно строго разграничить «мужские» и «женские» стихи, тем не менее в очень искренней поэтической исповеди то и другое почти всегда ощущается.

Главное в лирике, с которой я познакомился, – стремление автора поразмышлять, попытка раскрыть внутренний мир, мир души, тесно связанный незримыми нитями с миром внешним. И пусть стихи молодой поэтессы неравноценны – что-то получается хорошо, а что-то ещё не совсем точно выражено, в частности, хромает иногда форма, – одно ясно: способности Надежды Ма Динь обнадёживающие.

Пожелаем же ей доброго пути в литературу!

Мих. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

В распахнутые окна ветер хлынул,
Ошеломив смятением дождя,
И перепутанные струи, словно струны,
Наполнили мелодией меня.

Увези меня на край земли,
Край, где соловьи ещё не пели,
Где бушуют ночью до зари
Лёгкие, прозрачные метели.
Подари немного света и добра.
По скользящей утренней позёмке
Увези в прекрасное вчера,
Где была дурашливым ребёнком.

Женская доля – что взлётное поле:
Ждать, откrestясь от беды,
Каждой ступенькой разлучника-трапа
Женщина строит мосты.
Поле раскинуло руки в изломе
Взлётных полос до небес.
Синие сумерки пали на город.
Женщина просит чудес.
Что подарить ей? Янтарные бусы –
Россыпь дождя на карниз?

В дверном проёме –
Одинокaя кровать,
И ты, пронизанная светом,
Исходишь болью до рассвета,
Моя стареющая мать.
Так волосы внезапно поседели.
Прозрачна кожа...
Лишь глаза
Сикстинскою мадонной уцелели.
Скатившись, чистая слеза
Упала зазимью на мягкую подушку,
Оставила свой тонкий след.

Ах, это чувство мне давно знакомо –
Пропахшая листвою тишина,
Закат в последних отголосках грома
И раненная звуком синева.

Там всё было чисто и светло,
Не вязались руки словесами,
Добрый было маленькое зло,
Жадные казались чудаками.
Как я ни старалась – не смогла
Позабыть о праздничной капели.
Юность, юность, как же ты светла,
Где бушуют звёздные метели!

Лёгкий озноб припорошенных ягод –
Осени ранней каприз?
Синие сумерки пали на город,
Нити с землёй оборвав.
Женщина кутает плечи от света,
Бродит по дому, устав.
Всё, что осталось от дальней дороги –
Низаных бус суета,
Светлая грусть пережитой тревоги,
Сереньких дней маята.

Запричитали тоненько игрушки,
В лихие дни спасавшие от бед.
Всё, всё... У изголовья робко
Прижмусь щекой к родным губам,
Закрою дверь, где ворон зорко
Крадётся к зябнущим ногам.
Моя родная! Ради бога,
Ну, проживи ещё хоть день!
И зайчик солнечный с порога,
Скользя, обходит чью-то тень...
г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1984. – 21 июля. – С. 4.

КУЗБАСС ПОЭТИЧЕСКИЙ

В июльском, шестом номере журнала «Сибирские огни» опубликована большая подборка «Кузбасс поэтический». Это, пожалуй, первая такая представительная по количеству имён публикация работ поэтов Кузнецкого края. Разумеется, и прежде «Сибирские огни» предоставляли свои страницы стихотворцам с кузбасской пропиской. Но, как правило, в этих случаях звучало одно какое-то имя, можно было прочесть стихи одного какого-то поэта. На этот раз в подборке «участвуют представители всех четырёх поколений поэтов земли Кузнецкой» – так пишет во вступительном слове ответственный секретарь Кемеровской писательской организации Геннадий Юров.

И действительно, все мы, читатели, получили возможность вновь встретиться со стихами Виктора Баянова, Валерия Берсенева, Валентина Махалова, **Михаила Небогатова**, Владимира Ширяева, Сергея Донбая и других. Здесь, как видим, представлены работы поэтов, уже завоевавших читательское признание, и молодых, готовящих свои первые сборники. Надо сказать, что в этом же номере помещены сообщения и краткие аннотации о новых книгах, выпущенных Кемеровским книжным издательством.

И. ЯКОВЛЕВА.

// Кузбасс. – 1984. – 28 июля. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

ПРИСТАНЬ

Живи в столице иль в глуши,
Душа легко и больно ранится,
Когда одна она, как странница,
Не знает родственной души...

Благодарю судьбу свою
За то, что так ведётся исстари,
Что я к тебе – к надёжной пристани –
В часы ненастья пристаю.

ЛИШЬ ВСПОМНЮ ТЕБЯ

Хороший ты парень, дружище!
Недаром – лишь вспомню тебя –
Стараюсь быть чувствами чище
И строже смотреть на себя...

Немолод я, как ни прикинешь,
И мне-то не стать уж новей,
Но видеть, как друга, такими ж
Хочу я своих сыновей.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь затих, жарой сражённый.
Полдень ярко засверкал,
В лужах, синью отражённый –
В блеске праздничных зеркал.

Высь со знойной дымкой зыбкой
Над землёю шар зажгла,
Чтоб гляделся он с улыбкой
В голубые зеркала.

ИДУТ ГОДА

Красе, что молода, не нужен грим.
Всё у неё и солнечно, и ясно.
«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!» –
Мы в молодости часто говорим.

Идут года. И всё туманней высь.
На свет скупее небо голубое.
Нам дорого мгновение любое.
Но в мыслях уж иное:
«Жизнь, продлись!»

// Кузбасс. – 1984. – 12 августа. – С. 4.

Издано в Кемерове

«ОГНИ КУЗБАССА» № 3

Вышел из печати третий в этом году номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Огни Кузбасса». Он открывается подборкой новых стихотворений Виктора Баянова. Их можно назвать лирико-публицистическими. Поэта волнует тема войны и мира, и для своих раздумий он нашёл эмоциональные, доходящие до сердца каждого читателя слова. Недавно В. Баянову исполнилось 50 лет. **Альманах публикует поздравление юбиляру, написанное товарищем по перу поэтом Михаилом Небогатовым.** Напечатаны подборки стихов Александра Глазырина, Сергея Побоккина, Александра Ибрагимова.

В разделе прозы – повесть Мэри Кушниковой «Место в памяти» (о моральных проблемах в коллективе учёных) и рассказ Бориса Синявского «Витька Блин».

Большой интерес у читателей вызовут другие рубрики альманаха. Под ними напечатаны разнообразные и содержательные материалы. Недавно ушёл из жизни большой русский поэт, наш земляк Василий Фёдоров. Печатаются ещё не публиковавшиеся его стихи и подборка стихов Ларисы Фёдоровой, посвящённых памяти мужа и друга, с которым рука об руку шла она по жизни несколько десятилетий.

Историк Михаил Сорокин публикует очерк о Василии Тистрове – деде Надежды Константиновны Крупской. Этот материал появился в альманахе не случайно: горный инженер Василий Иванович Тистров

прославился как исследователь природных богатств Кузнецкой земли и оставил заметный след в истории развития горного дела.

Вот уже десять лет, как нет с нами поэта Евгения Буравлёва, воспитателя литературной смены, человека, воспевшего рабочий класс Сибири. О нём рассказывает в очерке «Для печати не предназначалось» Олег Павловский. Очерк напечатан под рубрикой «Литературные портреты».

В рубрике «Наш современник» журналистка Зоя Естамонова публикует очерк «Цвет жизни» о творчестве художника Германа Захарова. В разделе «Критика» читатель найдёт рецензию Владимира Каганова «Трудная дистанция любви». Она – о второй книге стихов Александра Ибрагимова «Пусть будет каждому любовь...».

Для маленьких читателей печатаются стихи Евгении Леволь. В разделе «Весёлая минутка» опубликован юмористический рассказ молодого автора Николая Астраханцева «В поисках идеала».

Альманах украшен репродукциями с работ Германа Захарова.

Л. ГЛЕБОВА.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1984. – 20 сентября. – С. 4.

Поэтическая рубрика

ЛИРИКА СВЕТЛАНЫ ЧИНАХОВОЙ

В последнее время в «Литературной газете» идут жаркие споры о молодых, так называемых «новых поэтах». Чем же они новы? Прежде всего, тем, что ищут необычные средства выражения своих мыслей и чувств. Какая-то часть критиков и читателей приветствует такие поиски, видя в этом противовес старой «традиционности», но многие, наоборот, не принимают этого новаторства, ибо зачастую вся его суть – в стремлении как можно сильнее усложнить свои стихи, сделать их непонятными.

Доходит до парадокса. Один читатель, например, заявляет: я, мол, за подобные сложные метафоры и образы (всё-таки что-то новое), хотя сам и не понимаю в них ничего. Спрашивается: тогда зачем же и кому нужна такая поэзия? У всех на памяти строчки А. Т. Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Золотые слова!

Светлану Чинахову никак не отнесёшь к разряду «новых» поэтов, она пишет просто и понятно, следуя классическим традициям. Этим и привлекательна её поэтическая работа. Светлана Чинахова молода – родилась в 1962 году. Живёт в Юрге. Окончила 11 классов, работает в лаборатории, одновременно учится в техникуме. На страницах областной печати выступает впервые. Есть все основания надеяться, что у её лирики – дальняя дорога. Пусть же эта дорога, несмотря на все трудности, будет доброй и счастливой!

М. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

Светлана ЧИНАХОВА.

Предосенняя тишь. Облака,
словно дальние страны,
Всё куда-то плывут,
Над моею плывут головой.
Я машу им платком
И от счастья кричу неустанно,
Что люблю эту жизнь,
Этот сказочный мир голубой!
Зачарована я.
И звенят колокольчики где-то,
И пурпурный закат
Протрубил окончание дня.

Я влюбилась в тебя,
О, моё предосеннее лето,
На свиданье с тобою
Стою и стою у плетня...
Тихо дышит земля,
И легко хороводят берёзы.
Вот опять паутинка
Моего чуть коснулась лица.
И снуёт ветерок,
Навевая минувшие грёзы,
Продолжается жизнь,
У которой не будет конца!

Хорошо в деревне летом!
Жить привольно и легко.
Пью туманные рассветы
И парное молоко.
Голосят, не умолкая,
По деревне петухи.
Гонят стадо, окликая,
Молодые пастухи.

Наношу воды из речки.
Дам овса я Малышу.
И на маленьком крылечке
Я немножко посижу.
Утро облаком неярким
Проплывает надо мной.
Возвращаются доярки
С дойки утренней домой.

Месяц рогатый спустился в реку.
Лошадь заржала как будто в испуге,
И засветился в туманной округе
Чей-то костёр на крутом берегу.
Лес обозначился тёмной каймой.
В водную гладь загляделась осока.
Там, за деревней, не очень высоко
Птица парит над уснувшей землёй.

Вот на пригорке наш старенький дом
Смотрит на речку в четыре окошка.
Бродит по крыше степенная кошка,
Тёплым насытившись молоком.
Мирным покоем всё дышит вокруг.
Лёгкой прохладой пахнуло с откоса...
Вот и настала пора сенокоса.
Хватит горячей работы для рук!

г. Юрга.

// Кузбасс. – 1984. – 22 ноября. – С. 4.

НОВЫЕ СТИХИ

ОДНОМУ ПОЭТУ

Ты здоров и крепок.
А стихи твои –
С жизни хилый слепок
Без огня любви.

Ты витаешь где-то
В облаках, во мгле.
А пути поэта –
Только на земле.

ПЕСНЯ ДАЛЁКИХ ЛЕТ*

Наверно, не раз на войне вам
Звучала надеждой самой
Солдатская песня с припевом:
«Когда мы вернёмся домой».

Нужна была песня такая,
Чтоб верить: врага победим,
И ты из далёкого края
Вернёшься домой невредим.

СТОЛЬКО ЛЕТ...**

Столько лет без войны –
Не великое счастье ли?
Синий мир вышины
Век бы тучи не застили!

Жизнь бесценней всего,
Жизнь, в которую верится.
Надо лишь одного:
Всем друг другу довериться.

ДОЛГ

Был бы хоть часик одолжен
Завтрашним, будущим днём.
Ох, это вечное «должен»,
Сколько заботного в нём!

Часто не спишь и ночами,
«Должен!» – берёшь себе в толк...
Грузом висит за плечами
Самый малюсенький долг.

* ; ** – эти стихотворения см. также в подборке «Из военной тетради» на с. 157 настоящего сборника
(Примечание Н. Инякиной)

ГОДЫ ЛЕТАТ...

Сколько замыслов добрых убито
 Беспощадною лапою быта!
 Был настрой твой душевный высок,
 Но ушёл он водою в песок...
 Так вот годы летят-пролетают,

Лёгким дымчатым облаком тают.
 Глядь – к обрыву уже колея,
 Глядь – уж песенка спета твоя...

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1984. – 29 ноября. – С. 4.

С ДУМОЙ О ПОБЕДЕ

Далеко в былом – печали, беды...
 Мы вступили друг, товарищ мой,
 В год сорокалетия Победы
 Над фашистской страшною чумой.
 За окошком с кружевом-узором
 Зимний день спокойный. Но опять
 Вся война сегодня перед взором –
 Год за годом и за пядью пядь...
 Не забыть июнь с его цветами,
 Не забыть, как, всё пуская в ход,
 Вражья сила чёрными крестами
 Зачеркнула розовый восход.
 Как та сила, обагрывая кровью,
 Шла и шла лавиной огневой...
 Вот уже пробилась к Подмосквовью,
 Вот уже под самую Москвой...
 Но – приказ: парадом, так как надо,
 Октября отметить торжество!..
 Прямо с Красной площади, с парада
 Шли в бои участники его...

В оборону – с надолбами, рвами –
 Клятву дали сердцем, не словами:
 Не отступим больше ни на шаг!
 Здравствуй, весть: в сражении смертельном
 Враг разбит, разгромлен под Москвой!
 Кто лежит под саваном смертельным,
 Кто бежит, от страха сам не свой...
 А потом – разгром под Сталинградом,
 А за этим – Курская дуга,
 Та дуга, что под снарядным градом
 Обломала у врага рога.
 Гнали мы его, идя по следу.
 Каждый год в движении прямом
 Приближал великую Победу,
 Ту, в Берлине, в логове самом!
 Нелегко далась Победа эта,
 Но она пришла, взяла своё!..
 Даже зимний день в разливе света
 Светится снегами в честь неё.

// Кузбасс. – 1985. – 1 января. – С. 1

Издано в Кемерове

«РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА»

Стихи о родном крае

Под таким названием в конце прошлого года маленьким сувенирным форматом была издана эта книжка. На переплёте её помещено цветное фото «Огни вечернего Новокузнецка», а на фронтисписе другое – «Шахтёры – слава Кузнецкого бассейна». После известного стихотворения Геннадия Юрова, давшего название этому поэтическому изданию, идёт подборка стихов «Какой земле принадлежим». Начинается она «Рассказом о Кузнецком крае и людях Кузнецка» Владимира Маяковского. Продолжают поэтический рассказ о Новокузнецке кузбасские поэты Евгений Буравлёв и Владимир Измайлов.

Кемерову посвящают свои стихи Белла Ахмадулина и Игорь Киселёв. Он же радует нас стихотворением о Мариинске, городе «как цветок деревянный». Междуреченску посвятил свои стихи Владимир Измайлов, Берёзовскому – Владимир Иванов, Салаиру – Виктор Баянов, а о своей Марьевке поведал Василий Фёдоров. Красоту Горной Шории и других мест Кузбасса воспели Валентин Махалов, Виктор Баянов, *Михаил Небогатов*, Любовь Никонова, Геннадий Юров, Валерий Зубарев, справедливо заметивший: «что ни город – свои повадки».

...Знакомые имена, знакомые места. Рабочая мелодия Кузбасса слышна всем. И, как говорит поэт, её «добыли в шахте горняки..., натруженные руки кузнеца... Она в пролётах заводских гремит, и поезда несут её по трассам...». Круглые сутки трудится Кузбасс, поставляя стране уголь, металл, стройматериалы, удобрения для полей, химволокно для фабрик. Край полон деятельного напряжения.

Следующая подборка так и называется: «Славлю человеческие руки!». Здесь, помимо уже названных кузбасских поэтов, выступают Иван Полунин, Павел Майский, Сергей Донбай, Алексей Томилов, Владимир Мамаев. Начинается подборка стихотворением Виктора Баянова о сибиряках. Много написано в литературе о сибирском характере, условиях, его формирующих. Автор же подчёркивает, что сибиряков отличает труд, высокое чувство долга, что они своё звание всегда «с достоинством несут перед страной. Живут трудом. А по труду – награда». Удачны здесь фотоснимки – дважды Герой Социалистического Труда Е. И. Дроздецкий с членами своей бригады, горнорабочими очистного забоя шахты «Нагорная», виды шахты «Распадская» и угольного забоя.

О многих рабочих профессиях рассказали своим читателям кузбасские поэты. Поэтические образы бригадира шахтопроходчиков и шахтёра создали Евгений Буравлёв и Иван Полунин; металлург, листопрокатчик и горновой представлены в стихах Василия Фёдорова, Валентина Махалова, Павла Майского; электросварщик – у Сергея Донбая, плотник – у Виктора Баянова, экскаваторщик – у Алексея Томилова.

Все стихи об этих рабочих профессиях хороши. Многие авторы знают о них не понаслышке. Всё прекрасное для человека делается руками человека. Справедливо отметил Игорь Киселёв: «ничего прекраснее рук рабочих нету на земле!». Эти рабочие руки наращивают мощь родного Кузбасса.

Рабочая мелодия Кузбасса... Она начинается гудками КМК и Запсиба. На этот призыв ветеранов первых пятилеток откликаются другие города и сёла Кузбасса, и вот уже рабочая мелодия слилась в единую симфонию.

«Сторона любимая, приметная...» – так называется последняя, третья подборка сувенирного издания. В ней лишь двадцать стихов, и в большинстве своём они отражают разнообразие, красоту и природное богатство нашего края. С большой любовью написал старейший шорский поэт Степан Торбоков о «южной гостье» – липе, опозитизировал кедр Валентин Махалов. *Заканчивается сборник стихотворением Михаила Небогатова. И вместе с ним хочется верить, что нашим потомкам всё-таки останется «нестареющая, вечная красота земли родной – голубая даль заречная с луговой тишиной...».*

Я не говорю о художественных достоинствах и поэтической ценности включённых в этот сборник произведений. Большинство из них было опубликовано в сборнике «Дыхание земли родимой» (Кемеровское книжное издательство, 1979) и получило высокую оценку читателей и крупного советского поэта, нашего земляка Василия Фёдорова. Хочется отметить хорошее полиграфическое оформление издания. А прекрасные цветные фотографии, выполненные такими известными мастерами, как Е. К. Ильвес, А. К. Кузярин, Н. Ф. Карев, А. Л. Тапуз, украшают книгу.

В. ДРОЗДОВ.

// Кузбасс. – 1985. – 23 января. – С. 4.

СЛОВО О ЮБИЛЕЕ

(к 50-летию Кемеровского ордена «Знак Почёта»

областного драматического театра имени А. В. Луначарского)

Драмтеатр... Он, флагманом стоящий
Средь собратьев области моей,
Имя Луначарского носящий,
Золотой справляет юбилей...
Радостно – и это не прикраса –
Вспомнить, что когда-то, как бойцы,
Звались «культурмейцами Кузбасса»
Мельпомены верные жрецы.
В памяти живут не без причины
Те, уже далёкие года:
Слабоватым, как огонь лучины,
Свет культуры был ещё тогда.
И чтоб он всё ярче мог лучиться,

Надо было, темень поразив,
Миром всем учиться и учиться,
Выполняя ленинский призыв.
С тем призывом, истинно армейцы,
Боевым составом красных рот
Сцены мастера, её умельцы,
Выйдя из народа, шли в народ.
Шли в цеха, гремящие железом,
Шли на шахты на горняцкий зов,
Занимались в деревнях ликбезом,
Начиная к свету путь с азов...
Культармейцы! Неспроста вас гордо
Вспоминаем в юбилейный год:

Наших дней актёрская когорта
 Так же в ногу с временем идёт.
 Но трудней даётся ей победа:
 Зритель нынче – строгий эрудит.
 Он почти с вершин искусствоведа
 На спектакли новые глядит.
 Каждому актёру зная цену,
 Зритель и гордится вместе с тем,
 Что на всесоюзную арену
 Не один шагнул из этих стен.
 Повидавший всяких сцен без счёта,
 Этот зритель – всяк его встречал –
 Счастлив тем, что орден «Знак Почёта»

Честный труд театра увенчал.
 Будь достоин зрителя такого,
 Дорогой наш, славный юбиляр!
 Делай всё со вкусом и толково,
 Создавая свой репертуар.
 Мы хотим, чтоб искреннее чувство
 Грело даже маленькую роль,
 Чтоб звучало отзывом Искусство,
 Голос Жизни слыша, как пароль.
 Чтоб нас волновали все спектакли,
 Где и прошлый день, и наша новь.
 Чтоб твои таланты не иссякли
 И всегда жила к тебе любовь!

// Кузбасс. – 1985. – 25 января. – С. 4.

Штрихи к творческому портрету

ЧИТАЕТ НАДЕЖДА ЛАДЫГИНА

Задумавшись о роли чтеца в пропаганде литературы, я невольно вспомнил случай из моей далёкой юности. В наш город приехал на гастроли известный московский артист (если не изменяет память, это был С. Балашов). В его программе были только произведения В. Маяковского. А я Маяковского тогда не понимал и, следовательно, не принимал. Но на вечер поэзии пошёл. И вот что удивительно: впечатление от этой встречи осталось на всю жизнь. Артист открыл для меня Маяковского таким, каков он и есть: поэт-глыба. Наутро немедленно отправился в библиотеку, чтобы прочесть всё, что написано Маяковским. Так благодаря талантливому артисту пришло ко мне понимание великого поэта и большая, искренняя любовь к нему.

По-моему, самое главное назначение артиста-чтеца – быть посредником между писателем и читателем-слушателем, открывать перед ним своеобразие, художническую и человеческую сущность того или иного творца. Передо мной – репертуар артистки Кемеровской филармонии Надежды Ладыгиной. С чем идёт она к своим слушателям, что несёт им? В нём лучшие произведения М. Горького, А. Куприна, К. Паустовского, а также современных, ныне здравствующих авторов, произведения кузбасских поэтов.

Читать, а главное – доносить до слушателя Горького, великого художника – мыслителя, не просто: тематическое и проблемное содержание его произведений безгранично. Вот потому-то Н. Ладыгина в выборе горьковских сочинений следует определённой направленности. Артистка предпочитает говорить о лучших нравственных качествах любимых героев Горького. В её репертуаре, в частности, такие рассказы: «Яшка» (по определению критиков – маленький шедевр), «26 и одна», «Сказки об Италии», «Хан и его сын» (крымская легенда).

– Читая произведения Горького, – говорит Надежда Никитична, – я всегда помню слова Паустовского о том, что Горький – это вся Россия, это человек, определяющий эпоху, с таких людей можно начинать летосчисление. Вот такого Горького мне всегда хочется показать моим слушателям...

Более десяти лет читает артистка и произведения Константина Паустовского, такие, как «Вилла Боргезе» – раздумья о жизни, «Старый повар» – о великой силе искусства (в данном случае – о музыке), романтический рассказ «Ручьи, где плещется форель», «Снег» – о красоте человеческих отношений, о счастье жить на земле. Последний рассказ в исполнении Н. Ладыгиной мне особенно нравится. Он вносит свежую, чистую струю в настроение, пробуждает возвышенные чувства. Сама артистка знает силу воздействия этого рассказа на слушателей и потому чаще других читает именно его среди шахтёров в их обеденный перерыв, в цехах заводов.

В нынешнем году Надежда Ладыгина отмечает 25-летие работы на сцене в сложнейшем жанре искусства – чтении. Четверть века – это и много, и мало. Много потому, что напряжённая, плодотворная работа чётко определила талант чтицы, позволила отшлифовать мастерство, добиться признания широкого круга слушателей (зрителей). А мало потому, что артистка только вошла в пору творческой зрелости и у неё ещё впереди большой путь. Самое значительное, яркое – в это верится – в её новых, ещё только задуманных программах.

Н. Ладыгина – тонкий мастер художественного чтения, артистка, божьей милостью умеющая доносить до слушателя самые разнообразные нюансы той или иной мысли, чувства. Её концерты отличаются лиризмом, эмоциональностью, глубоким осмыслением литературного произведения. Нам, не профессионалам, трудно даже представить себе, какой огромный труд предшествует созданию каждой концертной программы. Артисткой продумывается буквально каждая фраза литературного произведения, выявляется отношение автора к описываемым событиям, прослеживаются тончайшие движения его мысли, выстраивается сценическая система образов. И лишь в результате поистине ювелирной предварительной работы создаётся особая форма литературного чтения, справедливо названная одним из рецензентов концертных программ Н. Ладыгиной «моноспектаклем в течение часа». С этим нельзя не согласиться. Как и в настоящем спектакле, артистка несёт в зрительный зал масштабные по мысли и сложнейшие по психологической насыщенности литературные образы, смело и свободно увлекает за собой слушателей независимо от степени их подготовленности и уровня культуры.

В творческом активе Н. Ладыгиной – десятки программ, с которыми она выступала и выступает перед разными аудиториями во всех уголках Кузбасса. Инженер ЦЗЛ объединения «Азот» Л. Саксонова так отозвалась о композиции «Мать человеческая»: «С первых слов актрисы я почувствовала, как её голос приблизил к ней всех сидящих в красном уголке...». «Вызываем на «бис»! – с благодарностью сообщает о концерте Н. Ладыгиной работница треста «Кемеровохимстрой» в своей газете «Строитель». И таких тёплых отзывов – сотни, как и сотни концертов, проведённых чтицей.

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1985. – 20 февраля. – С. 4.

Календарная страница. МАРТ.

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

И радостно, и грустно по весне.
Ей молодеть, румянцем розовея,
Себя ж ты видишь юным, лишь во сне –
На деле дни под старость всё резвея.
Они летят со скоростью большой
Не к свету вроде – в зимнее ненастье...
Но если ты не старишься душой,
Весна ей дарит жизнь, любовь и счастье!

И мир велик, и ясен лунный лик.
Полны мечтами светлыми прогулки...
Ты слухом к тишине ночной приток:
Шаги так гулки в дальнем переулке!
И мнится, что и звёзды в этот миг
Позвякивают хрустко, как сосульки...

// Кузбасс. – 1985. – 1 марта. – С. 4

Читая редакционную почту

ЛЮДИ КРЕПКОГО СПЛАВА

Мастерски крепко и афористично писал Александр Твардовский о грозном военном времени. «Бой идёт святой и правый. Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле». И каждому, кто вынес на своих плечах то тяжелейшее лихолетье, есть что вспомнить, есть что чём рассказать.

Член Анжеро-Судженского городского совета ветеранов партии, комсомола, войны и труда Константин Петрович Агудин начинает свои воспоминания с далёких дней. Моё поколение, пишет он, родилось ещё до революции, мы на себе испытали и познали, что такое царизм с его бесчеловечным отношением к простому люду, но мы же – после Октября – были и первыми комсомольцами-энтузиастами, первыми строителями молодого Советского государства. Мы обучились грамоте, приобрели специальности. Жить бы, поживать да добра наживать. Но нашу радостную, счастливую жизнь внезапно нарушило вероломное гитлеровское нашествие.

В 1942 году его отправили на срочное строительство эвакуированного из Днепропетровска алюминиевого завода. Когда это предприятие было смонтировано и сдано в эксплуатацию, К. П. Агудин решил добровольцем уйти на фронт: 1 июля 1943 года его зачислили в состав 150-й дивизии сибиряков. Боевое крещение принял в 718-м стрелковом полку на Смоленском направлении. С чувством гордости К. П. Агудин, в ту пору рядовой пулемётчик, говорит о том, как со своими товарищами в ожесточённых боях освобождал от фашистов многие населённые пункты, форсировал болота и реки, в том числе Сож, Скопоть, Десну, Березину. Позже был ранен, с осколком ходит и сейчас. Но только после третьего ранения Константин Петрович вернулся из госпиталя домой, в родную Сибирь.

П. М. Кокошкин прислал письмо из г. Лыткарино Московской области, рассказывает о нашем земляке, ефрейторе Василии Петровиче Зорькине. В. П. Зорькин родился в 1925 году в деревне Степановка Новокузнецкого района. Ему было всего восемнадцать лет, когда он начал свой боевой путь в должности командира отделения в 675-м стрелковом полку 15-й Сивашской дивизии, которая после разгрома фашистских полчищ на Курской дуге вела успешные наступательные бои, освобождая Черниговщину.

В сентябре 1943 г. на подступах к Днепру развернулись ожесточённые сражения. При отступлении немцы заминировали не только подступы к железным дорогам и шоссе, но и поля, перелески, овраги. Подразделениям 676-го полка приходилось применять гибкую наступательную тактику, иногда блокируя мощные доты, уничтожая с ходу пулемётно-миномётные точки с флангов и тыла. И туда, где было наиболее трудно прорваться, посылали отделение Василия Зорькина. Героизм и мужество это отделение особенно проявило у деревни Мысы.

Через несколько дней у села Пилипча разгорелся жаркий бой. При отражении контратаки, преследуя отступающего противника, уже за околицей села ефрейтор Василий Зорькин был убит. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года наш земляк удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно). Если, пишет в заключение автор письма, кому-либо из земляков доведётся побывать на Черниговщине, то он узнает, что в селе Пилипча Репкинского района покоится под обелиском прах Героя. И пусть жители деревни Степановка помнят: наши сёла породнил навсегда их славный земляк, который героически погиб, когда он по возрасту был, можно сказать, совсем почти парнишкой...

Есть изречение: когда говорят пушки, музы молчат. Но в дни минувшей войны это было не так – музы шли в солдатских шинелях в одном строю со всем народом. Вот воспоминания бывшего актёра, кемеровчанина, ныне пенсионера Вениамина Васильевича Бывальцева. Его военная биография началась в апреле 1942 года. Из Прокопьевска В. В. Бывальцева направили в пехотное училище г. Кемерово. Там его по состоянию здоровья «забраковала» медкомиссия. Однако после возвращения в Прокопьевск, Вениамин Васильевич всё же был определён в огнеметную бригаду 841-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии, формировавшейся в Кузбассе. Вскоре она эшелонами отправилась на запад, где эту дивизию включили в состав 38-й армии Воронежского фронта. Огнеметная бригада несла охрану штаба полка, копала траншеи, ходы сообщений. Тёмными ночами раскладывала на нейтральной полосе противотанковые бутылки. По инициативе комиссара дивизии Прокофьева было организовано «хозяйство» художественной самодеятельности.

С каким волнением и любовью вспоминает сейчас автор письма этот фронтовой самодеятельный театр и его участников – кларнетиста Комиссарова, командира музвзвода, трубача лейтенанта Валиуллина, лейтенанта Спиридонова, который тоже отлично исполнял соло на трубе, старшину музвзвода, тромбониста Мамчева, флейтиста Березняка, ударника и танцора Алкеева, Сидорова (бас), сержанта Холявко (альт), баяниста Золотарёва, постановщика танцев–плясок, медсестру Лифанову, певицу, медсестру Сурину. А сам В. В. Бывальцев выступал как чтец.

Но фронт есть фронт, блиндаж или полуразрушенная изба – не театральная сцена, и часто выступления этой концертной срывались: то начинался артиллерийский обстрел, то бомбёжка, в мирную музыку вмешивался грохочущий «голос» войны. И всё-таки, вспоминает В. В. Бывальцев, какое это было незабвенное время! Недаром же в одной из песен военной поры говорится: «После боя сердце просит музыки вдвойне!».

Присылают в редакцию свои рукописи и те, кто знает о войне понаслышке, – молодые люди, которые уже столько лет живут под чистым, ясным небом. Им тоже есть что сказать, отдать земной поклон всем, кто сорок лет назад защитил их будущее от фашистского порабощения. Николай Гизатулин из Междуреченска попробовал выразить свои мысли и чувства в стихотворной форме:

Я гляжу на ветеранов, как на свет.

Я гляжу на них, и слёз мне не унять.

Испокон солдат российских крепче нет.

Всех их хочется обнять, расцеловать.

Звон малиновый в медалях, орденах,

До чего же, мужики, вы молодцы,

Да белеет, словно иней, седина.

Наши деды, наши братья и отцы!

Как трогательно звучит это простое, но уважительное «мужики»! Именно так и говорят в доверительной, дружеской беседе.

Ким Зырянов из п. Крапивинский тоже прислал стихи, а к ним сделал коротенькую приписку: «Я не воевал, но знаю, что такое война. Когда она началась, мне было одиннадцать лет. Так что:

Я помню год тревожный сорок первый,

Когда враги границу перешли.

*Как все мужчины, бывшие в резерве,
В военкомат с повестками ушли.
А как они геройски воевали!*

*Об этом можно много говорить.
Они стояли насмерть! И давали,
Как говорится, фрицам прикурить!».*

О другом своём стихотворении Ким Зырянов говорит так: «Сейчас у нас в посёлке центральная площадь – имени героя-панфиловца Васильева. На ней скульптура солдата, а за нею – имена погибших в Великой Отечественной войне. Поимённо». Строчками из стихотворения Кима Зырянова «Стоит солдат на площади» я и закончу этот обзор редакционной почты:

*Чтоб не было насилия
И ужасов войны,
На площади Васильева
Стоит солдат страны.
Простой советский воин
Геройски воевал,
И он теперь достоин
Взойти на пьедестал.*

*Прошедшею войною
Шинель опалена...
А за его спиной –
Погибших имена:
Под памятными плитами
Лежат герои битв...
Ничто не позабыто,
Никто не позабыт!*

М. НЕБОГАТОВ, ветеран войны, поэт.

// Кузбасс. – 1985. – 3 марта. – С. 2.

Календарная страница. АПРЕЛЬ.

В ПОЛДЕНЬ

С мерцанием живых
Капельных блёсток
Играет ранний луч,
Ещё скупой...
А полдень,
Словно в поле
Перекрёсток,
Зовёт на юг
Заманчивой тропой.
Зовёт на юг –
Встречать тепла
Кипенье,
Что так приятно
После холодов,

Встречать скворцов
Залиvistое пенье
Среди прозрачных
Парков и садов.
И как отраден
В этом полдне гордом,
С которым ты
Душой, мечтой един,
Гром ледохода,
Что звучит аккордом
Всех клавишей реки –
Тяжёлых льдин!

// Кузбасс. – 1985. – 2 апреля. – С. 4

«К ТЕБЕ ПРИДУ В ВЕСЕННИЙ ЯСНЫЙ ДЕНЬ»

Анатолий Михайлович Козлов родился в 1916 г. в Ленинграде. В 1920 г. семья переехала в Сибирь. В юности А. Козлов мечтал стать художником, поступал в Омское художественное училище, но в 1938 г. с третьего курса был призван в армию. Службу проходил на Дальнем Востоке: был начальником отделения аэрофотослужбы управления 33-й дальнебомбардировочной дивизии 1-го Дальневосточного фронта. В составе этой дивизии в 1945 г. участвовал в войне с Японией, в освобождении Кореи от японских захватчиков, откуда и демобилизовался в 1946 г. Имеет одиннадцать государственных наград, среди которых орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги».

По прибытии в родной город поступил на службу в управление внутренних дел Кемеровского облисполкома, где прослужил 26 лет. В 1972 году вышел в отставку в звании майора.

Печататься Анатолий Михайлович начал с 1943 г. в армейских многотиражках. Его стихи в разное время публиковались в альманахах «Сталинский Кузбасс» и «Огни Кузбасса», в коллективном сборнике «На рассвете», в обеих областных газетах. Композитором Евгением Луговым написаны

четыре песни на стихи А. Козлова, одна из них «Славный труд» (о заводе «Карболит») получила на заводском конкурсе вторую премию (первая не присуждалась). Художественным руководителем Уральского народного хора, композитором Н. Хлопковым на стихи А. Козлова была создана песня о шахтёрах Кузбасса, которая с успехом исполнялась этим коллективом в Кузбассе и других городах страны.

Мих. НЕБОГАТОВ,

поэт, офицер в отставке.

СТИХИ

Анатолий КОЗЛОВ

Я приду

К тебе приду в весенний ясный день,
Когда в саду запенится сирень.
Я принесу горячую любовь –
Ту, что в мороз разогревала кровь.
Её в полях не замела пурга,
Она в боях бросала на врага.

Я с ней готов пройти
Всю жизнь в борьбе,
Чтобы вернуться, милая, к тебе.
Да, я приду в счастливый
Ясный день,
Когда в саду запенится сирень.

Мне сорок лет

Мне сорок лет... Хотя давно не сорок...
Да, сорок лет, как я погиб в бою.
...Огнём пылает взорванный пригорок,
Где я лежу у смерти на краю.
Зияют чёрной бездною воронки,
И всё перековеркано кругом.
...Уже летела где-то похоронка
Зловещим вороном в далёкий дом.
Сковали тело тягостные муки,
В кровавых пятнах подо мной сугроб.
И вдруг я чувствую, как чьи-то руки
Легли теплом на мой холодный лоб...

Потом опять в сознание неполадки.
Вот снова я открыть глаза могу,
А медсестра меня на плащ-палатке
Всё волочёт, карабкаясь в снегу.
На вид девчонка – хрупкая, поверьте,
Не для такого вроде ремесла,
А сколько жизней вырвала у смерти,
И сколько счастья людям принесла!..
Услышь меня, защитница родная.
Когда б не ты, что было бы со мной?
Как мне благодарить тебя – не знаю.
Прими, сестрица, мой поклон земной!

Путь ветерана

Обрезы кулачём в годах двадцатых
Со злостью разряжались в меня.
Но всё ж хватило, чтобы быть крылатым,
У сердца комсомольского огня.
Упрямой головы я не понурил.
Не ждал ни от кого земных чудес:
Сам воздвигал я город на Амуре,
Новокузнецк, Магнитку, Днепрогэс.

Сражений дыма нахлебался вволю.
Был путь к победе долог и тернист.
Но не кляню мне выпавшую долю.
Готов я ко всему. Я – коммунист!
Кому ж обязан радостною жизнью?
И слышу я ответные слова,
Слова любимой матери-Отчизны:
Ты счастлив потому, что я жива.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1985. – 1 мая. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». МАЙ.**МИР, ВЕСНА***

Пусть навсегда уйдёт война,
И в мире солнечном и зыбком

Пусть вечно царствует весна,
Цветёт любовь, цветут улыбки!

// Кузбасс. – 1985. – 2 мая. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ИЮНЬ.**В САЛАИРЕ**

Где-то летом от сыри
Глушь застоя густа...
А у нас в Салаире
Есть на диво места!
На приволье высоком
Лес, шума на ветру,
Раньше полнится соком,
Чем в низинном бору.
День проснётся – и вскоре
Даже цветик, что чах,
На распаханном взгорье
В тёплых струях-лучах.

Вот уже на заметку
Взял и шмель, и слепень,
Что зелёную ветку
Старый выбросил пень!..
Дол от сумерек-пятен
Тёмен каждым кустом.
Но ещё не закатен
Свет на кряже густом.
Утро будто бы снова
Розовеет слегка...
Сенью взгорья лесного –
Синь, простор, облака!

// Кузбасс. – 1985. – 2 июня. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ИЮЛЬ.**НАД РЕКОЙ****

Крутой обрыв. Под ним прохладой мгlistой
Бурлит река, тальник бросая в дрожь.
Обрыв такой высокий и скалистый,
Что оступись – костей не соберёшь.
А рядом сосны. В кронах их – коронах –
Уже калится ранний летний зной.
Все царственно спокойно, окрылённо
Стоят они над самой крутизной.
Как ни горда река – верчу турбину! –
Как ни полна надменной красоты,
А вот, хотела ль, нет, взяла на спину
Теней огромных зыбкие мосты.

Попробуй-ка их сбросить! Невозможно.
Попробуй раздробить о камни их!
До берега того легли надёжно
На волны тени сосен строевых.
Но и природе дорог дух свободы.
И, покрутась воронками, река
Спешит умчать нахмуренные воды
От этих скал, из плена сосняка.
Спешит туда – к песчаным жёлтым косам,
Где в мягкой тине спит ленивый линь.
Спешит река разлиться вольным плёсом,
Набраться сил, впитать в себя теплынь...

// Кузбасс. – 1985. – 2 июля. – С. 4.

Календарная страница «Край родной»**АВГУСТ**

Мне август кажется жар-птицей
На предосеннем рубеже.
Ещё он зеленью гордится,

Но в грустной прожелти уже.
Громов гремучая телега
Скатилась с кручи знойных дней.

* – четверостишие напечатано без подписи автора;

** – см. это, несколько изменённое, стихотворение на с. 109 настоящего сборника (Примечания Н. Инякиной).

Гурт облаков – белее снега,
И небо – синего синей.
Всё ближе осень. Нет отсрочки...
Зато как радуют наш взгляд
Клубники алые листочки,
Что посреди полян горят!
На них, полянах тех просторных,
Ты и один не одинок –
Здесь рой кузнечиков проворных
Пугливо брызжет из-под ног!..
День сникнет – солнцу нужен роздых,
Горчат полынью вечера.
И ночь над миром в крупных звёздах
уже длиннее, чем вчера.

Но всё же темень рано тает,
Блестя росой, сходя на нет.
И жизнь в права свои вступает
Неудержимо, как рассвет.
Трамваем, туфель каблучками
Разбита утра тишина...
Галдят воробушки. В их игре
Вновь лета музыка слышна.
Я над стихом тружусь влюблённо,
И так уютно за столом,
Где веет ветерок с балкона,
Пропахший солнечным теплом.

// Кузбасс. – 1985. – 1 августа. – С. 4.

Издано в Кемерове

СВЕТ ПРАВДЫ

Поэт, о котором пойдёт речь в этом обзоре, печатается очень редко, поэтому не лишне будет как бы заново представить его читателям «Кузбасса». Уроженец г. Кемерово, Владимир Мамаев в двенадцать лет стал солдатом Великой Отечественной войны, «сыном полка», воевал в составе 2-й гвардейской армии, в 483-м армейском Севастопольском орденов Суворова и Кутузова миномётном полку. Был ранен, контужен, в тринадцать лет награждён медалью «За отвагу». После войны окончил железнодорожное училище в Дзямбуле, школу мастеров соцтруда в Аяузе, работал на Новокемеровской ТЭЦ. Первые стихи опубликовал в 1962 г., первый поэтический сборник «Тишина» – в 1971 г. И вот лишь через четырнадцать лет на книжных прилавках появилась вторая небольшая книжка Владимира Мамаева – «Осенний свет». Главная тема стихов этого поэта – война, а о войне написаны сотни книг – поэтических и прозаических, – и, боясь кого-то повторить, Владимир Мамаев не спешил идти к читателям со стихами на военную тему, в которых эта тема освещалась бы не конкретно, а вообще.

Он долго и глубоко обдумывал, осмысливал свой личный фронтовой опыт, делая это для того, чтобы всё, что напишется, было, как говорится, сущей правдой, без единого надуманного слова. Есть немало поэтов, которым попросту нечего сказать, у которых нет ничего за душой, а коли так – ударяются они в ловкое версификаторство, в формалистическое трюкачество, в «новаторство» чисто внешнего характера, в игру слов. И в результате – «несёт меня по лезвию куда-то не туда» (А. Вознесенский). В отличие от подобных поэтов у Владимира Мамаева есть то, что мы называем судьбой. Стих его не блещет изяществом формы, очень прост, незамысловат, но зато всё, о чём говорит поэт, излучает самый драгоценный свет – свет правды. Хочется подкрепить это конкретным примером – стихотворением, посвящённым бывшему нашему земляку, живущему сейчас в Москве, поэту, Герою Советского Союза Михаилу Борисову:

*Мы с тобой из-за парты
На войну уходили.
Не в вагоне плацкартном
Мы по жизни катили.
За отцовскими спинами
Мы не прятались, нет.
Становились мужчинами
Мы в четырнадцать лет.*

*Жили – грудь нараспашку, –
Себя не щадили.
Говорят, мол, в рубашке
Нас мамы родили.
Может быть, и в рубашке,
Но она – не броня.
На могилах ромашки,
А в могилах друзья...*

Русский по рождению и по духу, поэт с гордостью пишет о своём русском народе. Эта гордость во весь голос звучит, например, в его стихотворении «Родине, России»: «Не на китах, а на Иванах стояла и стоит она!» И с какой неподдельной горечью заключает Владимир Мамаев упомянутое выше стихотворение: «О, сколько их, немых курганов, понаворочала война! И в тех курганах спят Иваны...».

Конечно, не одни Иваны остались лежать в курганах, но есть своя закономерность в том, что гитлеровцы, которых мы на фронте окрестили «фрицами», любого советского воина называли «рус Иван». Четыре длинных, мучительных года длилась война. И когда она закончилась, как-то даже не поверилось в наступившую внезапно тишину. Это душевное состояние точно уловил и передал Владимир Мамаев в стихотворении «Тишина»: «Ещё вчера была война, ещё вчера смерть лютовала, а нынче зыбкая волна баркас качает у причала... У моря человек сидит, и в тишину ещё не верит».

Война войной, однако не одними воспоминаниями о ней живёт бывший фронтовик. У Владимира Мамаева, после войны освоившего много рабочих профессий, в книжке «Осенний свет» есть хорошие стихи о труде, о нелёгких дорогах рабочих людей, привлекательны, симпатичны по-мужски сдержанные, далёкие от сентиментальности, но нежные стихи о любви, интересны раздумья о жизни во всех её проявлениях, о красоте природы.

Но и в самую интимную лирику снова и снова вплетаются мысли о том, что с детских лет и навсегда вошло в сердце: «Сорок лет... А кажется, вчера только перестали лаять пушки. Сорок лет... Смеётся детвора, обсуждают новости старушки. Сорок лет, нелёгких мирных лет ты несла, не сгорбившись, Россия! Пусть же будет над тобой рассвет, как улыбка детская, счастливым». Этому пожеланию, искренности его веришь, как никакому другому, потому что высказано оно человеком, чьё детство, увы, не было озарено весёлой и тем более счастливой улыбкой.

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1985. – 23 августа. – С. 4.

Календарная страница «Край родной».

СЕНТЯБРЬСКИЙ ВЕЧЕР*

Ранний вечер. А двор
В тень уже погружён.
И отсюда, где сразу
Прохладно и сумрачно стало,
Так отрадно смотреть мне
На светлый ещё небосклон –
Там лишь только что солнце
За дом опустилось устало.
Можно даже подумать, что осень
Ещё далека –
Лучезарна улыбка
Закатного нежного зова...
Но сурово и хмуро
Застыли вверху облака,
Где небесная глубь,
Как река, дочерна бирюзова.
Словно льдины, они тяжелы,
Холодны,
Равнодушны к непрошеной

Солнечной ласке.
Их крутые бока с теневой стороны –
В тёмно-сизой, лиловой окраске.
Врозь, недвижно стоят
Эти глыбы пока,
Но вот-вот и растянутся
Их волоконца,
Соберутся, сойдутся
В толпу облака
И надолго от нас
Спрячут красное солнце.
Всё ж не скроют они
В сердце, в памяти эту зарю,
Хоть и нет в ней
Ни яркого блеска, ни лоска...
Не на вас, облака,
Я сегодня с любовью смотрю,
А в прозрачную даль,
Где всё теплится света полоска...

// Кузбасс. – 1985. – 1 сентября. – С. 4.

Поэтическая рубрика

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

Александр Константинович Иванов родился в деревне Залучье Калининской области. С матерью и своим старшим братом испытал все невзгоды, которые принесла война. Отца увидел только после победы. В

* – часть третья стихотворения «Сентябрьское солнце» (см. с. 53 настоящего сборника)

школу Саша пошёл шести лет, закончил семилетнюю, а затем – учёба в механическом техникуме Краснодарского политехнического института. После учёбы три года служил в рядах Советской Армии, уволился в звании офицера. По специальности – инженер-механик. В настоящее время живёт в Топках, работает начальником цеха предприятия «Сибспецремонт-1». В августе прошлого года А. Иванов отметил 25-летие работы на производстве.

Как выражается сам Александр Константинович, говорить и писать в рифму начал ещё с детства. Его стихи печатались в многотиражке «Цементник», в топкинской городской газете «Ленинский путь». Есть в творческом активе нового нашего автора две песни: «Бабье лето» (музыка новосибирского композитора Бориса Мурашкина) и «Песня о Топках», музыку к которой написал местный композитор Юрий Янушкевич. В 1983 году «Песня о Топках» в дни юбилея города исполнялась на торжественном вечере, который транслировался областным телевидением.

Лично я после знакомства со многими стихами Александра Иванова пришёл к убеждению: он как поэт лишь по какому-то недоразумению (а может, из-за скромности автора) до сих пор неизвестен областному читателю. Это очень способный, можно даже сказать, уже вполне сложившийся литератор, работающий со словом целеустремлённо, вдумчиво, серьёзно. Александр Иванов – не просто человек, увлекающийся стихами, пописывающий их так, между делом, в часы, когда неохота заниматься чем-то другим. Нет, он шаг за шагом приближается к тому храму, который зовётся поэзией.

Мих. НЕБОГАТОВ,

член Союза писателей СССР.

Александр ИВАНОВ.

РОЖДЕНИЕ УТРА

Заря не зря сжигает сумрак ночи:
Рассвет торопит, словно миг любви!
Мальчишка-месяц, бледный, тонкий очень
Уходит силы подкрепить свои.
И, подмигнув, погасли звёзды разом –
На небосклоне выключили свет.
Наверно, их какой-то светлый разум
Решил беречь... Других в запасе нет.

Сквозь облаков изорванных оконца,
Послав в разведку первые лучи,
Степенно, важно выплывает солнце,
Как каравай пшеничный из печи!
Жара сгребает жар с печного пода
И рассыпает искрами на снег...
Рожденье утра празднует природа.
Живи, твори и здравствуй, человек!

У КОСТРА

Обнялись, как будто бы повенчаны,
Молодые ветки сосняка.
А внизу поёт, совсем как женщина,
И рябит от чувств своих река.
Дым костра к поющей речке тянется...
Разрыдалась в чайнике вода...

Что-то разговор не получается.
Мы сидим, молчим, не как всегда.
Чай готов. Дрова в костёр подброшены...
Сигарета кончила дымить...
Просто захотелось по-хорошему,
По-мужски немножко погрустить...

ПЕРВОГОДКИ

Веду пилоткою солдатской,
Как по стерне, по волосам.
Эх, шевелюра – в жизни штатской...
Невесты наши – тоже там.
А мы с подъёма до отбоя,
Как дети матери одной,
Едины формой и судьбой
И песней нашей строевой.
Один бачок с перловой кашей.
Один на всех тяжёлый труд.

И соль одна на спинах наших –
Селёдку нам не зря дают.
Всем поначалу так не просто!
У командиров есть для нас
Один ответ на все вопросы:
«Умри, а выполни приказ!»
И лишь отбой нас различает,
Труднее день – милей постель.
Устал солдат, а всё мечтает
О той, что сам назвал своей.

И я прошу тебя тихонько,
 Любовь – гражданский генерал:
 Пускай приснится мне девчонка,

Та, что лишь в письмах целовал.

г. Топки.

// Кузбасс. – 1985. – 24 сентября. – С. 4.

ВЫСОКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

С СОБРАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА

Доклады без цитат теперь не редкость, особенно в творческой среде, где всё чаще звучит живое убедительное слово. И если Геннадий Юров, ответственный секретарь Кемеровской писательской организации, счёл нужным ещё в начале доклада на отчётно-выборном собрании писателей Кузбасса сослаться на С. В. Михалкова, то для этого было веское основание.

На недавнем пленуме Союза писателей РСФСР секретарь правления С. В. Михалков напомнил о высоком предназначении литературы и искусства в формировании личности современника, в борьбе за утверждение идеалов коммунистического общества. «Благороднейшая цель литературы, – подчеркнул он, – счастье всех людей на земле».

– Мы берём на вооружение этот призыв, – сказал Геннадий Юров, – он, как никогда, актуален сейчас, когда страна готовится к XXVII съезду КПСС, когда по-новому рассматриваются острейшие проблемы современности.

О плодотворности писательской работы принято судить по главной «продукции» – вышедшим из печати книгам. За отчётное время в Кемеровском и центральных издательствах появилось не менее тридцати новинок, авторы которых – писатели Кузбасса.

Продуктивным оказался минувший год для известного в стране прозаика Владимира Мазаева, выпустившего итоговую книгу «Жив останусь – свидимся» в издательстве «Советский писатель» и сборник повестей «Зиму пережить» (местное издательство). Автор достиг зрелого мастерства, в его творчество властно и весомо пришла тема войны. «Рассказы сибирячки» Владимира Мазаева включены в пятитомную антологию боевой славы, издающуюся в Москве, наряду с произведениями Михаила Шолохова, Константина Симонова, Василия Быкова...

Новые грани таланта проявились в книгах Геннадия Емельянова, знакомого прежде читателям по произведениям о рабочем человеке. В сатирической повести «Арабская стенка» писатель разоблачает современное мещанство, жажду бессмысленного приобретательства. Произведения, составившие книгу «Две встречи», по внешним признакам можно отнести к жанру приключенческому. По существу же фантастический сюжет нужен Геннадию Емельянову, чтобы полнее проявить своё творческое дарование. С двумя новыми книгами вышел к читателям Владимир Куропатов, получивший в последние годы всесоюзное признание как мастер рассказа. Книга, напечатанная в издательстве «Молодая гвардия», называется «Середина жизни», в местном издательстве – «Плоть от плоти».

Примечательным явлением в литературной жизни Кузбасса стала книга Зинаиды Чигарёвой «След добра». Материал для этой повести писательница брала, что называется, из первых рук, работая внештатным инспектором детской комнаты милиции.

Появилась очередная повесть Виля Рудина «Между вчера и завтра» с остродетективным сюжетом. Мы вновь встречаемся с чекистом, знакомым по повести «Тропа над пропастью»: теперь он работает в Белоруссии накануне войны. Книги Виля Рудина исторически познавательны.

Среди книг прозы стоит назвать и сборник повестей Геннадия Естамонова «Я здесь живу», опубликованный в Кемерове. Повести объединены общим замыслом, стремлением рассказать о нравственном становлении поколения, чьё детство опалено Великой Отечественной войной. Обращает на себя внимание книга фронтовика Афанасия Гуковского «Крутые повороты» (Кемерово), а также коллективный сборник рассказов «Шахтёрский характер» (Кемерово), где собраны произведения литераторов Кузбасса и Донбасса.

Не только в Кузбассе, но и в России известно имя Виктора Баянова. В его сборник «Зазимок» вместились всё лучшее, написанное за четверть века, а также новые стихи. Уже после выхода книжки родился цикл стихотворений «Тревога», свидетельствующий о новом этапе его творческой зрелости, о пристальном внимании к проблемам века.

Свою главную тему развивает в сборнике «Земля моя добрая» (Кемерово) Михаил Небогатов. Название книжки говорит за себя: здесь чётко обозначены те лирические мотивы, за которые мы ценим творчество старейшего кузбасского поэта-фронтовика.

Профессиональным писателем стал поэт Николай Колмогоров, выпустивший в 1983 году две книги: «Дом» – в Кемерово и «Травяное окно» – в Москве, в издательстве «Современник». Творчески окреп звонкий голос Любови Никоновой в книге «Праземля» (Кемерово).

Достойно представлена в отчётное время поэзия молодых. В издательстве «Советский писатель» увидела свет третья книга Ивана Полунина «Таёжный тусенок». В Кемерово вышли сборники Валерия Ковшова «Свет внезапный», Александра Ибрагимова «Пусть будет каждому любовь». Творческая молодёжь воспитывается в духе любви к родной земле, её славным труженикам, уходит в своих произведениях от узколичных мотивов. Характерен в этом смысле коллективный сборник «Рабочая мелодия Кузбасса», где представлены стихи о родном крае как профессиональных поэтов, так и молодых литераторов. Результатом внимания к молодым стала поэтическая кассета, в которой появились сразу пять имён: Галины Золотайной, Иосифа Куралова, Александра Каткова, Семёна Печеника, Владимира Петраша. Кассета получилась содержательной, интересной. Опыт таких изданий резонно продолжить и впредь.

Слабое звено в работе писательской организации, – обратил внимание докладчик, – очерк, публицистика. Лишь Геннадий Емельянов уделяет внимание документальной прозе, пишет о металлургах, шахтёрах, строителях. Редки выступления писателей как публицистов в местной печати, по областному радио, не говоря уже об альманахе «Огни Кузбасса». Не лучшим образом обстоит дело и с профессиональной критикой. Не освоен ещё по-настоящему драматургический жанр, не налажена живая, творческая связь с местными театрами. На голубые экраны вышел телеспектакль по пьесе Владимира Мазеева «Дамба», Прокопьевский театр поставил пьесу Ивана Балибалова «Горный удар» – вот, пожалуй, и вся реализованная драматургическая продукция. По заказу Кемеровского театра драмы Виль Рудин написал пьесу «Наша Вера» – о Вере Волошиной, но с постановкой дело застопорилось.

Стало тесно в издательских планах: три позиции прозы, три позиции поэзии – что-то маловато в обстановке, когда количество добротных рукописей растёт, появляются всё новые и новые имена.

Интересные предложения были высказаны выступившими. В. Банников, директор областного книжного издательства, обратился к писателям с предложением принять участие в книге очерков, публицистики, которая может выйти к 25-летию писательской организации в 1987 году. Он же высказал мнение о необходимости учредить в Кузбассе премии имени поэта В. Д. Фёдорова и прозаика А. Н. Волошина.

Своевременной показалась мысль Г. Емельянова о социальном заказе, о возрождении традиций 30-х годов, когда писатели были теснее связаны с предприятиями и создавали документальные книги. О важности постоянной творческой учёбы, пополнении багажа знаний, более пристальном внимании к повседневным явлениям жизни говорили В. Куропатов, В. Махалов, П. Майский, секретарь правления Союза писателей РСФСР Л. В. Решетников.

В работе собрания принял участие и выступил секретарь обкома КПСС П. М. Дорофеев. Ответственным секретарём областной писательской организации избран Г. Е. Юров.

В. МАТВЕЕВ. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1985. – 3 сентября. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ОКТЯБРЬ.

ЗА ТУМАНОМ*

Попутру, в седой
Прохладной рани,
Не понять –
Тумана пелена, –
То ли солнце

Поднялось в тумане,
То ли припозднилась
Там луна.
Словно фара
В снежной круговерти,

* – первая часть стихотворения «Сентябрьское солнце» (см. на с. 53 этого сборника)

Чуть светясь
В белёсой полумгле,
Как бы говоря нам:
«Вы мне верьте!»,
Что-то пробивается
К земле.
Полная загадка
В этом лике...
А туман редет
Там и тут...
Вот уже и розовые
Блики

В синеве на облачке
Цветут!
Вот – поток лучистый,
Так похожий
На салют высокий
В чью-то честь.
Значит, нынче
Будет день погожий.
Солнце победило!
Солнце есть!

// Кузбасс. – 1985. – 1 октября. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». НОЯБРЬ.

Солнце землю видать, разлюбил:
Не даёт ей ни капли тепла.
То, что радугой осени было,
Облетело, сгорело дотла.
Отшуршав под ногами, всё это
Улеглось под снежком-порошком.
Долго ждём после ночи рассвета –
Он ступает ленивым шагом.
А снежинки ничуть не ленивы –

И летят, и летят, не устав,
На стога, на пустынные нивы
И на Томь, где уже ледостав...
Всё уж было, но сердцу так мило.
Здравствуй, день в куржаке и в снегу!..
Солнце землю, видать, разлюбил.
Я её разлюбить не смогу.

// Кузбасс. – 1985. – 1 ноября. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ДЕКАБРЬ.

ПРИБУДЕТ ДЕНЬ...

У декабря суровая натура:
Он взглядом ледяным
На всё глядит,
Насупясь, исподлобья,
Очень хмуро,
Как будто бы
На целый мир сердит.
Когда бы лишь от стужи
Мир зависел,
Он был бы погружён
Всё время в тень,
Но мы-то знаем,
Что с двадцатых чисел
На воробыный шаг
Прибудет день.
А там уже и на два,

На три, на пять –
И веселей пойдёт
Житьё-бытьё...
Пока ж мороз
Старается облапить
И нас, людей,
И птицу, и зверьё.
Короткий день
Декабрьский торопливо
Из темноты
Уходит в темноту...
Но всё живое
Тем всегда и живо,
Что видит в далях
Светлую черту!

// Кузбасс. – 1985. – 3 декабря. – С. 4.

Издано в Кемерове

КНИГА О КУЗБАССКИХ ПОЭТАХ

Из года в год растёт одна из самых молодых в Сибири Кемеровская писательская организация. В Кемеровском книжном издательстве ежегодно выходит по несколько книг прозы и поэзии местных авторов. Многие имена прозаиков и поэтов стали известны не только кузбассовцам, но и всероссийскому читателю –

книги их выходят в Новосибирске, Москве. Литературное краеведение стало обязательным для изучения в средней школе, в местных гуманитарных вузах.

По мере выхода новых книг и накопления художественного опыта появляется потребность в подведении творческих итогов, в теоретическом осмыслении созданного. И появляются литературно-критические работы о кузбасских писателях. Эти работы очень помогают изучающим творчество прозаиков и поэтов Кузбасса.

Кемеровское книжное издательство за последние годы выпустило несколько таких книг. Их авторами были преподаватели кузбасских вузов – кандидаты филологических наук Алексей Абрамович, Любовь Пудалова, Евсей Цейтлин. Ряд этих книг пополнился новой: в Кемеровском книжном издательстве вышла книга преподавателя Кемеровского университета, кандидата филологических наук Александра Казаркина «Пульс времени». Это этюды о поэтах Кузбасса Евгении Буравлёве, **Михаиле Небогатове**, Викторе Баянове, Игоре Киселёве, Геннадии Юрове, Валентине Махалове.

Анализируя творчество каждого поэта, автор книги акцентирует внимание на том, какое отражение нашли в нём приметы времени, народность, партийность, как связано оно с явлениями жизни, подробно останавливается на индивидуальной манере поэтов.

Сборник издан тиражом пять тысяч экземпляров.

Л. ГЛЕБОВА, редактор книги.

г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1985. – 15 декабря. – С. 4.

НАШЕ ЗАВЕТНОЕ

Этот год объявлен Годом мира.
Пусть же он не ведает войны!
Пусть без соблюдения ранжира
Все народы будут в нём равны!

Пусть цветут безоблачно рассветы!
Мир – наш общий светоч и кумир.
Пусть всё время люди всей планеты
На одно равняются – на мир!

// Кузбасс. – 1986. – 1 января. – С. 1

О ЛИРИКЕ И ЛИРИКАХ

Заметки о книге А. Казаркина «Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса»

Сегодня многие сетуют на ускорение темпов жизни, на нехватку времени, а порой и на «душевную засуху», вызванную якобы скоростным ритмом времени. К сожалению, сетования не лишены оснований. Действительно, в XX веке пульс времени стал напряжённее и прерывистее. Автоматизация принесла не только достижения, но и утраты. Не секрет, что и читают в век телевидения меньше. Однако грозит ли поэзии смерть? Обмелеют ли родники творчества? Вопрос, конечно же, риторический. Словно трава сквозь асфальт, пробивается к нам лирика сквозь покров будничных забот. Поэтому не может не заинтересовать разговор о поэтах нашего края, с которым обратился к читателям критик и литературовед, кандидат филологических наук А. Казаркин. В книге, выпущенной Кемеровским книжным издательством, он очерчивает поэтические контуры Кузбасса, прослеживает основные тенденции развития творчества Евгения Буравлёва, **Михаила Небогатова**, Виктора Баянова, Игоря Киселёва, Валентина Махалова, Геннадия Юрова.

Автор так определяет свою задачу: «Меньше всего мне хотелось давать биографические справки. Сначала – осмыслить, оценить, хотя бы частично удовлетворить интерес молодого читателя к культуре родного края». Эта оценка опирается на глубокое знание автором специфики искусства слова. Как и в своих статьях, критик в книге занимается литературным краеведением. В «Пульсе времени» ощутима попытка сопоставить локальное с универсальным, частное – с общезначимым. Важен тот объективный критерий оценки, что позволяет установить надёжные вехи в поэтическом движении края, подчас пёстрым и стихийном.

Имя Е. Буравлёва, первого руководителя областной писательской организации, по праву открывает обзор послевоенной поэзии. Поэт лепил образ своего героя (и сам был похож на него) – сибиряка-первопроходца, человека дела, человека долга. Это был, как метко подмечает критик, «образ на редкость цельного человека, в котором слово, характер и биография нераздельны». Говоря от имени «кладоискателей», металлургов, строителей, поэт, как и его собратья по перу во всей стране, воссоздал

коллективный портрет народа-труженика, восстанавливающего хозяйство, «работающего на износ» ради победы над разрухой. Образ сибиряка, как говорит критик далее, обобщает лучшие черты героя нашего времени. И в то же время в стихах Буравлёва есть раздумье о Человеке, о подобающем ему месте на земле.

Герой лирики Буравлёва был человеком мужественным и деловым. Он знал короткое слово «надо». С этим ёмким и таким актуальным сегодня словом он «бок о бок с земляками шёл, одержим одной мечтой, ворочал брёвна, землю, камень, чтоб ожил край необжитой». *Таков и облик героя другого поэта старшего поколения – М. Небогатова. Пройдя фронтовыми дорогами, М. Небогатов не мог не писать о них, о незатягивающейся ране, о боли, которой не суждено уйти. И всё же, начиная с первого сборника «Солнечные дни», поэт будет, следуя выстраданному кредо, «славить жизнь».*

Все поэты Кузбасса писали и пишут о родном крае, о его природе, о красоте, окружающей нас. Все мы знаем, как актуальна для нашей области эта тема. **М. Небогатов**, И. Киселёв и особенно В. Махалов и Г. Юров помнят о страданиях матери-природы. «Я – боль реки и врачеватель боли», – говорит о себе лирический герой Юрова, осмысляя обострившийся конфликт человека и природы. Г. Юров, пожалуй, резче всех заострил антитезу природа – цивилизация, но и он чаще элегичен там, нужны иные слова. Да и слова ли? Может быть, размышляет А. Казаркин, «не песня тут нужна, а что-то совсем другое?» Может ли в самом деле поэтическое слово сделать больше, чем слово закона? Вопрос не прост. Все мы в ответе перед рекой, перед природой, от которой может скоро остаться одно лоно, как невесело шутят сегодня на эстраде.

Конечно, роль поэзии, как показывает книга А. Казаркина, нельзя сводить к сиюминутным эффектам. Лирика воспитывает человека, создавая возвышенный настрой души, не давая забыть в лихорадке дней о главном. В этом смысле чрезвычайно полезна изысканно-ассоциативная лирика И. Киселёва, о котором критик пишет: «Мне до сих пор кажется, что Игорь Киселёв ушёл из жизни неузнанным, не понятым настоящим». С этим в целом стоит согласиться: мы мало знаем о самобытном авторе, пейзажисте и натурфилософе.

О многом в книге А. Казаркина по необходимости сказано бегло, порой эта скороговорка раздражает: любознательному читателю, очевидно, хотелось бы узнать о поэтическом процессе нашего края, а не только об отдельных авторах. Ждут критической оценки и многие другие поэты, о которых в рецензируемой книге и не упоминается. Может быть, сказалась общая тенденция книги – не подчёркивать недостатки? Но тогда надо упрекнуть автора в некоторой идеализации кузбасской поэзии. Слог книги, в общем, выдержан верный: это доступное, популярное изложение.

Словом, вышла в свет книга нужная, зовущая к истокам прекрасного, к чтению авторов, воспевавших нашу землю, нашу жизнь. Книга эта поможет читателю найти своего поэта.

В. Хорольский,

преподаватель КемГУ. г. Кемерово.

// Кузбасс. – 1986. – 16 января. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ФЕВРАЛЬ.

ЛЮБЛЮ ТИШИНУ СНЕГОПАДА

Кружатся, кружатся тихо снежинки.
Старится мир, но цветёт новизна.
Нет ни дороги вокруг, ни тропинки,
Только одна белизна, белизна.
Как я люблю тишину снегопада!
Шёл бы и шёл, сам не зная куда.
Много ли сердцу для радости надо?
Чтоб не кончалась годов череда...

Кружатся, кружатся тихо снежинки.
Сколько в полёте весёлой игры!
Будто бы их Дед Мороз из корзинки
Сыплет и сыплет с высокой горы.
Клёны, берёзки сейчас не босые –
Вышли к обочине в белых пимах...
Радостно мне, что рождён я в Сибири,
Там, где снегов необъятный размах!

// Кузбасс. – 1986. – 1 февраля. – С. 4.

ВСЕГО ОБИДНЕЙ

Всего обидней было на войне:
С передовой сближаясь понемножку,
Идти туда, где всё в дыму, в огне,
И вдруг... попасть
Под страшную бомбёжку...

Отхлынет шквал. И кто-то, полный сил,
Уже не вскинет дуло автомата.
Шёл драться, мстить,
Но так и не сразил
Ни одного фашистского солдата.

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
И был рубеж немецкий взят.
Гигантской кузницей гремела
Окрестность эта час назад.
Железный лом кругом, воронки
И распростёртые тела...
Вновь на кого-то «похоронки»
Писать – есть писарю дела.
Был танк, и тот не твёрже воска
Здесь, в круговерти огневой.

И вот где чудо-то: берёзка
Стоит с нетронутой листвой!
Стоит, как будто так и надо,
Какой-то новой ждёт поры.
И ни царапины, ни чада
На белизне её коры.
А в поле, всем ветрам открытом,
Всё дальше, дальше гром и гул.
Берёзка над бойцом убитым
Несёт почётный караул.

В МАГАЗИНЕ

– Ты почему без очереди, дед?
– Я инвалид войны. Имею право.
А тот, в броню бездушная одет:
– Поразвелось вас! Прётё!
Слева, справа!..

И в очереди шум – кто за кого.
В лице у инвалида лишь усталость.
Все силы отдал фронту – ничего
Для спора и отпора не осталось.

// Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». МАРТ.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

С давних лет
С природою мы дружим.
С той поры, как радостью влеком,
Полюбил я
По июльским лужам
После ливня бегать босиком...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым
Мартовским раздольем
Занялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось:
С облачных карнизов,

Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюблённости полна.
Дескать, что ты
Во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты песчинка только
В этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
Очень странно
Друга отчужденье.
Ну, а может,
Всё, как встарь, у нас?
Может, кто-то был
Не в настроенье –
Я или природа – в этот час?

// Кузбасс. – 1986. – 1 марта. – С. 4.

РАННИМ УТРОМ*

Как сильно нас волнуют сновидения!
 Как остро жизнь мы чувствуем во сне!
 ...Наверно, близко было пробуждение,
 Когда возникли звуки в тишине.
 ...Открыл глаза. Сиянье утра вешнего.
 И громкий, дружный щебет за окном!
 Так вот откуда всё – из мира внешнего,
 Всё из него, что мне казалось сном.

Цветёт заря, как ягода рябинная,
 Свой свежий сок пролив на небеса.
 И ей во славу стая воробьиная
 Поёт во всю, прочистив голоса!
 И так хрустально-звонко утро раннее,
 В котором свету, звукам нет границ!
 И так чудесно это щебетание,
 Как сказочное пенье райских птиц!

// Кузбасс. – 1986. – 2 апреля. – С. 4.

В ПОЛЕ

Уносит тучка шум дождя,
 Чтоб день сиял нам лучезарно,
 И поле, зелено блестя,
 Вослед ей смотрит благодарно.
 С его межи ручьи-ужи
 Ползут на тёмные просёлки.
 Был кстати дождик – так свежи
 Вдали, вблизи лесные колки!
 Ещё не густ покров ветвей,
 Все деревца сквозят просветом.
 Гуляет ветер-тиховей
 В том терему, весной пригретом...
 Уж сколько раз – не два, не пять –

Ты видел поле, царство воли,
 А как-то заново опять
 Здесь молодеешь поневоле.
 В родстве с травинкою любой,
 Душа полна теплом, уютом...
 Небесный купол над тобой
 Раскрыт огромным парашютом.
 И в этой выси, как ручей,
 Весёлой, чистой трелью звонок,
 На стопах солнечных лучей
 Висит незримый жаворонок!

// Кузбасс. – 1986. – 2 мая. – С. 4.

ПО ПУТИ К ПЕРЕДОВОЙ

Мы шли к передовой.
 Вдруг страшный скрежет
 Заставил нас припасть
 Ничком к земле.
 Казалось, этот звук
 Весь мир разрежет,
 И синий полдень скроется во мгле.
 Ревело что-то, всё живое руша,
 Вселяя ощущение: смерть близка...
 А это была славная «Катюша»

Из ближнего зелёного леса.
 Опомнясь, мы смеялись над собою:
 Вояки, испугались-то чего!..
 Летела к фрицу смерть, истощно воя –
 Недалеко уж было до него.
 Летели реактивные снаряды,
 Как ураган. Такой, что просто жуть.
 И были благодарны мы и рады:
 Нам, пехотинцам, расчищался путь!

ДАТЫ

Друг мой фронтовой, давно не юный!
 Мчатся годы, за волной волна.
 Скоро сорок пять с того июня,

Грозно прогремевшего: «Война!».
 В памяти – рассветный город Броды,
 От бомбёжки в пламени, в дыму...

* – фрагмент из стихотворения под названием «На заре», с. 51 настоящего сборника.

А потом дела такого рода –
Не дай бог на свете никому.
Но чем дальше двигал враг от дома,
Тем страшней: вернусь ли, мол, домой?..
Как предвестье полного разгрома
Был разгром фашистов под Москвой!..
Далеко война. С её начала

Не горюйте, друзья-ветераны,
Что с недугами старость пришла,
Что порою уже, как ни странно,
Не даются большие дела.
Вы своё отслужили на славу,
Дорогую Отчизну любя.
Отдыхайте сегодня по праву,
От невзгод берегите себя.
В жарком пекле огня и металла,
В годы бед и лишений лихих
Вашей силы когда-то хватало,
Чтобы делать дела за двоих.

Сорок пятый год. И нам опять
Год победный светит величаво:
Он ведь тоже с цифрой сорок пять.
В сорок пятом русская секира
Рассекла рейхстаг. У этих дат
Нынче, в год, что назван годом Мира,
Свой особый смысл, мой друг-солдат!

ВETERAНАМ

Не с того ли и жизнь наша краше,
Что вы шли через посвист свинца?
Пусть другие потрудятся с ваше,
Поработают в поте лица...
Ничего, что повыше ступеньку
Одолеть вам уж стоит труда –
Вас, идущих вот так, помаленьку,
Не осудит никто никогда.
Устаёте. Но хворям в угоду
Не сдаётесь: успею к врачу...
Тем и живы, что в службе народу
Кое-что вам ещё по плечу!

// Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
Был сладок сон. Тиха была казарма.
Алел восток. И на него в упор
Смотрел фашист
С открытого плацдарма.
Смотрел в бинокль,
Высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью
Спортивной...
Был берег тот не берег,
А рубеж,
Простор полей –
Простор оперативный.
Уже мосты –
Места для переправ,

Для гусениц, колёс,
Бегущих ног ли...
Мир черепиц, садов,
Соборных глав –
Всё чётко, близко
Замерло в бинокле.
Мы спали.
И дышалось так легко.
И ни одна душа из нас
Не знала,
Что за рекой,
Совсем недалеко –
Уже война
К прыжку ждала сигнала...

// Кузбасс. – 1986. – 22 июня. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ОКТЯБРЬ.

В ПРЕДЗИМЬЕ

В предзимней
Серости и сырости
О чём задумались, поля?
Что свежим травам,
Злакам – вырасти,

Лишь вновь
Согреется земля...
В предзимнем синем
Остром холоде
О чём задумалась, река?

Что зеленеть в ней
Летней молодежи
Берегового тальника...
В предзимней
Стылости, усталости
О чём задумался,
Мой друг?
О встречах юности.
О старости.
О вечной смене
Ливней, выюг.
О том,
Что все сугробы-надолбы
В пути к весне

Преодолев,
Ещё пожить
На свете надо бы,
Послушать
Новых дней напев.
Послушать, внять
С любовью кроткою,
Понять душою,
Что к чему,
И приобщить себя
Хоть ноткою
К напеву звонкому тому.

// Кузбасс. – 1986. – 1 октября. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». НОЯБРЬ.

БЕЛОЕ ЗАТИШЬЕ

С утра в глазах ребят снежинки,
Штрихуют воздух, торопясь
Засыпать тропки и ложбинки,
И оголённых веток вязь.
Сперва покров настолько тонок,
Так шубка снежная нежна,
Что ступит валенком ребёнок –
Земля промёрзлая видна.
Здесь шины след, там след копыта.
За всем попробуй усмотри!
Но снег упрямо, деловито

Летит и час, и два, и три...
И вот уж в белое затишье,
В простор сияющего дня
Легла, как первое двестишье,
Чуть подсинённая лыжня.
А снег летит. И нам приятен
Его полёт. Вблизи, вдали
Всё меньше, меньше тёмных пятен
На светлом облике земли!

// Кузбасс. – 1986. – 1 ноября. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ДЕКАБРЬ.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Замер город. Спит под небом звёздным.
Ночью он – как дом, который пуст:
Звучен, гулок отдалённый голос
В воздухе морозном снежный хруст.
Над заводом – искры, полыханье.
Где-то стружки вьются под рукой...

Заводское жаркое дыханье
Слышит бор промёрзлый за рекой.
Он в меха закутался, дивится,
Что луна и в стужу налегке.
Раскраснелась только, как девица,
В серебристо-радужном венке.

// Кузбасс. – 1986. – 2 декабря. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». ФЕВРАЛЬ.

В ТАЁЖНОМ ПОСЁЛКЕ

Зимний вечер приходит в посёлок,
В задремавшую рядом тайгу.
Синевой у серебряных ёлок
На серебряно-чистом снегу.
Розоваты под снежною ватой
Лапы ёлок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,

И в наносных холмах огород...
Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,
Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.
Вслед за нею другую и третью
Холодеющий вечер зажёт...

А мороз обжигает, как плетью,
И скрипит под ногами снежок.
Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло,
Поглядишь – и не больно глазам...

Всё надолго оставлю с собою:
Хвойный запах и скрипы саней,
Медь заката над синей тайгою,
Золотистые капли огней.

// Кузбасс. – 1987. – 1 февраля. – С. 4.

Из будущей книги

Поэт Михаил Небогатов давно известен кузбасскому читателю. Его первый поэтический сборник вышел в Кемеровском книжном издательстве в 1952 году. С тех пор немало книг Небогатова увидели свет, заслужили признание земляков. В лирике поэта особое место по праву занимают стихи о войне. Человек военного поколения, три года воевавший на передовой и демобилизованный в 1943 году после тяжёлого ранения, Михаил Александрович слишком хорошо знает, что такое солдатские будни, что такое солдатская память.

Журнал «Наш современник» присудил поэту специальную премию и звание лауреата за лучшую подборку стихов, опубликованную в 1986 году. Сегодня, в канун Дня Советской Армии, поздравляя ветерана кузбасской поэзии с заслуженной наградой, мы предлагаем читателю его небольшую новую поэму «Аккордеон», которая войдёт в новую книгу стихов, над которой М. Небогатов завершает работу.

Михаил НЕБОГАТОВ.

АККОРДЕОН

Памяти брата Григория

I.

Детьми судьба их обделила.
А тут – и старости свой срок...
Теперь особо сердцу мило,
Когда племянник – на порог.
Едва разделся – полной чашей
Его уже встречает стол.
– Ты по пути, наверно, Саша?
– Нет, попроведовать пришёл.

Как жизнь? – Да лучше всех, пожалуй, –
Хозяин весело в ответ. –
Как скрипачи... скрипим помалу.
Других у нас занятий нет...
Но в грустноватом настроенье
Вдруг от стола поднялся он,
Взял и поставил на колени
Трофей войны – аккордеон.

II.

И была торжественность в моменте:
Голову склонив, прикрыв глаза,
Слушал фронтовик, как в инструменте
Плавно возникали голоса.
Так уже бывало не впервые –
Забывал племянника, жену.
Помнил лишь дороги фронтовые,
Долгую, тяжёлую войну.
Помнил, как военным первым летом
Там, где не смолкал и гром, и свист,
Был фашист – секрета нету в этом –
И силён, и весел, и форсист...
Как от шнапса, зноя, краснорожи,
Орды их – по локоть рукава –
Шли хлебами, с саранчою схожи,
«Рус, сдавайся!» выучив слова.
Как столкнув нас где-нибудь в болотце,

В нашем, только занятом селе
Гоготали, ржали у колодца,
От разбойных дел навеселе.
И особой болью в той печали
Было и для мёртвых, и живых:
Как фашисты весело играли
На своих гармониках губных.
Раздражая, душу надрывая,
Будто наждаком её скребя,
Заливалась музыка чужая,
Словно где-то дома у себя.
Словно им война – одни игрушки...
И тогда, собрав своих ребят,
Раненых, усталых, возле пушки,
Сам он заряжал её, комбат.
И хотя стоять уж было не с кем,
Вскидывал широкую ладонь

И, сливая гнев с движеньем резким,
 Сам себе командовал: Огонь!
 И одним оставшимся снарядом,
 Как перед последнею межой,
 С ненавистью бил по наглым гадам,
 По занудной музыке чужой!
 Вы хотели русских взять нахрапом?
 Получайте!.. Взрыв – и тишина.
 Словно им заткнули пасти кляпом –
 Ни одна гармошка не слышна!
 Но была крепка фашистов сила.
 Для неё снаряд один – не в счёт.
 Всё живое вновь она разила,
 Орудийный выкосив расчёт...
 Сам в живых остался – просто чудо.
 Эх, поля, чужие и свои!
 Сколько не вернулось нас оттуда,
 Скольких искромсали нас бои...
 Дни и ночи, месяцы и годы,
 Вы тянулись медленной арбой.
 Вы ползли, но Родины невзгоды
 Оставляли в прошлом, за собой.
 Вот уже в немецкое предместье
 Наши танки врезались, пыля.
 Вот уж наше русское возмездье

– Ну, всё. Небось, вам надоело?
 – Нет, дядя Гриша, ты – талант.
 Не просто любишь это дело,
 А настоящий музыкант!

Луг заливной всё шире и зеркальней.
 Метелей, стуж разорван долгий плен.
 Разлив дошёл до рощицы не дальней
 И затопил берёзки до колен.
 Купальщицами с радостным испугом
 Стоят берёзки и чего-то ждут.
 А над водою, над блестящим лугом
 Сияет солнце, облака плывут.

Над тобой, фашистская земля!..
 И однажды майским синим утром
 Шустрый батарец Ерофей
 Новенький, сверкавший перламутром,
 Притащил комбату свой трофей.
 Осторожно (очень бережливый)
 Он открыл футляр, как чемодан.
 – Посмотри, какой струмент красивый.
 На, играй, товарищ капитан!..
 И затишье краткое наруша,
 Зазвенел мотив родной, простой:
 Выходила на берег Катюша,
 На высокий берег, на крутой...
 А когда ударили салюты
 В честь Победы – вспыхнули меха
 Золотом. Счастливые минуты!
 И была та музыка лиха.
 Побросав на землю сумки, ранцы,
 Зная точно: Гитлеру – капут,
 Из союзных армий иностранцы
 Слушали, как русские поют.
 Хотя для многих музыка – чужая,
 Но как статен русский командир!
 Улыбались, радость выражая
 По плечу хлопками: – Bravo! Мир!

– До музыкантов далеко мне...
 Они, сам знаешь, на виду.
 А я лишь так... Войну припомню.
 Возьму – и душу отведу...

// Кузбасс. – 1987. – 22 февраля. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». АПРЕЛЬ.

ЛУГ ЗАЛИВНОЙ*

И синь, и блеск, и ветерок игривый,
 И белизну стволов, и веток вязь –
 Всё отражает чётко гладь разлива,
 Всё в нём живёт, так празднично светясь.
 Как будто для того и в самом деле
 Здесь появилось зеркало воды,
 Чтоб роща, небо увидеть сумели
 Лицо своей весенней красоты.

// Кузбасс. – 1987. – 1 апреля. – С. 4.

* – см. это же стихотворение на с. 34.

ГОЛОС КУЗНЕЦКОГО КРАЯ

Не удержусь, чтобы не процитировать самый свежий отклик «Литературной России» на книгу Геннадия Емельянова «Горячий стаж», вышедшую в издательстве «Советский писатель»: «Пока идут дискуссии о положительном герое и выясняется, нужен он или нет, правомерно ли его появление в современной литературе или, может быть, время сейчас другое, герой этот в реальной жизни есть, и существуют писатели, пристально в него вглядывающиеся. «Чем дольше я живу, – пишет Г. Емельянов, – тем глубже и острее понимаю, что благополучие наше и наше духовное здоровье создают и хранят люди труда, пусть простятся мне эти громкие и избитые слова». С какой неловкостью, даже застенчивостью говорится это, а ведь тема труда – главная в творчестве (а значит, и в жизни) Г. Емельянова.

Герои его очерков «кузнецкие металлурги, люди седые и неброские. Но когда они встают в праздничную колонну, их пиджаки обвисают под тяжестью орденов». Вряд ли можно было бы написать такую книгу, как «Горячий стаж», наезжая в Кузбасс время от времени. Нужно жить рядом с этими людьми и постоянно быть нацеленным на каждое их интересное слово, воспоминание, деталь. Г. Емельянов написал сказочную и героическую летопись дел своих прославленных земляков, с удивлением оглядывающихся на своё немыслимое прошлое, и органически связал эту летопись с сегодняшним днём».

Последние пять лет отмечены бурным ростом Кемеровской писательской организации. Она выросла с 13 до 21 человека, стала одной из крупнейших в Сибири, и процесс этот продолжается. Причём пополнение идёт за счёт внутренних сил. Молодые члены Союза писателей СССР имеют прочные корни на Кузнецкой земле и не стремятся уехать в другие города и веси. Конечно, дело не в количестве. Дело в качественно новом содержании книг и публикаций. Как голос индустриального Кузбасса звучит со всесоюзных трибун? Писатели сегодня могут ответить на этот вопрос достойно. Постоянными авторами журнала «Наш современник» стали прозаики Владимир Мазаев и Владимир Куропатов, поэты **Михаил Небогатов**, Валентин Махалов, Виктор Баянов. Журнал дал новую жизнь творчеству Игоря Киселёва – поэта, безвременно умершего. Его проникновенные гражданские стихи наконец-то замечены критикой.

Подборки стихов Любови Никоновой в журнале «Новый мир» и «Литературной газете», яркие публикации поэтов Иосифа Куралова и Николая Колмогорова в «Сибирских огнях». Эти примеры множатся. Издательство «Современник» выпустило книги прозы Любови Скорик «Часы с кукушкой», Геннадия Естамонова «Своё место», Владимира Конькова «Летят утки и два гуся». В издательстве «Советский писатель» вышел сборник Владимира Мазаева «Жив останусь – свидимся». Его рассказы о войне вошли в антологию «Венок славы». В издательстве «Молодая гвардия» вышла книга прозы Владимира Куропатова «Середина жизни». И в новых планах центральных издательств немало имён кузбасских литераторов. Это Валерий Зубарев, Владимир Иванов, Николай Колмогоров, Любовь Никонова, **Михаил Небогатов**.

В прениях писательского съезда в числе наиболее перспективных прозаиков называется писательница из Юрги Екатерина Дубро, а на последнем пленуме Союза писателей прозвучало имя прозаика Владимира Куропатова. Однако вспомним, что ещё в начале 50-х годов роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая» прогремел на всю страну и был переведён на десятки языков за рубежом, автор стал одним из первых лауреатов Государственной премии в регионе восточнее Урала.

28 апреля 1962 года правление Союза писателей РСФСР принимает специальное постановление «Организовать отделение Союза писателей РСФСР в г. Кемерово». А 14 июня того же года состоялось организационное собрание писателей Кузбасса, которое избрало поэта Евгения Буравлёва ответственным секретарём.

Вот имена первых пяти членов нашей организации.

Александра Никитича Волошина по праву можно считать патриархом литературы земли Кузнецкой. Помимо известного романа о шахтёрах, отмеченного Государственной премией, его перу принадлежат такие произведения, как «Всё про Наташку», «Дороги зовут», «Пойду, командир», «Пора далёкая», «Зелёные дворики», рассказы, пьесы, киноповесть, яркая публицистика. К Волошину тянулись молодые литераторы, и он всегда всем помогал, оберегал каждый росточек таланта, дал путёвку в жизнь многим младшим собратьям.

Геннадий Модестович Молостанов. Как и Волошин, он относится к фронтовому поколению писателей. Он вошёл в литературу романами «Междуречье» и «Их нельзя остановить», есть у него книги

стихов, рассказов. Человек беспокойный, жизнелюбивый, энергичный, он оказал большое влияние на литературный процесс в Кузбассе.

Герберт Генке – поэт, пишущий на немецком языке. Его стихи выходили в переводах Валентина Махалова. Для вступления в члены Союза писателей СССР ему дала рекомендацию Анна Зегерс.

Тамара Ян, известная в литературе как драматург, жила в Кузбассе недолго. Её пьесы шли на сцене Новокузнецкого драматического театра. Вышли её поэтические книги, героями которых стали молодые строители Запсиба.

Евгений Буравлёв вырос в одного из крупнейших поэтов Сибири, создав поэмы «Первая плавка», «Земля». Его стихи навсегда останутся образцом гражданской лирики.

Молодая организация начала свою большую жизнь. К старшему поколению писателей земли Кузнецкой относится Владимир Сергеевич Ворошилов. Военный лётчик, потерявший зрение в воздушном бою, в мирное время стал председателем Кемеровского областного отделения Всероссийского общества слепых. Символичны названия романов, созданных им: «Солнце продолжает светить», «И не погаснет!», «Капля света».

«Повесть о Михайле Волкове» – так назвал своё художественное исследование о первооткрывателе кузнецкого угля писатель Виталий Степанович Рехлов. Позднее из-под его пера выходили исторические повести «Горные рекруты» и «Серебряный рудник».

Первым профессиональным критиком становится Алексей Фёдорович Абрамович, приехавший из Иркутска. Продолжают творить и становятся членами Союза писателей СССР Владимир Измайлов и **Михаил Небогатов**. Серию литературных портретов создаёт в своих книгах писатель Анатолий Николаевич Срывцев. С богатым жизненным опытом пришли в литературу Виль Рудин, Владимир Власов.

Заметной вехой в истории Кемеровской писательской организации следует считать зональный семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала, организованный в Кемерове в 1966 году правлением Союза писателей РСФСР. «Урожай» семинара был обильным. Среди его открытий рассказы междуреченца Виктора Чугунова, звонкие, проникновенные стихи Игоря Киселёва, добротная лирика Валентина Махалова, пьесы из шахтёрской жизни Зинаиды Чигарёвой, роман Олега Павловского, повесть о флотской службе Анатолия Яброва, стихи Павла Майского, сатирические миниатюры Владимира Матвеева... Все они стали профессиональными писателями.

Уехавшие из Кузбасса не оборвали связи с землёй, их вскормившей. Так, Гарий Немченко большинством своих произведений связан с Запсибом, часто приезжает в наши края. Являясь секретарём Московской писательской организации, он стал инициатором творческого содружества писателей Кузбасса и столицы.

Сильной стороной Кемеровской писательской организации следует считать работу с творческой молодёжью. Уже почти 10 лет действует литературная студия «Притомье», которая объединяет таланты всех городов и районов области. Эту работу писатели ведут совместно с обкомом ВЛКСМ, который помогает организационно. На базе студии ежегодно проводятся семинары молодых литераторов. Все лучшие произведения публикуются в альманахе «Огни Кузбасса» и в газете «Комсомолец Кузбасса». Полтора десятка молодых литераторов имеют первые книги и солидные публикации в журналах. За счёт них растёт писательская организация.

Традиционным стал праздник «Дни молодой сибирской поэзии в Кузбассе», на который съезжаются поэты Иркутска, Томска, Омска, Новосибирска, Тюмени, Барнаула, Москвы. Учитывая растущие литературные связи Кузбасса, обком КПСС счёл необходимым помочь в создании у нас бюро пропаганды художественной литературы. Литературные праздники стали более системными, читательские конференции, встречи писателей в рабочих и студенческих аудиториях планируются заранее. Сейчас деятельность бюро распространена на все города и районы области.

Большое значение для литературного движения в Кузбассе, для всей культурной жизни края имели Фёдоровские чтения, которые прошли в Марьевке Яйского района в 1985 году и Чивилихинские чтения, которые состоялись в Мариинске в 1986 году. Большим советским писателям, нашим землякам, поэту Василию Фёдорову и прозаику Владимиру Чивилихину отдана дань глубокого уважения.

В рамках движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры!» окрепли связи творческой интеллигенции Кузбасса и Иркутской области. Установились добрые контакты с писателями Узбекистана. Уже во многих книгах нашла своё выражение дружба с литераторами венгерской области Ноград – побратимом Кузбасса.

В свете решений XXVII съезда КПСС, писательских съездов и пленумов перед литераторами Кузбасса стоят большие задачи по развитию боевого жанра публицистики, усилению гражданского звучания молодой поэзии, созданию драматургических произведений, художественному воплощению истории края. Писатели земли Кузнецкой создают в своих произведениях воистину сибирский характер, характер нашего современника.

Закончить хочется строками нашего замечательного поэта Виктора Баянова, который издал полтора десятка книг в Москве и Кемерове, продолжает трудиться машинистом тепловоза в кемеровском объединении «Азот».

*И все они – шахтёры, машинисты,
Сибирь из тьмы поднявшие рывком,
Слова не рассыпали, как мониста,
И в грудь свою не били кулаком.
Не выходили напоказ, раззванивая
Мол, сибиряк, а не какой иной...*

*Они всегда большое это звание
С достоинством несут перед страной.
Живут трудом. А по труду – награда.
Идут вперёд широким большаком.
«Я сибиряк!» – кричать совсем не надо,
А надо просто быть сибиряком.*

Эти стихи смело можно назвать программными для всех писателей земли Кузнецкой.

Г. ЮРОВ, ответственный секретарь

Кемеровской организации Союза писателей РСФСР.

// Кузбасс. – 1987. – 14 июня. – С. 4.

«СОЗДАЮ ПОРТРЕТ РОДНОГО КРАЯ»...

Нынешней весной собраться по перу и общественность областного центра отметили 50-летие со дня рождения Геннадия Юрова. К этому юбилею Кемеровское книжное издательство выпустило его однотомник под названием «Доверчивое русло», в который вошли избранные стихотворения и поэмы, написанные за период с 1965 по 1986 год.

Пятьдесят лет жизни для поэта – это и много, и мало. Много – на взгляд юного стихотворца, и мало, если смотреть на эту дату, скажем, моими глазами – глазами шестидесятипятилетнего литератора. Но как бы там ни было, определённая часть творческого пути за плечами, поэт подошёл к тому рубежу, с которого нам хочется вместе с ним оглянуться назад, на пройденные вёрсты, на то, с чего всё началось.

В 1964 году молодой журналист Геннадий Юров издал в Кемерове свой первый сборник «Синий факел». Эта поэтическая заявка была благосклонно принята читателями и критикой. Тогда в газете «Комсомолец Кузбасса» я откликнулся на выход сборника рецензией, в которой, в частности, говорилось: Слабость отдельных стихов в первой книжке – дело, видимо, неизбежное. Но такие стихотворения, как «Баллада о поэте», «Исчезнувшие острова», «Синий факел» хочется выучить наизусть. А это свидетельствует прежде всего о том, что Геннадий Юров – поэт, способный создавать произведения, отмеченные самостоятельностью».

Шло время. Юров продолжал много и упорно работать над новыми стихами, и эта работа не была для него лёгкой: поиски своих сокровенных тем и образов не всегда завершались радостными находками, больше было разочарований и неудовлетворённости, которые так естественны и даже закономерны в том случае, когда молодой автор относится к себе и своему труду со всей ответственностью и серьёзностью. Подобные тяжёлые времена переживают не одни молодые литераторы. Вспомним Твардовского, его «За далью – даль»: «Пропал запал. По всем приметам твой горький день вступил в права. Все – звоном, запахом и цветом – нехороши тебе слова... Изведав горькую тревогу, в беде уверившись вполне, я в эту бросился дорогу, я знал, она поможет мне...».

Бросился в дорогу и Геннадий Юров. Не в кратковременную командировку по Кузбассу уехал он, а далеко на Север, чтобы пожить там, поработать, набраться свежих впечатлений. Помогла ли дорога молодому поэту? Можно со всей определённости ответить: помогла, да ещё как! Вернувшись в Кемерово, он привёз с собой не только большой запас тем и замыслов, но и готовые рукописи стихотворений и поэм, которых с лихвой хватит на солидную книгу. В этих произведениях (даже порой в черновых заготовках) перед нами был словно другой Юров, совсем не тот, которого мы знали два года назад. Возмужал, окреп его поэтический голос, шире стал взгляд на жизнь, глубже её

осмысление. Не утратив своих прежних, драгоценных для любого поэта качеств – непосредственности, сердечности, светлого восприятия мира, муза Геннадия Юрова обогатилась зрелостью мысли и чувства и –

что очень важно – обрела силу настоящей гражданственности, которая всегда импонирует читателю, если она к тому же сливается с тонкой лиричностью.

Искренняя любовь от разлуки усиливается. Находясь вдалеке от своей малой родины – Кузнецкой земли, поэт ещё больше полюбил её, нашёл для своих произведений хорошие и точные слова: «За плечо горизонта умчась на колёсах, на полярной машине набрав высоту, помнил я о Томи, где по тихому плёсу плыло детство моё на сосновом плоту». Такими вот непридуманными строчками начинает Геннадий Юров в стихотворении «Берега» свой доверительный поэтический разговор с читателем-земляком о родной Томи, о Кузнецком крае, о Родине, и хочется дослушать его до конца. Говоря о себе, автор не замыкается в узкие рамки лично пережитого, а глядит на мир с позиций поэта-гражданина, патриота своей Сибири, в которой ему близко и дорого то, что любим, чем дорожим мы с вами. «Плыло детство моё в ледовитые дали по валунному руслу, по лунной черте. И меня с двух сторон берега зазывали: левый берег – к удаче, а правый – к мечте». Эти строчки – о берегах – проходят своеобразной мелодией через всё стихотворение, и не случайно: река со своими берегами Мечты и Удачи – это не только текущая вода с отвесными скалами и песчаными отмелями по сторонам, а также образ жизненного пути, по которому устремляется вперёд поэт, а заодно с ним и мы, читатели.

Тернист этот путь – путь на Берег удачи, но, усердно трудясь, поэт шаг за шагом поднимался на береговую высоту. Вскоре появилась у него поэма «Борискин ключ», написанная под впечатлением от пребывания в «ледовитой дали». Затем через небольшие промежутки времени стали публиковаться другие поэмы: «Альма-матер», «Последнее представление Кемеровского цирка», «Песня о городе», «Абориген» и, наконец, «Планета Кемерово». С каждым новым эпическим произведением заметно росло мастерство поэта. Коротких стихов Геннадий Юров какое-то время почти не писал, он нашёл своё призвание как художник именно в эпике, где почувствовал себя, как в родной стихии, свободным, раскованным, способным заинтересовать читателя размышлениями «о времени и о себе».

В ряду крупных поэтических работ наиболее значительной представляется мне поэма «Планета Кемерово» с её ненавязчивым, художественно оправданным рефреном. «Я создаю портрет родного края». В ней то спокойное, то страстное лирико-публицистическое повествование о Кузнецкой земле с её таёжными дебрями и любимой Томью, с её простыми, а также именитыми людьми, которых поэт называет конкретно, и всё это, придавая предельную достоверность рассказу, органично переплетается с автобиографической исповедью. Недаром большой фрагмент из поэмы «Планета Кемерово» полтора года назад был опубликован в популярном московском журнале «Наш современник». Есть в книге «Доверчивое русло» стихотворение «Прощай, сосновый бор!». Читаешь его – и по ассоциации вспоминаешь запись в дневнике Ивана Алексеевича Бунина: «Талант талантом, но всякая сосёнка своему бору должна шуметь. Где мой бор?..». Увы, Бунин завершил свой земной путь вдали от родного бора. У многих же из нас этот бор, своё место на земле, с нами неразлучно. Радостно от этой мысли, и её внушает нам пронизанный образом «родного бора» книга Геннадия Юрова.

Как-то мы разговорились о поэмах Геннадия Юрова со старейшим кузбасским журналистом Иваном Алексеевичем Балибаловым, и он убеждённо сказал, что Юров, конечно же, в числе тех современных русских поэтов, чей «конёк» – эпический жанр, кто известен широкому кругу читателей как мастер-умелец в создании больших художественных полотен – поэм. Я вполне согласен с этим мнением, которое подтверждается новой книгой стихов нашего поэта-земляка.

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1987. – 14 июля. – С. 4.

Календарная страница «Край родной». АВГУСТ.

НА ЗАКАТЕ ЛЕТА

Очень кратко время летнее –
Знает всяк Сибири сын.
Что ни день, то всё заметнее
Пламя трепетных осин.
Повстречаешься с берёзками,
Глянeshь – даже и они
С желтоватыми причёсками

Грустно смотрят в эти дни.
Не успел июль с покосами
Гордо выставить стога,
Как уже густыми росами
Окропились все луга.
Над ложбинами урманными,
Дымку знойную гоня,

Лето плотными туманами
 Виснет чуть ли не полдня.
 И везде – в лесу ли, во поле,
 Где тепло ещё пока, –
 Шум тревожный в каждом тополе
 От порыва ветерка.
 Уж чего б ему тревожиться –
 Дольше всех стоит с листвою,

Но и в ней уже не сложится
 Птичья песня, как весной,
 Опустев, молчат скворечники.
 Лишь на взгорье, у реки
 Всё трещат в траве кузнечики
 Увядающе вопреки!

// Кузбасс. – 1987. – 1 августа. – С. 4.

НА ОКТЯБРЬСКОЙ ОРБИТЕ*

От залпа мощного «Авроры»
 До первых в мире кораблей,
 Что мчатся в звёздные просторы, –
 Вот гордый взлёт страны моей.
 Заря семнадцатого года
 Не угасает никогда.
 Она – в свершениях народа –
 Потомкам светит сквозь года.
 Борясь со злом и кривдой властно,
 Творя добро и красоту,

Октябрь штурмует ежечасно
 За высотой высоту!
 За рубежи родной державы –
 Туда, где мир ещё в ночи,
 Идут лучи Октябрьской славы
 И славы нынешней лучи.
 Октябрь носителем-ракетой
 Мне представляется сейчас –
 Он на орбиту счастья, света,
 Побед великих вывел нас!

// Кузбасс. – 1987. – 7 ноября. – С. 1.

Календарная страница «Край родной». ДЕКАБРЬ.

ТОЛЬКО ГОСТЬ

Не навек мороз к земле припаян,
 Но декабрь зарю сжимая в горсть,
 Думает, что он – земли хозяин,
 А на самом деле – только гость.
 Нынче солнце вроде невидимки –
 Так всегда в сибирской стороне.
 Всё равно оно в морозной дымке,
 Словно друг подмигивает мне.
 Пусть, мол, стужа бесится ночами.
 Ненадолго это. Потерпи.

Скоро я весёлыми лучами
 Разольюсь над лесом, по степи.
 Мол, явлюсь я в срок свой, без отсрочки
 С голубой январской новизной,
 И опять твои простые строчки
 Будут пахнуть близкою весной.
 У околиц, городских окраин
 Пусть декабрь, чья непомерна злость,
 Думает, что он – земли хозяин,
 А на самом деле – только гость.

// Кузбасс. – 1987. – 1 декабря. – С. 4.

* – это же стихотворение см. на с. 33 настоящего сборника.

ПОБЕДА. МИР. ВЕСНА

Праздник радостный, праздник Победы!

Он – как луч, что пробился сквозь беды.

Был бы в мире и холод, и мрак,

Если б не был повержен рейхстаг...

Дни и годы война нас косила,

А взяла своё русская сила!

Много было руин и воронок,

И как воронов злых – похоронок...

Русь развеяла полчища зла!

Вёсен зори от мрака спасла!

Ей за ратные подвиги – слава.

Славься в мире, родная держава!

Нам ты светишь и ночью, и днём

Алым стягом, как Вечным огнём!

// Кузбасс. – 1988. – 9 мая. – С. 1.

СТРОКИ ПАМЯТИ

«Вечерние огни», «Перепёлка» – так назвал кузбасский поэт Михаил Небогатов новые сборники своих стихов, которые готовятся к изданию в Кемерове и Москве. Стихи, которые мы сегодня публикуем, взяты из рукописей этих книг.

Михаил НЕБОГАТОВ.

СОВРЕМЕННИК

Памяти А. Т. Твардовского

Как-то раз, простой и свойский,

Добрый, видно по всему,

Пётр Иванович Замойский

Дал записку нам к нему.

Помню радость, счастье наше,

Той записки лад и склад:

«Дорогой – в ней было – Саша,

Посмотри стихи ребят.

Оба парня – из Сибири.

Мне понравились они.

Может, что-то в «Новом мире»

Напечатаешь? Взгляни!».

Голова ходила кругом.

Но не долог юный пыл.

Для кого-то он был другом,

А для нас – великим был.

Серебрились солнца блики.

Мы задумались в пути –

И к тому, кто был великим,

Не осмелились пойти.

Творцы картин, симфоний, книг ли –

Все эти люди среди нас,

И мы настолько к ним привыкли,

Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких – не в новинку,

Зато о прошлом как грустим:

Тот счастлив был, кто видел Глинку,

Встречался с Пушкиным, Толстым!

Вот так, склонясь над «Тихим Доном»

Иль шуткам Тёркина смеясь,

Не раз со вздохом затаённым

Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливы,

С кем шли бок о бок до конца

И житель Вёшенской станицы,

И автор «Книги про бойца»...

СЛУЧАЙ С СУВОРОВЫМ

Суворов, преданья гласят,

В часы и привалов, и схваток

Ценил, чтобы каждый солдат

В ответах был точен и краток.

Однажды ему довелось
 Столкнуться с воякой бывалым.
 В упор задаёт он вопрос,
 Любуясь воинственным малым:
 «Откуда? Куда? И зачем?».
 А встречный прямою наводкой
 Чеканит по правилам всем:

– Из лагеря!
 – В город!
 – За водкой!
 И «водкой» смущённый на миг,
 Но рад боевому ответу,
 Нахмурясь притворно, старик
 Вручает вояке монету...

ПСЕВДОНИМ

И я имел когда-то псевдоним.
 Однажды, предложив стихи газете,
 Я подписался: «Ключевой Вадим».
 Как хорошо слова звучали эти!
 «Фамилии отцовской изменил! –

Корил себя потом, газету спрятав.
 – С чего Вадим,
 Когда ты – Михаил?
 Чем хуже Ключевого
 Небогатов?...».

// Кузбасс. – 1988. – 4 сентября. – С. 3
 (Воскресный выпуск).

Издано в Москве

СВЕТ В ОКНЕ

В московском издательстве «Современник» только что вышла в свет книга избранных стихотворений Михаила Небогатов – одного из старейших поэтов Кузбасса.

Сорок пять лет работает в литературе Михаил Небогатов. Работает плодотворно, накопил большой творческий опыт. Стихи Михаила Небогатов читатель полюбил за предельную простоту и открытость. Критика не раз отмечала, что ему особенно удаётся пейзажная лирика. Природа в поэтическом изображении Небогатов – не плакатная, а живая, воедино слитая с духовным миром влюблённого в неё человека.

Михаил Небогатов дал мне возможность познакомиться с отзывами «внутренних» рецензентов и редактора книги издательства «Современник». Вот строки Т. Никологородской: *«Лучшие стихи М. Небогатов – негромки, мягки, благородны... Автор не столько отвечает на вопросы, сколько задаёт их, он как бы приглашает нас к несуетному раздумью, сочувствию. В минуту откровения он с благодарностью и грустью любит каждый человеческий лицом, каждым прожитым мгновением... Автор чуток к образному слову, ему вняты классические традиции И. Бунина, А. Твардовского.*

Наконец, редко кто так умеет писать стихи о любви к женщине, как М. Небогатов. Очень индивидуален он в этой теме. Любовь как тревога за жизнь близкого человека... Для него не существует избитой темы разочарований, вечно оправданного предательства, мелочной ревности. Любить – для М. Небогатов понятие пожизненное, независимое, как жажда свободы или материнства...».

А вот какие особенности в творчестве нашего земляка отмечает рецензент В. Артёмов: *«Наиболее удаются М. Небогатову лирические стихи о природе. Они в большинстве случаев одухотворены присутствием человека. Это не просто пейзажные зарисовки, а именно чувствующая, живущая природа. Автору удаётся тонко и точно передать настроение, состояние человека, связь его с окружающим миром. Привожу полностью стихотворение «Перепёлка»:*

Опустело на просёлке.
 Сна глубокого пора.
 Только голос перепёлки
 Не смолкает до утра.

Только ей одной забота:
 Всю-то ночь она, как мать,
 Непослушного кого-то
 Уговаривает спать.

Заключительное слово о рукописи только что вышедшей книги сказал член редакционного совета издательства «Современник» известный поэт Юрий Пашков: *«Автор принадлежит к поколению фронтовиков. И закономерно, что в книгу включена большая группа стихотворений, навеянных воспоминаниями о войне. Об этом тома и тома написаны. И всё-таки у непосредственного участника событий всегда есть в запасе такое, о чём никто ещё не говорил. Или говорил, да не так. Вот точное воспоминание: «И то надолго память сберегла, как раненый я пил из чёрной лужи. Что может быть на взгляд обычный хуже? Но помню: лужа сладкою была!». В стихотворении «Он был на фронте все четыре*

года» трогательно и правдиво рассказывается о женской верности. Душа, очищенная военными испытаниями, не терпит даже мелкой фальши, даже малого отступления от истины...

Это требование неурезанной правды выражено в цикле стихотворений, которые посвящены размышлениям о назначении поэзии. Автор стоит за то, чтобы поэт не прятался за своего лирического героя, не изображал того, что не пережил...».

Я так много уделил внимания издательским рецензиям потому, что они в какой-то мере оценивают не только книгу, но и творческий путь поэта.

Михаил Александрович родился в 1921 году в Гурьевске. Участник Великой Отечественной войны, награждённый орденами «Красной Звезды» и Отечественной войны первой степени. Книга «Перепёлка» – первая, вышедшая в Москве, – у него тринадцатая по счёту.

Ф. ДЁМИН.

// Кузбасс. – 1989. – 5 марта. – С. 6

(Воскресный выпуск).

Издано в Кемерове

КАК ХОРОША ЗЕМЛЯ МОЯ РОДНАЯ!

В творческой жизни Михаила Небогатова нынешний год стал самым «урожайным». В московском издательстве «Современник» увидела свет книга избранных стихотворений «Перепёлка», а в Кемерове вышел сборник «Вечерние огни». Содержание новой книги – это воспоминание о детстве и юности, о дорогах войны, о творческом пути. Читателя, как всегда, порадует умение поэта на редкость точно выразить различные состояния человеческой души и природы, в чём-то даже наивный взгляд на мир лирического героя. Кредо самого писателя: «Ни мысли нет, ни чувства нет такого, чтоб не сумело выразить их слово».

Сборник можно разделить на три раздела: детские годы, фронтовые дороги и стихи о родной природе. Уместно бы сопроводить книгу словами так любимого Небогатовым Александра Твардовского: «Спасибо, земля родная, спасибо, мой отчий дом, за всё, что от жизни знаю, что в сердце ношу своём».

Небогатов принадлежит к поколению фронтовиков, и вполне закономерно, что в книгу включено до 40 стихотворений, навеянных воспоминаниями о войне. Он знает о ней не понаслышке, сам вначале был рядовым, а затем офицером, командовал взводом ПТР.

О войне написано много. И всё-таки у непосредственного участника событий всегда есть ещё в запасе что сказать. «Я видел раз воздушный бой» как-то по-своему о взаимовыручке: наш лётчик кружит над своим товарищем и не даёт фашистским стервятникам расстрелять советского пилота, который спускался на парашюте.

В стихотворении «Он был на фронте все четыре года» трогательно и правдиво рассказывается о женской верности. Привожу это стихотворение полностью:

Он был на фронте все четыре года

За много вёрст от дома своего.

Жена-солдатка в ящике комода

Хранила кепку старую его.

Когда тоска особенно сжимала,

Она, чтоб удержать себя от слёз,

Ту кепку доставала и вдыхала

Родимый запах пота и волос.

Душа, очищенная военными испытаниями, не терпит даже мелкой фальши, даже малого отступления от истины.

Михаил Небогатов многие годы был наставником кузбасского поэта-самородка Виктора Баянова. Вот что говорил Баянов о своём старшем товарище по перу: «Михаил Небогатов – поэт своеобразный. Стих его открытый, предельно простой, требующий от поэта большого труда для сохранения в нём поэтического напряжения». Подтверждением этих слов служит творчество Михаила Небогатова – человека, влюблённого в свой край. Ему дорога каждая чёрточка, любая мелочь. Он приглашает нас полюбоваться клеверным полем, лугом, речкой, лесом. И это не отвлечённая природа! Михаил Александрович наполняет стихи собственными наблюдениями, впечатлениями. Для него природа не просто объект созерцания, а живой мир, который отзывается на боль и нуждается в защите: «И что звалось красавицей-тайгой, теперь зовут строительной площадкой». Вот строки из другого произведения:

Шёл человек полями и лесами.

Смотрел на мир влюблёнными глазами.

*Как хороша земля его родная
И в зимний день, и в день цветущий мая,
Как в этом мире радостно дышать...*

За сорок пять лет творческой деятельности Небогатова увидели свет его сборники «Солнечные дни» (1952 г.), «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям» (1957 г.), «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.), «Родные просёлки» (1963 г.), «Майский снег» (1965 г.*), «Свет в окне» (1969 г.), «Спасибо сентябрю» (1972 г.), «Земной поклон» (1976 г.), «Земля моя добрая» (1984 г.), «Вечерние огни» (1989 г.). Все тринадцать** книжек вышли в нашем областном издательстве. К этому следует добавить избранные стихотворения, которые вышли 10-тысячным тиражом в московском издательстве «Современник». Стихи Небогатова печатались в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», в альманахе «Литературный Кузбасс», во многих коллективных сборниках, центральных газетах «Труд», «Комсомольская правда», в местных – «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», в журналах «Крестьянка», «Советский шахтёр».

Ко всему сказанному надо добавить, что Михаил Небогатов много сил и энергии отдаёт начинающим литераторам, их лучшие сочинения рекомендует для публикации в областных изданиях. В молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» ведёт постоянный раздел «Литературная мастерская». И продолжает успешно заниматься главным делом своей жизни – пишет стихи.

Ф. ДЁМИН.

// Кузбасс. – 1989. – 3 августа. – С. 4.

* – «Майский снег» вышел в 1966-м, а не в 1965-м году;

** – в областном издательстве вышло 13 книжек, включая сборник «Лето» (1981 г.) (Примечания Н. Инякиной)

*** *** ***

**Михаил Александрович
НЕБОГАТОВ**

Скончался Михаил Александрович Небогатов, известный кузбасский поэт, член Союза писателей СССР. Остановилось сердце человека, самозабвенно посвятившего жизнь родной русской поэзии, преданного сына земли Кузнецкой.

М. А. Небогатов родился в г. Гурьевске в 1921 году. В раннем возрасте после окончания семилетки начал трудовую жизнь. С первых дней Великой Отечественной войны он – в действующей армии.

Именно здесь, на передовой, в горниле боёв родились его первые стихи, посвящённые мужеству советского солдата. В 1943 году после тяжёлого ранения офицер Небогатов был демобилизован, стал военруком в ремесленном училище.

Впервые стихи Михаила Небогатова были опубликованы в газете «Кузбасс» в 1945 году. А вскоре он стал литсотрудником редакции, где проработал одиннадцать лет. Был Небогатов и корреспондентом областного радио, и редактором Кемеровского книжного издательства.

Но главным делом его жизни стала поэзия. Первая книга поэта «Солнечные дни» вышла в Кемерове в 1952 году. Затем увидели свет более десяти поэтических сборников Небогатова, изданные в Кемерове и Москве.

«В поэзии готов стоять горой за то, чтоб быть всегда самим собою...», – написал как-то в одном из своих лирических стихотворений Михаил Александрович. И никогда не отступал от этого принципа. Его стихи были неподвластны «новомодным» течениям, они всегда были ясны и чисты. И в строках о родной земле Кузнецкой, о мирном небе, сибирской природе всегда отчётливо и непреходяще звучали отголоски минувших боёв. Сердце поэта-фронтовика не могло забыть ту суровую пору.

Много сил отдавал Михаил Александрович работе с молодыми литераторами. Немало ныне известных поэтов по праву называют его своим первым литературным наставником.

Светлая память о человеке удивительно доброй души, певце Сибири, кавалере многих боевых наград Михаиле Александровиче Небогатове останется в сердцах тех, кто его знал. Его стихи остаются с читателями. Его стихи продолжают жить.

Группа товарищей.

Кузбасс. – 1990. – 23 марта. – С. 4.

//

**Михаил
Александрович
НЕБОГАТОВ**

Скончался Михаил Александрович Небогатов, известный кузбасский поэт, член Союза писателей СССР. Остановилось сердце человека, самозабывшего посвятившего жизнь родной русской поэзии, преданного сына земли Кузнецкой.

М. А. Небогатов родился в г. Турьинске в 1921 году. В раннем возрасте после окончания семилетки начал трудовую жизнь. С первых дней Великой Отечественной войны — в действующей армии. Непрерывно здесь, на передовой, в горькие боевые родились его первые стихи, посвященные мужеству советского солдата. В 1943 году после тяжелого ранения офицер Небогатов был демобилизован, стал воспитателем ремесленного училища.

Впервые стихи Михаила Александровича были опубликованы в газете «Кузбасс» в 1945 году. А вскоре он стал литературным редактором областной газеты, где проработал одиннадцать лет. Был Небогатов и корреспондентом областного радио, и редактором Кемеровского книжного издательства.

Но главным делом его жизни стала поэзия. Первая книга поэта «Солнечные дни» вышла в Кемерове в 1952 году. Затем увидела свет более десяти поэтических сборников Небогатова, изданные в Кемерове и Москве.

«В поэзии готов стоять горой за то, чтоб было всегда самым добрым», — говорил как-то в одном из своих лирических стихотворений Михаил Александрович. И никогда не отступал от этого принципа. Его стихи были неподвластны «новомодным» теченьям, они всегда были ясны и чисты. И в строках о родной земле Кузнецкой, о мирном небе, сибирской природе всегда слышалось и непреходящее звучание отголоски мемуарных бо-ев. Сердце поэта-фронтовика не могло забыть ту суровую войну.

Много сил отдавал Михаил Александрович Небогатов работе с молодыми литераторами. Немало ныне известных кузбасских поэтов по праву называют его своим учителем, своим первым литературным наставником.

Светлая память о человеке удивительно доброй души, певце Сибири, кавалере многих боевых наград Михаиле Александровиче Небогатове останется в сердцах тех, кто его знал. Его стихи остаются с читателями. Его стихи продолжают жить.

Группа товарищей.

Литературно-художественное издание

Михаил АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

**«ДОБРОТА ЧУВСТВ», или
ДУША ПОЭТА**

По страницам газеты «Кузбасс»